

РЕВОЛЮЦИИ

1917 ГОДА В РОССИИ
КАК СЕРИЯ ЗАГОВОРОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
КОЛПАКИДИ А.И.

Annotation

1917 год стал роковым для Российской империи. Левые радикалы (большевики) на практике реализовали идеи Маркса. «Белогвардейское подполье» попыталось отобрать власть у Временного правительства. Лондон, Париж и Нью-Йорк, используя различные средства из арсенала «тайной дипломатии», смогли принудить Петроград вести войну с Тройственным союзом на выгодных для них условиях. А ведь еще были мусульманский, польский, крестьянский и другие заговоры...

Обо всем этом российские власти прекрасно знали, но почему-то бездействовали. А ведь это тоже могло быть заговором...

Из-за того, что все заговоры наложились друг на друга, возник синергетический эффект, и Российская империя была обречена.

Авторы книги распутали клубок заговоров и рассказали о том, чего не написано в учебниках истории.

-
- [Революции 1917 года в России как серия заговоров](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Е. А. Прудникова](#)
 - [А. И. Колпакиди, Г. В. Потапов](#)
 - [Ю. И. Мухин](#)
 - [С. Г. Кара-Мурза](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [К. А. Черемных](#)
 - [И. С. Ратьковский](#)
 - [Часть третья](#)
 - [В. Ж. Цветков](#)
 - [Г. Потапов](#)

- [О. Шишкин](#)
- [С. Г. Коростелев](#)
- [Л. Гурджиев](#)
- [В. Галин](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)

- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)

- [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
-

**Революции 1917 года в России
как серия заговоров
*Сборник***

Часть первая
Большевики: нас было мало...

Е. А. Прудникова

Конкретика успешного переворота

До чего же трудно бороться с послезнанием! Мы знаем, что было потом, и это заставляет искать в словах и событиях скрытое значение, которого, когда все совершалось, там и не было вовсе. Как, зная послеоктябрьскую историю, не поверить, что стоило Ленину открыть рот — и окружающие замирали в молитвенном восторге? Но ведь не было этого! И власть оказалась в руках большевиков не потому, что в них видели спасителей Отечества — этих спасителей тогда было хоть лопатой гребить! — а потому, что Ленин и большевистская партия предприняли вполне конкретные усилия для того, чтобы эту власть получить. Она, конечно, валялась на земле, но вокруг стояла куча народу, следившего, чтобы ее кто-нибудь не поднял в одиночку. Никто не хотел брать ее себе, но всем хотелось поучаствовать. И уж отдать власть какой-то мелкой экстремистской тусовке, да еще готовой опозорить страну сепаратным миром?..

Так что все это было далеко не так просто и естественно, как кажется теперь, когда мы знаем, что будет дальше....

Как следует поступить, если хочешь хорошенько спрятать какую-либо вещь? Правильно, положить ее на самом видном месте. Как, собственно говоря, и получилось с Лениным. Он никогда не скрывал своих намерений, озвучивая их прямо и честно — а его либо не слушали, либо не верили. Ведь политические радикалы — это практически всегда партии «сослагательного наклонения». Легко говорить: «Вот если бы мы пришли к власти, мы бы...» и выдвигать самые безумные лозунги, когда ты знаешь, что власть

тебе не грозит ни при каком раскладе. Даже в партии далеко не все до самого дня 25 октября понимали, что Ленин на самом деле собирается брать власть — а уж как он это намерен сделать и какой власти он хочет...

3 апреля 1917 года знаменитый plombированный вагон, битком набитый российскими политэмигрантами самых разных мастей, припарковался в Петрограде. В то время видные деятели Совета считали для себя обязательным встречать каждого приезжающего политика — вот и Ленина встретил на Финляндском вокзале собственной персоной председатель ЦИК^[1] Чхеидзе. В качестве приветствия он прочитал целую нотацию: от имени Совета он рад приветствовать Ленина в России, но «мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...» и т. д., и т. п.

Ленин на протяжении речи Чхеидзе разглядывал потолок, стены, окружающих, потом повернулся к «своим» встречающим и ответил следующее: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... народы обратят оружие против своих эксплуататоров — капиталистов...» И далее в том же духе. Первый контакт двух русских революций — февральской и октябрьской — состоялся. И сразу стало ясно, что им совершенно не по пути.

Уже на следующий день на совещании большевиков — членов всероссийской конференции Советов Ленин выступил со знаменитыми апрельскими тезисами.

Пунктом первым там шел самый главный на то время вопрос — о войне. Единственным реальным выходом из войны для России был сепаратный мир, который большевики, придя к власти, тут же бестрепетно заключили. Однако говорить о сепаратном мире, только что проехав через Германию, было, мягко говоря, неразумно. Поэтому Ленин делает хитрый финт, заявляя, что заключить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения власти капитала. А раз власть капитала не свергнута, так не о чем и разговаривать. Будем работать в этом направлении, пропагандируя такие взгляды, в том числе и в действующей армии. Далее по тезисам: никакой поддержки Временному правительству, переход власти к Советам — снизу доверху и по всей России. Конфискация всех помещичьих земель, национализация всех земель в стране, слияние всех банков в один общенациональный банк, контроль за производством и распределением — ну, и еще по мелочам, вроде перемены названия партии с социал-демократической на коммунистическую. Прямо скажем: большевистский лидер не собирался стрелять из пушки по мухам. Хотя тогда его идеи расценили как попытку подбить из рогатки броненосец.

5 апреля состоялось совещание представителей социал-демократических партий, где эти тезисы бурно обсуждались. «Отец русской социал-демократии» Плеханов назвал ленинскую программу «грёзофарсом» — бредом сумасшедшего. И кто бы с ним не согласился? Впрочем, терять большевикам было нечего, с такими идеями политический капитал они могли приобрести нештучный, а там посмотрим. Время на дворе стояло веселое с явным дрейфом в сторону безумия, а в такой обстановке расклады случаются самые неожиданные.

Так дальше и шло. 3 июня открылся первый съезд Советов. Он был насквозь социалистическим: из 822

делегатов с решающим голосом 285 мандатов имели эсеры, 248 — меньшевики, 105 — большевики, остальные — разные мелкие организации. И вот когда видный меньшевик Церетели, давая очередную характеристику положения дел, вещал с трибуны: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», — Ленин выкрикнул из зала свое знаменитое: «Есть такая партия!» Его заявление встретили смехом — но смутить Ильича было задачей непосильной. Он вышел на трибуну, заявив: «Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу». И, ничтоже сумняшеся, стал излагать «апрельские тезисы». Ну прямо Жириновский образца 1917 года!

Однако была у данной политической клоунады и обратная сторона, совсем не смешная. Это, кстати, хорошо понимали «союзники». Уже 3 апреля английское посольство сообщило в российское Министерство иностранных дел: «Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде». А кроме личных качеств вождя надо учитывать, что за ним стояла отнюдь не парламентская «говорильная» партия. Кроме сидевшего за границей теоретико-политического руководства, РСДРП(б) имела не слишком большую, но очень качественную организацию в России, которая двадцать лет (!) целенаправленно занималась организацией рабочего движения. Причем действовали большевики отнюдь не петициями: в их арсенале были стачки, саботаж, теракты, уличные бои. За спиной у Ильича стояли такие «зубры» нелегальной работы, как члены Русского бюро ЦК^[2] Коба (Сталин) и Андрей Уральский (Свердлов), освобожденный в марте из Бутырской тюрьмы Юзеф (Дзержинский) и

множество подобных фигур меньшего калибра, но в том же стиле: мало слов, много дела.

Эта двойственность, сочетание политически грамотной верхушки и конспиративно-боевых низов, делала организацию совершенно непредсказуемой и действительно опасной, ибо у нее была и голова с бродившими в ней «грёзофарсами», и руки, которые могли заняться их реализацией. Но насколько опасной — не понимало даже большинство членов ЦК, мысливших все-таки парламентскими категориями.

А время шло. Отгремели июльские беспорядки, торжественно провалился корниловский мятеж, Россия была объявлена республикой. Армия рассыпалась на глазах, по всей стране пылали помещичьи усадьбы. Росла и ширилась великая русская смута, а в столице пиром во время чумы кипели политические дебаты.

Ленина «сносит» влево

По мере развития революции Россия дрейфовала в левую сторону политического спектра. Из правительства уходили представители буржуазных партий, их портфели подхватывались социалистами — эсерами и меньшевиками. Впрочем, войдя в правительство, они не делали ничего такого, что можно было бы ожидать от представителей социалистических партий, оправдываясь тем, что не имеют возможности защищать интересы трудящихся («хочу, но не могу»). Большевики в правительство не входили и не собирались («не могу, а значит, не стану») — обычная, в общем-то, позиция для политических радикалов: свобода критики и никакой ответственности. Советы также являлись эсеро-меньшевистскими — хотя после подавления корниловского мятежа и началась их большевизация, но ВЦИК^[3] пока оставался прежним.

Ленин, сидевший в Гельсингфорсе, со всем пылом пресекал любые попытки своих деятелей работать в одной упряжке с социалистами, называя тех «социал-предателями» (и было за что!) Тем не менее, когда в ходе подавления корниловского мятежа стихийно возникла коалиция с эсерами и меньшевиками, он эту коалицию задним числом одобрил и даже написал несколько соответствующих статей, начиная с известной работы «О компромиссах». Причина внезапной уступчивости Ильича была проста: развитие событий его вполне устраивало. «Компромисс» с социалистами, к которому призывал Ленин, он видел в следующем: Советы берут власть в свои руки и формируют правительство, состоящее из советского большинства — меньшевиков и эсеров, не допуская в него кадетов и прочих представителей буржуазных партий. Большевики, так уж и быть, в правительство не войдут, удовлетворившись только свободой реализации своей программы — то есть, продолжают агитировать, выдвигая безумные сверхпопулистские лозунги, наживая политический капитал и спокойно ожидая революции на Западе. По Марксу, начать должен был именно Запад, так что Россия могла особо не спешить.

Примерно в таком духе Ильич написал целую серию статей, чем дал ЦК и Петроградскому комитету богатую пищу для политических дискуссий — и большевистские политики этим старательно занимались. Пока все это обсуждалось, РСДРП(б) вела себя мирно: ее представители честно участвовали в заседаниях разнообразных органов власти и комитетов, старались обеспечить как можно более солидную фракцию на Демократическом совещании, которое должно было определить состав правительства новорожденной Российской демократической республики (его открытие было назначено на 14 сентября). Они, конечно, всюду агитировали за полный разрыв с буржуазными

партиями, но торжественных уходов из зала заседаний, переходящих в забастовки протеста, не устраивали — хотя бы и на том спасибо.

И вдруг 15 сентября Ленин прислал инструкции, от которых ЦК впал в ступор: Ильич внезапно перевернулся на крайний левый фланг и начал требовать немедленной подготовки вооруженного восстания.

Что же произошло? Очень простая вещь: социалистические лидеры оказались не глупее Ленина и соглашались на большевистский «компромисс» не собирались. Эсеро-меньшевистское правительство? Это чтобы они за все отвечали, а большевики прятались за их спины? Правый меньшевик Марк Либер выразил эти страхи четко и афористично: «Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы вам не очутиться на ней одним». Боялись, однако, и еще как!

Уже 9 сентября правые социалисты Дан, Церетели и прочие, иже с ними, заговорили о новой коалиции с буржуазными партиями^[4]. Большевистские политики пытались им возражать, начав увязать в изначально бесплодных дискуссиях с социалистическим большинством. ЦК РСДРП(б) собрался привычно уйти в оппозицию и с новым пылом предаться агитации и пропаганде, чем он занимался уже полгода. В общем, положение для радикальной партии было достаточно выигрышное. И тут Ленин шарахнулся на левый фланг, потребовав бросить всю эту ерунду и начать подготовку к вооруженному восстанию.

Людей, входивших в состав ЦК, трудно было шокировать — однако Ленину это удалось. (У меня есть подозрение, что самым большим шоком для них стало осознание того, что Ленин не просто говорит о приходе к власти, а всерьез собирается ее брать.) Их вождь оказался не радикальным политиком, и даже не

авантюристом высшей пробы, а полностью «отмороженным» деятелем, который искренне не понимал: почему не взять власть, если можно ее взять? Будем идти по этому пути столько, сколько продержимся. Последствия? Да плевать на последствия! Войдем в историю, как вошла в нее Парижская коммуна, и пусть на нашей крови поднимется новое поколение революционеров!

Да и партийные низы подпирали. Двадцать лет вожди говорили им о социалистической революции — и теперь пришло время «отвечать за базар». Иначе большевистские лидеры потеряли бы лицо перед собственным личным составом — и кому бы они были после этого нужны? И вот социалистическая революция внезапно сошла со страниц толстых томов партийных теоретиков и испытующе уставилась в лицо: ну как, товарищи, рискнете? Кишка не тонка?

Стра-ашно!

Едва получив новые ленинские письма, 15 сентября ЦК собрался на специальное заседание. Сталин (вообще-то верный ленинец, но вписывавшийся в повороты вождя с некоторым запозданием, поскольку не имел привычки подчиняться, не раздумывая) предложил отправить письма на обсуждение в наиболее крупные первичные организации (вот и пойми — он за ленинские идеи или против?), однако получил сплоченный отпор остальных членов ЦК, от Каменева до Троцкого. В партии имелось огромное количество леваков, которым только ленинской поддержки и не хватало, чтобы немедленно перейти к захвату вокзалов и уличным боям. Более того, дабы информация не просочилась случайно, постановили все копии писем сжечь, оставив только по одному экземпляру, и упорно продолжали печатать в «Рабочем пути»^[5] старые

ленинские работы эпохи «компромисса» (то есть двухнедельной давности).

Какое-то время так все и шло: Ленин требовал немедленного выступления, ЦК саботировал. Но ведь Ленин писал не только ЦК, а и Петроградскому, и Московскому комитетам. Информация постепенно просачивалась на более низкий партийный уровень, да и члены ЦК постепенно привыкали к новому курсу — и в начале октября дискуссия о целесообразности вооруженного восстания как-то незаметно подменилась дискуссией о его сроках. Ждать ли Второго Всероссийского съезда Советов, который должен был собраться в середине октября, или действовать независимо?

Ленин к тому времени успел из Гельсингфорса перебраться в Выборг, поближе к столице, по-прежнему говорил, что «промедление смерти подобно» и требовал брать власть тотчас, немедленно.

Сведения об этих спорах, несмотря ни на какую конспирацию, тут же попадали на страницы газет — от черносотенных до анархистских. Дебаты внутри большевистского руководства гремели на всю столицу. После того, как 7 октября большевики торжественно ушли с первого же заседания Предпарламента^[6], о том, что они готовят восстание, говорили в каждой очереди, в каждом трамвайном вагоне и на каждом уличном митинге.

Кто же так дела-то делает? Тоже мне, конспираторы с двадцатилетним стажем!

Странные телодвижения партии большевиков

7 октября Ленин, наконец, добрался до Петрограда. 8-го числа, отдохнув с дороги, он принялся за дела, и уже 10 октября ЦК принял решение о восстании. А

информация все продолжала утекать в какие-то непонятные дыры. Уже через день левозэсеровская газета «Знамя труда» разъясняла читателям, почему немедленное восстание — это плохо. 15 октября газета Горького «Новая жизнь» посвятила большую статью рассуждениям на тему — поддерживают или не поддерживают массы призывы большевиков взять власть силой.

В тот же день, 15 октября, тем же вопросом озаботилось и большевистское руководство. В этот день состоялось еще одно заседание ЦК, на которое были приглашены представители от районов, доложившие о готовности — а точнее, о неготовности к восстанию. Американский историк Александр Рабинович так описывает этот драматический момент: «Общее положение дел в казармах, на фабриках и заводах часто представлялось столь неутешительным, что не могло не обескураживать многих большевиков... В выступлениях участников собрания звучала тревога по поводу явной пассивности очень многих рабочих и солдат. Вопрос в том, захотят ли они подвергать себя риску потерять работу, быть немедленно отправленными на фронт, оказаться в тюрьме или даже пожертвовать жизнью, отозвавшись на призыв большевиков к вооруженному выступлению, когда на днях должен был собратся Всероссийский съезд Советов. Лишь восемь из девятнадцати представителей районов говорили о том, что массы настроены побоевому и готовы выступить в любой момент. Шесть представителей районов сообщили, что у них преобладали безразличие и выжидательные настроения, а пятеро без обиняков заявили, что у масс нет никакого желания выступить...

В сообщениях из районов на заседании 15 октября прозвучала также озабоченность многих большевиков отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной

общей технической подготовки восстания. Почти все выступавшие говорили о серьезных трудностях с организацией красногвардейских отрядов и о нехватке оружия и боеприпасов. В целом выступления сводились к тому, что пока еще не был создан орган, который эффективно осуществлял бы подготовку к восстанию. Представитель Нарвского района С. М. Гессен сдержанно говорил о самороспуске боевых сил, очевидно созданных в дни корниловского мятежа, в связи с отсутствием боевых центров. Винокуров, который с оптимизмом рассказывал о настроениях рабочих в Невском районе, признал тем не менее, что отряды Красной гвардии не были созданы в районе и что „организационным аппаратом мы похвастаться не можем“. Прохоров прямо заявил: „С Красной гвардией дело обстоит плохо... Вообще в районе полный развал“. Представитель Шлиссельбургского района сообщил, что красногвардейский отряд в районе был организован, но записывались в него неохотно в связи с нехваткой оружия»^[7].

Тем не менее ЦК, еще совсем недавно саботировавший призывы Ленина, на следующий день всего при двух голосах против проголосовал за восстание. И как это прикажете понимать? Либо все ЦК внезапно охватило коллективное помешательство, либо... что?

И тут двое противников «общей линии» — члены ЦК Зиновьев и Каменев — учудили такое, что с позиций партийной этики не лезло ни в какие ворота. Мало того, что они не подчинились решению ЦК, они еще и выступили со статьей, направленной против восстания, все в той же газете Горького «Новая жизнь».

Каменев писал в «Новой жизни»: «Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении я и товарищ Зиновьев обратились к крупнейшим организациям

нашей партии... с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие сроки... Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент... независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для революции шагом».

Из этого письма неукоснительно следовал вывод, что большевики, несмотря на все возражения собственных правых, решили выступить, не дожидаясь съезда. А до съезда оставалось всего три дня!

Тут нечто совершенно несообразное с позиции элементарного здравого смысла сотворил и сам Ленин. Он обрушился на Зиновьева и Каменева в большевистской печати, но как?! Вы думаете, он, как любой приличный лидер, готовящий переворот, стал уверять всех, что никаких восстаний не замышлялось? Ничего подобного! С таким заявлением выступил почему-то Петроградский Совет, о котором и речи не шло, а главный виновник торжества нес что-то невразумительное. Он написал письмо «к членам партии большевиков», где говорил:

«По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое „видных большевиков“ в непартийной печати... нападают на неопубликованное решение центра партии!.. И по такому вопросу после принятия центром решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Родзянко и Керенскими, в газете непартийной...» И т. д., и т. п. Какой из всего этого следовал вывод? Только один: решение все же состоялось, и большевики намерены выступить. А состоится выступления 20 октября, не дожидаясь открытия съезда.

Ленин рвал и метал, требовал исключения обоих предателей из партии. Однако дело кончилось всего лишь тем, что провинившимся запретили выступать от имени партии — причем уже через несколько дней Каменев, несмотря на все запреты, преспокойно участвовал в митингах. Как известно, на дальнейшей карьере «штрейкбрехеров» их выходка не отразилась — оба если и выходили из ЦК, то по своей воле и спустя несколько лет оказались в Политбюро, высшем органе, руководившем страной. И это при том, что куда меньшие провинности в большевистской партии карались пулей.

Ну, и как все это прикажете понимать?

...Шум вокруг страшных большевистских приготовлений стоял невообразимый. Между тем действовали большевики куда умеренней и аккуратней, чем говорили. 10 октября Ленин громогласно призывал не дожидаться Всероссийского съезда Советов и выступать, опираясь на съезд Советов Северной области, который должен был открыться на следующий день. При этом почему-то он нимало не озаботился проблемами готовности партии к восстанию. Как-то так получалось, что выступление — само по себе, а подготовка — сама по себе. Естественно, мгновенно произошла утечка информации, и во время съезда население Петрограда с замиранием сердца ждало, когда же начнется — однако ничего не началось. То есть вообще ничего — ни стрельбы на улицах, ни призывов делегатов-большевиков к съезду провозгласить себя властью. Даже чрезвычайно левая «военная организация» партии («Военка») вела себя в высшей степени прилично.

Не успели разъехаться делегаты, как грянул скандал с Зиновьевым и Каменевым, еще на несколько дней приковав внимание общественности: ну вот, сейчас уж точно будет стрельба! Газеты, каждая из

собственных «абсолютно достоверных» источников, публиковали «совершенно точные» планы большевистского восстания. Командующий гарнизоном полковник Полковников дал приказ войскам гарнизона принять участие в охране порядка. Время шло, наступило и прошло двадцатое октября — и опять ничего! Шуму много, а дела вовсе и нет никакого. Если, конечно, не считать делом поднятый вокруг всех этих планов шум.

Неужели кто-то думает, что столь опытный и осторожный политик, как Ленин, не понимал: куда выгоднее брать власть, опираясь на Всероссийский съезд, чем на голую силу? Или что он полагал: можно вот так просто, без всякой подготовки, взять и провести восстание — сегодня принять решение, а завтра, не имея ни штаба, ни вооруженных формирований, выкинуть из Зимнего дворца правительство? Нет, обо всем этом он шумел.

В этом и разгадка того, что «рenegаты» не понесли никакого наказания. Зиновьев — ближайший сподвижник Ленина, разделивший с ним сидение в Разливе и в Гельсингфорсе, полностью посвященный во все ленинские планы, после революции ставший главой свертотмороженной террористической организации под названием Коминтерн — он-то почему вдруг забоялся силовых действий? Каменев — старейший член партии, ему не надо объяснять, что такое партийная дисциплина. С чего вдруг их к Горькому понесло?

Да ради шума — зачем еще-то? А под прикрытием этого шума шла некая негласная работа — шла неспешно, в разумные сроки и по жесткому плану.

В чем сила, брат?

Да, рабочие окраины не были готовы к перевороту. Но кто сказал, что большевики собирались брать власть, опираясь на пролетарские толпы и на Красную гвардию?

В городе было две реальных силы — Петроградский гарнизон и кронштадтские матросы, да еще имелся большевизированный гарнизон в Гельсингфорсе. За кого они станут, у того будет и власть. А за кого они стояли — еще очень большой вопрос. В Кронштадте сильны были анархисты, у гарнизона же имелись проблемы поважнее политических предпочтений: засевших в столице солдатиков правительство собиралось выпереть на фронт.

В начале октября немцы захватили Моонзундский архипелаг на Балтике, перекрыв морские пути и оттеснив русский флот в Финский залив. Правительство обвиняло разложившихся солдат и матросов и, как водится, большевиков, большевики обвиняли правительство в намерении сдать Петроград, по городу бродили слухи о переносе столицы в Москву. Тут-то правительство и предприняло очередную попытку перебросить части Петроградского гарнизона на фронт, мотивируя это необходимостью защиты Отечества. На самом же деле предполагалось на смену выведенным из столицы ненадежным частям прислать еще не распропагандированных фронтовиков, опираясь на которых, можно начать наводить порядок. Существовали ли на фронте нераспропагандированные солдаты, и чем вообще могла закончиться эта затея — вопрос, конечно, интересный, но искать на него ответ никто не хотел.

Большевики, при всем желании, помочь гарнизону не могли, поскольку, во-первых, не имели реальной власти, а во-вторых, вообще оказались в трудном положении. Дело в том, что необходимость замены уставших фронтовых частей тыловыми была

единственным пунктом, в котором солдаты-фронтовики сходились с эсеро-меньшевистскими армейскими комитетами и с Временным правительством: против были только тыловые части. Большевики же, поддержав фронтовиков, теряли петроградский гарнизон, а поддержав гарнизон, теряли фронтовиков, ибо правительственные комиссары получали рычаги воздействия на озверевшую от войны солдатскую массу: вот, смотрите, каковы они, ваши радетели! Умело сыграв на этой струнке, можно было двинуть фронтовиков на Петроград не революцию души, как вел их Корнилов, а вышибить из города засевших там тыловых лоботрясов.

(Надо сказать, что большевики все же выкрутились из этой ловушки. 17 октября во Пскове было собрано совещание фронтовых и гарнизонных представителей, чтобы, воздействуя на совесть, убедить засевших в Петрограде солдатиков согласиться отправиться на фронт. Большевики же ловко подправили разговор: надо заключать мир, а не гнать новые полки в окопы. Ну, и далее, как всегда: чтобы заключить мир, надо передавать власть Советам; тем более что близится съезд, который должен решить еще и вопрос о земле; вывод полков из Петрограда имеет контрреволюционные цели — сорвать съезд и Учредительное собрание. Так что давайте, товарищи, подождем съезда, тем более и осталась какая-то неделя, ну что она вам, сделает погоду, что ли?)

ВЦИК, может, и смог бы отстоять петроградский гарнизон — но не хотел. Он по-прежнему был эсеро-меньшевистским. Обе эти партии, кроме Исполкома Советов, входили и в правительство, так что были обязаны защищать государственные интересы. (Кроме того, как показали дальнейшие события, социалисты были тесно связаны с союзниками по Антанте, которые требовали от России продолжать войну любой ценой).

Однако существовала в Петрограде еще одна организация, которая и хотела, и могла помочь — первый из всех Советов России, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который к тому времени был полон левых: большевиков, левых эсеров, анархистов. Председателем Петросовета являлся не кто-нибудь, а сам Троцкий, руководивший этим органом еще в 1905 году. Насквозь большевизированный Петросовет, естественно, не хотел расставаться с частями, с которыми большевистские пропагандисты так долго и хорошо работали.

9 октября был опубликован приказ Временного правительства о выводе Петроградского гарнизона на фронт. В тот же день приказ обсуждался на пленуме Петросовета, который принял решение: создать Военно-революционный комитет по обороне Петрограда. Задачи у комитета были вполне нейтральные, не придерешься: точный учет Петроградского гарнизона и определение минимума сил, необходимых для обороны столицы, меры по охране города от погромов, поддержание порядка. Входили в него представители военных и флотских комитетов, Советов, профсоюзов, фабзавкомов. Формально ВРК был внепартийным органом, подведомственным Совету — однако большинством организаций, пославших в него своих представителей, давно уже рулили большевики, левые эсеры или анархисты. И почему-то именно после создания Комитета, на следующий же день, большевистский ЦК принял первое решение о вооруженном восстании.

Новый комитет неспешно проходил процедуру согласований и утверждений. До тех пор, пока он не был утвержден исполкомом Петросовета, большевики старательно не обращали на него внимания. Им было не до того — они бурно обсуждали подготовку собственного вооруженного восстания: ждать неделю

до съезда или все же не стоит? Однако, как только ВРК прошел процедуру утверждения, в тот же день, 16 октября, ЦК РСДРП(б) принял окончательное решение о вооруженном восстании. Снова совпадение дат? Какие-то уж очень точные получаются совпадения.

На том же заседании ЦК избрал «Военно-революционный центр», который делегировал для работы в ВРК. Вошли туда не политики, не ораторы, известные всему Петрограду, а тихие и малозаметные товарищи из «конспиративной» части партийного айсберга. Те, огромная роль которых в подготовке переворота всегда утверждалась большевистскими историками — но даже после победы революции никто никогда не раскрывал: а чем именно означенные товарищи занимались с апреля по октябрь 1917 года? Поименно: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Трое из них стали потом крупнейшими государственными деятелями, входили в самое узкое из узких руководств, Бубнов тоже не затерялся в неизвестности, а дослужился до начальника Политуправления Красной Армии и наркома просвещения^[8]. И лишь послужной список Урицкого оборвался должностью председателя Петроградской ЧК, но не по его вине — на этой должности он был убит в августе 1918 года.

Впрочем, этой пятеркой присутствие большевиков в ВРК не ограничивалось — «центр» был делегирован туда партией, но большевики имелись в Комитете и сами по себе, как чьи-то представители. 20 октября на первом пленарном заседании ВРК было избрано его бюро, куда вошли еще три большевика: Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский (первый из них будет вскоре арестовывать Временное правительство, второй являлся руководителем «Военки»). Остальные двое членов были левыми эсерами, в том числе и

председатель бюро Павел Лазимир, председатель солдатской секции Петросовета.

Очень любопытную вещь сказал три года спустя Троцкий, вспоминая те дни: «Отдавал ли он (Лазимир. — Авт.) себе отчет, что дело идет о заговоре, или же только отражал бесформенно-революционное настроение левого крыла эсеров, не знаю. Скорее последнее».

Стало быть, создание ВРК было частью заговора, и остальные члены бюро это понимали. Не говоря уже о членах «Военно-революционного центра» — эти должны были попросту знать. Тем более, если верить Троцкому, большевики сами ВРК и придумали: «Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета был выдвинут военной организацией большевиков. В сентябре месяце 1917 г., когда военная организация обсуждала вопрос о вооруженном восстании, она пришла к заключению о необходимости создания непартийного „советского“ органа для руководства восстанием. Об этом решении мною было сообщено т. Ленину»^[9]. Ну, а Ленин уже дал ему ход.

Что забавно, через несколько недель Ильичу пришлось долго уговаривать руководство «Военки» работать не самостоятельно, а только в рамках ВРК. Орлы товарища Подвойского на практике свою идею не распознали. Впрочем, решение было настолько простым, что вопрос об авторстве обсуждать бессмысленно — любой мог догадаться...

...Итак, под прикрытием шума, суеты на рабочих окраинах, громких газетных статей и скандала внутри ЦК РСДРП(б), Петросовет потихоньку начал прибирать к рукам гарнизон, который очень не хотел на фронт и вообще был недоволен начальством. ВРК сразу же стал «параллельной властью» в гарнизоне, но основной властью оставался все же его высокоблагородие

господин Полковников. Чтобы комитет перехватил бразды правления из рук командующего гарнизоном, должно было что-то произойти.

Итак, напомним, что ВРК начал организовываться 9 октября, был утвержден 16-го и провел первое пленарное заседание 20 октября. Но уже 18-го в Смольном, где располагались в то время ВЦИК и Петросовет, прошло собрание представителей полковых и ротных комитетов гарнизона. То, что они говорили, показало, насколько правы были большевики, спрятавшись «под крылышко» Совета — солдатская масса не доверяла правительству и ВЦИКу, но признавала Петросовет. Если бы большевики выступили сами по себе — это был бы еще очень большой вопрос, куда бы повернул гарнизон: мог объявить о нейтралитете, мог расколоться... А ВРК, как орган единственного совета, которому доверяли солдаты, был неуязвим.

На том же собрании было принято важнейшее организационное решение о непрерывной связи ВРК со всеми полками. Полковые комитеты устанавливали непрерывное дежурство у телефонов и, кроме того, каждая часть должна была прислать в Смольный по двое связных. Так что 20 числа, когда состоялось, наконец, первое пленарное заседание ВРК, все было готово для того, чтобы в любую минуту выхватить власть из рук Полковникова — дай только повод.

И повод не замедлил представиться. В ночь на 21 октября ВРК назначил своих комиссаров во все части петроградского гарнизона и на склады оружия — в основном это были только что освобожденные из тюрем деятели «Военки». А затем последовала очень простая провокация. В ночь на 22 октября комиссары ВРК явились в штаб Петроградского военного округа. Оттуда их послали далеко, и комиссары без слова протеста пошли, но не по указанному адресу, а в

Смольный. И тут началось! Уже утром Комитет собрал представителей всех полков гарнизона, руководство гарнизона объявили «орудием контрреволюционных сил». Первые два пункта резолюции, принятой собранием, гласили:

«1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны».

Так ВРК легко и элегантно перехватил управление гарнизоном. Уже на следующий день одумавшийся командующий готов был идти на переговоры — но поздно! И хотя 23 октября ВРК все же отказался от жесткого контроля над действиями командования, ясно ведь, что после первого же неугодного комитету приказа одним легким движением руки контроль будет восстановлен.

Напомним, что формально ВРК подчинялся Петросовету, но по факту им рулили большевики, как гласно, так и негласно. Ведь в Бюро ВРК заседали далеко не первые люди в РСДРП(б) — зато в состав делегированного туда партией Военно-революционного центра входили крупнейшие руководители партии Сталин и Свердлов, а партийную дисциплину еще никто не отменял.

Вот теперь можно было и восстание проводить!

О роли ВРК в ленинских планах не знали даже многие его члены, в частности, руководитель «Военки» Подвойский, люди которого занимались технической подготовкой большевистского восстания. Непосредственно перед событиями руководители «Военки» Подвойский и Невский побывали у Ленина на конспиративной квартире, где состоялась очень интересная дискуссия. Оба убеждали Ильича отложить

восстание на несколько дней, пока «Военка» не будет готова его провести, а тот нетерпеливо разъяснял, что действовать нужно только через ВРК, а не самостоятельно, и брать власть непосредственно перед съездом Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти».

Да-да, конечно! Игнорировать такое крупное мероприятие, как Съезд Советов, было в высшей степени неразумно — его и не игнорировали. Не зря же большевики снова и снова повторяли на каждом углу: «Вся власть Советам!». Если выстроить ленинскую интригу по срокам, сразу становится понятно, что власть с самого начала собирались брать именно с опорой на съезд. С ним же увязано и знаменитое ленинское высказывание: «Сегодня выступать рано, послезавтра — поздно». Когда это — «сегодня и послезавтра», и почему — «рано и поздно»?

Джон Рид, американский журналист, которого неуёмная натура и требования ремесла занесли в охваченную смутой Россию, вспоминал по этому поводу:

«3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно происходило при закрытых дверях... Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: „24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: „Вот власть! Что вы с ней сделаете?““»^[10].

А съезд собирался с трудом, медленно и мучительно. Верхушка местных советов и власти саботировали выборы на него, как только могли. Делегаты на крышах и буферах добирались через охваченную разрухой страну. 20 октября прибыло всего 15 делегатов, на следующий день их было 100, еще через сутки — 175, а для кворума нужно было иметь хотя бы четырехста. Мандатная комиссия пыталась саботировать, ее члены заявляли не понравившимся (т. е. большевистским) делегатам: «Зря, мол, приехали, пустить вас на съезд не можем». Рядом непременно посмеивался кто-нибудь из большевиков: «Ничего, товарищи, не беспокойтесь, когда съезд начнется, все пройдет». Но все же было ясно, что 25 октября его откроют. Именно к этому дню (плюс-минус организационный бардак) и сходились все линии большевистских интриг.

Пустые надежды министра-председателя

Для полной красоты операции неплохо бы еще было, чтобы правительство начало первым. Большевики постоянно провоцировали Керенского, чтобы получить повод «защищать от него революцию». И Александр Федорович с размаху бухнулся в приготовленную ловушку. Поскольку разговоры о том, что большевики готовят восстание, велись по-прежнему, а по рабочим окраинам шли почти неприкрытые приготовления к вооруженным действиям, всюду формировались красногвардейские отряды, то правительство решило упредить выступление — именно то, что и было нужно большевикам.

В ночь на 24 октября Керенский распорядился вызвать «верные части с фронта», а пока что арестовать членов Военно-революционного комитета и

разгромить типографию, где печатались газеты «Рабочий путь» и «Солдат». На фронте давно уже не было верных правительству частей, арестовать членов ВРК, сидевших под охраной в Смольном, у него руки были коротки, а вот третье — получилось.

На рассвете 24 октября в типографию явился комиссар милиции 3-го Рождественского района вместе с юнкерами^[11] и предъявил ордер на закрытие типографии. Юнкера конфисковали отпечатанные газеты, разбили матрицы, опечатали двери и выставили караул. Больше ничего они не успели, поскольку к тому времени информация дошла до Смольного, оттуда прислали роту солдат Литовского полка, которая и вышибла захватчиков вон. Единственным реальным следствием инцидента стала небольшая задержка выхода газеты.

Однако этого комического налета вполне хватило, чтобы поднять крик о покушении на революцию. Тут же в полки полетел приказ ВРК за подписью Подвойского:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность... Предписывается привести полк в полную боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений».

ЦК большевиков, и без того почти не покидавший Смольного, постановил больше не расходиться, чтобы не искать друг друга по Петрограду. Один Ленин еще оставался на конспиративной квартире. На всякий случай — вдруг все же прорвутся какие-то части с фронта — решили организовать запасной штаб в Петропавловской крепости. Наблюдение за действиями властей и связь с крепостью возложили на Свердлова, Дзержинскому поручили почту и телеграф, Бубнову — связь с железнодорожниками, Берзин и Каменев, который, как ни в чем не бывало, принимал участие в работе, отвечали за связь с левыми эсерами.

Главному штабу Красной гвардии приказали направить в Смольный для охраны полторы тысячи бойцов, а также провести мобилизацию транспорта, занять в районах стратегически важные пункты, организовать охрану предприятий и выделить людей для захвата правительственных учреждений. Через несколько часов город был в руках Военно-революционного комитета и красногвардейцев — а поскольку и те, и другие подчинялись партии большевиков, то фактически власть принадлежала РСДРП(б). Однако формально инициатором всего этого триумфа был Петросовет, это он припас подарочек съезду.

...Нельзя сказать, что Керенский не боролся — вот только борьба его была изначально обреченной и потому нелепой. Он посылал депешу за депешей, пытаясь вызвать подкрепление с фронта — но такие вещи не делаются за один день, да и командующий Северным фронтом генерал Черемисов не горел желанием расставаться с боеспособными частями. Штаб петроградского округа приказал полкам гарнизона сидеть в казармах — но гарнизон теперь подчинялся только Военно-революционному комитету. Попытались прекратить трамвайное движение, чтобы нарушить связь между центром и рабочими окраинами — однако трамвайщики слушались только своего профсоюза. С той же целью пытались захватить и развести мосты — но успевали туда не раньше красногвардейцев, так что получился этот фокус с одним лишь Николаевским мостом (сейчас мост лейтенанта Шмидта). Попробовали еще раз закрыть газеты — но на сей раз данной спецоперацией занялись всего восемь милиционеров, так что даже солдат не потребовалось — их прогнали сами же рабочие вместе с двумя какими-то матросами. Единственное, чем правительство озаботилось всерьез — так это собственной безопасностью, стянув к

Зимнему дворцу все, что имело — впрочем, имело оно чрезвычайно мало. А если бы не главная приманка Зимнего, то и еще меньше.

Вездесущий репортер Джон Рид побывал в это дни во дворце. Побеседовал с молодым офицером, встреченным возле кабинета Керенского, заинтересовался запертой дверью, за которой, как тот сказал, были юнкера...

«— А можно нам пройти туда?»

— Нет, разумеется, нет! Запрещено... — вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучащий в тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик-швейцар.

— Нельзя, барин, туда нельзя!

— Почему дверь заперта?

— Чтобы солдаты не ушли, — ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов... Все

помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад».

Главным стимулом, удерживавшем во дворце его защитников, являлась, разумеется, не верность правительству, а знаменитые царские винные погреба^[12]. Но все же стимул сей был не дороже жизни, и Керенский это хорошо понимал. 25 октября, в 2 часа 20 минут ночи, в Ставку главнокомандующему Духонину ушли две телеграммы с требованиями перебросить в Петроград казачьи части — все, до которых можно дотянуться. Вызвали в Зимний и казачьи полки, расквартированные в Петрограде — но те ответили, что без пехоты не пойдут. Генерал Левицкий, состоявший для поручений при министре-председателе, сообщал Духонину: «Впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий». И, для окончательной шизофреничности происходящего, по Дворцовому мосту в виду осажденного Зимнего дворца ходили трамваи, в городе работали рестораны и кинематографы, в театрах шли спектакли. По Дворцовой площади и по набережным болтались толпы зевак в ожидании бесплатного представления — штурма Зимнего дворца.

В 10 утра 25 октября Керенский на автомобиле американского посольства выехал из Петрограда, как он сам объяснял, «навстречу войскам» — он все еще надеялся, что в стране найдутся люди в погонах, согласные за него умереть.

...Дальше у большевиков было два способа действий. Первый — это, не предпринимая больше никаких шагов, дожидаться открытия съезда и поставить перед ним вопрос о низложении Временного правительства. Еще днем 24 октября они явно

склонялись к этому варианту. Выступая перед большевистской фракцией съезда, Троцкий говорил: все, что сделано ВРК — это исключительно оборона революции от правительственных посягательств, чтобы создать почву для съезда Советов. Штурмовать Зимний дворец они не собираются. Вот «если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос»^[13]. Впрочем, съезд бы наверняка низложил правительство, оно напрашивалось на это уже очень давно, после чего его можно совершенно спокойно разогнать или же арестовать.

И вдруг что-то произошло. В ночь на 25 октября восставшие начали захватывать важнейшие правительственные учреждения. В 9 вечера комиссар ВРК с отрядом матросов явился в Петроградское телеграфное агентство. Директор агентства заявил, что подчиняется только Временному правительству, тогда комиссар преспокойно отодвинул его в сторону, сел на его место и стал просматривать сообщения.

Около 2 часов ночи солдаты заняли Николаевский вокзал, городскую электростанцию (тут же было отключено энергоснабжение большинства правительственных зданий) и Главный почтамт. В 3 часа 30 минут крейсер «Аврора», стоявший на ремонте, вошел в Неву и вышиб юнкеров с единственного захваченного ими моста (точнее, и вышибать не пришлось — едва крейсер осветил мост прожекторами, те разбежались сами). В 6 часов утра моряки и солдаты Кексгольмского полка без малейшего сопротивления заняли Государственный банк. Через час была захвачена и телефонная станция, а в 8 часов утра — Варшавский вокзал. Утром в здании «Крестов» появился комиссар ВРК и потребовал освобождения всех

политзаключенных — тюремное начальство без единого слова протеста повиновалось.

25 октября, в 10 часов утра, было опубликовано воззвание к гражданам России:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

К вечеру от всей старой власти оставалось только само правительство, уже без министра-председателя, обреченно забаррикадировавшееся в Зимнем дворце, защитники которого таяли на глазах.

Чего боялся Ленин?

Что же произошло вечером 24 октября такого, что изменило ход событий? Только одно: в Смольном появился Ленин.

Вокруг Ленина в эти дни творилось что-то непонятное. С самого его приезда в Петроград ЦК строжайшим образом запрещал ему перемещаться по городу — несмотря на то, что без своей знаменитой бородки и в парике он был абсолютно неузнаваем. Ильич сидел на конспиративной квартире в доме, который находился в нескольких десятках метров от железнодорожной станции Ланская, так что можно было при первой опасности сесть на поезд и укатить из

Петрограда обратно в Финляндию, до которой было 30 километров. Вообще-то основания для такой суперконспирации имелись — Ленина арестовывать бы не стали, убили бы на месте. Но, с другой стороны, рисковал не только он, рисковали все лидеры большевиков. Такому режиму есть лишь два разумных объяснения. Либо за Лениным охотился кто-то серьезный, а не милиция Временного правительства, либо ЦК старался держать Ильича, с его внезапными озарениями, неустойчивой энергией и резко холерическим темпераментом, подальше от штаба восстания. Кто знает, что еще придет ему в голову?!

И ведь пришло! Весь день 24 октября Ленин бомбардировал Смольный требованиями не ждать съезда, а брать власть сразу. Ну уж теперь-то какой в этом смысл? И тем не менее, требования сыпались одно за другим. В шесть часов вечера он написал отчаянное письмо, которое велел квартирной хозяйке, исполнявшей роль связной, передать лично Крупской.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского^[14] показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!..

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет “или другое учреждение”...

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять все.

Взять власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направить своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их...

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в наступлении смерти подобно!»

А знаете, что следует из этого письма? То, что у штаба восстания были одни цели, а у Ленина — какие-то другие, в которые он не считал нужным посвящать даже товарищей по партии (по крайней мере, всех товарищей). Какие? О, это мы скоро увидим!

Несколько раз Ленин обращался к ЦК с требованием разрешить ему прийти в Смольный — и каждый раз получал отказ. Днем, по воспоминаниям той же квартирной хозяйки, он, рассвирепев, смял записку и швырнул ее на пол:

«Я их не понимаю. Чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже... А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!»^[15].

Что было дальше? Официальная версия советской истории такова: к вечеру ЦК все же разрешил Ильичу появиться в Смольном. Для конспирации Ленин послал хозяйку квартиры с письмом к Крупской, а сам, оставив ей записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтоб я уходил», в сопровождении одного лишь связного, финского большевика Эйно Рахья, отправился в Смольный. Они доехали на трамвае до Финляндского вокзала, затем шли пешком, на Шпалерной едва не попавшись патрулю, и с трудом проникли в Смольный, так как не имели пропусков.

Все очень мило — но если ЦК согласился на приезд Ленина в Смольный, почему допустил, чтобы он ушел туда всего с одним сопровождающим? Что, нельзя было прислать грузовик с солдатами? А уж история с пропуском совсем не вписывается. Допустим, его не было у Ленина, однако он всяко должен был быть у связного — иначе с кем Рахья связывал Ильича? Нет уж, больше похоже на то, что Ленину просто надоело ждать, он послал хозяйку с письмом^[16], чтобы та ему не препятствовала, а Эйно Рахья — никакой не связной, а телохранитель, — вынужден был его сопровождать (не запирать же Ленина в чулане, в самом-то деле?)

Как бы то ни было, в Смольный он прорвался — и тут-то все и началось!

Но есть еще один, куда более интересный вопрос: почему Ленин так торопился с восстанием? Опасался правительства? Полно, оно давно уже не имело ни силы, ни власти, а уж коль скоро фронтовые части добрались

бы до Питера, арест «временных» их бы не остановил. В чем же дело?

Впрочем, ответ содержится в письме.

«Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября...»

То есть, дело было не в правительстве, а в съезде Советов.

Большевики управляли Советами, да — но в одном вопросе они были заложниками съезда. А именно — в составе правительства. Существовала грозная опасность того, что съезд решит создать социалистическое правительство из представителей всех левых партий.

В начале сентября большевики выступали за социалистическое правительство — но с тех пор много воды утекло. Самое главное — в сентябре они не собирались участвовать во власти. А сейчас коалиция с умеренными социалистами отбросила бы ситуацию к марту 1917 года, с той разницей, что тогда у создавшей правительство Думы была альтернатива — Советы, а теперь у заменивших ее Советов альтернативы не было.

И ведь ясно, как день, чем все кончится! До сих пор любая совместная деятельность с меньшевиками и эсерами неизбежно увязала в бесконечных дискуссиях, и «однородное социалистическое» правительство было обречено на то же самое. Социалисты потопили бы в увязках и согласованиях те меры, которые надо было проводить немедленно. И главная из них — мир, мир на любых условиях и любой ценой.

Избавиться от социалистов в правительстве после их избрания было бы уже невозможно — их присутствие освящено съездом Советов. Нет, конечно, через полгода можно было бы созвать Третий съезд и устроить еще

одну революцию — вот только от страны к тому времени не осталось бы уже ничего.

Да и сам большевистский переворот при таком раскладе терял всякий смысл. Проведя великолепную интригу, низложив старое правительство, своими руками способствовать появлению нового, точно такого же, которое сегодня присягнет Антанте, а завтра позовет кадетов? Собственными руками уничтожить свой основной козырь — окончание войны? Тогда что? Выходить из правительства, начинать все сначала? Так ведь не факт, что переворот удастся повторить.

Так что совершенно понятно, чего хотел Ленин — взять власть к началу съезда и на этой волне попытаться сформировать свое правительство, или хотя бы захватить ключевые позиции. А то ведь дадут портфели министров труда и земледелия — и делай с ними, что хочешь.

Как бы то ни было, ранним утром 25 октября в Смольном, на заседании ЦК, протокол которого не составлялся — а скорее всего, и не заседание это было, а просто разговор, ибо принимали в нем участие Ленин, Сталин, Троцкий, Смилга, Милютин, Зиновьев, Каменев и Берзин, фигуры совершенно разного веса и уровня, — был составлен список нового правительства, членов которого решили назвать не министрами, а «народными комиссарами». Кое-кто из присутствующих посчитал это шуткой — и зря!

Но вот кто придумал и организовал то, что было потом? Не Ленин — у него был другой сценарий. Тогда кто?

День X

...25 октября вступил в действие новый фактор — матросы. Рано утром из Гельсингфорса в столицу

выехали три эшелона с моряками и отправилась целая революционная флотилия — пять миноносцев: «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон» и патрульный катер «Ястреб». Эскадра, отправившаяся тем же утром из Кронштадта, выглядела куда более живописно (нелишне вспомнить, что в Гельсингфорсе заправляли большевики, а в Кронштадте — анархисты). Братишки погрузились на все, что плавало — от дряхлого линкора «Заря свободы», который тащили по сложному фарватеру четыре буксира, до колесных пассажирских катеров, — и весь этот умопомрачительный караван направился в Петроград, делать революцию.

В два часа дня кронштадцы доползли, наконец, до города. Их великое явление воспевалось в популярной тогда песне: «Из-за острова Кронштадта на простор Невы-реки выплывает много лодок, в них сидят большевики» (добавим: и анархисты). В устье Невы уже стояла «Аврора», судовой оркестр играл марш. Три тысячи кронштадтцев высадились на берег.

К тому времени организационный ресурс Военно-революционного комитета начал подходить к концу. Ленин метался по тесной комнатке Смольного, как зверь в клетке, требуя немедленно брать Зимний, но штурм тонул в каких-то организационных неувязках.

Взять дворец планировали в полдень — однако все время что-то мешало. Сперва никак не могли согласовать ультиматум, который собирались предъявить правительству — в конце концов им пренебрегли, но время было потеряно. Потом начались заморочки с подготовкой штурма.

Дворец был вроде бы обложен со всех сторон, между тем туда и оттуда все время шастал какой-то народ. Естественно, как только запахло жареным, защитники Зимнего начали понемногу разбегаться — и замки не помогли! В 6 часов ушла группа юнкеров

Михайловского артиллерийского училища, забрав с собой четыре из шести пушек. Затем удалась группа казаков. Около 7 часов вечера восставшие взяли Главный штаб.

Остальные защитники громоздили перед дворцом баррикады из дров — впрочем, все это было без толку, потому что Зимний, строившийся как дворец, а не как крепость, имел огромное количество неохраняемых дверей и окон, и к вечеру туда просочилось множество народу^[17]. Организационный ресурс ВРК к тому времени окончательно иссяк. Восставшие солдаты успели устать от «революционной дисциплины», так что их с большим трудом удавалось мобилизовать на какие-либо действия, а о том, что Зимний, собственно говоря, уже взят, поскольку по нему шастает незнамо сколько революционеров, в комитете не было известно.

Шестидюймовки Петропавловки, из которых предполагалось обстреливать дворец, как выяснилось, не использовались уже много месяцев, так что было вообще непонятно, чем окончится стрельба. Стали подкатывать трехдюймовки — те оказались и вовсе неисправными — революция! И тут артиллеристы определили, что стрелять из шестидюймовых все-таки вроде бы можно. Так что решили рискнуть.

Разобравшись с пушками, комиссар ВРК начал искать красный фонарь. Дело в том, что в качестве сигнала к восстанию не придумали ничего лучшего, чем вывесить такой фонарь на флагштоке, забыв поинтересоваться — а есть ли в крепости столь романтичный светильник. Наконец, фонарь раздобыли, стали водружать на флагшток — и тут оказалось, что его мало откуда видно. Едва разобрались с этими прискорбными обстоятельствами, как пришел слух, что Зимний уже капитулировал, и представители ВРК отправились на другой берег проверять. Наконец, в 9

часов 40 минут вечера Антонов-Овсеенко приказал крейсеру «Аврора» дать холостой выстрел — холостой намного громче боевого — в качестве сигнала. Правда, сигналом к чему он должен был послужить, непонятно, но это уже мелочи... «Аврора» радостно бахнула, вызвав восторг зрителей на набережных и перепугав обитателей дворца, в том числе и восставших, которые блуждали по дворцовым лабиринтам. Большая часть как революционеров, так и защитников дружно кинулась вон. Артиллеристы Петропавловки немного подождали, пока все, кто хочет, уберутся из дворца, и начали обстрел неясного калибра и боевого уровня. Вроде бы принято считать, что палили из шестидюймовок, два снаряда попали во дворец, а остальные разорвались над Невой — но не совсем понятно, как снаряд, который взрывается от соприкосновения с чем-либо твердым, вообще мог разорваться в воздухе. С другой стороны, даже два шестидюймовых снаряда, вlepенные на таком расстоянии во дворец, наполовину превратили бы его в развалины, а там всего лишь обрушилась небольшая часть кладки. Скорее всего, боевыми по ошибке стрельнули из какой-то нечаянно оказавшейся исправной трехдюймовки, а шестидюймовые орудия палили холостыми — и громко, и страшно, и для дворца безвредно. Во-первых, он красивый, во-вторых, народное достояние^[18], а в-третьих, о винных погребах Зимнего к тому времени знала каждая чайка над Невой — как же можно подвергать опасности такое сокровище? Обстрел начался около 11 часов вечера, когда, согласно официальной советской истории, дворец был уже взят, а согласно неофициальной, уже оставлен восставшими после выстрела «Авроры».

И тут во всю эту кашу впилились подошедшие, наконец, корабли из Гельсингфорса. По счастью, моряки

стоявшего в устье Невы минного заградителя «Амур» узнали силуэты подходящих «Самсона» и «Забияки», а то, в довершение радостей, революционные экипажи еще бы друг друга перетопили.

...А во дворце революция шла своим порядком: матросы гонялись за юнкерами, юнкера за матросами, мародеры грабили, а обнаружившим дорогу в винные погреба было уже вообще ни до чего. Весь этот базар закончился в два часа ночи, когда ВРК, наконец, повел свое войско на приступ, и секретарь ВРК Антонов-Овсеенко арестовал Временное правительство.

Министров вывели на площадь и, поскольку машины не было, отправили в Петропавловку пешком. Возле Троицкого моста их атаковала толпа, потребовавшая, чтобы министрам отрубили головы и бросили в Неву. Помог случай: из какой-то машины дали пулеметную очередь. Очередь была в мировое пространство, однако в Петропавловке решили, что стреляют по крепости и, в свою очередь, ответили. Все бросились врассыпную, в том числе арестованные и конвой. В общем, когда Антонов-Овсеенко разместил, наконец, свой груз по казематам, с облегчением вздохнули все, включая министров, ибо затянувшаяся революция утомила всех.

Так зачем все же стреляла «Аврора»?

Ленин между тем метался по комнате в Смольном, обрушиваясь с руганью на членов ВРК, которые никак не могли взять этот проклятый дворец. Открытие съезда Советов оттягивали, сколько можно, но больше тянуть было нельзя.

...Официально считается, что Второй съезд Советов начался со знаменитых слов Ленина: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!»

Однако на самом деле эти слова были произнесены раньше, на заседании Петроградского Совета, которое открылось в 2 часа 35 минут дня словами Троцкого: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!» После короткого отчета Троцкого о состоянии дел выступил и Ленин с той самой исторической речью. Большевики немножко поругались с меньшевиками, и делегаты разошлись — кто-то отправился в свои районы, а другие остались ждать начала съезда.

Его все-таки пришлось открывать, не дожидаясь известий об аресте правительства. Начался он в 10 часов 40 минут вечера 25 октября, спустя час после выстрела «Авроры».

К началу съезда собралось 650 делегатов, из которых 390 поддерживали большевиков. Как все они поместились в актовом зале Института благородных девиц? «Революция научила искусству уплотнения» — съязвил по этому поводу Троцкий. Делегаты, гости, охрана, журналисты всеми правдами и неправдами пробивались в зал, игнорируя предупреждения о том, что может провалиться пол. Повезло — пол не провалился.

«Внешний вид съезда говорил об его составе, — писал Троцкий. — Офицерские погоны, интеллигентские очки и галстуки первого съезда почти совершенно исчезли. Безраздельно господствовал серый цвет, в одежде и на лицах. Все обносились за время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папах, нередко с торчащей наружу ватой, на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, желтые пальцы от цыгарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые рыжие, давно не смазывавшиеся

сапоги. Плебейская нация впервые послала честное, не подмалеванное представительство, по образу и подобию своему».

На том же съезде был и Джон Рид, дополнивший описание:

«Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертom воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: “Товарищи, не курите!”, и курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался, на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва...»

Первым делом произошла «смена власти» в президиуме, который формировался по партийному представительству: новый съезд выдвинул 14 большевиков и 7 левых эсеров. Трое меньшевиков отказались занять выделенные им места — это был первый успех ленинской тактики. Прежние деятели ВЦИК вышли со сцены, а их места заняли Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Зиновьев, Камков, Мария Спиридонова и другие подобные им деятели.

И тут за окном загрохотали пушки — начался обстрел Зимнего дворца. (Вот и вопрос: связана ли эта

стрельба, без которой вполне можно было обойтись, со взятием Зимнего — или это была психическая атака на съезд? Лучшей провокации большевики, даже если бы и захотели, не смогли бы придумать). Собравшиеся сразу занервничали. Встал Мартов и от имени меньшевиков-интернационалистов предложил прекратить боевые действия (как будто они велись!) и начать переговоры, чтобы создать коалиционное демократическое правительство. Это было несколько хуже социалистического правительства, поскольку «демократическое» предполагало, кроме политических партий, представленных в Совете, участие множества других организаций. Тем не менее, съезд восторженно принял его предложение, с которым согласились и большевики — а что им еще оставалось?

Дело в том, что перед началом съезда делегаты заполняли анкету, из которой видно, какие наказы дали им их Советы. Абсолютное большинство — 505 человек — поддерживали лозунг «Вся власть Советам!» (в данном случае это означало формирование правительства из партий, представленных в Совете). 86 делегатов стояли за демократическое правительство, где, кроме Советов, будут представлены профсоюзы, кооперативы и пр. 21 человек допускал присутствие в правительстве представителей имущих классов, и 55 делегатов стояли за коалицию с кадетами. Едва ли собравшиеся в зале понимали, чем «Вся власть Советам» отличается от социалистического правительства, а последнее от демократического. Зато для большевиков в данной ситуации создание «правительства советского большинства» было хуже даже коалиции с буржуазией.

И тут как раз помогли пушки. Под их бодрящий аккомпанемент представители блока умеренных социалистов один за другим выступали с предложением в знак протеста уйти со съезда — что, в конце концов, и

сделали. Естественно, после такого демарша речи об образовании однородного социалистического правительства уже не было. Съезд раскололся, однако абсолютное большинство осталось за большевиками и левыми эсерами.

Видный меньшевик Суханов потом, уже много лет спустя, с горечью констатировал: «Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со Съезда... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей “линии” Ленина».

Что и требовалось получить

...Однако вопрос о составе Совета народных комиссаров все еще висел в воздухе. Слишком авантюрным было рассчитывать, что большевикам удастся создать монопартийное правительство — а им надо было сыграть наверняка. Параллельно со всеми этими событиями они вели переговоры с левыми эсерами о вхождении тех в Совнарком, что создало бы хоть какую-то видимость коалиции. Лучше б они этого не делали! Это ни в коей мере не облегчило положения большевиков, зато проблем потом у них будет из-за этого сотрудничества!

Впрочем, 26 октября левые эсеры не хотели входить в правительство (они согласились позже), и вопрос снова повис в воздухе. И вот тогда большевики предложили свой ответ на вопрос: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?» Они произвели рокировку — первыми пунктами повестки дня 26 октября поставили не создание правительства, а обсуждение программы, и начали с документов, после которых сердца 150-миллионного народа Российской империи были отданы

им. На трибуну вышел Ленин и зачитал воззвание «К народам и правительствам всех воюющих держав», более известный как «Декрет о мире».

«Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или

насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилем.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию

тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в

настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии — все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Документ этот часто упоминается, но крайне редко печатается, и любой, кто его прочтет, поймет, почему. Собственно, раздел об «аннексиях» — это не социалистические, а либерально-демократические идеи, которые, как и любые либеральные идеи, примененные в конкретной жизни, оказались чрезвычайно разрушительными. Но собравшаяся в актовом зале Смольного толпа в серых шинелях не вникала в такие тонкости, да и едва ли вообще поняла, о чем именно говорят с трибуны — ей достаточно было самого слова «мир».

Следующим пунктом повестки дня стоял декрет о земельной реформе — и вот здесь лишних и «умных» слов не было вообще.

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

О земле.

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) **Право частной собственности на землю отменяется навсегда;** земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: **государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно,** обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с **высоко-культурными** хозяйствами: плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. **не подлежат разделу, а превращаются в показательные** и передаются в исключительное пользование **государства или общин**, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически

организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой

постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

Этот документ собравшиеся в зале крестьяне в серых шинелях поняли сразу, и еще как поняли! Декрет устанавливал то самое положение, о котором русский крестьянин мечтал, начиная с 1861 года, которое пытался донести до деятелей Думы, а потом Временного правительства и Советов в бесчисленных наказах. Собственно, это была не большевистская, а эсеровская программа, которую городская по преимуществу большевистская партия без малейшего стеснения «увела» у оппонентов. Эсеры страшно обиделись и долго кричали о плагиате, на что большевики резонно возражали: «Так ведь мы ее реализовали, какие претензии?»

И лишь потом, на волне народного ликования, в 2.30 ночи съезд приступил к обсуждению вопроса о новом правительстве. Меньшевики и эсеры торжественно покинули Смольный, левые эсеры отказались войти в Совнарком, а большевики провозгласили декреты, отражающие все чаяния трудящихся масс — так в чем вопрос-то? Совнарком был составлен из одних большевиков во главе с Лениным, и за него проголосовало около 450 человек из 600 присутствующих. Это правительство также было «временным» — ему предстояло функционировать вплоть до Учредительного собрания.

И все же интересно: кто придумал решившую дело историю с обстрелом Зимнего?

Заключение

А потом Ленин еще раз шокировал товарищей по партии — когда те поняли, что он на самом деле собирается претворить в жизнь все, что большевики обещали.

25 октября еще ничего не решало. Взять власть было, право же, совсем нетрудно. Большевики взяли ее красиво и практически бескровно — это их заслуга в сфере политической эстетики. Ровно с тем же успехом они могли разбомбить Зимний дворец и перестрелять несколько сотен его защитников. Троцкому пришлось бы несколько видоизменить свою речь, и дальше события пошли бы все тем же ходом.

Дело ведь было совсем не в том, чтобы оттащить с арены и без того лежащее в глубоком нокдауне правительство. Дело было в том, чтобы решить проблемы, отправившие его в нокдаун — те проблемы, о которые обломало зубы неизмеримо более сильное и подготовленное царское правительство и намного лучше финансируемое Временное. Сталин в августе 1917-го на VI съезде партии дал далеко идущее обещание: «Если мы возьмем власть, то организовать ее мы сумеем». Интересно: он на самом деле так думал?

Впрочем, для начала неплохо бы знать, сколько шансов он отсчитал на реализацию первой части этой фразы. Один из десяти? Или один из ста? А Ленин — сколько времени он предполагал продержаться?

Тем не менее, власть была взята, и пришла пора отвечать за все свои обещания — резвитесь, ребята, пока не придет новый хозяин страны и не развесит вас на фонарях^[19]!

Вот стратегическое наследство, доставшееся большевикам от прежних властей: страна, намертво завязшая в клубке неразрешимых противоречий, с чудовищно отсталым нереформируемым сельским хозяйством, полукOLONиальной экономикой, полным

отсутствием идеологии, сгнившей верхушкой и неграмотными (в прямом смысле) низами.

Вот тактическое наследство: неоконченная война при развалившейся армии, голод, холод, остановившиеся заводы, агонизирующий транспорт, городское население, которое надо как-то спасать, и сельское, с верхушкой которого надо как-то договариваться, чтобы взять хлеб, а бедноту (которой было больше половины) тоже как-то спасать. А кроме того, бывшие «хозяева жизни», желающие скинуть новую власть, и милые соседи, для которых настал удобный момент поделить страну.

Вот оперативное наследство: некоторое количество полуразвалившихся государственных структур с саботирующими чиновниками, которых надо как-то заставить работать, и лютый кадровый голод, поскольку и без того немногочисленные образованные люди большей частью, не в силах стерпеть «хама», оказались на «белой» стороне.

Большевики, дерзнувшие взять власть в октябре семнадцатого, остались со всем этим веками копившимся и доставшимся им в наследство клубком проблем один на один, без всякой помощи. При этом они не имели никакого опыта управления государством. Соотношение было примерно такое же, как в фильме «Выборгская сторона»: ты вроде бы больничной кассой заведовал? Ага, пойдешь директором Госбанка. Кое-что большевистская верхушка, всю жизнь занимавшаяся изучением общественных наук, знала в теории... а вы пробовали хотя бы мобильный телефон освоить с помощью инструкции?

Но эти авантюристы высочайшего разряда, не зная о государственном управлении ничего, кроме обрывков нахватавшихся отовсюду книжных знаний вперемешку с самыми дикими теориями, не струсили. Они взялись за дело, о котором не имели практически никакого

представления, стали его делать — без механизмов управления, при всеобщем развале — и сумели вытащить страну из кровавой смуты и хаоса. Как — это уже второй вопрос. Как умели. Что поделаешь, эти люди не проходили практику в должностях заведующих канцеляриями и товарищей министров. Они очень быстро избавились от каких бы то ни было иллюзий, и это стало спасением и для них, и для страны. Критиковать-то их просто, да — а какой еще был выход из русской смуты?

Я долго не могла понять причин — почему Сталин так преклонялся перед Лениным. Всего пять лет на посту главы государства, и то приходящихся, в основном, на войну — а белые эту войну не выиграли бы никогда. Среднего класса — опоры буржуазной демократии — в России практически не было, сразу под тончайшим образованным слоем колыхалось море неграмотного, но отнюдь не темного народа, доведенного за двести лет жизни по европейскому образцу до предела терпения. Прежних хозяев — ни помещика, ни «христолюбивого» фабриканта — эти люди не приняли бы никогда, так что большевики, опиравшиеся на эти низы, были просто обречены на победу.

А что еще сделал Ленин? Право же, сущие пустяки, и говорить не о чем: из того хаоса, который получило в наследство новое правительство, создал какую-никакую, но власть, при этом не потеряв почти ничего от прежней державы. Подумаешь, пустяки какие! Право, любой бы сумел!

Приложение

Рассказ анархиста Федора Другова о том, как он штурмовал Зимний дворец

Я лежал в военном госпитале, когда мне сообщили, что назревают серьезные события. Я, несмотря на протесты врача, выписался и помчался прямо в Смольный, не показавшись даже родным. Там я встретил Марусю Спиридонову, которая мне объяснила все и сообщила, что левые эсеры выступают вместе с большевиками против Временного правительства. Она попросила меня войти в Петроградский Военно-Революционный Комитет (ПВРК), в который большевики не хотели пускать левых эсеров^[20], а меня, анархиста, готовы были терпеть как посредника между двумя крайне левыми партиями. После переговоров с Лениным я был введен в состав ПВРК. Он помещался в двух комнатах верхнего этажа Смольного, в северном конце коридора. Возле него в отдельном помещении находился Ленин, а напротив — военный штаб Антонова. По окончании II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшего постановление о передаче власти Советам^[21], председатель ПВРК Дзержинский предложил мне поехать к Зимнему дворцу и выяснить положение. Доехав по Невскому до Морской улицы, я сошел с автомобиля и направился пешком...

У Морской и Невского стояло несколько орудий с дулами, направленными в сторону Зимнего. Впереди около арки, сложив ружья в козлы, сгрудилась группа солдат. По их спокойному виду нельзя было судить, что это передовая линия осады. Направляюсь к Александрийскому саду — около улицы Гоголя стояла группа красногвардейцев и реквизировала все проходящие мимо автомобили, сгоняя их к Смольному. В конце Невского двигались одинокие прохожие, некоторые с винтовками и пулеметами. На площади у Исаакиевского Собора расположился бивак матросов Второго Балтийского Экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что

Временное правительство решило защищать свою власть, и там уверены, что без штурма Зимнего не обойтись — а здесь не только нет достаточной осады, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят, благодушно настроены и не чувствуют боевой обстановки. Я пересек Дворцовую площадь и подошел к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов. Узнал нескольких анархистов — разговор шел о Керенском, который якобы идет с казаками на выручку Временному правительству, говорят, юнкера готовят вылазку из Зимнего дворца, вроде бы у них есть несколько броневиков и поэтому надо брать поскорее штурмом дворец. Вся обстановка говорила за то, что они правы. Но кто же будет штурмовать Зимний, если вокруг никого нет? В это время кто-то указал на движущийся быстро через площадь силуэт человека. Никто не придавал этому значения. Однако меня заинтересовал этот силуэт, который, судя по всему, вышел из Зимнего. Я предложил его задержать. Каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем командующего Петроградским военным округом. Штатское пальто не спасло его, и он был препровожден в ВРК. Когда в толпе узнали, что я член Петроградского Ревкома, один анархист позвал меня сходить к баррикадам юнкеров и предложить им сдаться. Я согласился. Махая носовыми платками, мы пошли к баррикаде и влезли на нее. При виде нас юнкера сгрудились к нам. Мой спутник произнес агитационную речь, после чего юнкера плаксивым ребяческим хором [\[22\]](#) загалдели: «Ну мы же не хотим братоубийства. Мы хоть сейчас сдадимся, но кому же, кому мы должны сдаться, скажите?» Мой спутник указал на меня: «Вот член Военно-Революционного Комитета. Он является законным представителем государственной власти». В этот момент из ворот вышел офицер и крикнул:

«Господа юнкера! Позор! Вы братаетесь с хамьем Марш по местам». Но юнкера уже вышли из повиновения. Посыпались жалобы и упреки. Видно было, что Временное правительство уже не пользуется у них авторитетом. И перспектива встретиться с разъяренной народной толпой им не улыбалась. Офицер повернулся на каблуках и быстро ушел. Сейчас же во дворе раздалась команда, и к воротам частыми шагами подошел взвод других юнкеров. «На линию огня, шагом марш!» Новые юнкера рассыпались по бойницам Старые выстроились и ушли внутрь здания, ворча на офицера. Офицер резко обратился к нам: «А вы кто такие?» Я ответил, что я член ВРК и уполномочен передать предложение о сдаче: «Зимний дворец окружен плотным кольцом, на Неве стоят военные корабли. Положение Временного правительства безнадежно», но офицер грязно выругался и послал нас. И мы пошли...

Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный. Обрисовал печальную картину, сложившуюся вокруг Зимнего, Антонову. Антонов, тряся длинной шевелюрой, удивился моему рассказу: «Как? А мне только что сообщили, что Временное правительство сдалось и Зимний плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!»

Видя царящий в военном штабе хаос, бестолковщину и благодушное неведение командующего, я, сообщив в ВРК свои сведения, помчался назад к Зимнему, чтобы лично организовать штурм Дворца. По дороге я услышал несколько выстрелов. Когда я вернулся к Зимнему, вокруг него царило уже большое оживление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда поодиночке со всех концов города, как только раздалась первые выстрелы —

признак революции. Тут были матросы, рабочие, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия. Организованные же части продолжали благодушествовать, расположившись бивуаком в стороне. Я взял на себя задачу направить эту стихию на активные действия. Черная ночь, мертвящая тишина, передвигающиеся с места на место тени «стихии» нервировали защитников баррикады. Время от времени они оглашали площадь выстрелами. Для порядка и мы посылали им ответные выстрелы из толпы. Перестрелка создавала некоторую напряженность и революционизировала атмосферу, привлекая с окраин толпы рабочих, желающих принять боевое участие в революции. Из-под арки я перебрался к сложенным штабелям, под прикрытием которых скопилось много стихийников. Эта масса жаждала действия.

Стоило мне только предложить нескольким матросам штурмовать баррикаду, как тотчас же вокруг собралась целая рота добровольцев. Они только и жаждали инициатора, который бы что-нибудь такое затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу, как нужно себя вести при наступлении, и мы широкой цепью двинулись вперед. Нам удалось дойти уже до середины площади, когда нас выдал предательский свет фонаря на Александрийской колонне. Нас заметили с баррикады и после первого залпа открыли по нам частый огонь. Впившись в мостовую зубами, мы лежали как мертвые. Кто-то из наших товарищей сзади догадался «потушить» фонарь на колонне. И вскоре стрельба юнкеров стала стихать. Не успела еще прекратиться стрельба, как я услышал над своей головой голос неизвестно откуда взявшейся медсестры: «Товарищ, ты жив?!» К счастью, помощь не понадобилась — никаких ран, кроме нескольких разбитых при падении на мостовую коленок и лбов, у наступающих не было. То ли юнкера не умели стрелять,

то ли стреляли по верх голов, и это спасло защитников Зимнего от эксцессов толпы. После неудачной попытки атаковать баррикаду я решился приблизиться ко Дворцу со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы добрались до угла и присоединились к солдатам Павловского полка, укрывавшимися за гранитными статуями Эрмитажа. Взяв с собой группу матросов, я направился для разведки к боковым воротам Зимнего. Подкравшись к воротам, мы увидели ударниц женского батальона и вступили с ними в переговоры.

Оказалось, они сами искали путей войти с нами в контакт. Они нам сообщили, что женский ударный батальон и большая часть юнкеров постановили прекратить защиту группы растерявшихся людей, именующих себя Временным правительством. Они хотели вступить в переговоры с представителями ВРК, которые гарантировали бы им личную безопасность и свободное возвращение. Получив от меня гарантии, делегаты сдающихся частей ушли передавать результат переговоров своим товарищам. Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали зазорные, кокетливые взгляды своим бывшим «врагам». Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук и как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом

убегала. Растроганный матрос безнадежно вздохнул: «Эх, хороша Маша, да не наша». Солдаты скромнее, тех больше привлекали упругие груди, соблазнительно обрисовывавшиеся под тканью гимнастеров. С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались возможностью «полапать» девчонок. Проходя дальше по строю, ударницы, освоившиеся уже с «вражеской» обстановкой, раздавали шлепки налево и направо. Толпа гоготала в блаженном веселии. А в это время в нескольких десятках саженой из-за баррикады трещали выстрелы. Война только началась. За ударницами потянулись юнкера. Наконец, вышел последний юнкер и сообщил, что желающих сдаваться пока больше нет, но некоторые части юнкеров колеблются. Офицеры обеспокоены сдачей части юнкеров и ударниц. Много юнкеров арестовано, и им грозит расстрел за измену Временному правительству.

Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросня ворвалась во дворец и рассеялась по бесчисленным коридорам и залам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения по пути. Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать выход. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у временного правительства не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была — проникнуть изнутри к главным воротам и атаковать баррикаду с тыла.

Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда-то распространился слух, что прибыли казаки Керенского. Матросня бросилась назад к выходу. Как я

ни успокаивал — не помогло, и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за двумя последними матросами, чтоб не остаться совсем одному. Вбежали в какой-то чулан или кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Пробили прикладами дыру и вылезли на лестницу. Дверь во двор тоже оказалась на замке. Попробовали бить прикладами — не поддается — прочная. Мы попались в западню, как мыши.

Нужно искать путь, которым мы пришли во дворец. Бежим вверх. Взломали еще одну дверь и какими-то помещениями пришли к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади стоял сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа. И нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении.

Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба. Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двигаться во дворец. Матросы рассказали, как один из них, забравшись на какой-то чердак и сбросив оттуда бомбу на собрание юнкеров, убежал. Несколько матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика рассвирепела: «Как, расстреляли наших товарищей! Даешь Зимний, братва!» И вся эта орда бросилась во дворец...

Бомба, брошенная в самой середине здания, навела на юнкеров такой панический страх перед наглостью матросов, что они, завидев в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки вверх и сдавались. Лишь непосредственная охрана

Временного правительства и защита главных ворот еще держались на своих позициях.

По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный случай поживиться. Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда... оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда — это тайна, но во всяком случае тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичами и закрыть железную дверь.

На площади кипел горячий бой. А я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами. У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами. Странно было видеть этих людей при своих обязанностях в самом пекле сражения. Люди в ливреях невозмутимо стояли на своих постах и привычным движением распахивали перед каждым дверь. Один из лакеев, увидев меня и решив почему-то, что я начальник, обратился ко мне и говорит: «Я понимаю еще — ну бунтовать, там, но убивать, а зачем безобразничать-то!» — «Что вы этим хотите сказать?» — спрашиваю я, не понимая, в чем дело. «Так как же, вот, ваши товарищи-то: полюбуйте. Взяли кусок портьеры и вырезали на портянки. Я им говорю: зачем же вы хулиганничаете, вещь портите, вещь, она вас не трогает. Так они на меня револьвер наводят. Молчи, говорят, старая собака». — «А вы можете указать на того, кто это сделал?» — «Так где ж его теперь найдешь! Сколько их тут навалило!» Я старику разъяснил, что такие гадости делают не

революционеры, а мародеры, которых надо истреблять на месте. И если кто-нибудь еще позволит себе, то если он сам не сможет задержать этого человека, пусть укажет на него первому попавшемуся матросу, а уж мы ценности отберем и пощады не дадим. Я похвалил старика за то, что он в такой момент стоит на своем посту и охраняет народное имущество. На площади стрельба все увеличивалась, вдруг молния осветила на миг погруженные во мрак помещения дворца и раздался оглушительный орудийный выстрел. За ним еще. Здание дрогнуло. Казалось, что где-то поблизости рухнули стены. Я знал, что орудия, стоявшие на Невском, подвезены под арку штаба. Неужели они стреляют по дворцу, а ведь здесь же много своих? Я не в состоянии был понять, что там происходит. Может, следующий снаряд и похоронит нас под развалинами. Успокоил себя мыслью, что нелепо разрушать Дворец, и они этого никогда не сделают, стреляют, по-видимому, по баррикаде, чтоб разрушить ее. (Это стреляла холостыми «Аврора».)

Прибегает матрос и заплетающимся языком сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему опять заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб. Матрос, пошатываясь, ушел.

Пробираясь дальше вглубь здания, я заглянул в одну из боковых зал и вижу, как двое штатских, отворив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, команду: «Ни с места!» В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверью и крикнул своих матросиков, несколько поотставших от меня. Учуяв неладное, мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их.

Отобрав у них ценности, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано.

Наконец, стрельба прекратилась и кто-то сообщил, что главные ворота взяты. Вскоре мы встретились с солдатами, которые проникли во дворец уже через ворота. Здесь мне сообщили, что Временное правительство сдалось.

Передо мной стала задача охраны Зимнего. Я собрал кронштадтцев и попросил их принять на себя охрану дворца. Матросы долго отказывались, говоря, что эта привилегия вызовет к ним неприязнь других частей. Но мне удалось их убедить тем, что весь позор за разгром дворца падет на них как на главных участников штурма. Ворота Эрмитажа я приказал закрыть ввиду близости к ним винного склада. Внутри Дворца я выслал патрули, которые должны были очистить помещение от штатской публики и уговорить матросов и солдат покинуть Дворец. Караулу у ворот я приказал никого во дворец не пускать, а всех выходящих тщательно обыскивать. Скоро под воротами Дворца выросла гора отобранных вещей.

К этому времени на площади собрались все участники штурма. Ждали выхода арестованных министров. Для них уже были приготовлены машины. Мы уговорили толпу не делать никаких эксцессов министрам. Сделали узкий проход в толпе до автомобилей. Вот и они. Из толпы сыплются шуточки и остроты. Некоторые делали угрожающие движения. Все министры спокойно прошли сквозь строй к автомобилям. Один Маслов^[23], потеряв достоинство, впал в животный страх, увидев злобные рожи матросов и солдат. Увидев толпу, он шарахнулся назад, ухватился за сопровождающих и закричал: «Спасите, спасите меня!» Пришлось уговаривать его, что его не

собираются убивать, что пугаться не стоит, перед ним обычный народ, просто он никогда не видел народа так близко и поэтому ему страшно. Все же для Маслова пришлось специально раздвинуть проход, и шел он, сопровождаемый по бокам солдатами, уцепившись за них и с ужасом озираясь на матросов, которые нарочно делали ему страшные рожи. Передав охрану дворца караульной части, я поехал в Смольный...

А. И. Колпакиди, Г. В. Потапов Неизвестный большевизм

Известно, что большевики получили своё название от большинства на II съезде РСДРП в 1903 году, полученному из-за ухода делегатов от «Бунда». Вот Делегаты II-го съезда РСДРП 17.7-10.8(30.7-23.8).1903 года.

1. Айзенштадт Исай Львович Центральный комитет «Бунда» член съезда (меньшевик-эмигрант).

2. Аксельрод Павел (Пинхус) Борисович Редакция «Искры» с совещательным голосом (меньшевик-эмигрант).

3. Александрова-Жак Екатерина Михайловна Организационный комитет с совещательным голосом (меньшевичка, жена М. С. Ольминского).

4. Бауман Николай Эрнестович Московский комитет член съезда (большевик, убит в 1905 году).

5. Варшавский (Барский) Адольф-Ежи Станиславович Польские социал-демократы с совещательным голосом (большевик, расстрелян в 1937 году).

6. Виленский Леонид Семёнович Екатеринославский комитет член съезда (большевик).

7. Галкин (Горин) Владимир Филиппович Саратовский комитет член съезда (большевик).

8. Гальберштадт Розалия Самсоновна Организационный комитет с совещательным голосом (меньшевичка).

9. Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович Польские социал-демократы с совещательным голосом (большевик, расстрелян в 1937 году).

10. Гинзбург Борис Абрамович с совещательным голосом (меньшевик).

11. Гольдман Михаил Исаакович Центральный комитет «Бунда» член съезда (меньшевик, расстрелян в 1937 году).

12. Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович) Донской комитет член съезда (большевик).

13. Дейч Лев Григорьевич Группа «Освобождение труда» член съезда (меньшевик).

14. Жордания Ной Николаевич с совещательным голосом (меньшевик).

15. Засулич Вера Ивановна Редакция «Искры» с совещательным голосом (меньшевичка).

16. Зборовский Михаил Соломонович Одесский комитет член съезда (меньшевик).

17. Землячка (Залкинд) Розалия Самойловна Одесский комитет член съезда (большевичка).

18. Зурабов Аршак Герасимович Батумский комитет член съезда (большевик).

19. Калафати Дмитрий Павлович Николаевский комитет член съезда (меньшевик).

20. Книпович Лидия Михайловна Северный союз член съезда (большевичка).

21. Кнунянц Богдан Мирзаджанович Бакинский комитет член съезда (большевик).

22. Коссовский Владимир (Левинсон Мендель Яковлевич) Заграничный комитет «Бунда» член съезда (меньшевик).

23. Красиков Пётр Ананьевич Киевский комитет член съезда (большевик).

24. Кремер Арон (Аркадий) Иосифович «Бунд» с совещательным голосом (меньшевик).

25. Крохмаль Виктор Николаевич Уфимский комитет член съезда (меньшевик).

26. Крупская Надежда Константиновна с совещательным голосом (большевичка, жена Ленина).

27. Левин Ефим Яковлевич Группа «Южный рабочий» член съезда (меньшевик).

28. Левина (Сысоева) Евдокия Семёновна Харьковский комитет член съезда (меньшевичка).

29. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич Лига революционной социал-демократии член съезда (вождь большевиков).

30. Локерман Александр Самойлович Донской комитет член съезда (меньшевик).

31. Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич Саратовский комитет член съезда (большевик).

32. Макадзюб Марк Саулович Крымский союз член съезда (меньшевик).

33. Мандельберг Виктор Евсеевич Сибирский союз член съезда (меньшевик).

34. Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович) Организация «Искры» член съезда (лидер меньшевиков).

35. Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович Заграничный Союз русских социал-демократов член съезда (меньшевик).

36. Махлин Лазарь Давидович Екатеринославский комитет член съезда (большевик).

37. Махновец Владимир Петрович Заграничный Союз русских социал-демократов член съезда (меньшевик).

38. Махновец (Брукэр) Лилия Петровна Петербургская рабочая организация член съезда (меньшевичка).

39. Медем Владимир Давидович Заграничный комитет «Бунда» член съезда (меньшевик).

40. Мишенев (Муравьёв) Герасим Михайлович Уфимский комитет член съезда (большевик).

41. Мошинский Иосиф Николаевич Союз горнозаводских рабочих член съезда (меньшевик).

42. Никитин И. К. Киевский комитет член съезда (большевик).

43. Николаев Л. В. Харьковский комитет член съезда (меньшевик).

44. Носков Владимир Александрович с совещательным голосом (большевик, с 1907 года отошёл от партийной деятельности, покончил жизнь самоубийством в 1913 году).

45. Плеханов Георгий Валентинович Группа «Освобождение труда» член съезда (меньшевик с ноября 1903 года).

46. Портной Икойсиел (Бергман Ноэх) Центральный комитет «Бунда» член съезда (меньшевик).

47. Потресов Александр Николаевич с совещательным голосом (меньшевик).

48. Розанов Владимир Николаевич Группа «Южный рабочий» член съезда (меньшевик).

49. Степанов Сергей Иванович Тульский комитет член съезда (большевик).

50. Стопани Александр Митрофанович Северный союз член съезда (большевик).

51. Тахтарев Константин Михайлович с совещательным голосом (нейтрал).

52. Топуридзе Диомид Александрович Тифлисский комитет член съезда (большевик).

53. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович Сибирский союз член съезда (меньшевик, большевик с 1917 года).

54. Ульянов Дмитрий Ильич Тульский комитет член съезда (большевик, брат Ленина).

55. Цетлин Лев Соломонович Московский комитет член съезда (меньшевик).

56. Шотман Александр Васильевич Петербургский комитет член съезда (большевик).

57. Якубова А. А. с совещательным голосом (меньшевичка).

Но тогда это была фракция в социал-демократической партии. Первым чисто большевистским форумом стала Пражская конференция 1912 года на которой из 14 делегатов из России было 12 большевиков: А. К. Воронский (расстрелян в 1937 году),

Ф. И. Голощёкин (расстрелян в 1941 году), М. И. Гурвич, А. И. Догадов (расстрелян в 1937 году), П. А. Залуцкий (расстрелян в 1937 году), Г. Е. Зиновьев (расстрелян в 1936 году), Р. В. Малиновский (расстрелян в 1918 году), Е. П. Онуфриев, Г. К. Орджоникидзе (застрелился в 1937 году), А. С. Романов, Л. П. Серебряков (расстрелян в 1937 году), С. С. Спандарян (умер в ссылке в 1916 году). Из них двое: Малиновский и Романов были агентами-провокаторами Департамента полиции. Заграничные организации и находившиеся за границей центральные учреждения партии представляли большевики: Л. Б. Каменев (расстрелян в 1936 году), В. И. Ленин, О. А. Пятницкий (расстрелян в 1938 году), Н. А. Семашко. В конференции участвовали также два меньшевика-партийца: Я. Д. Зевин (казнён в 1918 году в числе 26 бакинских комиссаров) и Д. М. Шварцман.

Пражская конференция избрала большевистский Центральный Комитет партии, в состав которого вошли: Ф. И. Голощёкин, Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, Р. В. Малиновский, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман. ЦК было предоставлено право кооптации новых членов простым большинством голосов. В дни работы конференции в состав ЦК были кооптированы И. С. Белостоцкий и И. В. Сталин, а позднее — Г. И. Петровский и Я. М. Свердлов.

Конференция обсудила вопрос «О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов».

В резолюции по этому вопросу конференция отметила, что РСДРП уже около 4 лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской конференции 1908 года было определено как «попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить её бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценой явного

отказа от программы, тактики и традиций партии». «Конференция, — говорится в резолюции, — призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснить весь его вред для дела освобождения рабочего класса и направить все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП».

Однако, в большинстве регионов Российской империи большевики продолжали состоять в единых организациях с меньшевиками. Потому что социал-демократов на местах вообще было мало, да ещё их и постоянно арестовывала полиция. Так, В. Н. Кузнецов в статье «Большевики в Среднем и Нижнем Поволжье в 1911 — начале 1917 гг.» в журнале «Вестник Чувашского университета» № 4 за 2009 год указывает:

«В губернских центрах и ряде уездных городов сохранялись небольшие группы партийцев, объединяющие и большевиков, и меньшевиков. Ситуация в 1911 г. в Саратове, где, по донесениям жандармов, «имеется десятка два социал-демократов интеллигентов различных толков, но планомерной работы они не ведут, рабочих кружков нет» характерна для остальных губерний. Кроме того, власти неуклонно продолжали политику репрессий. Так, в ночь на 8 мая 1912 г. в том же Саратове жандармы провели масштабную ликвидацию, арестовав сразу 13 человек, в том числе сестер В. И. Ленина М.И. и А.И. Ульяновых. В январе 1914 г. собравшиеся большевики были вынуждены констатировать, что «на данный момент какая-либо партийная работа совершенно не возможна, так как лица, занимавшие ранее какое-либо положение в группе, хорошо известны жандармам».

В Самаре в декабре 1911 г. без выборов партийные активисты образовали комитет, в который вошли четыре человека, в том числе два большевика М.Д. Вульфсон и АА Буянов, но уже в феврале 1912 г.

схвачено оказалось 13 человек, в том числе члены комитета и посланец ЦК Л. П. Серебряков.

В апреле 1914 г. по заданию В.И. Ленина в Самару прибыл О.П. Пятницкий. В июне 1914 г. на собрании большевиков был избран комитет из пяти человек во главе с О. П. Пятницким, которого, однако, арестовали в тот же день. В Симбирске местные большевики вели себя пассивно. В Астрахани господство ликвидаторов вело к отсутствию попыток воссоздать нелегальную партийную структуру.

И далее: «Война еще более осложнила деятельность большевиков, усилились аресты. Весной 1915 г. в Саратов приехал член редакций «Звезда» и «Правда» М. С. Ольминский. При его участии в мае был создан большевистский кружок, взявшийся выполнять функции комитета. На предприятиях города создавались ячейки по 10-20 человек, печатались прокламации, проводились стачки. В связи с январскими забастовками 1916 г. власти арестовали активистов Г. И. Оппокова, М. А. Лебедева, В. П. Антонова, Курулева. В день их проводов в ссылку 23 апреля 1916 г. на волжской пристани собралось 150 человек, пелись революционные песни и произносились соответствующие речи. В этот же день власти провели масштабную ликвидацию, арестовав 47 человек. Такого удара социал-демократия Саратова не испытывала уже давно. Но уже в конце апреля 1916 г. собрались 22 рабочих-большевиков, избравших инициативную группу для руководства партийной деятельностью. Она просуществовала до арестов декабря 1916 г.»

Наиболее решительно в деле восстановления организации действовали самарские большевики. В декабре 1914 г. из рабочих Трубочного завода был сформирован комитет (А С. Сюлев, В. В. Елисеев, К. Н. Бедняков, П. С. Борисов и А. К. Десятниченко). Аресты в ночь на 13 декабря 1914 г., 14 января, 2 и 10 февраля

1915 г. разбили нарождающуюся организацию. В ночь на 1 июля 1915 г. жандармы провели 23 обыска и схватили 11 человек.

Самарская организация подготовила проведение поволжской большевистской конференции, открытие которой назначили на 4 сентября 1916 г. Делегаты приехали из Нижнего Новгорода, Сормова, Пензы, Саратова и Оренбурга. Саратов представляли В.П. Милютин и И.И. Фокин, Самару А.С. Бубнов, А.В. Гавриленко, С.О. Виксин, В.В. Куйбышев, его гражданская жена П.Я. Стяжкина. 4 сентября начать конференцию не удалось (В.В. Куйбышев заметил слежку), а в ночь на 5 сентября 1916 г. были арестованы почти все ее участники. Крупные аресты прошли 17 сентября, 2, 3 и 21 октября 1916. Организация, так и не приступившая к серьезной деятельности, была уничтожена.

В 1915 г. из видных большевиков в Астрахани не осталось никого (К.Э. Гейнриха, как германского подданного, выслали из России после начала войны). Ликвидаторы полностью ориентировались на легальную работу. В Симбирске социал-демократы не предпринимали попыток восстановить какую-либо организационную структуру. Начинание М.И.Кузьмина объединить рабочих в кружок в июле 1915 г. провалилось из-за негативного отношения рабочих к этому.

А, например в статье А. А. Штрыбула «К вопросу о численности сибирских организаций РСДРП(б) — РКП(б) в 1917-1918 гг.» в журнале «Вестник Томского государственного университета. История» № 3(29)/2014 написано:

«Весной 1917 г. большевистских организаций в Сибири практически не существовало, хотя в объединенных (правильнее — смешанных) организациях РСДРП было немало большевиков.

Безуспешные попытки добиться очищения Красноярской организации РСДРП от небольшой группы меньшевиков-оборонцев и преодолеть примиренчество центристов заставили 106 большевиков-правдистов выйти 30 мая из этой организации и образовать первую в Сибири самостоятельную большевистскую организацию РСДРП (б)».

То есть первая большевистская организация в Сибири появилась только через 3 месяца после Февральской революции. Даже официальная «История КПСС» (М. 1966. Стр. 484) признавала в общем виде трудности большевиков:

«В предвоенные месяцы подверглись жестоким полицейским преследованиям партийные организации Баку, Батуми, Гомеля, Одессы, Полтавы, Ростова-на-Дону, Смоленска, Тулы, Уфы, Ярославля. За месяц, предшествовавший войне, полицией было арестовано около тысячи членов петербургской организации РСДРП.... Только за первые пять военных месяцев жандармерия предприняла десятки налётов на партийные организации Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Тулы, Шуи, Костромы, Риги, Самары, Харькова, Киева, Екатеринослава, Одессы, Николаева, Баку, ряда городов Белоруссии. По всей России, по свидетельству Ленина, «царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП»».

В июле 1914 года была закрыта газета «Правда», в ноябре того же года осуждена и сослана в Сибирь фракция большевиков в Государственной думе.

Там же (стр. 547) приводятся данные о численности большевиков в некоторых городах: Петроград в ноябре 1914 года — 100 человек; Москва летом 1915 года — 200 человек; Харьков весной 1915 года — 15 человек. Затем, разумеется там писано, что начался бурный рост численности большевиков. Якобы в Петрограде за два

года численность возросла в 20 раз. Но эти утверждения не вызывают доверия и ничем не подкреплены. Почему в условиях продолжающегося полицейского террора и мобилизаций в армию будет расти численность нелегальной партии? Рабочим так захотелось быть арестованным и отправиться в Сибирь или в окопы на фронт? Если в более благоприятных условиях мирного времени не было такого притока, то с какой стати он начнётся в условиях войны?

«Численность большевистской партии в феврале 1917 г. по одним источникам составляла 10 тыс. человек, по другим — 24 тыс. К апрелю она выросла до 80 тыс. человек. На первом Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. большевики получили лишь 12 % делегатских мандатов»^[24].

В утверждение о том, что к февралю 1917 года партия большевиков насчитывала 24 тысячи членов, скорее всего, являются пропагандистским утверждением, придуманным уже при советской власти. На самом деле численность РСДРП(б) к моменту Февральской революции насчитывала несколько тысяч членов в России, несколько тысяч в ссылках и тюрьмах и несколько сотен в эмиграции. Всего порядка 3–5 тысяч. Ссылки на партийную перепись 1922 года не могут служить надёжным доказательством, потому что к моменту её проведения у участников была заинтересованность в давней принадлежности к правящей партии. Поэтому все, кто отошёл от неё, и вернулся после революции, представлялись никогда не отходившими. Да и результаты этой переписи показали только 10 тысяч членов партии со стажем до 1917 года. Из них 5660 русских (56,5 %) и 4363 нерусских (43,5 %). В том числе 1454 латыша (14,5 %), 964 еврея (9,6 %) и 424 грузина (4,2 %).

Большинство лидеров большевиков к началу 1917 года состояли в других социал-демократических формированиях. В группу «Вперёд», объединявшую противников Ленина — отзовистов, ультиматистов и богостроителей входили: Г. А. Алексинский, А. А. Богданов (наст. фам. Малиновский), Я. А. Берман, Максим Горький, В. А. Десницкий, В. Л. Шанцер (Марат), А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, И. И. Лебедев-Полянский, Д. З. Мануильский, В. Р. Менжинский, А. В. Соколов, Израилевич, Ф. И. Калинин, И. П. Трайнин, М. Г. Цхакая и другие. В петроградской «Межрайонной организации объединённых социал-демократов» состояли: В. Володарский, А. А. Иоффе, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, Л. Д. Троцкий, К. К. Юренев и другие.

В момент Февральской революции В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Г. Е. Зиновьев были в Швейцарии, Н. И. Бухарин, В. Володарский, Л. Д. Троцкий в Нью-Йорке, М. С. Урицкий в Стокгольме, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, М. К. Муранов, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев — в сибирской ссылке. Ф. Э. Дзержинский сидел в тюрьме в Москве. В Петрограде руководство небольшой по численности партийной организацией осуществляло Русское бюро ЦК РСДРП(б), в состав которого входили А. Г. Шляпников, В. М. Молотов и П. А. Залуцкий. Петербургский комитет большевиков был почти полностью разгромлен 26 февраля 1917 года, когда пять его членов были арестованы полицией. Днём 27 февраля (12 марта) 1917 года, когда был сформирован временный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, большевиков в его составе не было. В первоначальный состав постоянного Исполкома Петросовета из 15 человек вошло лишь 2 большевика — А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Таким образом до Февральской революции правильнее говорить о

существовании группы большевиков, ввиду её незначительной численности.

«В первом номере газеты «Правда», который вышел 5.03.17, было опубликовано обращение партии к «Пролетариату России». В нем сказано следующее:

«1) Записывайтесь в члены партии; 2) Создавайте партийные организации;

3) Создавайте кадры пролетарской и демократической гвардии; 4) Создавайте партийную печать; 5) Ведите широкую агитацию социал-демократических идей и лозунгов, написанных на знаменах РСДРП; 6) Собирайте средства на организацию, агитацию и литературу».

Партия только что вышла из подполья. Большинство ее комитетов были разгромлены царской полицией и охранкой в 1914–1916 гг., а основные партийные кадры еще находились в местах ссылки и каторги. В этой ситуации самой важной и срочной задачей партии являлась организация ее партийных комитетов и ячеек, а также формирование партийного актива на заводах и фабриках городов России.

Апрель 1917 года в истории Русской революции стал поворотным рубежом. Именно тогда лидер большевиков В.И. Ленин выдвинул известный лозунг: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!». Этот лозунг самая удачная и эффективная находка партии большевиков, которая сразу же выделила ее в мире политической борьбы и обеспечила ей стремительный рост популярности среди трудового народа.

Важную роль в усилении политических позиций большевиков летом 1917 года сыграла фракция интернационалистов, которую возглавлял Л. Д. Троцкий. Левая фракция в РСДРП образовалась в июне 1917 года на I-м Всероссийском съезде Советов. В нее тогда вошли: Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, Д. Б. Рязанов, А. А. Иоффе, Б. И. Моисеев и др. Организовали ее

представители интеллигенции. На 6 съезде РСДРП(б) большая группа интернационалистов во главе с Л. Д. Троцким влилась в партию большевиков.

Группа Л. Д. Троцкого тогда поддержала все основные предложения В. И. Ленина, и в первую очередь лозунг «Вся власть Советам». Но после ухода Л. Д.

Троцкого фракция интернационалистов не распалась.

Так, 18-21.10.17 в Петрограде прошла Всероссийская конференция объединенных социал-демократов интернационалистов, избравшая Центральное Бюро РСДРП (интернационалисты).

В его состав вошли: В. А. Базаров (Руднев); Б. В. Авилов (Тигров); Г. Д. Линдов (Лейтензен); А. А. Блюм; В. А. Строев (Десницкий); В. П. Волгин; А. А. Соловьев; И. П. Прокофьев.

Тогда же был учрежден печатный орган этой фракции — «Голос социал-демократа».

Эта фракция на тот момент поддерживала лозунг большевиков «Вся власть Советам». Затем, 14-20.01.18 состоялся Учредительный съезд РСДРП (интернационалисты). Теперь уже это была не фракция РСДРП, а самостоятельная партия. На съезде был избран ЦК партии: В. А. Строев; В. А. Базаров; А. А. Блюм; Б. В. Авилов; Г. Д. Линдов; С. Н. Жилинский; И. А. Грунин; М. К. Кричевский; М. А. Старец; М. А. Каттель; Р. Григорьев; Л. Н. Геллер; И. П. Прокофьев; А. Канторович; Г. М. Крамаров.

Эта новая социалистическая партия встала на советскую платформу и выразила поддержку всем решениям II Всероссийского съезда Советов.

Затем, 11-19.05.1918 состоялся 2 съезд этой партии. На нем был избран новый состав ЦК: В. А. Базаров; Л. Н. Геллер; С. И. Каплун; Г. Д. Линдов; С. А. Лозовский (кандидаты: А. А. Блюм, М. А. Каттель, В. Ф. Плетнев).

Историкам следует обратить внимание на руководящий состав данной партии. Так, в советской литературе С. А. Лозовский, В. Ф. Плетнев, И. А. Грунин именовались на 1917 год большевиками, хотя таковыми они не являлись. Зато, В. А. Базаров (Руднев), Б. А. Авилов, А. А. Блюм в этой же литературе именовались меньшевиками, но таковыми они тоже не являлись.

В мае 1918 года между партиями большевиков и РСДРП (интернационалисты) возникли острые политические разногласия. ЦК РСДРП (интернационалисты) принял решение перейти в оппозицию к большевикам и подвергнуть их политику открытой критике.

С таким решением не согласился Г. Д. Линдов. Он 21.06.18 вышел из состава РСДРП (интернационалисты) и образовал новую партию: РСДРП (революционные интернационалисты). Затем, был сформирован ЦК такой партии, в который вошли: Г. Д. Линдов; С. Н. Жилинский; С. М. Киров; А. М. Стопани; Я. Т. Руцкий; Н. Г. Хрулев (от Викжеля); К. П. Новицкий; Р. П. Катанян; Д. А. Стопани; К. Б. Грикевич.

Численность большевиков к апрелю 1917 года возросла до 35 тыс. человек. Но эта партия сумела за короткий срок организовать свои партийные комитеты во всех крупных городах России. Основные кадры партии были сконцентрированы в центральных губерниях страны.

3 апреля 1917 года В. И. Ленин прибыл в Петроград и немедленно изложил свои «апрельские тезисы», в которых призвал к переходу от буржуазной революции к социалистической. Никому из большевиков до этого не приходило в голову ставить вопрос о социалистической революции в качестве непосредственной задачи. К этому было не готово не только умеренное, но и леворадикальное крыло

большевиков. Л. Б. Каменев в статье «Наши разногласия» («Правда» 8 апреля 1917 года) писал:

«Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в социалистическую».

Н. Н. Суханов в своих «Записках о революции» так объясняет поражение классического марксизма в рядах большевиков:

«Казалось, в партии большевиков марксистские устои прочны и незыблемы. Казалось, взбунтовавшемуся лидеру не под силу произвести идейный переворот среди своей собственной паствы, не под силу опрокинуть основы своей собственной фракционной школы. Казалось, большевистская партийная масса основательно ополчилась на защиту от Ленина элементарных основ научного социализма, на защиту от Ленина самого большевизма, самого старого, привычного, традиционного Ленина.

Увы! Напрасно обольщались многие, и я в том числе... Ленин победил очень скоро и по всей линии... Своих большевиков он заставил целиком воспринять свои «бредовые идеи». И в недалёком будущем всё бывшее для самих большевиков явной несообразностью, явной утопией, явным кричащим уклонением от всего того, чему искони учила социал-демократия, — всё это в недалёком будущем стало единственным истинным словом социализма, единственно мыслимой революционной политикой в отличие от бредней социал-предателей и прихвостней буржуазии...

Как и почему это случилось?... Прежде всего — в этом не может быть никаких сомнений — Ленин есть явление чрезвычайное. Это человек совершенно

особенной духовной силы. По своему калибру — это первоклассная мировая величина. Тип же этого деятеля представляет собой исключительно счастливую комбинацию теоретика движения и народного вождя... Если бы понадобились ещё иные термины и эпитеты, то я не задумался бы назвать Ленина человеком гениальным...

Наряду с внутренними, так сказать теоретическими, свойствами Ленина, наряду с его гениальностью в его победе над старым марксистским большевизмом сыграло первостепенную роль ещё следующее обстоятельство. Ленин на практике, исторически был монопольным, единым и нераздельным главою партии в течение долгих лет со дня её возникновения. Большевистская партия — это дело рук Ленина, и притом его одного. Мимо него на ответственных постах проходили десятки и сотни людей, сменялись одно за другим поколения революционеров, а Ленин незыблемо стоял на своём посту, целиком определял физиономию партии и ни с кем не делил власти.

Такой естественный порядок партия помнила, как самое себя; с таким порядком все сжились, как сжились с собственным пребыванием в партии. Иного порядка не представляли, да и был ли он возможен? Остаться без Ленина — не значит ли вырвать из организма сердце, оторвать голову? Не значит ли это разрушить партию?... Самая мысль пойти против Ленина так пугала, была так одиозна и столько требовала от большевистских масс, сколько они не могли дать...

Гениальный Ленин был историческим авторитетом — это одна сторона дела. Другая — та, что кроме Ленина, в партии не было никого и ничего. Несколько крупных «генералов» без Ленина — ничто, как несколько необъятных планет без солнца... О замене Ленина отдельными лицами, парами или комбинациями не могло быть речи. Ни самостоятельного идейного

содержания, ни организационной базы, то есть ни целей, ни возможностей существования, у большевистской партии без Ленина быть не могло...

Партийная публика, конечно, решительно не имела сил что-либо противопоставить натиску Ленина и сколько-нибудь серьёзно сопротивляться ему. Никаких внутренних ресурсов, никакого самостоятельного багажа у партии для этого не было.

Но этого мало: у партийной массы не было и субъективных оснований для серьёзной борьбы, не было надлежащих к ней импульсов. Ибо не было сознания её крайней необходимости: не было сознания, что Ленин действительно покушается на элементарные основы марксизма и основные устои партии. Для этого были нужны знания, которых не было...

Разудалая «левизна» Ленина, бесшабашный радикализм его, примитивная демагогия, не сдерживаемая ни наукой, ни здравым смыслом, впоследствии обеспечили ему успех среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки, кроме царской нагайки. Но эти же свойства ленинской пропаганды подкупали и более отсталые, менее грамотные элементы самой партии. Перед ними уже вскоре после приезда Ленина естественно вырисовывалась альтернатива: либо остаться со старыми принципами социал-демократизма, остаться с марксистской наукой, но без Ленина, без масс и без партии; либо остаться при Ленине, при партии и лёгким способом совместно завоевать массы, выбросив за борт туманные, плохо известные марксистские принципы. Понятно, как — хотя бы и после колебаний — решила эту альтернативу большевистская партийная масса.

Позиция же этой массы не могла не оказать решающего действия и на вполне сознательные большевистские элементы, на большевистский генералитет. Ведь после завоевания Лениным

партийного офицерства люди, подобные, например, Каменеву, оказывались совершенно изолированными, становились в положение изгоев, внутренних врагов, внутренних изменников и предателей»^[25].

24-29 апреля (7-12 мая) 1917 года в Петрограде прошла Всероссийская конференция РСДРП(б). В докладе о текущем моменте Ленин обосновал политический курс партии на подготовку и проведение социалистической революции. С содокладом выступил Л. Б. Каменев, пытавшийся доказать, что буржуазно-демократическая революция не закончена и что Россия не созрела для социалистической революции. Его поддержал А. И. Рыков, утверждавший, что в России нет объективных условий для победы социалистической революции, что социализм должен прийти с Запада. Конференция отвергла точку зрения Каменева и приняла ленинскую резолюцию.

Как писал Суханов в вышеупомянутой книге:

«То, что Плеханов назвал бредом, то, что для самих старых большевиков месяц назад было дико и смешно, стало ныне официальной платформой партии...

Не стерпели и ушли очень немногие старые деятели партии. Остальные восприняли ленинский анархизм и отряхнули от ног своих прах марксизма с таким видом, будто бы ничего иного они никогда и не думали, будто бы их собственные вчерашние взгляды, их собственная старая наука — всегда были в их глазах обманом буржуазии, бреднями (П. Н. Суханов «Записки о революции»)^[26].

3 (16) июня 1917 года в Петрограде собрался I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, большевики имели на нем 105 делегатов (меньшевики 248 и эсеры 285). 17 (30) июня 1917 года съезд избрал ВЦИК из 320 человек — 256 членов и 64 кандидатов. По партийному составу: 58 большевиков

(35 членов и 21 кандидат), 123 меньшевика (107 членов и 16 кандидатов), 119 эсеров (101 член и 18 кандидатов), 13 объединённых социал-демократов, 4 трудовика, 2 народных социалиста, 1 место у Еврейской социалистической партии.

Именно летом 1917 года из группы сформировалась партия большевиков. Когда после июльских событий в Петрограде 13-14 июля прошло совещание членов ЦК и Военной организации большевиков. На нём были доложены новые тезисы Ленина о подготовке к вооружённому восстанию. Представители умеренного крыла партии большевиков опять попытались противодействовать. Как пишет А. Рабинович в своей книге: «Официальный протокол совещания лидеров большевиков 13-14 июля не публиковался. Из современных документов нам известно, что тезисы Ленина явились предметом ожесточённых споров. Володарский из Петербургского комитета, Ногин и Рыков из Москвы выступили против Ленина «по всем основным вопросам, затронутым в тезисах». Есть свидетельства, что Зиновьев, который так же, как Володарский, Ногин и Рыков, противился ленинскому курсу, но не присутствовал на совещании, ознакомил участников со своей точкой зрения письменно. Свердлов, Молотов и Савельев, как видно, возглавили борьбу за принятие предложенного Лениным курса. Когда дело дошло до голосования, то тезисы были решительно отвергнуты. Из пятнадцати присутствовавших на совещании партийных руководителей десять голосовало против них»^[27].

На VI съезде РСДРП в августе 1917 года мандатная комиссия доложила о членстве в РСДРП(б) 176500 членов партии, из них 4000 членов межрайонной организации, принятых на этом съезде в большевики. Правда, даже в протоколах съезда, изданных в 1958

году, на страницах 204-205 сохранилась неизменной с 1917 года арифметическая ошибка, занижившая численность Московской организации на 350 человек. Теперь взрывной рост численности большевиков вполне объясним. Они вели агитацию легально, выпускали 30 газет (из них 17 ежедневных), 11 журналов и массу прочей печатной продукции, выдвигали популярные лозунги. Кстати, на VI съезде РСДРП в финансовом отчёте ЦК было сказано, что из 50 тысяч рублей пожертвований партии большевиков 33 000 рублей поступили «от Лесснера» (Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М. 1958. стр. 38). В справочнике «Весь Петроград на 1917 год» есть только один Артур Густавович Лесснер — акционер завода «Г. А. Лесснер» и совладелец фирмы «Ноблесснер».

На VI съезде РСДРП был избран ЦК, который через два месяца решал вопрос о взятии власти большевиками.

Члены ЦК РСДРП(б):

1. Берзин Я. А (1881-1938).
2. Бубнов А С. (1884-1938).
3. Бухарин Н. И. (1888-1938).
4. Дзержинский Ф. Э. (1877-1926).
5. Зиновьев Г. Е. (1883-1936).
6. Каменев Л. Б. (1883-1936).
7. Коллонтай А М. (1872-1952).
8. Крестинский Н. Н. (1883-1938).
9. Ленин В. И. (1870-1924).
10. Милютин В. П. (1884-1937).
11. Муранов М. К. (1873-1959).
12. Ногин В. П. (1878-1924).
13. Рыков А И. (1881-1938).
14. Свердлов Я. М. (1885-1919).
15. Сергеев Ф. А (1883-1921).
16. Смилга И. Т. (1892-1938).
17. Сокольников Г. Я. (1888-1939).

18. Сталин И. В. (1878–1953).
19. Троцкий Л. Д. (1879–1940).
20. Урицкий М. С. (1873–1918).
21. Шаумян С. Г. (1878–1918).

В словаре Гранат в автобиографии А А Иоффе (1883–1927) писано, что он на VI съезде был избран членом ЦК РСДРП(б). С. Шрамко в статье «Забытый автор Октября» («Сибирские огни» № 11 за 2007 год) пишет:

«Вдова Свердлова Клавдия Новгородцева пишет: «4–5 августа года состоялся первый Пленум Центрального Комитета. Пленум избрал узкий состав ЦК для проведения всей текущей работы. В него (кроме Ленина — прим, авт.) вошли: Сталин И. В., Дзержинский Ф. Э., Милютин В. П., Урицкий М. С, Иоффе А А, Свердлов Я. М., Муранов М. К, Бубнов А.С., Стасова Е.Д., Шаумян С. Г. (Ленина в это время в Петрограде не было, и в заседаниях узкого состава ЦК он не участвовал). На первом заседании узкого состава, 6 августа, из пяти членов ЦК был образован Секретариат, или Оргбюро ЦК, которому была поручена вся организационная часть работы. В состав его были избраны Ф. Э. Дзержинский, А. А. Иоффе, Я. М. Свердлов, М. К. Муранов и Стасова».

Умеренное крыло РСДРП(б) продолжало саботаж ленинской линии на взятие власти. Ленинская «статья «О героях подлога и об ошибках большевиков» была опубликована в «Рабочем пути» 24 сентября под заголовком «О героях подлога». Причём та часть статьи, где Ленин критикует ошибки большевиков, напечатана не была.

Газетная статья «Из дневника публициста» написанная Лениным 22–24 сентября... так и не была напечатана. Вместо неё редакция «Рабочего пути», в состав которой входили Сокольников, Троцкий, Каменев, Сталин и Володарский, начала публиковать (26 сентября) работу Ленина «Задачи революции»,

написанную в начале месяца^[28]. Между тем в этой статье Ленин писал:

«Невозможны никакие сомнения насчёт того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать гибельными, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны погубить дело».

«В первые дни октября стало ясно, что Центральный Комитет уже не может успешно препятствовать распространению ленинских призывов... Получив ленинские письма, лидеры Петербургского комитета поняли, что ЦК грубо нарушил сложившийся порядок. Он не только отверг предложение Ленина о подготовке вооружённого восстания без предварительных консультаций с Петербургским комитетом, но в течение всей второй половины сентября скрывал и искажал истинную ленинскую оценку хода событий и сложившегося положения. Когда всё это стало известно, мнения членов Исполнительной комиссии Петербургского комитета (9 человек) разделились — большинство согласилось с точкой зрения Ленина, меньшинство считало вооружённое восстание преждевременным, — но все без исключения члены Исполнительной комиссии были возмущены тем, что ЦК выступил в роли цензора ленинских писем и статей»^[29].

10 (23) октября 1917 года ЦК РСДРП(б) рассмотрел на своём заседании вопрос о вооружённом восстании. На этом заседании присутствовали 11 членов ЦК из 21 (Ленин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Свердлов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий) и кандидат в члены ЦК Оппоков (Ломов). Предложение Ленина о захвате государственной власти поддержали все участники заседания, кроме Зиновьева и Каменева.

Таким образом, победило леворадикальное крыло партии большевиков. Умеренное крыло РСДРП(б), которое возглавляли Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, В. П. Ногин, не смогло настоять на создании однородного социалистического правительства (из представителей всех социалистических партий).

Уже после Октябрьской революции, в начале ноября 1917 года, Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин выходили из состава ЦК РСДРП(б) в знак протеста против отказа ЦК создавать правительство с участием всех социалистических партий. Но и тогда у умеренных большевиков ничего не получилось.

12(25) октября 1917 года был создан Военно-Революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В его состав входили большевики, левые эсеры и анархисты. По мнению С. Шрамко председателем Петроградского ВРК, руководившим Октябрьским переворотом, был А. А. Иоффе. Как пишет Шрамко в вышеупомянутой статье:

«Он-то и был в Октябре 1917 года вождем беспартийного штаба восстания, после свержения Временного правительства передавшего власть над страной в руки Ленина и Спиридоновой. Именно он, не любящий лишнего шума Иоффе был руководителем армии революции, о чем скупно напишет в автобиографии для юбилейного тома словаря братьев Гранат, посвященном деятелям революции: «Во время октябрьского восстания был председателем Военно-революционного комитета».

С Шрамко продолжает:

«Впервые о руководящей роли Адольфа Абрамовича вПВРК еще в 1919 г. сообщилЛБ. Каменев, причем сделал это тактично — начав перечень руководства с покойников, словно отдавая дань их памяти и явно рассчитывая, что Иоффе не будет оспаривать его заявление: “Военно-революционный комитет, под

руководством товарищей Свердлова, Урицкого, Иоффе, Дзержинского и др., заседавших в третьем этаже Смольного, руководил захватом всех боевых пунктов, рассылая воинские части, комиссаров и т. д., а товарищи Антонов, Подвойский и Чудновский подготовляли взятие Зимнего дворца».

У его могилы в ноябре 1927 г. об этом вспомнит и Троцкий: «Трудные времена никогда не устрашали его: он был одинаков и в октябре 1917 года как член, а затем и председатель Военно-революционного комитета в Петрограде, он был одинаков и под Петроградом, когда разрывались снаряды, посылавшиеся Юденичем; он был таким же за дипломатическим столом Брест-Литовска, а затем — многочисленных столиц Европы и Азии».

Поскольку в свержении Временного правительства участвовали не только большевики, но и левые эсеры и анархисты, то фигура Иоффе на посту председателя ВРК могла устроить всех и способствовать успеху восстания. Но затем, после того как в 1920-х годах Иоффе поддержал Троцкого, фигура председателя ПВРК расплылась и стало непонятно кто же возглавлял Петроградский ВРК.

«В.И. Ленин, прогнозируя новую ситуацию в сентябре 1917 г., полагал, что сторонники М.А. Спиридоновой поддержат восстание. И не ошибся. 12 октября в Петрограде бы создан Военно-революнный комитет, на практике превратившийся в штаб по подготовке восстания. В него вошли, наряду с большевиками, левые эсеры В.А. Алгасов, Г.Д. Закс, М.А. Левин, Г.Н. Сухарьков, А.М. Устинов и В.И. Юдзентович. Первым председателем ВРК стал левый эсер П. Е. Лазимир (руководитель солдатской секции Петросовета). Левые эсеры участвовал и в деятельности ряда местных ВРК. По данным Г.А. Трукана, из 41 ВРК,

созданных в Центральном районе страны, в 37 большевики и левые эсеры действовал совместно»^[30].

Вот список членов Петроградского ВРК:

1. Аванесов В. А. - (1884-1930), армянин, большевик.
2. Алгасов В. А. - (1887-1938), русский, эсер.
3. Антонов (Овсеенко) В. А. - (1883-1938), украинец, большевик.
4. Анцелович Н. М. - (1888-1952), еврей, большевик.
5. Балашов И. В. - (? -?), русский, эсер.
6. Благонравов Г. И. - (1896-1938), русский, большевик.
7. Блейхман И. С. - (1868-1921), еврей, анархист.
8. Богацкий Г.М. - (? -?), еврей, анархист.
9. Бубнов А. С. - (1884-1938), русский, большевик.
10. Бурштейн Э. И. - (? -?), еврей, эсер.
11. Быдзан И. Ф. - (? -?), латыш, эсер.
12. Быков П. М. - (1888-1953), русский, большевик.
13. Вейнберг Г. Д. - (1891-1946), еврей, большевик.
14. Галкин А. В. - (1877-1936), русский, большевик.
15. Гвоздин — (? -?), русский, большевик.
16. Гжелыцак Ф. Я. - (1881-1937), поляк, большевик.
17. Головкин И. И. - (? -?), еврей, большевик.
18. Голощекин Ф. И. - (1876-1941), еврей, большевик.
19. Гусев (Драбкин Я. Д.) С. И. - (1874-1933), еврей, большевик.
20. Дашкевич П. В. - (1888-1938), белорус, большевик.
21. Дзержинский Ф. Э. - (1877-1926), поляк, большевик.
22. Дрезен Э. К. - (1892-1937), латыш, эсер.
23. Другов Ф. П. - (1891-1934), русский, анархист.
24. Дыбенко П. Е. - (1889-1938), украинец, большевик.
25. Евсеев Д. Г. - (1892-1942), русский, большевик.

26. Еремеев К. С. - (1874-1931), русский, большевик.
27. Ефремов М. П. - (1896-1975), русский, большевик.
28. Закс Г. Д. - (1882-1937), еврей, эсер.
29. Залуцкий П. А. - (1887-1937), белорус, большевик.
30. Зверин А. А. - (? -?), еврей, эсер-максималист.
31. Ильин И. И. - (? -?), русский, эсер.
32. Иоффе А. А. - (1883-1927), еврей, большевик.
33. Карахан Л. М. - (1889-1937), армянин, большевик.
34. Крамаров (Моисей Ицкович Исакович) Г. М. - (1887-1970), еврей, РСДРП (И).
35. Крыленко И. В. - (1885-1938), украинец, большевик.
36. Кузнецов Я. М. - (? -?), русский, большевик.
37. Лазимир И. Е. - (1891-1920), эстонец, эсер.
38. Лацис М. Я. - (1888-1938), латыш, большевик.
39. Лашевич М. М. - (1884-1928), еврей, большевик.
40. Левин М. А. - (? -?), еврей, эсер.
41. Ленин В. И. - (1870-1924), русский, большевик.
42. Малиновский Л. И. - (1897-1938), русский, большевик.
43. Мгеладзе И. В. - (1890-1941), грузин, большевик.
44. Мехоношин К. А. - (1889-1938), русский, большевик.
45. Мицкевич (Капсукас) В. С. - (1880-1935), литовец, большевик.
46. Молотов В. М. - (1890-1986), русский, большевик.
47. Невский (Кривобоков Ф. И.) В. И. - (1876-1937), украинец, большевик.
48. Орлов В. А. - (? -?), русский, большевик.
49. Павлов В. Н. - (1892-1925), русский, большевик.
50. Павлуновский И. П. - (1889-1937), русский, большевик.
51. Петерс Я. Х. - (1886-1938), латыш, большевик.
52. Петерсон К. А. - (1877-1926), латыш, большевик.

53. Подвойский Н. И. - (1880-1948), украинец, большевик.

54. Приговорский М. В. - (1893-1918), белорус, большевик.

55. Прохоров И. М. - (1888-1938), русский, эсер.

56. Пупырев Н. А. - (? -?), русский, большевик.

57. Садовский А. Д. - (1880-1927), украинец, большевик.

58. Сандуров К. Ф. - (? -?), русский, эсер.

59. Свердлов Я. М. - (1885-1919), еврей, большевик.

60. Сидоров П. Ф. - (? -?), русский, эсер.

61. Склянский Э. М. - (1892-1925), еврей, большевик.

62. Скрыпник Н. А. - (1872-1933), украинец, большевик.

63. Сталин И. В. - (1878-1953), грузин, большевик.

64. Старлычанов Г. Д. - (? -?), русский, большевик.

65. Стучка П. И. - (1865-1932), латыш, большевик.

66. Сухарьков Г. Н. - (? -?), русский, эсер.

67. Трифонов В. А. - (1888-1938), казак, большевик.

68. Троцкий Л. Д. - (1879-1940), еврей, большевик.

69. Уншлихт И. С. - (1879-1938), поляк, большевик.

70. Урицкий М. С. - (1873-1918), еврей, большевик.

71. Устинов А. М. - (1879-1937), русский, эсер.

72. Фишман Я. М. - (1887-1961), еврей, эсер.

73. Флеровский И. П. - (1888-1959), русский, большевик.

74. Фомин В. В. - (? -?), русский, большевик.

75. Хуппонен (Мурзин) А. И. - (? -?), финн, анархист.

76. Чумаченко П. В. - (? -?), украинец, эсер.

77. Шатов (Клигерман) В. С. - (1887-1943), еврей, анархист.

78. Шляпников А. Г. - (1885-1937), русский, большевик.

79. Шмидт В. В. - (1886-1938), немец, большевик.

80. Юдзентович В. М. - (? -?), поляк, эсер.

81. Юренин (Кротовский) К. К. - (1888-1938), поляк, большевик.

82. Ярчук Х. З. - (? -?), еврей, анархист.

Из 82 членов ПВРК: русских — 30, евреев — 21, украинцев — 8, латышей — 6, поляков — 5, белорусов — 3, армян — 2, грузин — 2 и по одному литовцу, немцу, финну, эстонцу и казаку. Этот национальный состав свидетельствует, что Октябрьская революция имела характер общегосударственный, а не национальный.

25 октября 1917 года был создан Московский ВРК. В его составе было 7 членов и 6 кандидатов. От большевиков: члены — А. Ломов (Г. И. Оппоков) (1888-1938), русский, В. М. Смирнов (1887-1937), русский, Г. А. Усиевич (1890-1918), русский, Н. И. Муралов (1877-1937), русский, кандидаты — А. Я. Аросев (1890-1938), еврей, П. Н. Мостовенко (1881-1938), украинец, А. И. Рыков (1881-1938), русский, С. Я. Будзинский (? -?), поляк; от меньшевиков: члены — М. И. Тейтельбаум (? -?), еврей, М. Ф. Николаев (? -?), русский; от объединённых интернационалистов — И. Ф. Константинов (? -?), русский. По сообщению ряда источников, кандидаты от объединенцев — Л. Е. Гальперин (Коняга) (1872-1951), еврей, В. Я. Яснев (1881-1941), русский.

Кому служили офицеры Российской императорской армии

Российская элита в какой-то своей части сочувствовала большевикам и даже оказывала им помощь. Так, генерал-лейтенант Н. М. Потапов — генерал-квартирмейстер Главного штаба и начальник российской контрразведки ещё летом 1917 года предложил свои услуги партии большевиков. Как пишет А. В. Островский в статье «Октябрьская революция:

случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность?»:

«В один из самых критических моментов в истории партии большевиков она получила предложение о сотрудничестве со стороны который не просто принадлежал к числу руководителей русской армии, но и возглавлял одно из важнейших ведомств Военного министерства. Совершенно невероятно, чтобы в таких условиях Н. М. Потапов, за спиной которого был длительный опыт работы в русской разведке за рубежом, пошёл на сотрудничество с большевиками по чисто личным мотивам, на свой страх и риск. Вероятнее всего за его спиной стояли определённые силы в руководстве армии, государственном аппарате и деловом мире, которые считали необходимым прекращение войны, проведение внутри страны радикальных реформ и перевод развития экономики на рельсы государственного капитализма».

А потому предложение генерала Н. М. Потапова следует рассматривать как предложение именно этих сил о сотрудничестве с большевиками. В связи с этим получают объяснение такие факты как: прекращение уже в сентябре 1917 г. следствия по делу об участии большевиков в июльских событиях, освобождение из тюрем почти всех арестованных по этому делу, поразительная бездеятельность военного руководства в октябрьские дни 1917 г., финансирование командующим Северного фронта генералом Черемисовым большевистской газеты «Наш путь», его противодействие попыткам А. Ф. Керенского использовать части Северного фронта для подавления Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде, невероятная лёгкость, с которой партия большевиков, придя к власти, обеспечила переход на сторону советского правительства служащих центральных

учреждений Военного министерства и армии, в том числе более 700 генералов».

«С начала лета всё чаще стало проявляться отсутствие единства среди офицеров... Уже в это время значительную роль в эксцессах играли большевистски настроенные офицеры, подстрекавшие солдат к неповиновению. В рапорте командира 37-го армейского корпуса командующему 5-й армией, в частности, говорилось: «Необходимо отметить, что состав офицеров далеко не обладает сплоченностью — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк — «постоялый двор». Кадровых офицеров на полк — 2-3 с командиром полка, причем последний меняется очень часто «по обстоятельствам настоящего времени». То же происходит с кадровыми офицерами, которые уходят, не вынося развала порядка и дисциплины, нередко под угрозой солдат. Среди столь пестрого состава офицеров немудрено и появление провокаторов и демагогов, желающих играть роль в полку в надежде стать выборным командиром. Такие типы нередко попадают в комитеты, раздувая рознь между солдатами и офицерами в своекорыстных видах.

Действительно, такие офицеры имелись едва ли не во всех частях. (В донесениях называются, в частности, прапорщики Карахан в 6-м корпусе, Лавский в 1-м Туркестанском корпусе, Ремнев во 2-й Кавказской гренадерской дивизии, Семин в 74-й дивизии, Флеровский в 735-м полку, Дмитриев в 172-м, Свистедка в 157-м, Захаров в 297-м, Сухоробров в 332-м, Кокорев, Колосун-Пышинский в 462-м, Рогальский и Васильев в 540-м, Юшкевич в 423-м, Жук в 17-м Сибирском, Эрасмус в лейб-гвардии Гренадерском, Стасиков, Ляй в 1-м Сибирском запасном, Пономарев и Тишаев в 7-м Сибирском запасном, Никонович в 8-м Сибирском

запасном, Клячкин и Сырнев в 26-м стрелковом, Копавин в 25-м Туркестанском стрелковом, Лансберг в 3-м Финляндском стрелковом, подпоручики Филиппов в 650-м, Телегин в 243-м, Лукьяновский в 296-м, Сергаско в 300-м, Сокольский в 707-м, Стружинский во 2-м Кавказском стрелковом, Найдовский в 42-м корпусе, поручики Клепинин в 439-м, Кондратюк в 614-м, Хаустов в 436-м (издатель «Окопной правды»), Перфильев, Корзунь в 762-м, Сердуль в 332-м, Муратов в 6-м гренадерском, Чайка в штабе 10-го корпуса, Луканин в 6-й армии, штабс-капитаны Дзевалтовский-Гинтовт в лейб-гвардии Гренадерском, Вышгородский в 332-м, Михайлов в 80-м Сибирском, Основин во 2-м Кавказском стрелковом, капитан Собецкий в 11-м Особом, врач Данилов в 7-м этапном батальоне!»^[31].

Генерал Потапов руководил военной разведкой ещё при Николае II. По воспоминаниям большевика М. С. Кедрова, Потапов «после июльских дней предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)». Военное бюро партии большевиков возглавляли тогда И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский. Именно летом 1917 года произошло разделение русского военного руководства, заложившее основу будущего противостояния «красных» и «белых». Генерал Н. М. Потапов возглавлял борьбу против генерала Л. Г. Корнилова. Совместно с Потаповым действовали военный министр генерал-майор А. И. Верховский. Они затем готовили октябрьский переворот и стояли у истоков Красной Армии. 23 ноября 1917 года Н. М. Потапов был назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством, с декабря 1917 года — управляющим делами Наркомвоена.

С 13 по 20 сентября 1917 года из-под ареста было освобождено восемь прапорщиков — участников

выступления 3–5 июля из 180-го пехотного полка: большевики прапорщики М. К. Тер-Арутюнянц, Н. П. Вишневецкий и И. В. Куделько, бывшие «межрайонцы» Ю. М. Коцюбинский и Б. М. Занько, сочувствующие большевикам и вступившие позже в партию Д. И. Долматов и Д. П. Клим, а также меньшевик-интернационалист Г. Е. Горбачев. Эти люди, будучи комиссарами ВРК в полках гарнизона сыграли очень важную роль в захвате власти.

«Установление власти Советов произошло во многом благодаря солдатской массе. Часть офицеров тоже поддержала переворот. Даже в гвардейских частях обнаружались сторонники революции. Так, 24 октября по докладу комиссара гвардейского Егерского полка Зайцева за поддержку совета выступили не только солдаты, но и офицеры этого полка во главе с его командиром. Октябрьский переворот поддержали большинство полковых комитетов, которые состояли из солдат с небольшим количеством офицеров из низших чинов: унтеров, прапорщиков и т. д. По данным генерала Нокса, на Юго-Западном фронте, не самом разложившемся, в таких комитетах оказалось 75 тыс. солдат и 8 тыс. офицеров»^[32].

Вообще из 200 тысяч офицеров после Октябрьской революции 30 % служили в РККА, столько же не участвовали в политике и остальные участвовали в белогвардейском движении.

Из капиталистов в революционеры

Среди самих большевиков было достаточно дворян и сыновей богачей. Вот некоторые из них.

Ольга Александровна Дилевская (1886–1919). Родилась в 1886 году в селе Рыбцы Полтавской губернии в дворянской семье. После смерти отца —

агронома — в 1898 году переехала в Москву, где в 1903 году окончила гимназию Воскресенской и Протопоповой. В течение двух лет она дважды оказывалась под арестом. В 1904 году в Таганской тюрьме познакомилась со своим будущим мужем Николаем Авдеевым. После выхода на свободу начинает работать по доставке оружия для боевых дружин, но снова попала под арест. В сентябре 1905 года её выпустили под залог, и она уехала в Екатеринослав, где до 1907 года работала секретарём Екатеринославского комитета РСДРП от фракции большевиков. После нового ареста в 1907 в департаменте полиции на неё завели дело «Подготовительный материал для ликвидации». В 1911 она попадает под негласный надзор полиции. Её арестовывают и на четыре года ссылают в Нарымский край в село Колпашево. Там она живёт вместе с также сосланной сестрой Верой и приехавшей к ним матерью. «Радужие и гостеприимство были их отличительными чертами, и их домик в Колпашеве был настоящим большевистским клубом». Сёстры организуют в Колпашеве театр, вскоре запрещённый. Ольга преподаёт русский язык в местной школе и активно участвует в побегах ссыльных большевиков. В частности её помощь при побеге Якова Свердлова подробно описала его жена. По некоторым сведениям именно в дом Дилевских в Колпашеве отправился Сталин во время своего побега из Нарымской ссылки. В 1914 году она опубликовала книгу о Прибалтике. После ссылки она переехала в Тюмень, где работала секретарём Центрального бюро Тюменских профсоюзов. 13 марта 1919 года её арестовали колчаковцы и в этот же день без суда расстреляли.

Александр Павлович Альпов (1891–1950). Родился в Вятской губернии, из дворян. С 1907 года — участник революционного движения, эсер; член РСДРП(б) с 1917 года. С 1918 году — в органах ВЧК. В 1919–1921 годах

работал на Украине: председатель Екатеринославской (1919-1920), Николаевской (1920-1921) и Киевской ГубЧК. В 1922-1923 годах — полпред ГПУ по Юго-Восточному краю (Ростов-на-Дону). С сентября 1923 года по март 1926 года — полпред ОГПУ по Дальнему Востоку.

В последующем перешёл на хозяйственную работу: в 1931-1932 годах — начальник ленинградской проектной конторы «Уралэлектромашина», которая проектировала комбинат «Уралэлектромашина», 1932-1933 годы — начальник строительства комбината «Уралэлектромашина» (Свердловск), затем возглавлял «Уралалюминьстрой» и «Никопольстрой». (Википедия).

Владимир Петрович Потёмкин (1874-1946). Родился в Твери в семье врача. В 1893 году окончил Тверскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Во время обучения в университете принимал участие в революционной деятельности, за что был заключён в Бутырскую тюрьму.

После окончания университета в 1898 году, был оставлен на два года при кафедре всеобщей истории для получения профессорского звания и одновременно начал работать в 7-й гимназии Москвы. С 1900 года преподавал в Екатерининском институте. С 1903 года вновь примкнул к революционному движению.

В 1905 году работал в Екатеринославе, в женской гимназии Степановой, но из-за преследования полиции за участие в революции 1905 года был вынужден вернуться из Екатеринослава в Москву, где начал преподавать в женской гимназии Калайдович (впоследствии Деконской) и реальном училище Фидлера, а кроме того продолжил пропаганду марксизма в студенческих кружках и агитационную работу по заданиям Московского комитета РСДРП(б).

С февраля 1917 года работал в отделе внешкольного образования Московской губернской земской управы. На этой должности являлся организатором первого рабочего университета в городе Богородске Московской губернии.

После Октябрьской революции являлся членом коллегии школьной политики и заведующим отделом Наркомата просвещения РСФСР. В это время принимал активное участие в подготовке программных документов о единой трудовой школе: в июле 1918 года председательствовал на I Всероссийском съезде учителей, в апреле 1919 года являлся организатором I Всероссийского съезда по народному образованию.

В 1919 году вступил в РКП(б). В мае-сентябре 1919 года был направлен на фронт, где занимал должности члена Реввоенсовета 6-й армии, начальника политотдела Западного, а затем Южного фронтов. На фронте познакомился с И. В. Сталиным. По его личному поручению Потёмкин с полномочиями выездной сессии революционного трибунала фронта не раз выезжал в слабейшие районы фронта для водворения порядка в частях, одновременно командуя особым отрядом.

После окончания гражданской войны недолгое время руководил Одесским губернским отделом народного образования, одновременно являясь начальником губернских военно-политических курсов.

В Одессе Потёмкин встретился с Ф. Э. Дзержинским, после чего в 1922 году перешёл на дипломатическую работу. Уже в том же году член миссии Российского Красного Креста по репатриации русских солдат из Франции, а летом 1923 года был назначен председателем комиссии по репатриации бывших русских солдат и казаков-некрасовцев из Турции.

В 1924-1929 годах находился на дипломатической работе в Турции, занимая в 1924-1926 годах должность генконсула в Стамбуле, а в 1927-1929 годах —

советника полпредства. В 1929-1932 годах — полномочный представитель в Греции.

В 1932 году назначен на пост полномочного представителя СССР в Италии. Находясь на этой должности, Потёмкин сумел завязать дружеские отношения с Б. Муссолини, за что, по воспоминаниям Музы Васильевны Канивез, неоднократно подвергался критике. На письменном столе Потёмкина стояла фотография Муссолини с дружеской надписью. В 1933 году подписал советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете.

В 1934 году Владимир Потёмкин входил в состав советской делегации на Ассамблее Лиги Наций. В том же году назначен на пост полпреда СССР во Франции. На этой должности в 1935 году участвовал в переговорах и подписании франко-советского договора о взаимной помощи. В 1936 году подписал соглашение о продлении франко-советского торгового договора 1934 года.

В 1937 году вернулся на работу в Москву, заняв должность первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР. В том же году избран депутатом ВС СССР. В 1939 году избран членом ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР с 1935 года. На должности первого заместителя наркома иностранных дел принимал участие в ряде важных военных переговоров, в том числе в Московских переговорах 1939 года и советско-турецких переговорах, направленных на удержание Турции от участия в грядущей Второй мировой войне.

Именно Владимир Потёмкин 17 сентября 1939 года вручил польскому послу в Москве ноту о вводе советских войск на территорию Польши.

В 1940 году был назначен народным комиссаром просвещения РСФСР. До своей смерти на этой должности участвовал в создании Академии педагогических наук РСФСР, а с 1943 года был её

президентом, проводил работу по сохранению сети школ в годы Великой Отечественной войны, осуществлению в послевоенный период всеобщего 7-летнего образования, развитию школ рабочей и сельской молодёжи, созданию учебников для общеобразовательной школы.

Николай Сергеевич Тихменёв (1884–1961). Из дворян, сын судебного следователя. Окончил в 1903 году 1 — ю Московскую гимназию с золотой медалью, медицинский факультет Московского университета в 1909 году. Поднадзорный с 1906 года. В 1907 году осуждён на месяц заключения в крепости за распространение революционной литературы. С 1917 года большевик. Военный врач 4-го Несвижского полка. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 года. Участник Четвёртого чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов с 16 по 18 марта 1918 года, член ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Входил в состав делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. С 19 июня 1919 года по 5 июля 1920 член РВС армии Советской Латвии, затем член РВС 15-й армии. Подписал Тартуский мир с Эстонией в 1920 году. 20 декабря 1930 года назначен директором МХТИ, где работал до 1 марта 1933. Работал в системе НКВД во Франции и Японии. Верительные грамоты получил 7 ноября 1934 года. С 1936 года до 1937 года полномочный представитель СССР в Дании, в дальнейшем находился на дипломатической и военной работе. Во время Великой Отечественной войны снова был военным врачом.

Александр Григорьевич Шлихтер (1868–1940). Родился в Полтавской губернии Российской империи в семье столяра, бывшего в то время вюртембергским подданным (дед его эмигрировал в Россию в 1818 г.). Со стороны матери Шлихтер происходит из среды разорившихся среднепоместных польских помещиков

Полтавской губернии, дворян. В 1882 году дед и отец Александра приняли русское подданство, а сам он принял русское подданство по достижении совершеннолетия, уже в бытность свою в университете.

Учился в классической гимназии. Сначала, до 7-го класса, в городе Лубнах, а в 7-м и 8-м учился в прилукской гимназии. Незадолго до выпуска отказался учиться, организовал забастовку учащихся и был исключён из гимназии. В 1888 году окончил среднее образование уже в качестве экстерна при лубенской гимназии.

В 1889–1891 годах учился сначала в Харьковском университете на физико-математическом факультете, откуда был исключён со второго курса, а затем в Бернском университете на медицинском факультете, которого также не окончил. С 1891 года вёл социал-демократическую работу на Украине. В 1892 году вошёл в качестве студента-медика в один из отрядов по борьбе с холерой и проработал в разных местах Полтавской губернии 3–4 месяца. Был арестован по делу о пропаганде среди гимназистов.

Был приговорен к ссылке на пять лет в северо-восточные уезды Вологодской губернии (гор. Сольвычегодск). В ссылке Шлихтер заболел туберкулёзом лёгких, и департамент полиции разрешил ему выехать в Самарскую губернию для лечения кумысом на 3 месяца, каковой срок затем, вследствие тяжелого состояния здоровья, был продлен впредь до выздоровления. В Самаре в течение четырёх лет работал в земской статистике. Сотрудничал в социал-демократической газете «Самарский Вестник».

После окончания срока надзора в 1902 году, Шлихтер переехал в Киев, где получил место в управлении юго-западных железных дорог, сначала в качестве секретаря железнодорожного органа «Вестник юго-западных дорог», а затем занял большое, по тому

времени, место помощника начальника пассажирского отделения службы сборов в управлении юго-западных дорог. В Киеве он сразу же вступил в члены киевского комитета РСДРП, где работал в качестве литератора по составлению революционных прокламаций и лектора пропагандистских кружков среди рабочих. В 1903 году в качестве члена киевского комитета участвовал в коллективе, руководившем знаменитой забастовкой на юге России. В 1904 году, с началом «весны» Святополк-Мирского, принимал открытое участие в легальных банкетных выступлениях в Киеве. В 1905 году, с началом эпохи забастовок конторских железнодорожных служащих, Шлихтер принимал участие в организации забастовочного комитета на юго-западных железных дорогах в качестве его председателя. Движение завершается всероссийскими съездами железнодорожных служащих и рабочих в Москве, из которых первый и второй съезды в апреле и июле избрали Шлихтера своим председателем.

В октябре 1905 года возглавлял многотысячные революционные митинги в Киеве. После объявления Манифеста 17 октября возглавлял массовые выступления, в ходе которых революционная толпа заняла и разгромила здание Киевской городской думы и завершившиеся столкновением с полицией и войсками и погромом.

Был объявлен в розыск, скрылся за границу, затем два года жил в Финляндии, выполняя поручения в качестве агента ЦК. Делегат V съезда РСДРП в Лондоне, на который он получил мандат от организации козловских железнодорожных мастерских Тамбовской губернии. На съезде Шлихтер был под псевдонимом Евгеньев, а на векселе о получении от англичанина денег, необходимых на выезд делегатов съезда в Россию, подписан Никодим.

В сентябре 1907 года был командирован большевистским ЦК в Москву на избирательную кампанию в 3-ю Государственную Думу. В 1907-1908 годах — член Московского комитета РСДРП. В феврале 1908 года возвратился в Петербург.

В июле 1908 года был арестован в Ярославле. После установления личности он был отправлен в Киев для предания суду по революционной деятельности в 1905 году. В Киеве он просидел в крепости Косой Капонир около 9 месяцев, был предан военно-окружному суду за призыв к вооруженному восстанию 18 октября 1905 года (ст. 129 Угол. Улож.), за призыв к организации народной милиции и за оскорбление величества во время произнесения речей с балкона городской думы во время народного митинга 18 октября 1905 года в Киеве (ст. 103 Угол. Улож.). По 103 ст. (каторга до 8 лет) был оправдан за недостаточностью улик, а по 129 получил максимум, предусмотренный этой статьей, а именно — ссылку на поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния. В Сибири Шлихтер пробыл до Февральской революции 1917 года.

После Февральской революции 1917 года — член Красноярского губкома партии и губисполкома. Прибыл в Петроград в конце мая 1917 года. Делегат VI съезда РСДРП(б). Во время выступления 4 июля был на улицах Петрограда.

В октябрьские дни 1917 года — член Московского комитета партии и МВРК. В ноябре 1917 года народный комиссар земледелия РСФСР, с декабря 1917 по февраль 1918 года — нарком продовольствия РСФСР. С марта 1918 чрезвычайный комиссар продовольствия Сибири, а затем Пермской, Вятской, Уфимской и Тульской губерний. В 1919 году — наркомпрод Украины. В 1920-1921 годах — председатель Тамбовского губисполкома. Неудачно боролся с тамбовскими повстанцами, за что был снят с должности. С 1921 года

— на дипломатической работе, член коллегии НКВД СССР. Работал в Финляндии в качестве председателя смешанной комиссии. В 1922-23 годах — полпред и торгпред СССР в Австрии, в 1923-27 годах уполномоченный и член коллегии НКВД на Украине.

В 1927-1929 годах — наркомзем УССР, один из идеологов создания агроиндустриальных комбинатов. Председатель Укркомзета. Действительный член Комакадемии при ЦИК СССР с 1930 года, академик АН УССР с 1928 года, академик АН БССР с 1933 года, доктор экономических наук (1936). В 1931-1938 годах вице-президент АН УССР, одновременно директор Украинского института марксизма-ленинизма (1930-1933) и президент Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН). (Википедия).

Владимир Александрович Алгасов (1887-1938). Родился в Астраханской губернии, из личных дворян; отец — почтовый чиновник. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1903 года — эсер. В 1908 году арестован и сослан в Вологду. После отбытия срока ссылки работал в Харькове и Петрограде, в годы Первой мировой войны занимал интернационалистическую позицию.

После Февральской революции 1917 года — член Харьковского Совета и его исполкома. Делегат Южнорусской конференции Советов РСД (27 апреля — 1 мая), председатель её крестьянской секции. Лидер городской эсеровской организации. Участник 3-го съезда ПСР (25 мая — 4 июня, Москва). От имени левоэсеровской оппозиции выступил содокладчиком официального оратора от ЦК (Н. Д. Авксентьева), в отличие от которого считал ошибкой участие эсеров во Временном правительстве. Съезд, отвергнув предложение Алгасова, принял резолюцию ЦК, одобрявшую создание коалиционного министерства.

Делегат 1 — го Всероссийского съезда Советов РСД (3-24 июня, Петроград); избран членом ВЦИК. Примкнул к левой оппозиции на 7-м Совете ПСР (август 1917 года, Петроград). На 7-й Петроградской конференции эсеров (10-13 сентября), высказавшейся против коалиции с цензовыми элементами, за создание «однородного социалистического правительства», избран членом нового (левого) ПК.

Во второй половине сентября — начале октября 1917 года совершил поездку по городам Поволжья для установления организационных связей с местными левоэсеровскими комитетами и группами. Накануне Октябрьского вооружённого восстания вернулся в Петроград, 2-м Всероссийским съездом Советов РСД (25-27 окт.) избран во ВЦИК. 29 октября делегирован от него в Петроградский ВРК, в котором тесно сотрудничал с большевиками. 6 ноября пленумом ВЦИК Алгасов утверждён организатором Иногородного отдела — важнейшего подразделения ВЦИК, в первые послеоктябрьские месяцы выполнявшего многие функции НКВД; руководство отделами строилось на паритетных началах, и Алгасов делил его с Я. М. Свердловым. В тот же день на совместном заседании фракции левых эсеров ВЦИК, редакции журнала «Наш Путь» и Петроградского комитета ПСР избран во Временное Центральное бюро левых эсеров, созданное для подготовки учредительного съезда партии.

На 1-м съезде ПЛСР (19-28 ноября 1917, Петроград) выступил с докладом о деятельности Петроградского ВРК. Утверждал, что различие между большевиками и левыми социалистами-революционерами в процессе повседневной, будничной работы ВРК стёрлось; резко протестовал против попыток возложить ответственность за Октябрьское восстание и последующие за ним события на одних большевиков. Избран членом ЦК ПЛСР.

По состоявшемуся 9-12 декабря соглашению между большевиками и левыми эсерами получил в коалиционном Совнаркоме должность наркома без портфеля, но с решающим голосом. Вошёл в коллегию НКВД (возглавил коммунальный отдел) и в коллегию Наркомюста. Подчиняясь решению ЦК ПЛСР, вышел из Совнаркома в марте 1918 года, однако расценил неприятие Брестского мира, разрыв коалиции с большевиками как грубую ошибку левых эсеров. На 2-м съезде ПЛСР (17-25 аир. 1918 года, Москва) забаллотирован на выборах в президиум съезда, исключён из списка кандидатов в члены ЦК. Осудил политику ЦК ПЛСР, приведшую к левоэсеровскому мятежу 6-7 июля 1918 года, после чего вышел из ПЛСР и в сентябре 1918 года вступил в РКП(б).

Был направлен на подпольную работу на Украину, арестован гетманской полицией, но освобождён петлюровцами. В 1919 году входил в состав Киевского совета. В 1920-х годах преподавал в вузах Киева, Харькова и Сталино. В 1930-х работал в Москве, был членом Моссовета, заведовал кафедрой диалектического материализма МЖТИ мясной и молочной промышленности.

16 февраля 1938 арестован, 3 октября осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, приговор исполнен в тот же день.

Мартын Иванович Межлаук (1895-1918). Родился в Харькове в семье Ивана Мартиновича Межлаука (Мешлаукс), учителя-латыша из дворян, и матери-немки, владевшей двумя доходными домами. Отец в ранге статского советника перед революцией был директором Новохопёрской мужской гимназии и преподавал там же латынь.

В 1917 году окончил юридический факультет Харьковского университета и вступил в РСДРП(б). Активный участник революционных событий в Харькове.

В 1917–1918 годах заместитель комиссара юстиции Харьковского совета. В марте 1918 года участвовал в боях против германских оккупантов. С мая 1918 года губернский комиссар юстиции в Казани.

7 августа 1918 года, после ликвидации в городе советской власти, был арестован белогвардейцами и расстрелян. (Википедия).

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955). Владимир Бонч-Бруевич родился в семье землемера, выходца из польской шляхты Могилёвской губернии.

8 1883 году поступил в подготовительные классы Константиновского межевого института в Москве; в 1884–1889 годах учился в этом институте; за организацию выступления студентов был исключён и сослан под надзор полиции в Курск; там окончил землемерное училище.

Вернулся в 1892 году в Москву, вошёл в «Московский рабочий союз». Настроил печать на гектографе и распространение нелегальной литературы. С 1894 года работал в издательстве П. К. Прянишникова «Народная библиотека».

С 1895 года участвовал в работе социал-демократического кружка, позже вошедшего в «Московский рабочий союз». В 1896 году эмигрировал в Швейцарию, организовывал пересылку в Россию революционной литературы и полиграфического оборудования. После знакомства с В. И. Ульяновым (Лениным) стал активным сотрудником «Искры». Учился на естественном факультете Цюрихского университета.

Осенью 1898 года выехал в Англию, где участвовал в организации переселения духоборов с Кавказа в Америку. В 1899 году сопровождал в Канаду последнюю партию духоборов, затем помогал им устроиться на новых местах. Изучал жизнь и верования разнообразных сектантов, в том числе на предмет возможности рассылать сектантам «Искру». Вернувшись из Канады,

издавал в издательстве Чертковых «Материалы к истории и изучению русского сектантства» (с 1908 года возобновил их в России под названием «Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России»). В 1909 году опубликовал собранные им в Канаде псалмы духоборов («Животная книга духоборцев»).

В 1903–1905 годах — заведующий экспедицией ЦК РСДРП (Женева), один из создателей архива ЦК. В 1904 году издавал специальный социал-демократический журнал для сектантов «Рассвет». В 1905 году вернулся в Россию, работал в газете «Новая жизнь». В 1905 году участвовал в подготовке вооружённого восстания в Санкт-Петербурге, организовывал подпольные склады с оружием.

В 1906–1907 годах секретарь и член редколлегии журнала «Наша мысль». В 1908–1918 годах руководил большевистским издательством «Жизнь и знание» (издательством «им. В.Бонч-Бруевича и Н. Ленина»). С 1912 года член редколлегии газеты «Правда». Неоднократно арестовывался, но серьёзным преследованиям не подвергался. В 1917 году член исполкома Петроградского совета, временный редактор газеты «Рабочий и солдат».

В 1917 году возглавлял комендатуру района Смольный — Таврический дворец. Был управляющим делами Совета Народных Комиссаров до октября 1920 года.

Одновременно в декабре 1917 — марте 1918 года был председателем Комитета по борьбе с погромами, в феврале — марте 1918 года — членом Комитета революционной обороны Петрограда.

С 1918 г. — управляющий делами СНК РСФСР. Принимал активное участие в национализации банков, в подготовке переезда советского правительства в

Москву в марте 1918 года. Завизировал Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 года «О красном терроре».

С марта 1918 года — заместитель председателя Совета врачебных коллегий. В 1919 году — председатель Комитета по сооружению санитарно-пропускных пунктов на московских вокзалах и Особого комитета по восстановлению водопровода и канализации Москвы. В 1918-1919 годах — руководитель издательства ЦК РКП(б) «Коммунист». В 1918 году избран действительным членом Социалистической академии общественных наук, в 1918-1920 годах издал ряд книг: «Кровавый навет на христиан», «Волнения в войсках и военные тюрьмы» и др.

После смерти Ленина перешёл к научной работе. Автор сочинений по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, сектантству, этнографии и литературе. В 1920-1929 годах был организатором и руководителем опытного совхоза «Лесные Поляны» под Москвой, продукция которого прежде всего направлялась руководителям компартии и правительства.

Инициатор создания и первый директор (1933-1945) Государственного литературного музея в Москве. В 1945-1955 гг. — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде. (Википедия).

Эдуард Эдуардович Эссен (1879-1931). Родился в семье инженера-путейца, из дворян. Происходя из аристократической семьи, в 14 лет порвал с ней и поступил рабочим на железную дорогу. С 1895 года учился в реальном училище, затем учился в петербургской Академии художеств, в 1911 году окончил юридический факультет Петербургского университета. Член РСДРП с 1898 года, вёл партийную работу во многих городах, участвовал в 1903 году во всеобщих стачках, в 1905 году член петербургского

комитета РСДРП. Страдал туберкулёзом, по настоянию В. И. Ульянова приезжал для лечения в Женеву, также лечился в Крыму. В годы 1-й мировой войны в 1914-1918 годах вёл революционную пропаганду среди солдат Северного фронта. В 1917 году в Петрограде член Василеостровского районного комитета РСДРП(б) и председатель Совета. После Октябрьской революции в 1917 году заместитель наркома госконтроля. В 1918 году арестовывался белогвардейцами в Крыму. В 1918-1923 годах на политической работе в Красной армии и флоте, затем преподавал в военных учебных заведениях. В 1923-1924 годах ректор Института народного хозяйства. В 1925-1929 годах ректор Академии художеств в Ленинграде. С 1929 года персональный пенсионер. (Википедия).

Максимилиан Александрович Савельев (1884-1939). Родился в Нижнем Новгороде в семье дворянина-землевладельца и земского деятеля. Отец М. А. Савельева, Александр Александрович Савельев, был членом Государственной думы первых трёх созывов от партии кадетов. В 1902 году поступил на юридический факультет Московского университета, окончил три семестра. В 1907-1910 годах в эмиграции в Германии, был членом Германской социал-демократической партии.

Прошёл курс экономики в Мюнхенском университете (1909). Окончил Лейпцигский университет (1911, доктор философии), диссертация «Железоделательная промышленность Юга России». В царское время сидел в тюрьмах, находился в ссылках, сидел 11 месяцев в Таганской тюрьме.

Примыкал к группе «Левых коммунистов». В 1921-1928 годах работал в ВСНХ.

С 1926 года редактор журнала «Пролетарская революция». С 1926 года заместитель, с 1927 года заведующий Истпартом при ЦК ВКП(б). После слияния

Истпарта ЦК и Института Ленина — в 1928–1930 годах директор Института Ленина.

Главный (ответственный) редактор «Известий» с 21 июля 1929 года по 25 июля 1930 года. Затем был редактором «Правды».

С 1931 года заместитель, с 1932 года председатель Президиума Комкадемии ЦИК СССР. С 1934 года входил в состав Государственной редакционной комиссии юбилейного издания сочинений Л. Н.

В 1936–1938 годах директор Института экономики АН СССР. В 1936–1939 годах заместитель директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Скончался 15 мая 1939 года.

Яков Ильич Весник (1894–1937). Родился 19 августа 1894 года в Пинске в купеческой семье. Отец, Илья (Эля-Лейзер) Абрамович Весник, был сыном купца первой гильдии и, как и вся семья, занимался торговлей тканями; мать — Рахиль Абрам-Ициковна Весник. Вырос в Минске, где отец владел домом на улице Петропавловской, 8. В 19 лет, успев отслужить в армии, отправился в Швейцарию, где поступил в Лозаннский университет. Закончить его не успел — началась первая мировая война.

В первый же день войны Якова определили в Коломенский 119-й пехотный полк. В одном из боёв в Восточной Пруссии был тяжело ранен. После лечения в госпитале отправился в Петроград и, сам того не ведая, приблизился к центру предстоящих революционных событий.

В дни Февральской революции 23-летний Яков Весник возглавлял отряд красногвардейцев, в июле 1917-го года он был уже комиссаром почты и телеграфа Выборгского района. С первого дня организации Красной Армии Яков Весник — в её рядах. Он был членом Реввоенсовета:

8-й армии Южного фронта: — с 7 ноября 1918 года — 28 ноября 1919 года.

11-й армии: — с 27 мая — 31 августа 1920 года.

15-й армии: — с 10 ноября — 26 декабря 1920 года.

11-й армии: — с 26 января — 29 мая 1921 года.

Один из самых важных моментов своей жизни он пережил уже на исходе гражданской войны в феврале 1921 года на Тифлисском фронте. Военная операция за овладение Пойлинским железнодорожным мостом едва не закончилась для Весника трагически — в боях он был тяжело ранен и чудом избежал смерти. У этого драматического эпизода есть и другая, романтическая сторона. В Бакинском госпитале за тяжело раненым Яковом Весником старательно ухаживала молоденькая медсестра, чешка по национальности Евгения Немечек. Согласно семейному преданию, когда стоял вопрос: ампутировать или нет Якову обе ноги, она призналась ему в любви и поклялась, что, независимо от исхода операции, готова быть с ним всю жизнь. По излечении они поженились.

После окончания гражданской войны бывший военный комиссар Яков Весник становится одним из ведущих руководителей мирного строительства. Он восстанавливал затопленные Риддеровские рудники, работал вице-президентом Амторга в Нью-Йорке, и Заместителем Торгпреда СССР в Швеции. Был главным инженером строительства нефтепровода в Баку и начальником прокатных цехов «Магнитостроя». В Кривой Рог приехал летом 1931 года.

В 1936 году директор Криворожского металлургического комбината Я. И. Весник был обвинён в содействии «контрреволюционерам-троцкистам» и исключён из партии, однако за него вступилось Политбюро и партбилет был ему возвращён.

После загадочной смерти Г. К. Орджоникидзе 18 февраля 1937 года последовала расправа с

родственниками и знакомыми наркома. Я. И. Весник был арестован по сфабрикованному делу 10 июля 1937 года, и уже 17 ноября расстрелян.

Михаил Абрамович Левенсон (1888–1938). Родился в Иркутске в крещёной еврейской семье купца второй гильдии Абрама Соломоновича Левенсона (1854–1928), занимавшегося зерноторговлей на золотых приисках в Ленске, и Елизаветы Иосифовны Азадовской (1860–1930). Его дед по отцовской линии, кантонист Залман Левенсон, после окончания службы получил земельный надел в селе Качуг на реке Лене, где женился на субботнице Ефимии Ивановне (в замужестве Левенсон).

В семье росли пятеро братьев и три сестры. Начальное образование получил в Иркутском промышленном училище. С 1905 года член Партии социалистов-революционеров. Арестовывался царской охранкой по обвинению в подготовке покушения на генерала Ренненкампа, бежал из тюрьмы. В 1909 году был участником неудачного вооружённого нападения на один из банков, после чего совершил побег за границу. Обучался математическим наукам в Сорбоннском университете, затем получил медицинское образование там же, — врач. Постоянно преследуемый полицией, вскоре перебрался жить в Женеву. В числе других товарищей, издавал журнал для военнопленных Первой мировой войны.

После Февральской революции 1917 года вернулся в Россию, избран в президиум Петроградского совета, член штаба обороны Петрограда, член ВЦИК; присоединился к фракции левых эсеров. В 1918 году Левенсон покинул Петроград и вновь оказался в Иркутске, где работал какое-то время врачом в детских приютах. С ноября 1919 года, член Иркутского революционного комитета и лидер подпольной группы «Сибирские эсеры». Группа вела активную партизанскую войну против белогвардейцев, а после

ареста большевиками Колчака, Левенсон был одним из тех, кто поставил свою подпись под приказом о его расстреле.

С 1920 по 1923 год работал в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции РСФСР-СССР — управляющим инспекцией труда и здравоохранения, а в последний год службы на этом посту, также был и членом правления «Сольсиндиката». С 1923 по 1928 год работал в системе Госторга РСФСР — Заместитель Председателя правления. С 1929 по 1935 год занимал пост Торгпреда СССР в Италии. За особые заслуги на этом посту был награждён орденом Трудового Красного знамени.

С 1935 по 1936 год был Председателем правления Торгсина. С января 1936 года стал заместителем народного комиссара внутренней торговли СССР.

В конце 1936 года был арестован, исключён из партии и осуждён по сфабрикованному делу к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 22 августа 1938 года в Лефортовской тюрьме.

Самуил Маркович Закс (1884–1937). Сын богатого петербургского фабриканта Маркуса Исааковича Закса. В юности участвовал в кружках революционной еврейской молодёжи, вступил в РСДРП, женился на сестре Г. Зиновьева Лие, в 1911-12 годах был секретарём и редактором газеты большевиков «Звезда».

Был тесно связан с А. Парвусом, в 1916 году был его представителем и главой «Экспортно-импортной конторы» Парвуса и Ганецкого в Петрограде. Во время революции 1917 года его отец купил ему в апреле 1917 года типографию «Труд», в которой он печатал прокламации большевиков, их газеты и другую агитацию.

После Октябрьской революции был на подпольной работе в Германии. После окончания Гражданской

войны работал редактором «Ленинградской правды».

Участвовал в троцкистской оппозиции, в 1935 году был исключён из ВКП(б); 17 августа 1936 года арестован как глава троцкистской террористической группы, готовившей покушение на Сталина. Расстрелян.

Филипп Ивсеевич Махарадзе (1868–1941). Его отец был священником и желал, чтобы сын пошёл по стопам отца. В 1884 году он получил образование в Озургетском духовном училище. Позже поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Учился также в Варшавском ветеринарном институте, но не окончил его.

После вступления в РСДРП неоднократно арестовывался. Один из организаторов Кавказского союза РСДРП. В феврале 1915 года выслан в Бакинскую губернию, бежал в Кутаис, в 1916 году — в Тифлис. В 1917 году работал редактором газеты «Кавказский рабочий» (Тифлис).

С февраля по июль 1921 года — председатель Грузинского Ревкома. Участник Апрельской конференции. 16 февраля 1921 года провозгласил «Грузинскую советскую республику» и обратился с просьбой о военной помощи к правительству РСФСР.

В 1921–1922 годах — народный комиссар земледелия Грузии. С марта по октябрь 1922 года — председатель ЦИК Грузии. В 1922 году выступил за сохранение автономии Грузии в составе СССР.

С 1924 года — председатель Госплана ЗСФСР. В 1929–1930 годах — председатель СНК Грузинской ССР. В 1931–1938 годах — председатель ЦИК Грузинской ССР, одновременно в 1931–1936 годах — председатель ЦИК ЗСФСР от Грузии.

С июля 1938 года — председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

10 декабря 1941 года скончался в возрасте 73 лет в Тбилиси.

Леонид Николаевич Старк (1889–1937). Родился в семье адмирала. Рано приобщился к революционному движению.

Студентом Петербургского технологического института в 1905 году вступил в члены РСДРП. В 1908 году был заключён в крепость, затем выпущен и находился на нелегальном положении. В 1912 году был выслан за границу, жил в Вене, на о. Капри, в Финляндии.

Л. Н. Старк писал стихи и многие из его произведений печатались при содействии Максима Горького.

В 1915 году работал в Петроградской организации большевиков.

После Февральской революции редактировал большевистскую газету «Волна» в Гельсингфорсе, распространявшуюся среди матросов Балтийского флота и пользовавшуюся у моряков большой популярностью. Проявил журналистские и организаторские способности, давшие затем основание назначить его комиссаром информационного агентства. Он подготовил проект декрета о преобразовании ПТА в РОСТА.

25 октября (7 ноября) 1917 года отряд из 12 балтийских моряков под командованием комиссара Военно-революционного комитета Леонида Старка занял здание Петроградского телеграфного агентства на Почтамтской улице. Первые сообщения о революционных событиях в России, написанные Старком, были оперативно переданы агентствам и газетам всего мира. В марте 1918 года вместе с правительством ПТА переезжает в Москву, где оно объединяется с Бюро печати при ВЦИК. Это новое объединение получило и новое название — Российское телеграфное агентство (РОСТА).

В 1919 году Старк — соредактор газеты «Советская страна». В 1919–1920 годах он находился на военной

службе.

С мая 1920 года по 1937 год — на дипломатической работе. В 1920 году — советник полпредства РСФСР в Грузии. В 1921-23 годах — советник полпредства РСФСР в Эстонии, в 1923-24 годах — полпред в Эстонии. В 1924-36 годах — полпред СССР в Афганистане. 31 августа 1926 года подписал советско-афганский договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В 1936-37 годах — уполномоченный НКВД СССР при правительстве ЗСФСР.

В 1937 году Л. Н. Старк был внезапно отозван из-за рубежа. Расстрелян в Тбилиси.

Имели большевики выходы и на финансово-промышленную олигархию. В. Р. Менжинский до лета 1917 года работал в Париже в банке «Лионский кредит». Н. Б. Эйсмонт до революции был секретарём правления Южно-Уральского горного общества. Муж А. И. Ульяновой М. Т. Елизаров занимал должность директора «Первого пароходного общества по Волге». Л. Б. Красин входил в руководство фирмы «Сименс» и «АО механических, гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского». Весной 1917 года Красин участвовал в создании газеты «Новая жизнь», которую финансировал один из руководителей Сибирского торгового банка Э. К. Груббе.

Большевистским издательством «Жизнь и знание» руководил будущий управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич совместно с совладельцем табачной фабрики «Братья Шапшал» Е. Ю. Шапшалом. В августе 1917 года их компаньоном стал директор этой фабрики М. С. Ага, который внёс в кассу издательства 200 тысяч рублей.

В статье А. В. Островского «Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность?» обращено внимание на снабжение РККА вооружением и боеприпасами.

«Военная промышленность Советской России не могла полностью обеспечить потребности Красной Армии. За 1918–1919 гг. она дала 764 орудия; 0,7 млн. снарядов, 0,7 млн. винтовок и 417 млн. патронов. Между тем только за полтора года с лета 1918 до конца 1919 г. Красная Армия получила 3232 орудия, 5,9 млн. снарядов, 2,1 млн. винтовок и 1240 млн. патронов. Даже если допустить, что к началу 1920 г. были использованы все имевшиеся запасы — а они на 10 апреля 1918 года составляли 977 орудий, 2,4 млн. снарядов, 1,2 млн. винтовок и 512 млн. патронов, — всё равно окажется, что, по крайней мере, часть оружия и боеприпасов Советская страна должна была получить из каких-то других источников... Не из-за рубежа ли?»

На протяжении всей гражданской войны Советское правительство формально не находилось в состоянии войны ни с одним из государств, участвовавших в интервенции. Факт, имеющий принципиальное значение. Если в условиях официально объявленной войны между двумя странами контрабандная торговля между ними — это государственное преступление, то в условиях, когда две воюющие страны формально не находятся в состоянии войны, контрабандная торговля в крайнем случае может рассматриваться лишь как экономическое преступление. Следовательно, посылая свои войска в Советскую Россию, но не объявляя ей войны, страны Антанты тем самым оставляли открытой возможность контрабандного снабжения Советской России извне»^[33].

Люди с психическими отклонениями

Интересной представляется насыщенность партии большевиков сумасшедшими. Например, Фёдор Фёдорович Раскольников (1892–1939) — внебрачный сын

протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора Фёдора Александровича Петрова и дочери генерал-майора артиллерии Антонины Васильевны Ильиной. Потомок известного морского офицера Ильина. С 1900 года воспитывался в приюте принца Ольденбургского. В 1909 году поступил в Санкт-Петербургский Политехнический институт, а в декабре 1910 года вступил в партию, ссылаясь на совместную работу с В. М. Молотовым в «большевистской фракции Политехнического института».

В 1912–1914 годах — литературный сотрудник газет «Звезда» и «Правда». После начала Первой мировой войны стал слушателем отдельных гардемаринских классов (чтобы избежать призыва, поскольку участие в мировой войне противоречило его убеждениям), которые закончил в феврале 1917 года.

После Февральской революции стал заместителем председателя Кронштадтского совета. После июльского кризиса был арестован, посажен в «Кресты», освобождён оттуда 13 октября 1917 года.

В ходе Октябрьской революции принимал участие в подавлении похода Керенского — Краснова на Петроград, участвовал в боях в Москве.

Был избран в Учредительное собрание, на заседании которого в ночь на 6 января 1918 года огласил декларацию об уходе большевистской фракции.

Назначен комиссаром Морского генерального штаба, весной 1918 года стал заместителем наркомвоенмора Троцкого по морским делам. Выполнял поручение СНК по затоплению Черноморского флота в июне 1918 года. С июля 1918 года член РВС Восточного фронта, 23 августа 1918 года был назначен командующим Волжской военной флотилией. Участвовал во взятии Казани 10 сентября 1918 года и последующем походе флотилии по Каме. В частности, под его руководством в селе Гольяны были спасены 432

заклѹченнѹх «баржи смерти», которую при отступлении белые планировали затопить.

Осенью 1918 года стал членом Реввоенсовета Республики.

26 декабря 1918 года был взят в плен британскими моряками во время похода советских миноносцев «Автроил» и «Спартак» на Талин — поход закончился пленением обоих кораблей со всем экипажем. Содержался в Брикстонской тюрьме Лондона. 27 мая 1919 года в посёлке Белоострове под Петроградом был обменян на группу арестованных граждан Британии (17 пленнѹх английских офицеров).

После освобождения из плена, 10 июня 1919 года был назначен командующим Астрахано-Каспийской военной флотилией, а 31 июля 1919 года Волжско-Каспийской военной флотилией, участвовал в обороне Царицина (1919) и высадке десанта в иранском порту Энзели (1920) с целью возвращения оттуда угнанных белогвардейцами кораблей каспийского флота. Награждѹн двумя орденами Красного Знамени.

С июня 1920 года по март 1921 года — командующий Балтийским флотом. Затем был полпредом СССР в Афганистане, Эстонии, Дании и Болгарии. «В письме жены Раскольникова от 26 ноября 1962 года указывается, что Раскольников скончался 12 сентября 1939 года в Ницце от мозгового заболевания.

Что касается состояния здоровья Раскольникова, то по этому вопросу известно следующее. В медицинском заключении Центральной поликлиники Лечсанупра Кремля на Раскольникова от 1 августа 1936 года, составленном профессором Шуровским, написано: «Страдает нервной астмой, неврастенией на почве длительного переутомления. Нуждается в двухмесячном отдыхе для климатического лечения». В автобиографии, написанной в 1937 году и находящейся в личном деле Раскольникова в ЦК КПСС, указывается,

что он в 1912 году болел нервным расстройством. В документальных материалах Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР имеются следующие сведения о нервном заболевании Раскольников. В октябре 1912 — феврале 1913 года Раскольников находился на лечении в больнице и психиатрической клинике Психоневрологического института в Петербурге. В одном из медицинских документов того времени говорится, что Раскольников «... одержим был сильным нервным расстройством, граничащим с психиатрическим расстройством. Он отказывался от пищи, говорил о смерти...», «...страдает душевным расстройством... Заболевание его сопровождается полной спутанностью сознания, обильными галлюцинациями...» В прошении матери об отдаче ей на поруки Раскольника говорилось, что сын страдает манией преследования. Писатель Н. Равич в своих военных мемуарах «Молодость века» (Воениздат, 1960 г.), вспоминая о встречах с Раскольниковым в гражданскую войну, указывает:

«...Он был подлинным фанатиком революции и никогда не признавал никаких компромиссов. И в то же время какая-то истеричность и неуравновешенность чувствовалась в нем. Бывали случаи, когда он впадал в ярость... во время беседы я заметил в Раскольникове одну странность. Взгляд его вдруг становился отсутствующим, и он не слышал того, что ему говорят. А через несколько минут, как бы очнувшись, спрашивал: «Простите, что вы сказали?» Потом, уже в Советском Союзе, мне приходилось по службе часто встречаться с Раскольниковым. Однажды я спросил его, чем объясняется такая рассеянность. Он покраснел и ответил: — Вы знаете, у меня бывают иногда какие-то провалы в сознании. Я долго болел в связи с этим, даже

находился в больнице... Вероятно, именно по этой причине Раскольников, человек легендарной храбрости, потерял способность управлять собой, когда столкнулся с жестокой действительностью. Иногда история требует от человека большего, чем физическая храбрость».

Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927). Второй сын в еврейской семье богатого симферопольского купца-миллионера Абрама Яковлевича Иоффе, который был владельцем всех почтовых и транспортных средств в Крыму, имел собственный дом в Москве, звание потомственного почётного гражданина и считался „любимым евреем“ министра Витте. Окончив гимназию, с 1903 по 1904 год учился на медицинском факультете Берлинского университета. Учёбу чередовал с революционной деятельностью в России и Германии. С 1903 года — меньшевик. В 1906 году был выслан в Сибирь, но бежал из ссылки. Эмигрировал в Швейцарию. В 1906–1907 годах учился на юридическом факультете Цюрихского университета.

В Вене Иоффе окончил медицинский факультет и получил диплом врача. Интересовался психиатрией, был одним из учеников и последователей Альфреда Адлера. Троцкий писал о нём: «несмотря на чрезвычайно внушительную внешность, слишком внушительную для молодого возраста, чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость, черты внутренней уравновешенности, — Иоффе был на самом деле невротиком с молодых лет... Даже необходимость объясняться с отдельными лицами, в частности, разговаривать по телефону, его нервировала, пугала и утомляла». В Вене Иоффе лечил Альфред Адлер.

В 1912 году Иоффе был арестован в Одессе и сослан в Тобольскую губернию. До Февральской революции находился на сибирской каторге: в 1913 году вновь

арестован и осужден с лишением всех прав состояния на вечную ссылку в Сибирь.

В 1917 году Иоффе был освобождён Февральской революцией, приехал в апреле в Петроград как меньшевик-интернационалист, вошёл в организацию «межрайонцев», возглавляемую Троцким. Вместе с Троцким издавал журнал «Вперёд».

С тех пор, как 10 мая 1917 года, на конференции «межрайонцев», Ленин предложил объединиться, — к чему многие члены организации, в том числе А. В. Луначарский, отнеслись скептически, — вместе с Троцким боролся за объединение с большевиками. В августе 1917 года был избран в Петроградскую городскую думу, где возглавил фракцию большевиков. Был также членом Демократического совещания и Предпарламента. Член Петроградского Военно-революционного комитета, по свидетельству Л. Троцкого во время Октябрьского переворота 24–25 октября был председателем Петроградского Военно-Революционного комитета, то есть формальным руководителем переворота большевиков.

Был делегатом 2-го Всероссийского съезда советов и избран членом ВЦИК. После Октябрьской революции был направлен на работу в Наркомат иностранных дел. С 1922 года — чрезвычайный посол в Китае и Японии. С 26 июля 1922 года — представитель Советского правительства в Пекине. 26 января 1923 года вместе с Сунь Ятсеном опубликовал известную «Декларацию Сунь Ятсена и Иоффе». В Японии в 1923 году Иоффе заболел тяжелой инфекционной болезнью, известной как множественный полиневрит. В связи с болезнью был направлен в Австрию, где прошёл курс лечения. С 1924 года — полпред в Вене.

Будучи ещё с 1912 года верным сторонником Троцкого, Иоффе с 1923 года принадлежал к левой оппозиции. После назначения Л. Д. Троцкого

председателем Главного концессионного комитета СССР, с июня 1925 года стал заместителем председателя комитета. В 1925-1927 годах — заместитель Председателя Главконцесскома СССР Троцкого.

Тяжелая болезнь (полиневрит) приковала Иоффе к постели и лишила возможности активно участвовать в борьбе, при этом ЦК ВКП(б) отказал ему в деньгах, достаточных для лечения за границей. Это обстоятельство стало, по его собственному признанию, причиной самоубийства. 17 ноября 1927 года А. А. Иоффе застрелился.

В своем 10-страничном предсмертном письме, адресованном Троцкому, Иоффе писал:

«Я всегда стоял на той точке зрения, что политический общественный деятель должен так же уметь вовремя уйти из жизни, как, например, актёр — со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно. Теперь, по-видимому, наступает момент, когда жизнь моя утрачивает свой смысл, и, следовательно, для меня появляется обязанность уйти из неё, покончить с нею. Уже несколько лет нынешнее партийное руководство нашей партией в соответствии с общей проводимой ею линией не даёт работы оппозиционным элементам, — не даёт мне ни партийной, ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы...Я усвоил себе философию, что человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какого момента является служением бесконечному, которым для нас является человечество, ибо, поскольку всё остальное конечно, постольку работа на это лишена смысла».

Симон Аршакович Тер-Петросян (1882-1922). Родился в Гори Тифлисской губернии в армянской семье состоятельного подрядчика. С семи лет учился в

армянской школе, а одиннадцати лет перешёл в городское училище. В 1898 году был исключён за плохое поведение. С детства близкий знакомый, а затем соратник своего земляка Сталина. Тот, будучи у него репетитором русского языка, привлёк его к революционной работе. Под влиянием Сталина и Вардаянца он знакомится с марксизмом. В 1901 году вступил в РСДРП, два года исполнял технические поручения и получил имя «Камо». Руководил молодежной группой при Тифлисском комитете партии. В 1903 году вошёл в союзный кавказский комитет РСДРП. В ноябре 1903 года был впервые арестован, спустя 9 месяцев бежал из тюрьмы. В 1904 году примкнул к большевикам. В 1905 году приехал в Тифлис, где в декабре того же года во время восстания был ранен, избит и арестован. Просидев в тюрьме два с половиной месяца и поменявшись фамилией с неким грузином, сумел скрыться. Участвовал в нашествии в своё время ограблении филиала Государственного банка в Тифлисе 13 июня 1907 года. В августе 1907 года уехал в Берлин.

Немецкая полиция провела 9 ноября 1907 года обыск на берлинской квартире Камо, где было найдено большое количество оружия, а также чемодан с двойным дном, заполненным взрывчаткой, и литература революционного содержания. Сам Камо был арестован. По результатам обследования Камо, проведенного немецкими врачами после его ареста, в Моабитской тюрьме, его признали душевнобольным. В конце 1909 года как неизлечимый больной был выдан России, доставлен в Тифлис и помещен в тюрьму, а затем в больницу.

Даже в самые ранние годы своей революционной карьеры, до ареста в Берлине осенью 1907 года, он был неуравновешенным и буйным человеком. Находясь в германской тюрьме, он был подвергнут всестороннему

психиатрическому обследованию и признан душевнобольным. Несмотря на заверения большевиков, что Камо притворялся сумасшедшим, чтобы избежать депортации, несомненно, что ему удалось уверить врачей в своей болезни именно потому, что он был действительно серьёзно болен. В истории медицины встречаются отдельные случаи, когда люди (некоторые со специальным медицинским образованием и опытом) успешно притворялись какое-то время душевнобольными, но чаще всего такие попытки не удавались и медицинские эксперты их разоблачали. Даже самые целенаправленные и знающие не могли играть в эту игру дольше нескольких месяцев. Согласно утверждениям большевиков, Камо совершил чудо перевоплощения: он выдавал себя за сумасшедшего в течение двух лет. Немецкие психиатры, чтобы установить подлинность болезни Камо, проводили тесты на восприимчивость к боли. Камо реагировал на боль с абсолютным равнодушием. Врачи никогда не встречали такой выносливости в нормальных людях. Потом большевики уверяли, что терпеть боль Камо позволяла железная сила воли.

Тем не менее даже революционеры не могли объяснить, как психически здоровый человек мог не спать четыре месяца. Они также не могли понять двух его попыток самоубийства во время нахождения в клинике (он остался в живых только благодаря вмешательству медицинского персонала). Немецкие врачи пришли к выводу, что Камо страдал психическим заболеванием в форме истерии. Российская полиция же продолжала настаивать, что он только прикидывается больным, и требовала его. В октябре 1909 г. Камо был отправлен в Россию, где российские медицинские эксперты, принимая во внимание выводы немецких врачей и проведя собственное обследование, признали, что он действительно болен.

В августе 1911 года бежал из Тифлисской психиатрической больницы, где находился под охраной. Уехал через Батум за границу. Был в Париже у Ленина, который снабдил его деньгами. Из Парижа поехал в Стамбул, а оттуда в Болгарию. При попытке вернуться на Кавказ арестовывался турецкими властями, но сумел добиться освобождения, назвавшись турецким агентом. Вернувшись в Россию, предпринял в 1912 году попытку устроить экспроприацию денежной почты на Коджорском шоссе. Ограбление не удалось, Камо был ранен, арестован и опять помещён в Метехский замок. Приговорён к смертной казни по каждому из четырёх инкриминируемых дел. Прокурор суда Голицынский, симпатизировавший Камо, затянул посылку приговора на утверждение, дотянув до объявления амнистии по случаю трёхсотлетия дома Романовых. Приговор Камо был заменён двадцатилетней каторгой.

Освободился из тюрьмы во время Февральской революции, уехал в Москву, затем в Петроград. Работал в Бакинском совете и ЧК, затем в Москве готовил группу для борьбы в тылу у Деникина.

Осенью 1919 года доставил в Баку по морю оружие и деньги для подпольной партийной организации и партизан Северного Кавказа. В январе 1920 года был арестован в Тбилиси меньшевистским правительством и выслан. В апреле 1920 года принимал активное участие в подготовке вооружённого восстания за власть Советов в Баку.

В мае 1920 года приехал в Москву, учился в Академии Генштаба. В 1921 году работал в системе Внешторга, в 1922 году — в Наркомфине Грузии.

13 июля в 23 часа Камо ехал на велосипеде по Верийскому спуску Тифлиса, где попал под встречный грузовой автомобиль. Получив тяжёлую черепно-мозговую травму, без сознания был доставлен в

ближайшую Михайловскую больницу, где скончался через несколько часов 14 июля 1922 года.

Иннокентий Серафимович Кожевников (1879–1931) — активный участник Гражданской войны, один из организаторов партизанской борьбы в тылу белых.

Член РСДРП(б) с 1917 года. В Красной Армии с 1918 года.

Родился в селе Бочкарёво, ныне Киренского района Иркутской области в крестьянской семье. Трудовую биографию начинал рабочим, но находил возможность учиться — окончил экстерном гимназию и позже учился в Харьковском коммерческом институте. В 1915–1917 годах служил механиком на Харьковском телеграфе.

Октябрьскую революцию Кожевников принял восторженно и вскоре был назначен комиссаром Харьковского почтово-телеграфного округа.

С февраля 1918 года он — чрезвычайный комиссар 5 южных почтово-телеграфных округов. С мая по сентябрь этого же года Кожевников — чрезвычайный комиссар по связи всех фронтов.

В сентябре 1918 года Иннокентий Серафимович был направлен уполномоченным ВЦИК по организации партизанской борьбы в Татарии и Башкирии.

В августе 1918 года РВС решил направить в тыл белогвардейских войск на восточном фронте экспедиционный партизанский отряд ВЦИК.

Удостоверением № 19375, датированным сентябрём 1918 года и подписанным председателем ВЦИКа Я. М. Свердловым, организация и ведение партизанской войны в тылу чехословаков с непосредственным подчинением Реввоенсовету республики были поручены уполномоченному ВЦИКа Иннокентию Кожевникову.

Военная часть плана партизанской экспедиции была рассмотрена и одобрена председателем Реввоенсовета республики Л. Д. Троцким и Главкомом Восточного фронта И. Вацетисом. Отряд Кожевникова,

сформированный в основном из посланцев Курского, Нижегородского и Астраханского почтово-телеграфных округов, численностью 500 человек должен был регулярными ударами по тылам белых помогать Красной Армии, наступающей с фронта.

«Кожевниковцы» вышли из Москвы 30 сентября и 6 октября 1918 года прибыли в Челны.

Здесь, оставив необходимый гарнизон, отряд выступил в поход по тылам белогвардейцев.

В ноябре 1918 года численность отряда достигла 12 тысяч человек, и распоряжением командования экспедиционный отряд ВЦИКа стал именоваться «Партизанская Красная Армия».

Отряд был реорганизован в 9 самостоятельных отрядов и 2 артиллерийских дивизиона, при этом 7 партизанских отрядов действовали в пределах Татарии.

В начале декабря 1918 года из Москвы поступил приказ о передислокации партизанской армии ВЦИКа через железнодорожную станцию Бугульма на Южный фронт и сосредоточении её в районе Нового Оскола Курской губернии.

6 декабря 1918 года в Курск прибыл первый эшелон бойцов-партизан. В январе 1919 года в отрядах Кожевникова насчитывалось более 30 тысяч человек, которые участвовали в сражениях за города Купянск, Старобельск и Луганск. Вскоре на базе этих боевых сил была сформирована 13-я армия под командованием Кожевникова: основную массу личного состава армии составляли уроженцы Татарии.

Член Реввоенсовета Южного фронта Иосиф Ходоровский (1885–1938) 5 февраля 1919 года в телеграмме Свердлову сообщал: «В армии Кожевникова имеется свыше 10 тысяч мусульман».

С декабря 1918 года Кожевников — командующий группой войск Курского, а с февраля 1919 года — Донецкого направлений.

Весной 1919 года (с 5 марта по 9 мая) он командовал 13-й армией, созданной на базе войск Донецкой группы.

В 1920 году Кожевников служил на Волжско-Каспийской флотилии, был комиссаром отряда.

В 1921-м биография его кардинально меняется: он — товарищ министра иностранных дел Дальневосточной республики.

В мае 1921 года Кожевников был направлен эмиссаром в Приморский край для организации партизанского движения. В 1922–1923 годах Кожевников — полномочный дипломатический представитель в Бухарской народной республике и Литве, а в период с 1924 по 1926 год работал в Наркомате почт и телеграфов.

Блестящая для своего времени карьера Кожевникова закончилась 21 января 1926 года, когда он был арестован органами ОГПУ и отправлен на Соловки.

В 1929–1930 годах «Соловецким Криминологическим Кабинетом» была организована «Колония для малолетних преступников. Эта «Детколония», носила официальное название «Исправительно-трудовая колония для правонарушителей младших возрастов от 25 лет».

Начальником «колонии» был заключённый Кожевников.

В 1931 году Кожевников бежал из лагеря, прислав начальству ИСО (информационно-следственного отдела) большой пакет, в котором находился «Манифест Императора Иннокентия I». В манифесте о вступлении на всероссийский престол императора Иннокентия I была обещана амнистия всем заключённым, повелевалось захватить соловецкие суда, взять Кемь и двигаться на Петроград.

Вскоре Кожевников был пойман, жестоко избит (он оказал сопротивление), а затем освидетельствован комиссией врачей-психиатров, причём каждый из врачей осматривал и давал заключения в отдельности. Профессор доктор М. А. Жижиленко (тайный епископ катакомбной церкви) и И. Л. Солоневич дали одинаковые заключения о том, что Кожевников душевно больной параноик, но третий эксперт, врач Шалаевский, заподозрил симуляцию. Тогда из Кеми был вызван на экспертизу известный психиатр профессор доктор В. Н. Финне, подтвердивший душевное заболевание Кожевникова.

После этого Кожевников был увезён в Москву и 15 апреля 1931 г. (дата приблизительная) — расстрелян.

Евгения Богдановна Бош (1879-1925). Родилась в Очакове Херсонской губернии. Происходила из семьи немца-колониста Готлиба Майша, который приобрёл значительные земельные угодья на Херсонщине, и бессарабской дворянки Марии Парфентьевны Круссер. Три года Евгения посещала Вознесенскую женскую гимназию. Во время обучения вступила в брак с владельцем небольшой каретной мастерской Петром Бошем. В конце 1890-х годов познакомилась с социал-демократами и погрузилась в революционную работу. В 1901 году вступила в РСДРП. После II съезда РСДРП определилась как большевичка.

Воспитывая двух дочерей, Е. Бош одновременно занималась самообразованием. В начале 1907 года развелась с мужем и поселилась в Киеве. Установила контакт с местными большевиками, вместе с младшей двоюродной сестрой Еленой Розмирович вела подпольную революционную деятельность. В феврале 1911 года — секретарь Киевского комитета РСДРП(б), завязала переписку с В. Лениным и Н. Крупской.

В апреле 1912 года Е. Бош арестовали. За год заключения в Екатеринбургской тюрьме её здоровье (к

этому она уже страдала болезнями сердца и лёгких) значительно ухудшилось. Тяжело больную чахоткой Е. Бош Киевская судебная палата осудила к лишению гражданских прав и пожизненной ссылке в Сибирь.

Однако в отдалённой Качугской волости Верховенского уезда Иркутской губернии, куда была сослана Е. Бош, она задержалась недолго. Вместе с другим руководителем киевских большевиков, который проходил по одному делу с Е. Бош, — Г. Пятаковым, она бежала через Владивосток в Японию, а потом переехала в USA и наконец — в Швейцарию. На Бернской конференции заграничных секций РСДРП Е. Бош и Г. Пятаков образовали оппозицию В. И. Ленину, примкнув к так называемой «Божийской группе» (по названию предместья Монтрё — Божьи), в которую входили Н. Бухарин, Н. Крыленко, Е. Розмирович. После обострения разногласий между руководителями ЦК РСДРП (главным образом, в оценке национального вопроса) Е. Бош и Г. Пятаков переехали в столицу Швеции — Стокгольм, а потом в столицу Норвегии — Христианию.

Возвратившись в первые дни после свержения самодержавия в Россию, Е. Бош и Г. Пятаков приложили немало сил, чтобы организовать оппозицию ленинскому курсу на социалистическую революцию — сначала в Петрограде, а потом в Киеве. Однако после Апрельской конференции РСДРП(б), (Е. Бош была её делегатом), она перешла на ленинские позиции. Была избрана главой окружного, потом секретарём областного комитета РСДРП(б) Юго-Западного края. Как делегат принимала участие в работе VI съезда большевистской партии.

К тому времени достиг максимума конфликт с секретарём Киевского комитета РСДРП(б) Г. Пятаковым. Идейные споры привели даже к разрыву их супружеских связей (они находились в гражданском браке). В октябрьские дни 1917 года Е. Бош находилась в Виннице, была одним из руководителей вооружённого

восстания против войск Временного правительства, которое было подавлено верными Временному правительству войсками. Принимала деятельное участие в подготовке Областного (краевого) съезда РСДРП(б) в Киеве (3–5 декабря 1917 г.), который стремился создать всеукраинскую организацию большевиков — РСДРП(б) — социал-демократия Украины, вошла в состав избранного съездом главного комитета этой организации.

Е. Бош была одним из организаторов Всеукраинского съезда Советов, провозглашения Украины советской республикой — Украинской Народной Республикой Советов (УНРС), формирования её органов государственной власти. В декабре 1917 года по её инициативе делегаты-большевики и представители левых течений ряда других партий покинули съезд Советов в Киеве, на котором они оказались в меньшинстве, переехали в Харьков, объединились там с делегатами III Донецко-Криворожского областного съезда Советов и провели 11–12 декабря I Всеукраинский съезд Советов. Съезд провозгласил Украину республикой советов, заявил о её федеративной связи с Советской Россией, объявил власть Центральной Рады в Украинской Народной республике недействительной, а законы и распоряжения — недействующими. На Украину распространялось действие декретов Совнаркома Советской России.

Е. Бош стала одним из членов ЦИК Советов Украины — высшего органа власти в советской республике, который сформировал исполнительный орган власти — Народный секретариат. Это оказалось нелёгким делом. К разногласиям между «хозяевами» (харьковчанами) и «приезжими» (киевлянами) о нормах представительства своих сторонников прибавился и существенный недостаток кадров украинского происхождения.

Наконец, сошлись на том, что претенденты на правительственные должности должны иметь прежде всего высокие деловые и политические качества и быть «по возможности с украинскими фамилиями». Поскольку на должность руководителя правительства «настоящего украинца» не нашли, было решено «главу Совета народных секретарей временно не избирать». Также постановили, что «народный секретарь внутренних дел будет координировать работу Народного секретариата», иными словами, станет исполняющим обязанности главы правительства. Эту должность 17 декабря заняла Е. Бош. В тот же день ЦИК Советов Украины решил «организовать при президиуме ЦИК отдел управления, который должен работать под руководством народного секретаря внутренних дел». Этим постановлением дополнительно подтверждался статус Е. Бош как фактического руководителя правительства. До конца января 1918 года правительство находилось в Харькове, 30 января перенесло свою работу в Киев, в начале марта — в Полтаву.

Поспешный и немотивированный переезд Народного секретариата в Киев Е. Бош со временем стала считать ошибочным. Условия для деятельности правительства по многим причинам значительно ухудшились. В обстановке сплошного хаоса, нарастания внутренних разногласий, Е. Бош с её деятельной, неугомонной вплоть до фанатизма натурой всё чаще стала прибегать к решительным, резким шагам и решениям. Оппоненты начали называть её «диктатором» и даже предпринимать шаги к изоляции. Понимая это, Е. Бош сама инициировала передачу своих функций Н. Скрипнику, который вёл себя значительно обдуманнее.

Е. Бош не соглашалась без боя оставлять австро-германским войскам Киев, однако её позицию не разделяло большинство коллег из политического и

военного руководства УССР. Её буквально силком эвакуировали из Киева. Было выдвинуто требование о смещении её с должности фактического главы правительства. Учитывая сказанное, а также в знак несогласия с подписанием Брестского мира, по которому советская Россия признавала мирное соглашение ЦР с Германией и её союзниками, Е. Бош 4 марта сложила свои полномочия народного секретаря. Правительство осталось без руководителя, в связи с чем в этот же день на должность главы Народного секретариата избрали Н. Скрипника.

Увлёкшись «левокоммунистическими» взглядами, Е. Бош отказалась эвакуироваться с руководящими учреждениями УССР в город Екатеринослав. Она стала политработником в группе войск В. Примакова, которая с тяжёлыми боями на протяжении двух месяцев отступала из района города Бахмач к Мерефе.

Произошло новое обострение болезни. Немного подлечившись в Тамбове и Липецке, Е. Бош приняла участие в работе I съезда КП(б)У в Москве.

По настоянию В. И. Ленина и Я. М. Свердлова Е. Бош направили в Пензу, где она возглавила губком РКП(б). В этом регионе, по мнению В. И. Ленина, была «необходима твёрдая рука» для активизации работы по изъятию хлеба у крестьянства. В Пензенской губернии надолго запомнили жестокость Е. Бош, проявленную при подавлении крестьянских восстаний в уездах. Когда пензенские коммунисты — члены губисполкома воспрепятствовали её попыткам устроить массовые расправы над крестьянами, Е. Бош обвинила их «в излишней мягкости и саботаже» в телеграмме на имя В. И. Ленина. Исследователи склоняются к мнению, что Е. Бош, будучи «психически неуравновешенным человеком», сама спровоцировала крестьянские волнения в Пензенском уезде, куда её направили в качестве агитатора продотряда. По воспоминаниям

очевидцев, «в с. Кучки Бош во время митинга на сельской площади лично застрелила крестьянина, отказавшегося сдавать хлеб. Именно этот поступок возмутил крестьян и вызвал цепную реакцию насилия». Жестокость Е. Бош по отношению к крестьянству сочеталась с её неспособностью пресечь злоупотребления своих продотрядовцев, многие из которых не сдавали государству изъятый у крестьян хлеб, а обменивали на вино и водку.

После обострения ситуации на Южном фронте ЦК РКП(б) прикомандировал её на Юг России. Она возглавила политотдел Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. От коммунистов Астрахани была делегатом VIII съезда РКП(б). Потом работала в Совете обороны Литовско-Белорусской ССР, а также на должности особоуполномоченного Совнаркома УССР в прифронтовой с деникинцами зоне.

Болезнь давала себя знать всё чаще и чаще, всякий раз надолго приковывая Е. Бош к постели. Некоторое время она работала в ЦК Всероссийского профсоюза земли и леса, Наркомате образования, в комиссии Центросоюза и Наркомпрода по помощи голодающим, в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Правительство не раз направляло Е. Бош на лечение в Грузию, Германию, Италию. Когда мучения от болезни стали невыносимыми, Е. Бош покончила жизнь самоубийством в Москве 5 января 1925 года.

Сергей Константинович Минин (1882–1962). Родился в семье священника 29 июня 1882 года, уроженец посада Дубовка Саратовской губернии. Учился на юридическом факультете Венского и на историко-филологическом факультете Юрьевского университета. Член РСДРП(б) с 1905 года, за революционную деятельность подвергался тюремному заключению и ссылкам. С приходом к власти Временного правительства и созданием Советов в регионах в

феврале 1917 года возглавлял комитет РСДРП(б) Царицына, избирался председателем городского Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции стоял во главе взявших власть в Царицыне большевиков, и на должности председателя революционного военного совета стал главой города, в это время сблизился со Сталиным и Ворошиловым. С 1918 года член РВС Северо-Кавказского ВО, член РВС 10-й армии РККА. Член коллегии НКВД. В 1918-1920 годах член РВС ряда фронтов и армий, начальник управления НКВД РСФСР. С мая 1920 года член РВС 1-й Конармии. В 1923-1925 годах член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б).

В 1924-1926 годах занимал пост уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по ВУЗам и рабочим факультетам Ленинграда. С 23 мая 1925 года фактически возглавил Ленинградский государственный университет, дублируя полномочия с ректором Державиным. Руководил присоединением Ленинградских Географического и Химико-фармацевтического институтов, с 1925 года ставшими отдельными факультетами при университете. С осени 1925 года уступил свои полномочия заместителю В. В. Покровскому. В годы управления университетом выдвинул лозунг «философию за борт», утверждая, что философия, как и религия, враждебна пролетариату, и что пролетариат должен опираться в первую очередь на науку. Подобные взгляды разделяли многие деятели пролеткульта, но такая позиция вступила в противоречие с позицией РКП(б), утверждавший про «единственно верную научную философию» — марксизм-ленинизм.

В 1927 году в связи с психическим заболеванием отошёл от общественной деятельности. С 1954 года персональный пенсионер, награждён орденом Красного

Знамени. Умер в Москве 8 января 1962 года. (Википедия).

Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962). Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1914 года состоял приват-доцентом кафедры гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1904–1917 годах — член РСДРП (меньшевик).

Перевёл на русский язык сочинения Каутского, письма Карла Маркса к члену Интернационала Кугельману.

После захвата власти большевиками стал большевиком. С начала 1918 года работал в Наркомюсте: являлся членом Коллегии НКЮ и заведующим Отделом кодификации и законодательных предположений.

Гойхбарг принимал активное участие в кодификации советского брачного, семейного и опекунского права и был вдохновителем всего советского законодательства. 4 ноября 1918 года он докладывал на заседании ВЦИК о проекте Кодекса законов о браке. Председательствовал в комиссии по разработке КЗоТ 1918 года.

По формулировке Гойхбарга, одной из задач коммунистического строя является замена частной, индивидуальной, родительской заботы о детях без всяких изъятий общественной заботой о них.

25 сентября 1919 года присутствовал на собрании агитаторов и пропагандистов РКП(б) в помещении московского комитета, когда там произошёл взрыв.

В 1919–1920 годах — был членом Сибревкома и заведующим юридическим отделом Сибревкома. Выступал обвинителем на процессе против министров Российского правительства, который проходил с 20 по 30 мая 1920 года в Омске.

А. Г. Гойхбарг возглавлял комиссию по подсчету убытков, причинённых Советской России войной и международной блокадой.

В 1924 году бывший приват-доцент кафедры гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета А. Г. Гойхбарг писал в своей работе: «Всякий сознательный пролетарий знает... что религия — опиум для народа. Но редко кто... осознает, что право есть ещё более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа».

В 1930-1940-х годах — на юрисконсультской работе в Наркомате внешней торговли.

В 1947 году был арестован по обвинению в антисоветской агитации. После заключения врачебной комиссии от 10 января 1948 года, в котором было указано, что Гойхбарг страдает маниакально-депрессивным психозом с параноидной окраской и нуждается в стационарном лечении, Гойхбарг был отправлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского для определения его вменяемости.

Согласно акту СПЭ института имени Сербского от 20 января 1948 года Гойхбарг являлся психопатической личностью с параноидальным развитием, осложненным артериосклерозом головного мозга и был признан невменяемым. Решением ОСО НКВД был отправлен на принудительное лечение. С января 1948 года по декабрь 1955 года находился на принудительном лечении в Казанской тюремной психиатрической больнице.

Карл Гертович Розенталь (1886–1940). Первый руководитель московской советской милиции.

Латыш. Член РСДРП с 1905 года. До 1917 года занимался революционной деятельностью, подвергался репрессиям.

В сентябре-ноябре 1917 года председатель Центральной ревизионной комиссии Моссовета.

В 1918 году был начальником Московской уголовно-розыскной милиции. Приказом НКВД РСФСР по главному управлению милиции было образовано Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск). 10 октября 1918 г. его первым начальником стал начальник МУУР К. Г. Розенталь. При этом начальником МУУР он оставался по совместительству до ноября 1918 года. Провёл успешное расследование ограбления почтового вагона с крупной суммой денег между станциями Кашира и Ожерелье Рязанско-Уральской железной дороги.

Член коллегии центрального управления лагерей НКВД РСФСР в 1919 году. Арестован по личному распоряжению Ф. Э. Дзержинского за превышение власти. Предан суду. Освобождён решением ВЦИК. В декабре 1919 года был вновь назначен руководителем Центророзыска.

В 1920 году вышел из РКП(б) в связи с психическим заболеванием.

Шагов Николай Романович (21.02.1882-09.06.1918).

Депутат 4-й Государственной думы Российской империи от Костромской губернии.

Русский, православного вероисповедания, из семьи крестьянина деревни Клинцово Остреповской волости Нерехтского уезда Костромской губернии. В 1894 году окончил 3 класса церковно-приходской школы в селе Красное. С 1894 года подсобный рабочий, с 1897 подручный ткача, в 1899-1912 годах рабочий-ткач фабрики «Товарищества мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями» в селе Родники Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Участник стачек 1895-1897 и начала 1900-х годов. С 1903 года посещал фабричные курсы, организованные в Родниках социал-демократами. С 1904 года выполнял отдельные

поручения Родниковской социал-демократической организации. Член РСДРП, большевик (с 1905). В 1906 году один из организаторов профсоюза текстильщиков в Родниковском районе, рабочей книжной лавки, через которую ткачи снабжались революционной литературой. Председатель родниковского Общества потребителей и рабочего кооператива (1908). Женат, имел сына.

20.10.1912 года избран в 4-ю ГД от съезда уполномоченных от рабочих, Входил в Социал-демократическую фракцию, после её раскола (ноябрь 1913) — член Российской социал-демократической рабочей фракции. Член комиссий: земельной, о народном здравии. В Думе произнес две речи о столыпинской аграрной политике, написанные для депутатов-большевиков В. И. Лениным. На основании статьи 38 Учреждения ГД удалялся на 15 заседаний.

Участник Краковского (1912) и Поронинского (1913) совещаний ЦК РСДРП. Публиковал статьи в газете «Правда». Занимался нелегальной работой: в качестве доверенного лица ЦК РСДРП в 1913 году объезжал промышленные районы и выступал перед рабочими, настаивая на необходимости активизировать забастовочную борьбу. Зимой — весной 1914 года руководил стачечным движением в Костромской губернии; в мае — июле 1914 года руководитель забастовки текстильщиков в Костромской губернии.

С начала 1-й мировой войны проводил антивоенную и революционную агитацию; выступал за поражение России в мировой войне. Вместе с другими членами большевистской фракции арестован 6.11.1914 года, осужден за государственную измену и сослан «на вечное поселение» в Туруханский край (ноябрь 1914). После Февральской революции 1917 года возвратился в Петроград тяжело больным. По приглашению Временного комитета Государственной думы (ВКГД)

участвовал в работе Комиссии для выделения пособий пострадавшим от революции (29 марта). Позднее выехал в Кострому, участвовал в работе местной большевистской организации.

В октябре 1917 года находился в психиатрической больнице в Костроме, где и умер.

Пётр Кузьмич Запорожец (1873–1905). В 1886–1891 годах — учился в Киевском реальном училище. С 1891 года был студентом Петербургского технологического института, где вступил в марксистский кружок и в 1895 году под руководством В. И. Ленина участвовал в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и был участником центрального кружка этого союза. Вёл социал-демократическую пропаганду среди рабочих в районах Нарвской и Московской застав. В 1895 году приезжал в Киев с организационными задачами.

В декабре 1895 года революционер был арестован и осуждён на пять лет ссылки. Находясь в тюрьме, психически заболел. В 1897 году находился в киевской Кирилловской психиатрической больнице. Впоследствии — скончался в больнице в Виннице.

Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941). Сын нотариуса. В 1897 году поступил на юридический факультет Московского университета, который не окончил, будучи исключён в 1899 году за революционную деятельность. В 1900–1902 годах учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, откуда был изгнан когда в 1901 году был арестован «за проведение антиправительственной сходки студентов». В 1901 году вступил в РСДРП, большевик. Свою часть отцовского наследства (около 100 тысяч рублей золотом) передал партии. Женился на Ольге Дидрикиль. Сестра Ольги Дидрикиль Нина была женой революционера Н. И. Подвойского (который учился в Демидовском лицее в одно время с Кедровым), а другая

сестра, Августа стала матерью деятеля органов госбезопасности А. Х. Артузова. Психические расстройства, по-видимому, являлись настоящим бичом семьи Кедровых. Достаточно сказать, что старший брат Михаила умер душевнобольным в костромской психиатрической лечебнице. Дурная наследственность перешла и к одному из сыновей Кедрова — Игорю.

Работал в Нижегородской, Ярославской, Симферопольской парторганизациях. В начале 1903 года был отправлен в административную ссылку в Вологодскую губернию. В 1904 году участвовал в подкопе в Таганскую тюрьму. В октябре 1905 года организовывал рабочие дружины в Костроме. Во время Московского восстания занимался снабжением восставших оружием.

В январе 1906 г. Кедров перешел на нелегальное положение. По поддельному паспорту на имя мещанина города Рогачева Могилевской губернии, приказчика Иванова Михаила Сергеевича, жил в разных городах Российской империи. Для пополнения партийной кассы несколько раз устраивал концерты в Твери и принимал в них участие как пианист.

После поражения революции был агентом ЦК РСДРП по распространению партийной литературы. Руководил петербургским книжным издательством «Зерно», в котором печатал работы В. И. Ленина. Был арестован и немногим более двух лет провёл в крепости «за принадлежность к социал-демократической рабочей партии».

В 1912 году эмигрировал в Швейцарию. Поддерживал контакты с Лениным. Слушал лекции по медицине в университетах Берна и Лозанны. В 1916 году по заданию ЦК вернулся в Россию, под видом врача работал на Кавказском фронте.

В марте-апреле 1917 года председатель Совета в Шериф-хане (северная Персия). С мая 1917 года член

Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Всероссийского бюро большевистских организаций в Петрограде, редактор газеты «Солдатская правда». Создал газеты «Рабочий и солдат» и «Солдат».

С ноября 1917 года член коллегии Наркомата по военным делам РСФСР, комиссар по демобилизации русской армии. В августе-сентябре 1918 года командующий войсками Северо-Восточного участка отрядов завесы.

С сентября 1918 года начальник Военного отдела ВЧК. После того как в декабре 1918 года Военный контроль и Военный отдел ВЧК были объединены в Особый отдел ВЧК — начальник Особого отдела. 1 января 1919 года Кедров издал приказ, в котором сообщалось о создании Особого отдела. Приказ предписывал объединить повсеместно органы Военного контроля и военные отделы ЧК и образовать особые отделы фронтов, армий, военных округов и губерний.

В 1918 году М. С. Кедров, совместно с А. В. Эйдуком, занимался созданием первых концлагерей и реализацией политики «красного террора» в Северной области: Архангельская, Вологодская, Вятская губернии, Карелия. Кедровым были «основаны» концлагеря в Холмогорах, Ухте, Архангельске, Котласе, Сольвычегодске, Вологде, Нарьян-Маре, Лодейном Поле.

Одновременно с марта 1919 года член коллегии ВЧК. С мая 1919 года особоуполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах.

Неоднократно руководил комиссиями по проверке (и чистке) различных государственных учреждений. С конца 1919 года председатель Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики.

В марте 1920 года назначен членом специальной правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере.

Прибыв на Соловецкие острова, Кедров ликвидировал Соловецкий монастырь, сослав его руководство.

Дальнейшая работа М. Кедрова в госорганах стала невозможной: он всё сильнее злоупотреблял наркотиками, отчего у него начались психические расстройства. Дзержинский перевел его на хозяйственную работу, но все посты, которые он занимал в последующие 15 лет, были синекурой: не увольняли его лишь потому, что он был когда-то близок к Ленину. И. В. Сталин, которого Кедров изводил требованиями дать «ответственную должность», сплавил его старшим научным сотрудником Нейрохирургического института, с предписанием персоналу: к работе с пациентами не допускать. Так что «старший научный сотрудник» Кедров ходил на работу исключительно за зарплатой. Летом 1937 года М. С. Кедров был арестован. Человека, нуждавшегося в серьёзном лечении, содержали в Лефортовской тюрьме, и обвинили в «шпионаже в пользу США». Летом 1941 года его судила Военная Коллегия Верховного Суда СССР, но, видя его состояние, члены суда М. Р. Романычев, А. А. Чепцов, В. Д. Буканов назначили судебно-психиатрическую экспертизу и вынесли определение о переводе Кедрова в медицинское учреждение. Несмотря на оправдательный приговор, Л. П. Берия дал личное указание не выпускать Кедрова из тюрьмы. 27 октября 1941 года Кедров вместе с другими арестованными был вывезен в посёлок Барбош Куйбышевской области и 28 октября 1941 года там расстрелян.

Афанасий Иосифович Ремнев (1889–1919). Прапорщик царской армии, участник июльских событий в Петрограде. По свидетельству Ф.Ф. Раскольниковца, 3 июля 1-й пулемётный полк прислал своих делегатов в Кронштадт, призывая вооружиться и двинуться на Петроград. По мнению Раскольниковца, делегаты 1 — го

пулемётного полка находились под влиянием анархистов.

В Кронштадте была создана организационная комиссия по руководству демонстрацией из 9 человек, в неё вошли Ф.Ф. Раскольников (большевик), С. С. Гредюшко, С. М. Рошаль (большевик), П. Н. Беляевский (эсер), А. Павлов, А. К. Самоуков, Г. Попуриди (эсер), М. М. Мартынов, А. И. Ремнев.

«Распалённая братва из Кронштадта — около 10000 матросов во главе с Ф. Раскольниковым, С. Рошалем, А. Ремневым, М. Урицким, Ф. Хаустовым, И. Смилгой, Н. Подвойским и В. Невским (Кривобоковым) — радикалами из Военной организации большевиков — двинулась туда, где размещались ЦК и ПК большевиков, а потом к Таврическому и Мариинскому дворцам.»

После июльского выступления «В «Крестах» оказались Троцкий, Каменев, Луначарский, Раскольников, Сахаров, Рошаль, Ремнев, Хаустов, Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Ховрин и много других руководителей «Военки» и офицеров, сторонников большевиков».

Затем Ремнев — командир 1-го Минского революционного полка, командующий 2-й (Особой) армией Западного фронта. Был арестован в апреле 1918 года по обвинению в преступлении по должности. Содержался в Бутырской тюрьме, затем в связи с заболеванием — в тюремной больнице и психиатрической лечебнице, откуда бежал. Скрывался в Самарской губернии. В июле 1919 года был вновь арестован и осуждён.

Иван Густович Слесарев-Кульман (1884–1950).

Иоганн Николас Фридрих Густавов Кульман, немец, лютеранин, из Курляндии, мыза Усмайтен, из крестьян, скорее, из фермеров — его отец имел поместье Усмайтен, в семье было 5 сыновей и дочь.

Окончил гимназию и Коммерческий инженерный институт. Владел несколькими языками, был активным подпольщиком в Москве и Минске, возил «Искру» из-за границы, был членом Московского ревкома, участвовал в подписании Брестского мира. После пропал.

В созданный 26 октября (8 ноября) 1917 года ВРК Пресненского района Москвы вошли И. Г. Слесарев (Кульман) — комиссар района, Г. Я. Беленький (секретарь райкома), М. С. Жаров, И. В. Зубков, Ф. М. Шенюгин, позднее И. Т. Меркулов (председатель ВРК), М. В. Рыкунов и другие.

В 1943 году его обнаружил родной брат в Столбовой в Психоневрологической больнице, куда он попал в 1928 году. Ничего не известно о 10 годах его жизни до больницы, в которой он пробыл более 20 лет. В войну в больнице заведовал карточками, вёл бухгалтерию, но был её пациентом, имел маленькую комнату-палату на одного. До реабилитации не дожил. Умер 18 марта 1950 года от сердечной недостаточности в ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ.

Левым эсером был Михаил Артемьевич Муравьев (1880–1918). Родился он в крестьянской семье. Учился в Костромской учительской семинарии. В 1898 году поступил вольноопределяющимся в армию, в 1901 году окончил двухгодичное Казанское пехотное юнкерское училище, после которого был распределён в город Рославль Смоленской губернии. В том же году отличился на учениях, взяв в плен командующего войсками условного противника Куропаткина. Муравьева знали и как «дамского сердцеда». После одной из ссор на полковом балу Муравьев убил на дуэли офицера, за что был лишен погонов. Дуэлянту также предстояло отбыть полтора года арестантских рот, но это наказание было заменено длительной гауптвахтой. Он также был восстановлен в офицерском звании и провинившегося поручика направили командиром роты

122-го пехотного Тамбовского полка. Воевал он храбро, но в феврале 1905 года был тяжело ранен в голову и оказался в госпитале. И хотя врачам удалось поставить его на ноги, у поручика, как свидетельствовали медицинские документы, «остались тяжелые и неизлечимые последствия, связанные с повреждением нервных стволов, выраженные в головокружениях, ослаблении слуха и т. д.».

Около пяти лет Муравьев провёл за границей, в первую очередь — во Франции, где посещал Парижскую военную академию. В Париже на Муравьева оказал влияние культ Наполеона.

На 1 января 1909 года служил в 1-м Невском пехотном полку на Кавказе в чине поручика. Семь лет служил преподавателем в Казанском военном училище, женился на дочери командира резервного Скопинского пехотного полка.

На Первой мировой войне Муравьев в начале ноября 1914 года под Краковом получил тяжёлое ранение. И снова госпиталь — на сей раз в Царском Селе, где работали сестрами милосердия царица Александра Федоровна и её фрейлины.

Условия в госпитале были лучше, чем в других. И все же Муравьев ими был недоволен. Однажды ему не подали положенной порции вина, и капитан устроил настоящий скандал, крича во все горло: «Воюешь за них, а им рюмки вина жалко»... Раненого поспешили успокоить, учитывая и его характер, и состояние расстроенной нервной системы: даже накануне выписки из госпиталя доктора отмечали у пациента «сильные головокружения, утомляемость, общую слабость, плохой сон, по ночам частые кошмары...»

Затем Муравьев был переведён преподавателем тактики в школу прапорщиков в Одессе. После Февральской революции попытался сместить одесского

губернатора М. Эбелова как «недостаточно революционного и кадетского».

На 1-м съезде Юго-Западного фронта в мае выступил с инициативой создания добровольческих ударных частей. В Петрограде возглавил «Оргбюро Всероссийского центрального комитета для вербовки волонтеров в ударные части» (также председатель Центрального исполкома по формированию революционной армии из добровольцев тыла для продолжения войны с Германией), вёл работу по формированию добровольческих ударных батальонов. На этом поприще Муравьёву удалось сформировать до 100 «батальонов смерти» и несколько женских батальонов. Он был замечен Керенским. Стал начальником охраны Временного правительства, был произведён в подполковники.

После поражения Корниловского выступления разорвал дальнейшие отношения со Временным правительством, и примкнул к левым эсерам, активно критиковавшим Керенского слева. После Октябрьской революции предложил свои услуги Советскому правительству. Уже через два дня после восстания в Петрограде Муравьёв встретился со Свердловым и Лениным, после чего был уполномочен организовать борьбу с мародёрами, грабившими петроградские винные лавки.

С 27 октября (9 ноября) 1917 года — член штаба Петроградского ВРК, с 28 октября — начальник обороны Петрограда, с 29 октября назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, с 30 октября — командующий войсками, действовавшими против войск Керенского — Краснова. 8 (21) ноября 1917 года Муравьёв заявил о сложении своих полномочий в связи с отзывом левыми эсерами своих представителей с ответственных государственных постов.

9 (22) декабря 1917 года Муравьёв был назначен начальником штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге России В. А. Антонова-Овсеенко. Совместно с командующим войсками Московского военного округа Н. И. Мурадовым формировал в Москве отряды Красной гвардии для отправки на Дон против войск атамана А. М. Каледина.

В январе-феврале 1918 года командовал группой войск на Киевском направлении. 19 января вошёл в Полтаву, где разогнал нелояльный к нему местный Совет, заменив его ревкомом. Председатель совета Андрей Заливчий, как и другие члены совета были арестованы. При занятии Полтавы Муравьёв приказал расстрелять 98 юнкеров и офицеров местного юнкерского училища.

Через четыре дня после подавления войсками Центральной рады Январского восстания в Киеве войска Муравьёва вошли в Киев, где был установлен режим террора. При штурме города был проведён массовый артобстрел (до 15 тысяч снарядов), в результате которого был разрушен дом Грушевского. Перед началом самого штурма Муравьёв 4 февраля 1918 года отдал своим войскам приказ: «войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции».

25 января (7 февраля) революционными матросами Муравьёва был самовольно убит с целью грабежа киевский митрополит Владимир. Сам же Муравьёв наложил на киевскую «буржуазию» контрибуцию в 5 млн. руб. на содержание советских войск. По сведениям украинского Красного Креста, в первые дни после установления власти Муравьёва в Киеве было убито до 5 тысяч человек, из них до 3 тысяч — офицеры.

14 февраля 1918 года он был назначен командующим фронтом, получив задачу выступить

против румынских войск, стремившихся захватить Бессарабию и Приднестровье. В своей телеграмме Ленин потребовал от Муравьева: «Действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте». Муравьев командовал войсками Одесской Советской республики до 12 марта 1918 года, однако удержать город не смог. 1 апреля 1918 г., бросив свои войска, прибыл в Москву. 28 апреля М. Муравьев был арестован ЧК и брошен в тюрьму после того, как представители комитета «1-й революционной армии» обвинили бывшего главкома «в расправах, расстрелах, самодурстве, предоставлении армии права грабить города, села».

Началось следствие. Тех, кто лично сталкивался с Муравьевым, поражало его обхождение даже с ближайшим окружением. Рассказывали, что он застрелил шофера, у которого в «неподходящий момент» сломалась машина. Одного железнодорожного рабочего главком приказал расстрелять за то, что тот осмелился похлопать его по плечу, а другого за то, что обратился к нему со словом «голубчик». Свидетели высказывали свои сомнения относительно психического здоровья главкома:

«Впечатление у меня от Муравьева, как о человеке чрезвычайно нервном, кровожадном — одним словом, человеке неуравновешенном, ненормальном» (В. Примаков, командир полка Червоного казачества);

«Все его жесты, мимика, страшная возбужденность вызывали у меня ощущение, что передо мною ненормальный человек» (В. Фейерабенд, бывший начальник штаба «2-й революционной армии»);

«Я никогда не видел таких людей, как Муравьев: это был совершенно ненормальный человек с явно выраженной манией величия» (С.Мойсеев, глава армейского комитета «1-й революционной армии»).

Медицинское обследование М. Муравьева в тюрьме показало, что он действительно страдал «неврастенией

в степени большей, чем средняя». С 10 июня подполковник был переведен из Бутырки в частную психиатрическую лечебницу О. Чичеровой.

Муравьев был оправдан и 13 июня 1918 года получил назначение командующим Восточным фронтом. В ночь с 9 на 10 июля Муравьев, бросив штаб фронта в Казани, без ведома реввоенсовета фронта погрузил два лояльных себе полка на пароходы и отбыл из города. Перед мятежом успел приказом по фронту перебросить из Симбирска в Бугульму местную коммунистическую дружину.

11 июля он с отрядом в тысячу человек прибыл на пароходе «Мезень» из штаба фронта, размещавшегося в Казани, в Симбирск, занял стратегические пункты города и арестовал руководящих советских работников. Выступил против заключения Брестского мира с Германией, объявил себя «главкомом армии, действовавшей против Германии», телеграфировал в СНК РСФСР, германскому посольству в Москве и командованию Чехословацкого корпуса об объявлении войны Германии. Войскам фронта и Чехословацкому корпусу (с которым он до мятежа и должен был воевать) предписывалось двигаться к Волге и далее на запад для отпора германским войскам.

Муравьев выступил с инициативой создания так называемой Поволжской Советской республики во главе с левыми эсерами Спиридоновой, Камковым и Карелиным. Планировал привлечь на свою сторону чехословаков и офицеров. На сторону Муравьева перешли левые эсеры: командующий Симбирской группой войск и Симбирским укрепрайоном Клим Иванов, и начальник Казанского укрепрайона Трофимовский.

Ленин и Троцкий в совместном правительственном обращении заявили, что «Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте, левый эсер Муравьев,

объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте».

11 июля 1918 года Муравьёв явился на заседание исполкома губернского Совета вместе с представителями левоэсеровской фракции, предложив отдать ему власть. На тот момент местные левые эсеры ещё не были удалены от власти, и занимали посты военного, земельного и продовольственного губернских комиссаров.

К этому времени председателю губернского парткома Варейкису удалось тайно разместить вокруг здания латышских стрелков, бронеотряд и особый отряд ЧК. Сам Муравьёв также безуспешно попытался заблокировать здание шестью броневиками. Во время заседания из засады вышли красногвардейцы и чекисты, и объявили об аресте. Муравьёв оказал вооружённое сопротивление, и был убит.

Заключение

А. В. Островский в той же статье продолжает анализ правления РКП(б):

«Взяв власть в свои руки и провозгласив курс на превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, она на практике не сделала ни одного шага, который бы свидетельствовал о социалистической трансформации российского общества. Более того, почти с самого начала наметилась тенденция к ликвидации некоторых достигнутых уже завоеваний буржуазно-демократической революции.

Прежде всего, это касалось политических свобод: уже в течение первого года существования Советское правительство ликвидировало свободу печати, слова, собраний, митингов и шествий, свободу политических

партий. И если первоначально эти ограничения в первую очередь были направлены против тех социальных сил, которые с самого начала объявили войну Советской власти, то со временем происходит свёртывание демократии и для «победителей».

Неизбежность этого была очевидна ещё до того, как партия большевиков пришла к власти. Россия являлась крестьянской страной и действительная демократия в ней могла быть только крестьянской.

...Первая советская конституция приравнивала один голос горожанина к пяти голосам крестьян. Делая такой шаг, большевики называли его временным и мотивировали необходимостью обеспечить в стране диктатуру пролетариата. Однако уже в 1918–1919 годах происходит наступление и на политические права рабочего класса, в результате чего Советское государство, так и не став орудием диктатуры пролетариата, превращается в орудие диктатуры партии большевиков.

Одновременно с этим происходило постепенное ограничение внутрипартийной демократии. Причём если в годы гражданской войны его можно было бы объяснить особенностями военного времени, то после окончания войны стало очевидно: дело заключается не только в этом. В основе прежней внутрипартийной демократии лежала сложившаяся внутри партии ещё до революции система финансирования. Каждая партийная организация имела собственный бюджет, и именно за его счёт частично формировался бюджет Центрального комитета. В связи с этим местные партийные организации сами решали, какой партийный аппарат они могут содержать, и сами определяли его состав. В 1919–1921 гг. была проведена реформа, направленная на создание единой партийной кассы. В связи с этим все членские взносы и другие доходы местных партийных организаций должны были

передаваться Центральному комитету, который теперь уже сам из собственного бюджета финансировал местные организации, определял штаты партийного аппарата и держал в своих руках кадровые перестановки. Это привело к тому, что в 1921-1923 гг. началась ликвидация прежней внутривластной демократии и партия стала превращаться в послушное орудие Центрального комитета, а диктатура партии в диктатуру вождей. Отрыв партии от народа, а верхов партии от её низов означал, что, не доверяя народу, верхи партии создали такую политическую систему, которая, потеряв контроль снизу, стала способной к проведению любой политики, в том числе и политики, направленной против коренных интересов как самой партии, так и интересов народа. Более того, потеряв контроль снизу, верхи партии оказались один на один со своими более сильными зарубежными партнёрами.

И по мере того, как развивался этот процесс, зависимость верхов партии от иностранного капитала возрастала... «Давление империализма на Советский Союз, — писал Л. Д. Троцкий, — имеет задачей изменить самую природу советского общества. Борьба — сегодня мирная, завтра военная — идёт из-за форм собственности. В качестве передаточного механизма этой борьбы бюрократия опирается то на пролетариат против империализма, то на империализм против пролетариата, чтобы увеличить свою собственную власть. В то же время она нещадно эксплуатирует свою роль распределителя скудных жизненных благ для обеспечения своего благополучия и могущества... Можно с полным основанием сказать, что пролетариат, господствующий в отдельно взятой стране, всё ещё остаётся угнетённым классом. Источником угнетения является мировой империализм, передаточным механизмом угнетения — бюрократия». А следовательно, хотя прежние эксплуататорские классы

в нашей стране были ликвидированы, сама эксплуатация не исчезла. Новое заключалось в том, что после революции наша страна стала эксплуатироваться главным образом или же почти полностью извне. Система, характерная для стран с колониальной зависимостью...

Полемизируя в 1923 г. с Н. Сухановым, В. И. Ленин писал:

«Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определённый «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догнать другие народы».

Долгое время эти ленинские слова приводились как пример творческого подхода к марксизму. В действительности же они свидетельствуют, что и В. И. Ленин, и его последователи явно недооценивали того, что «догнать другие народы» т. е. завершить индустриализацию невозможно было без форсирования процесса первоначального накопления. А поэтому пришедшая к власти партия большевиков должна была взять на себя решение этой задачи и, следовательно, объективно сыграть в истории нашей страны ту роль, которую в других странах играла буржуазия — роль инструмента первоначального накопления.

Иными словами, партия большевиков должна была завершить ликвидацию мелкого производства, что предполагало разорение крестьянства и формирование за его счёт армии наёмных рабочих. Более того, особенности осуществления индустриализации в нашей стране делали неизбежным широкое использование «принудительного труда», который немногим отличался от труда рабов, и снижение до возможного минимума

жизненного уровня рабочего класса. Реализация этой политики вступала в противоречие с коренными интересами широких слоёв населения: и крестьянства, и пролетариата...

Таким образом, если в первые годы Советской власти сначала партия большевиков в целом, а затем её лидеры могли маневрировать между интересами широких народных масс и тех кругов международного финансового капитала, которые поддержали Октябрьскую революцию, то со временем возможность такого маневрирования стала сокращаться и усиление зависимости руководства партии от его зарубежных партнёров сделало неизбежным контрреволюционный переворот, который приобрёл форму так называемого «термидорианского переворота»...

Завершение «термидорианского переворота», по всей видимости, можно датировать 1937–1938 гг., когда в форме личной диктатуры И. В. Сталина в нашей стране, по сути дела, утвердился диктатура определённых кругов международного финансового капитала, на мощь которых он опирался и которые благословили его на «большой террор»...

Путь, которым Россия шла к революции, во многом был похож на путь, пройденный другими странами. Однако буржуазная революция в нашей стране произошла в особых исторических условиях и это не могло не наложить на неё отпечаток. С одной стороны, по своему характеру она была и не могла не быть буржуазной, а с другой стороны, широкое распространение в обществе уравнилельно-переделельческих настроений и возможность временного объединения под знаменем уравнилельного социализма рабочего класса и деревенских низов вела к тому, что эта буржуазная революция почти с самого начала происходила под красным знаменем и социалистическими лозунгами. Вероятнее всего, что её

ожидал бы такой же итог, как Крестьянскую войну 1525 г. в Германии, если бы она не была поддержана определённой частью отечественной буржуазии, офицерства, чиновничества и научно-технической интеллигенции. Но и эта поддержка была бы недостаточной, если бы Советская власть не смогла опереться на помощь определённых кругов международной финансовой олигархии. Оказав такую помощь, эти круги, однако, вовсе не собирались способствовать социалистической революции. Партия большевиков, и её социалистические лозунги были нужны им для того, чтобы использовать СССР в своей борьбе за мировое господство. А поэтому Октябрьская революция как революция социалистическая, захлебнувшись уже в 1918 г., так и не смогла выйти за пределы буржуазно-демократической революции». (А. В. Островский «Октябрьская революция: Случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность?»).

Иными словами, к концу 1930-х годов фактически в СССР сложился режим личной диктатуры вождя, то есть объективно — антинародный режим. Пока вождём был И. В. Сталин он ещё пытался руководствоваться интересами большинства населения СССР. Но это было его личной особенностью. При следующих главарях партократического режима номенклатура переориентировалась на собственные корыстные интересы и пользуясь своим положением уничтожила СССР и разворовала бывшую общественную собственность, реставрировав капитализм. Причём реставрировав его именно в том виде периферийного, зависимого от империалистического центра (Запада) сырьевого придатка, каким была Российская империя в начале XX века.

Ю. И. Мухин

Научно-практические проблемы подвига большевиков

Жизненная необходимость

В то революционное время начала XX века Российская коммунистическая партия большевиков (до Октябрьской революции — социал-демократическая) в семье социалистов по численности и влиянию занимала очень скромное место. От тогда могучей партии социалистов-революционеров (эсеров) большевиков отличало то, что они делали ставку не на крестьянство, а на рабочий класс, и не признавали (по меньшей мере открыто) индивидуального террора, охотно использовавшегося эсерами. А от собратьев социал-демократов (меньшевиков) большевиков отличала бескомпромиссность по отношению к власти: никакого сотрудничества с буржуазными партиями — только полный захват власти в свои руки.

Основой революционной деятельности ВКП(б) (тогда РКП(б)) была «теория» Карла Маркса о построении коммунистического общества.

Начну с того, что необходимость в этой или иной теории у любых революционеров была жизненной, посему величайшая заслуга К. Маркса перед человечеством в том, что в отличие от иных учений, его учение послужило эффективным основанием для начала борьбы за справедливость во всем мире. А это не шутки.

Но сначала о том, что значит послужить «основанием».

Всю историю человечества люди с совестью в той или иной мере возмущались несправедливостью устройства общества. Действительно, имея совесть, трудно было принять и согласиться с положением, когда сотни, а порой и тысячи человек живут впроголодь, в тяжелейшем труде ради того, чтобы обеспечить бездельнику поездку в Париж или веселую ночь за карточным столом. Люди с совестью хотели переустроить мир, и планы у них имелись, но не было того, что дает безусловную уверенность в действиях — сознания правоты своего дела. Поскольку их оппоненты ссылались на законы, на обычаи, на традиционность такого мироустройства, в конце концов — на бога. Логически в полезности справедливых идей невозможно было убедить даже сочувствующих, а тем более толпу. Поскольку для того времени справедливые проекты устройства государства были для людей новыми, а новое людей всегда пугает. Прекрасный знаток людей и их интересов Никколо Макиавелли еще в 1512 г. эту проблему сформулировал:

«При этом надо иметь в виду, что нет дела более трудного по замыслу, более сомнительно по успеху, более опасного при осуществлении, чем вводить новые учреждения. Ведь при этом врагами преобразователя будут все, кому выгоден прежний порядок, и он найдет лишь прохладных защитников во всех, кому могло бы стать хорошо при новом строе. Вялость эта происходит частью от страха перед врагами, имеющими на своей стороне закон, частью же от свойственного людям неверия, так как они не верят в новое дело, пока не увидят, что образовался уже прочный опыт. Отсюда получается, что каждый раз, когда противникам нового строя представляется случай выступить, они делают это со всей страстностью вражеской партии, а другие защищаются слабо, так что князю с ними становится опасно».

Как вы поняли, Макиавелли остерегал от новых дел даже не революционеров, а царей — тех, за кем уже была, причем, единоличная власть. А каково же было выступать против князей мира сего революционерам? Как им было нести людям новое государственное устройство, как призывать их на свержение старой власти, без уверенности в своей правоте, а только лишь с желанием «сделать как лучше»? Всевозможные трактаты и проекты, воодушевлявшие отдельных людей, на остальную толпу либо не производили впечатления, либо считались ею возмутительными, глупыми и вредными. За революционерами массы не шли, какими бы соблазнительными ни были их проекты и сколько бы сил ни тратили они на доказательство своей правоты, поскольку права менять государственное устройство, люди за ними не видели.

В истории России был такой случай. Когда в середине XIX века возникла партия революционеров-народовольцев, она стала «ходить в народ», пытаясь поднять крестьян на бунт против существующей власти. Крестьяне агитаторов слушали доброжелательно, пока речь шла о местной власти, о губернаторе — эти чиновники назначались и смещались царем, поэтому в их смещении, как таковом, не было ничего нового. Но как только агитатор заговаривал о свержении царя, агитатора тут же вязали и сдавали властям.

И вот один народоволец догадался написать фальшивую прокламацию, якобы от царя, с призывом к крестьянам освободить его (царя) от пленивших его аристократов. Немедленно в районе распространения этой прокламации вспыхнул такой бунт, что его с трудом удалось локализовать и подавить. Почему? Потому, в понимании народа у царя было право менять государственное устройство. А вот у революционеров

народ такого права не видел, какие бы золотые горы они народу не обещали.

И вот пришел Маркс и резко изменил ситуацию в пользу революционеров. Маркс и его адепты объявили о создании некой «научной», то есть, истинной теории о том, что изменение государственного устройства и, следовательно, власти происходят вне воли людей, а как бы сами собой и так неотвратно, что их можно ускорить, либо задержать, но невозможно предотвратить. И, что эти изменения являются объективным законом природы — законом общественного развития.

Что в теории Маркса было самым главным для революционеров?

Для революционеров была важна мысль, что как бы капиталист не цеплялся за власть, а коммунизм все равно придет, никуда не денется. А все, кто мешает его приходу — это враги, пытающиеся ради своей выгоды затормозить, причём, не что попало, а саму историю! Соответственно, революционеры вправе к этим врагам применять любые средства, поскольку сами они приближают счастье всего человечества. Революционеры получили у Маркса **сознание своей правоты**. При этом всяк, кто не разделял их мнение, был не просто враг трудящихся, а еще и малообразованным тупицей, неспособным понять величие истинно научных идей, изложенных Марксом.

Таким образом, Маркс поменял власть и революционеров ролями: если раньше власть смотрела на революционеров, как на презренных бунтовщиков против существующей власти, то теперь революционеры смотрели на власть, как на презренных бунтовщиков против прогресса истории и человечества. И раньше, и сегодня имелось и имеется масса революционеров разного толка, но только марксисты

имеют столь мощную «научную» базу, в которую свято верят, даже не читая того, что Маркса написал.

Но если рядовым революционерам теория Маркса был неинтересна, как впрочем, рядовым революционерам всех мастей не интересны теории, то для вождей большевиков она была очень важна, поскольку именно вождям полагалось организовывать, как захват власти, так и строительство коммунизма. Если описать марксизм в двух словах, то речь вот о чём.

Шёл и идет прогресс в развитии техники и технологии: сначала люди ковыряли землю палкой, потом мотыгой, потом земля вспахивалась плугом, который тащили лошади или волю, затем плуг стал тащить трактор. И вот в зависимости от этого прогресса меняются отношения между владельцами средств производства (в данном примере — земли) и теми, кто на этих средствах работает. Когда землю обрабатывали мотыгой, рабочих держали в рабстве, забирая у них все; когда стали пахать на лошадях, рабочих держали в крепостной зависимости, отбирая у них часть заработанного; когда техника еще усовершенствовалась, рабочих освободили из крепостной зависимости, но стали отбирать у них прибавочную стоимость; а когда техника совсем разовьется, то рабочие (подчеркну, рабочие, пролетариат — те, кто не имеют в собственности средств производства) свергнут своих угнетателей — владельцев средств производства и их власть. После чего все средства производства будут общими, паразитов, эксплуатирующих рабочих, больше не будет и возникнет общество, в котором люди будут братьями, а название этому обществу — коммунизм.

Подчеркну: по Марксу меняют производственные отношения те классы, которым эти производственные отношения становятся невыгодны, меняют их

революционным путем — путем насильственного свержения власти, охраняющей старые отношения.

Еще один, хорошо известный нюанс марксизма — победить коммунизм должен сразу во всех странах, достигших на то время наибольшего прогресса в развитии производительных сил, — в Англии, Германии, Франции, в США. В формальной логике этому условию тоже не откажешь: в одной стране коммунисты победить не могут, поскольку враждебное капиталистическое окружение других стран их уничтожит или сомнет силой вооружённой агрессии.

Есть и еще условие, о котором известно очень мало и которого сегодня марксисты стесняются: Маркс разделил народы на передовые народы и на недочеловеков, как впоследствии это сделал и Гитлер. И к недочеловекам отнес славян (за исключением поляков) и китайцев. По Марксу, эти народы в силу своих (надо думать, генетических) качеств являются природными реакционерами и контрреволюционерами, посему эти народы не имеют право на существование. Надо сказать, что логики в этом тезисе нет, и ничем, кроме врожденного расизма, это требование Маркса не объяснишь.

Но, положа руку на сердце, все эти теоретические упражнения Маркса были интересны и даже важны для профессиональных революционеров — можно было дискуссиями о различных аспектах этой теории завоевать себе авторитет среди революционных вождей. Ну, а массе рядовых революционеров Маркс был не нужен. Им достаточно было, что Маркс оформил свою теорию с истинно немецкой тщательностью в пухлые, многословные тома, написанные наукообразным жаргоном. То есть, только на эти тома взглянешь — и сразу видно, что это что-то очень-очень умное — истинно научное. А для русских интеллигентов, судящих по себе и знающих, что

«русские никогда ничего путёвого не придумают», важно было, что Маркс был немцем, то есть, важно было, что его теория для России была «импортной». С другой стороны, для евреев, в обилии имевшихся в среде революционеров России, важно было, что Маркс был «свой».

Современник и очевидец коммунистов, только что победивших в России, английский писатель Герберт Уэллс так описал ситуацию 20-х годов прошлого века:

«Но Маркс для марксистов — лишь знамя и символ веры, и мы сейчас имеем дело не с Марксом, а с марксистами, Мало кто из них прочитал весь «Капитал». Марксисты — такие же люди, как и все, и должен признаться, что по своей натуре и жизненному опыту я расположен питать к ним самую теплую симпатию. Они считают Маркса своим пророком, потому что знают, что Маркс писал о классовой войне, непримиримой войне эксплуатируемых против эксплуататоров, что он предсказал торжество эксплуатируемых, всемирную диктатуру вождей освобожденных рабочих (диктатуру пролетариата) и венчающий ее коммунистический золотой век. Во всем мире это учение и пророчество с исключительной силой захватывает молодых людей, в особенности энергичных и впечатлительных, которые не смогли получить достаточного образования, не имеют средств и обречены нашей экономической системой на безнадежное наемное рабство. Они испытывают на себе социальную несправедливость, тупое бездушие и безмерную грубость нашего строя, они сознают, что их унижают и приносят в жертву, и поэтому стремятся разрушить этот строй и освободиться от его тисков. Не нужно никакой подрывной пропаганды, чтобы взбунтовать их; пороки общественного строя, который лишает их образования и превращает в рабов, сами порождают

коммунистическое движение всюду, где растут заводы и фабрики».

Да, массовка революционеров Маркса славилась вместе со всеми, но не читала, но теорию Маркса не только изучали, но и пытались использовать революционные вожди, поэтому для понимания сложности принимаемых ими решений, понимать особенности этой теории необходимо. Понимание особенностей марксизма необходимо и любому человеку, которому устройство нашего мира не кажется справедливым, а жизнь свою этот человек не собирается ограничивать едой и развлечениями.

Люди не биороботы!

Я часто наталкиваюсь на обиду марксистов — почему люди не поступают так, как их обязал поступать Маркс своими законами? Почему пролетариат СССР не поднимается на пролетарскую р-р-революцию? Почему капиталисты вместо того, чтобы увеличить производительные силы, отбросили их в докапиталистическую эпоху? Подспудно звучит, что и пролетариат у нас не правильный, превратившийся в мелкую буржуазию на своих дачных 6 сотках, и капиталисты не правильные, а правильные только объективные законы, придуманные Марксом.

Мои наблюдения показывают, что марксисты не представляют себе понятие «объективный закон» и полагают, что фиаско марксизма определено тем, что во главе СССР стояли не марксисты. Но понятие «объективный закон» означает, что если «законы» Маркса имеют хоть какое-то отношение к истине, то могло не быть ни Маркса, ни марксистов, а в СССР обязан был бы быть коммунизм, правда, после того, как коммунизм наступил бы в Англии, Германии, США. Как

могло не быть Архимеда, но тело, погруженное в жидкость, все равно теряло бы в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость.

У любой общественной теории есть сотни и тысячи особенностей, о которых можно спорить, но среди этих особенностей есть и принципиальные моменты, без истинности которых изучение остальных особенностей теории становится бессмысленным.

Как-то одна писательница упросила Б. Шоу прочитать ее роман, Шоу его вернул с отрицательной рецензией. Однако писательница упрекнула Шоу в том, что он роман не читал, так как она в середине романа склеила несколько страниц, и они оказались не расклеенными. На что Шоу ей ответил, что для того, чтобы убедиться, что яйцо тухлое, его не требуется есть все целиком.

Я долго верил в истинность марксизма по причинам, о которых ниже, но потом «понюхал» принципиальный момент теории и понял, что эта теория не верна. И я оставался бы на этой мягкой точке зрения — «не верна», если бы марксисты в дискуссиях раз за разом не заставляли меня это марксово яйцо пробовать и пробовать со всех концов, что в конечном итоге и привело меня к выводу, что марксизм это не научная, и не теория — это околонучный бред. И те, кто называет марксизм религией, имеют на то все основания.

Предупрежу критиков: я даю определения ряду понятий, но даю их не для того, чтобы их занесли в Википедию, а для того, чтобы раскрыть тему. Нравятся вам определения Википедии — ищите того, кто раскрывает эту тему с помощью определений Википедии.

Наука — это собрание сведений, которые считаются истинами теми, кто рискует этими сведениями пользоваться. Ученые — это те, кто пополняет и

исправляет это собрание. Инструмент науки, инструмент поиска истин — разум.

Так вот, Маркс исследовал своим разумом не общество реальных людей — не тех, с кем вы знакомы и кого видите на улице, а некое абстрактное фантастическое общество абстрактных биороботов, полностью подчиняющихся внешним обстоятельствам.

Особенностью теории Маркса является то, что она годится только для описания поведения общества неких абстрактных «материалистов» — общества абстрактных людей, для которых ценностью является только материальное, грубо говоря, то, что можно купить за деньги или обменять на такое же материальное. И эти материалисты в жизни поступают только так, чтобы этих материальных ценностей у них было больше.

Но материалистов в чистом виде в реальной жизни не бывает (или их очень мало), материалисты в чистом виде это скот.

Человек, если он действительно человек, обязан руководствоваться в жизни идеей, которая в материальном плане ему ничего не дает, человек обязан жить этой идеей и ради этой идеи. И большинство людей такими и являются. А убеждения материалиста в том, что нет ценностей идеальных сущностей, а все ценности имеют только материальную сущность, превращают его в скота, по своему отношению к своему человеческому предназначению (предназначение человека выходит за рамки этой темы и не рассматривается).

Теперь об идеалистах: идеалист это не обязательно человек, верящий в бога или еще что-то мифическое, что не имеет материальной основы. Идеалист, повторю, это человек, который руководствуется в жизни идеями, которые в материальном плане ему ничего не дают. Ещё подчеркну, что это моё определение

материалистов и идеалистов, оно не совпадает с энциклопедическим, но без такого изменения дефиниций (определений) тему не раскрыть. Будет болтовня ни о чём.

Мой отец, коммунист, не верящий в бога, подшучивавший надо мною за день до своей смерти на 95 году жизни (материалист, однако), проработал на заводе (с включением в стаж службу в армии и войну) 47 лет. В конце работы он был старшим мастером котельно-кузнечного цеха, но перед выходом на пенсию, чтобы получать максимальные 120 рублей пенсии, он перешел работать слесарем и стал зарабатывать 250 рублей вместо своих прежних 140-170. В день написания этих строк я разговорился с женой брата, вспомнили покойного отца, вспомнили то, что он провоевал всю войну и был четыре раза ранен, в том числе и дважды тяжело. И она рассказала случай, о котором я не знал, поскольку в то время жил уже в Казахстане. «Когда я узнала, что папе не полагается военная надбавка, — говорила она, — меня это возмутило. Как же так — все эти герои Ташкентского фронта оформили себе инвалидность за то, что в тылу шили шубы начальству, а отец без надбавки?! Я ему и говорю: «Папа, давайте я похлопочу у знакомых и мы оформим вам инвалидность». Он на меня глянул и говорит: «Ты что — хочешь посадить меня не шею стране??»». Так вот кто был мой отец — материалист или идеалист?

Безусловно, такой идеей для человека может быть и идея служения богу, но революционеры, готовые жизнь отдать за ту идею, которую они хотят внедрить в общество, это тоже идеалисты, как бы они не доказывали, что они материалисты. А верят они в бога или нет, это не главное. (Кстати, верующего в бога тоже трудно назвать настоящим идеалистом, поскольку

его вера основана на вполне материальной основе — надежде на рай в загробной жизни).

Где-то прочёл, что выдающийся социальный мыслитель, фанатичный борец за Россию и монархию, обер-прокурор Синода К. Победоносцев не то, что становился в церкви на колени, а шёл в церковь на коленях. И подумал, что это следствие фанатичной веры Победоносцева в бога. Однако сейчас вспоминаю, что Победоносцев утверждал, что материалисты, под которыми он понимал людей без веры в бога, не способны сохранить общество, не способны сохранить государство, защищающее это общество. (Если вспомнить, как мы, материалисты, «сохранили» Советский Союз, то, что тут возразишь?). И теперь сомневаюсь — действительно ли Победоносцев фанатично верил в бога или обязывал себя верить в бога и выполнять все ритуалы веры, но все это во имя главной своей идеи — во имя спасения России? Победоносцев понимал, что здание общества покоится на фундаменте идеалов, «идеал» материалистов — «много-много барахла» — это не фундамент для общества людей.

А теоретические построения Маркса даны именно для таких «людей» — для людей без каких-либо идеалов, действующих только в случае получения материальных выгод. *«Обеспечьте капиталу 10 % прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».* Красиво написано, но разве это Маркс людей описал?? Ведь не только капиталист, но и пролетариат «хотя бы под страхом виселицы» пойдет за отъемом и дележкой 300 % «по справедливости». Причём, в среднем ещё и

охотнее, нежели капиталист. Нет, этот вывод Маркса сделан не о людях, это вывод о биороботах.

Маркс заложил в свою теорию то, что его «люди» хуже скотов. Почему хуже? Потому, что если я скажу, что только животные, якобы, руководствуются исключительно материальным интересом, то знатоки животного мира меня тут же оспорят и заявят, приводя примеры, что и животным не чужд идеализм. А вот Маркс оперирует именно с такими, отсутствующими в природе «людьми».

Если некий «ученый» возьмется изучить изменение свойств некой смеси, без учета свойств компонентов смеси, то это не исследователь, это не ученый. А Маркс именно так и «изучал» человеческое общество — без учета свойств людей.

Это преступление Маркса против истины, а с научной точки зрения это грубая ошибка, после которой дальше вникать в теорию Маркса это бесполезно терять время.

Кроме этого, по марксовской теории эти его абстрактные материалисты, составляющие его абстрактное общество, еще и глупее скотов.

Попробуйте образно представить себе действие главного закона Маркса.

Вот члены обоих марксовых классов — и наделенного властью класса, и угнетаемого этой властью класса — довольны своими доходами и положением. Но вот в экономике внедрено изобретение или новшество, от которого производительные силы получили толчок повышения производительности, от которого производство материальных благ в обществе должно увеличиться или увеличилось. Казалось бы, все должны радоваться и смеяться, но...

Но по Марксу члены обеих классов обязаны стать недовольными: власть станет недовольна тем, что материальных благ становится все больше и больше, а

члены угнетаемого класса становятся недовольны своим материальным положением и тем, что им не дают сделать общество материально богаче. В связи с чем, идут на смертельный риск свержения власти.

Ну, при чем здесь развитие производительных сил (количество промышленных предприятий, объем внедренных новшеств и квалификация работников) к недовольству людей своим материальным положением?? Тем более, что эти производительные силы и развивают те люди, которые как бы от этого становятся недовольными. Ну, почему власть, какая бы она ни была, должна тормозить производство материальных благ в государстве? Ответ один: потому, что и производительные силы, и власть, по Марксу, тупые.

Потом, в связи с чем это люди пойдут на смерть в революционных конфликтах только из-за недовольства ростом производства товаров в обществе и своими малыми доходами вследствие этого? Разве от их смерти в революционных войнах или посадки в тюрьму их доходы улучшатся?

Так, повторю, о ком теория Маркса речь ведет — о реальных людях или каких-то виртуальных биороботах, существующих в мозгах только марксистов?

Нет, настоящие люди обладают умом. И в какие бы обстоятельства они ни попадали, но действия людей будут определяться не внешними обстоятельствами, а решениями их ума. И такое обстоятельство, как развитие производительных сил, не является исключением, — оно может определять поступки только, повторю, виртуальных биороботов, но не реальных людей, поскольку решения реальных людей будет определять их ум.

Поэтому утверждение, что Маркс открыл объективные законы развития общества, то есть, законы, не зависящие от идей, ума и воли людей,

составляющих это общество, — чушь. В обществе людей таких законов быть не может. Есть объективные законы поведения людей — это да, но развитие общества — это результат ума и воли самих членов общества.

В предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс безапелляционно заявил: *«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»*. Бытие определяет сознание??

Черта с два! У людей бытие определяется их сознанием! На то оно и сознание. А формула «бытие определяет сознание» это заклинание в оправдание скотского безволия или подлости тех, кто на это заклинание смотрит, как на закон природы.

Что курьезно, так это то, что если Маркс был искренен, то он не задумывался над тем, чем он, собственно, с Энгельсом занимался. Иначе никогда бы не ввел аргументом в свой закон, да еще и «объективный», дурацкое развитие производительных сил.

Ведь очевидно, что все изменения в обществе, в том числе и изменения производственных отношений, происходя под воздействием **изменения идей**, главенствующих в обществе. И Маркс с Энгельсом всю свою жизнь положили, чтобы сделать свои идеи **главенствующими** в обществе. И получается, что оба так и не поняли, чем они на самом деле занимаются? Или не хотели понимать, чтобы не разрушить такое «стройное» здание марксизма?

В науке так не классифицируют

Нынешние марксисты тоже видели (или, по крайней мере, смотрели), что именно произвело изменение в обществе СССР в 1990-х, но тоже оказались не способны

понять увиденное, хотя происходившее аж кричало! Ведь производительные силы СССР развивались быстрее остальных, даже развитых капиталистических стран, и в темпах роста промышленности, СССР уступал только Японии! По Марксу должен был наступить коммунизм, но изменились главенствующие в обществе идеи... и даже социалистического общества не стало! (Да и капитализмом полученное можно назвать только с натяжкой). Изменились не производительные силы, а идеи, главенствующие в обществе СССР, но марксисты этого в упор не видят. Не видят или не хотят видеть?

Посему изучение марксизма не как курьезной исторической литературы, а как науки, как комплекса истин, которым можно пользоваться в жизни, просто не интересно. Повторю, на самом деле реальные люди это не материалисты, реальным людям присущи идеалы, которыми они руководствуются даже в ущерб своим материальным интересам. Да, среди людей есть и скоты, но, повторю, люди на то и люди, чтобы нести в себе идеалы.

Того, что выше сказано, достаточно, чтобы поставить на учении Маркса крест, но раз уж меня заставляют в марксизм вникать, то упомяну еще о некоторых важных особенностях, характеризующих марксизм в его претензиях на науку.

Классификация людей по принципу их отношения к собственности на средства производства, крайне убога, правда, этой своей убогостью хорошо подходит для пропаганды, но совершенно негодна с научной точки зрения.

Любая научная классификация базируется на разделении предметов по свойствам, присущим только этим предметам (в данном случае, людям), по их целевому назначению (по тому, какую цель своей жизни видят данные индивидуумы), поскольку только такая классификация в ходе поиска научной истины дает

возможность оперировать всем классом людей, как единым целым. Интересы, которые могут возникнуть у тех или иных групп людей, являются следствием их человеческих качеств, а не причиной этих качеств, — это третьестепенный признак. Если ты занялся исследованием чего-то, то классифицировать это что-то надо по главному признаку и уж затем, если это имеет какой-то смысл, то и по остальным признакам, иначе такой классификацией невозможно пользоваться — она бессмысленна.

Скажем, классификация товаров — продовольственные, промышленные, электротовары, электроника, овощи — дает возможность быстро найти магазин с нужным товаром. А классифицируйте эти товары «по Марксу», к примеру, на «красные», «легкие», «дорогие», — и вы замордуетесь искать нужный вам товар, скажем, мотоцикл. Мотоциклы ведь бывают и красные, и легкие, и дорогие, посему ходить в его поисках надо будет по всем магазинам.

А что — разве в жизни никто не классифицирует так, как Маркс? Классифицируют. Вспоминаю рассказ одного парня, которому нравилась сослуживица, и он как-то повел ее провожать после работы на электричку. По дороге она вспомнила, что нужно купить книгу, почитать в дороге. Подошла к развалу уцененных книг и попросила книгу в красном переплете. На удивление парня, почему в красном, в свою очередь посмотрела на него, как марксисты на меня, и пояснила дурачку: «У меня ведь красная сумочка!». Согласитесь, классифицировать книги по цвету переплета, — это по-марксистски.

Так, как это сделал Маркс, классифицировать объекты не будет не только исследователь-профессионал, но и любитель. К примеру, сегодня я владелец нефтяной скважины, а завтра опричники путина у меня эту скважину отобрали, и я в Москве

меняю асфальт на тротуарную плитку, давая авторам этого московского мероприятия снять с меня прибавочную стоимость. Вчера я был капиталист, сегодня — пролетарий. А как изменились мои личные свойства, как человека? Никак? Тогда чего стоит это мое перемещение из класса капиталистов в класс пролетариев? Я что — начну бороться не за возвращение мне в собственность нефтяной скважины, а за то, чтобы путин или марксисты собственность у всех отняли?

Обратите внимание на то, что после «либеральной» революции 1991 года у власти в республиках СССР остались одни и те же люди в окружении того же стада «философов», «ученых» и журналистов. Только раньше (по Марксу) они были «передовым отрядом пролетариата (трудящихся)», теперь стали «передовым отрядом капиталистов, владельцев средств производства». Ну, а если бы их классифицировать так, как и требуют методы научных исследований, — по свойствам этих людей, присущим только этим конкретным людям? То тогда они вошли бы в класс «подонки общества» (напомню, что в русском языке подлость это бесчестность, а я, на самом деле, заношу этих людей в класс «чижей» — человекообразных животных). И не было бы удивления: как так — почему ельцины, кравчуки, назарбаевы со своими познерами и сванидзами, бывшие на вершине коммунистической власти, так и остались на вершине враждебной коммунистам капиталистической власти? А чего удивляться? Они как были подонки общества при коммунистической власти, так остались подонками и при капиталистической. И раздели, к примеру, людей на подонков общества и на порядочных, в каждом классе будут только одни и те же люди, соответственно, эти классы в научных построениях можно использовать как единое целое.

Единственно, против чего трудно возразить: марксова классификация очень выгодна в случае, если ты хочешь раскола общества, если ты хочешь, чтобы в обеих частях оказались и порядочные люди, и мерзавцы, если ты хочешь разжечь гражданскую войну в обществе.

Соответственно, возникает вопрос — а чего, собственно, Маркс хотел?

Коммунизм — ничто, революция — всё!

Это удивление еще больше возрастает, если рассмотреть еще один аспект марксовой теории.

Декларируемой целью деятельности Маркса был коммунизм, но ни он, ни его адепты даже не пытались создать проект коммунистического общества — показать, что же это такое этот самый коммунизм, за который они борются, — как там люди будут жить?

Лет 15 назад я написал проект будущего коммунистического общества, который назвал «Командировка в государство Солнца». У активистов, называющих себя коммунистами, этот проект коммунизма не вызвал никакого интереса, как, впрочем, не вызвал и желания разработать свой проект или напомнить о проекте коммунизма Маркса.

А в комментариях к этой работе словоохотливый и «очень грамотный» марксист бросил мне вызов: *«Если вы Юрий Игнатьевич разложите вашу «командировку» как истинный проект коммунизма на схематичный план (тезисы) то я и другие люди знакомые с марксизмом можем на каждый ваш тезис привести тезис Маркса-Ленина-Сталина со ссылками на источник. И уверяю вас там еще будет и пояснение автора, как он пришел к этому тезису, используя научный марксизм. Готов*

считать свой пост как открытое и честное предложение. Вы готовы разобрать все по пунктам?»

Я тут же предложил марксистам на своём сайте, опираясь на Маркса-Ленина-Сталина-Энгельса, ответить на вопросы, как в марксистском коммунизме устроено общество, а именно, как: устроена власть; побеждена алчность; организована работа; ведётся учет количества и качества труда; организовано распределение товаров; организована служба в армии; организована семья; организованы научные исследования; ведётся воспитание и обучение подрастающего поколения; организован досуг.

Заметьте, что я задал вопросы по вещам, имевшим и во времена Маркса огромное значение для жизни любого общества, как такового. Трижды я повторял это предложение, а марксист и его товарищи делали вид, что не видели предложения, и лишь после моей угрозы прекратить с ними на сайте разговаривать, вынуждены были открыто отказаться отвечать на эти вопросы. И не мудро.

Вот Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» начинают:

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма...», — и продолжают: *«Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели...»*. Но «изложить цели» это, прежде всего, изложить проект коммунизма — как выглядит этот «призрак», как выглядит то общество, за жизнь людей в котором коммунисты собираются пролить в ходе революционной войны свою и чужую кровь. Однако Маркс в коммунистическом манифесте проект коммунизма не дает.

Что интересно, Маркс в «Манифесте» заявляет, что не дает проект своего «призрака» по принципиальным соображениям. Перечисляя те проекты коммунистического общества, которые уже были

разработаны до него, Маркс отказывается и от них, но не потому, что они плохи или несовершенны, а потому, что эти проекты *«отвергают поэтому всякое политическое, — в особенности всякое революционное, действие; они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию»*.

Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества...

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Проследите за этой мыслью Маркса.

Если коммунистам дать проект коммунизма, то может оказаться, что капиталисты с ним согласятся, и построить коммунизм можно будет мирным путем без революции (на что утописты надеялись). Казалось бы хорошо? Да, но хорошо только для общества, а не для Маркса. Ведь, что же в таком случае будет с гениальной теорией Маркса о классовой борьбе? По которой развитие производительных сил приводит к р-р-революционной смене производственных отношений? Не к мирной, а к революционной! Нет, «ученому», по фамилии Маркс, нужна революция, нужна революционная война, а не какой-то там коммунизм. И

революция Марксу нужна не потому, что без нее нельзя обойтись, а потому, что иначе у этого «ученого» теория «исторического развития общества» не вытанцовывается. Мало того, жалуется Маркс в «Манифесте», что пролетариат до революции не созрел, так еще и утописты путаются у Маркса под ногами и своими проектами коммунизма лишают пролетариат необходимой злобности к капиталистам, вселяя в пролетариат надежды достичь коммунизма мирным путем — путем эволюции!

По Марксу, конструкторы проектов будущего коммунистического общества это враги революции, а революция это «наше всё».

Какое отношение такие теории имеют к науке?

Основателю ордена иезуитов Игнатию Лойоле приписывают изречение «Цель оправдывает средства». Обычно принято цинизмом этого изречения ужасаться, на самом деле это абсолютно точная истина. Ведь в ней определенно заложено то, что средства обязаны быть дешевле цели.

Однако трагизм в этой мысли тоже есть, поскольку дурак часто просто не понимает, а подлец делает вид, что не понимает того, что Лойола понятия «средства» использует во множественном числе. То есть, средств должно быть, по меньшей мере, несколько, и начинать нужно с самого легкого средства. И только если с его помощью цель не достигается, то тогда следующее средство утяжеляют или выбирают более дорогое.

Но если заведомо отказываются ото всех средств и оставляют одно, то тогда оставшееся средство и становится целью, а настоящая цель игнорируется. К примеру, пытки подследственных это средство получения правды, но только в том случае, если иными средствами правду получить невозможно, поскольку пытка это очень тяжелое средство, не дающее нужного процента годного результата. Кроме этого, пытки не

требуют ума от их исполнителя, и если их разрешить, то пытки в руках исполнителя очень быстро станут единственным средством, при котором никогда не будешь уверен, получил ли ты нужную цель — правду. А ложь — это не та цель, которая может оправдать хоть что-то, тем более, такое тяжелое средство, как пытка. В этом и состоит трагедия этого изречения иезуита — в подмене цели средством.

И, как видите, и Маркс, отбросив эволюционные средства достижения цели, декларируемую цель (коммунизм) подменил единственным оставшимся в его теории средством достижения цели — революцией. Ну, а затем это средство сделал целью марксистов, причем, единственной целью, и такой, во имя которой можно отказаться и от декларируемой цели — от коммунизма.

Задумываясь над тем, почему Маркс поступил именно так, приходишь к выводу: если это не специально, что указывает на преступность замысла, то тогда Маркс исследователем не являлся — не являлся тем, кого можно назвать ученым.

Есть принципы (методы) исследований. Сначала нужно установить Дело — тот результат исследований, за знание которого остальные люди согласны будут добровольно заплатить результатами своего труда. (Я понимаю, что это звучит ново, но это так). Затем выяснить закономерности, связывающие именно это Дело с остальными параметрами системы, и, используя для своих расчетов эти закономерности, выбрать наиболее легкий (эффективный) способ достижения Дела или выполнить расчет того, как Дело достигается. Скажем, людям нужно уметь рассчитывать физическую силу? Скажем, чтобы сдвинуть с места камень? Нужно! Это Дело. Тогда мы исследуем силу и находим, что она прямо пропорционально зависит от двух параметров — от массы и ускорения. После чего выдаем людям

конечную формулу того, как определять силу. Вот это наука.

Маркс же, судя по сказанному выше, методикой научных исследований не владел. Он только декларировал Дело — коммунизм, а занялся поиском связей параметров общества не с коммунизмом, а с насильственным изменением строя — с революцией, причем, в своей теории начал безжалостно искажать параметры общества, чтобы на бумаге достичь нужный только себе (дающий ему славу ученого) результат. Скажем, людей заменил абстрактными и алчными роботами, причем тупыми, классифицировал людей так, как настоящий ученый никогда их не классифицирует и т. д. Да, таких «ученых», как Маркс, много, особенно сегодня, но от этого не легче.

Для не имевших власти большевиков марксизм был любимой и забористой темой разговора и показа, насколько они продвинутые революционеры, но для уже пришедших к власти большевиков — для тех же Ленина и Сталина — марксизм стал, как чемодан без ручки, который и нести неудобно, и выбросить нельзя. К тому моменту, когда они убедились в бесполезности марксизма, никакой иной теории у них просто не было. И они пытались «развить марксизм творчески», по сути, отказываясь от его «объективных» законов и ведя поиск своих собственных путей строительства нового общества.

Аналогом марксизма являются религии, разница лишь в том, что у попов всех конфессий хватает ума не называть свои религии наукой и не утверждать, к примеру, что Христос, дескать, открыл объективный закон развития общества, по которому, дескать, праведники попадают в рай, а грешники в ад. Хотя все попы точно так же «творчески развивают» свои учения, к примеру, и сам Христос сегодня уже не узнал бы своего учения.

Но в науке, повторяю, истина объективна, то есть, не зависит от того, верим мы в нее или нет, в науке практика является доказательством истины. А религия — это учение, и надо просто верить в то, что оно правильное. И то, что марксизм не более, чем религия, не более чем учение и называть его наукой просто безграмотно, понимал уже и Ленин.

Вот Ленин защищает Маркса:

«Учение Маркса вызывает к себе во всём цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казённой, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казённая и либеральная наука защищает наёмное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наёмного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма». И, наконец, толи заклинание Ленина, толи молитва — что-то вроде «Нет бога, кроме Аллаха,

Магомед — пророк его!»: *«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!»*.

Как видите, Ленин даже в такой длинной мысли, даже случайно не оговаривался и не называл марксизм наукой — это только учение, вариант религии. Ну, а учение оно и есть учение. Христиане верят в христианство, марксисты в марксизм, а какие-то шричинмойцы в писания своего учителя Шри Чинмоя.

Впрочем, Маркс давно умер, и та причина, по которой он цель подменил средством, а вместо обещанных результатов научных исследований представил миру суррогат религиозного учения, теперь не имеет никакого значения, теперь важен результат этой его «научной» деятельности.

Если вдуматься в сказанное в предыдущих частях, то Маркса не то, что ученым, а и коммунистом трудно назвать, поскольку его целью была только революция, причем такая, которая подтверждала бы его теорию, и только. А будет ли после этой революции коммунизм, и каким он будет, Маркса мало трогало. Он призывал: вы, коммунисты, революцию сделайте, и будет вам много счастья в виде коммунизма!

А какого именно счастья?

А хорошего счастья!

Примитивизм как достоинство

Еще момент, по которому Маркса трудно назвать коммунистом. Коммуна — это все общество, все его классы. И если Маркс призывает уничтожить один из классов своей бредовой классификации, то это уже не коммунизм — не то, что следует из смысла этого термина, — а цели Маркса следовало бы дать иной термин, скажем, «классовизм».

Можно было бы сказать, что как ученый-социолог Маркс ноль, однако это будет слишком мягко сказано. По сумме плюсов и минусов Маркс очень отрицательная величина в истории, хотя, скорее, не сам по себе, а по причине своей раздутости, как последователями его секты, так и врагами. Благодаря его раздутости в мировое сознание прочно вошла мысль, что материализм это круто, а идеалистами бывают только дураки. Что главное в жизни это материальные ценности — много, много ценностей. Любая подлость оправдана во имя этих материальных ценностей.

Что такое коммунизм в понимании марксистов? Маркс писал: *«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому — по потребностям».*

Но для потребления товаров в объеме потребности, а не алчности, и для работы столько, сколько способен человек, а не сколько позволяет его лень, человек должен руководствоваться идеями сдерживать свою алчность и душить свою лень. А ведь эти идеи ему в материальном плане ничего не дают. Для идеалиста руководство такими идеями естественно, но для материалиста?? Тем более, что ни о каких идеальных ценностях людей в качестве ценностей марксового коммунизма, и разговора нет, цель марксового

коммунизма сугубо материальная — каждому столько товаров, сколько он пожелает. Только товаров, товаров, товаров!

Я дал определение материалистам и идеалистам, без которого невозможно исследование общества людей, но можно взглянуть на них и более определенно. Кто такой идеалист? Это человек, понимающий, что в жизни нужно руководствоваться идеями человеческой морали. Кто-то из идеалистов считает, что это нужно делать потому, что иначе попадешь в ад, кто-то следует морали только потому, что он человек, а не скот, и осознает это. А материалист? Это существо, уверовавшее, что после смерти ничего нет, поэтому в этой жизни важны только материальные блага, которые нужно успеть нахапать, пока живой.

Но если так, то зачем материалисту ждать, когда будет построен этот пресловутый коммунизм? Гроби под себя этих материальных ценностей по потребностям сегодня, еще на подходе к коммунизму. Не надо ждать — ты же материалист и после смерти тебе ничего не будет, гроби в этой жизни!

И кому нужен придуманный Агитпропом «Моральный кодекс строителя коммунизма»? Мораль — это идеи, которые ничего в материальном плане человеку не дают, а руководствоваться такими идеями могут только идеалисты, однако идеалисты, ясен пень, — дураки. Зачем тебе быть дураком?

В результате, в среде марксовых материалистов девиз *«Каждый по способностям, каждому — по потребностям»* превращается в ритуальное заклинание перед тем, как реализовать реальный девиз марксового коммунизма: **«каждому по способностям урвать потребности»**.

Конечно, не только благодаря марксизму, но и марксизму не в последнюю очередь, в обществе СССР

стало уменьшаться количество идеалистов, хотя Агитпроп и пытался как-то остановить этот процесс призывами к массам быть «идейными», «сознательными». И, в конце концов, идеалистов, живущих ради общества, ради будущих поколений, осталось так мало, что общество СССР на глазах деградировало, превратилось в скопище человекообразных скотов и самоуничтожилось.

Марксизм лишил народ СССР иммунитета против скотства.

Ведь дело в том, что истинных людей, независимых в своих мыслях, в обществе очень мало, как, впрочем, и истинных скотов. А остальная толпа руководствуется главенствующей в обществе идеей. Ввели, в конце концов, в общество идею, что главное в жизни это материальные ценности, — и нет государства! При наличии правительства, мощной армии, спецслужб.

А теперь вспомните, ведь те, кто уничтожал СССР, были истинные марксисты и даже не потому, что это сплошь были члены КПСС. Эти люди ведь ни о чем, кроме материального, не говорили — только: «хорошая экономика, рыночная экономика, научная экономика, товары, ваучеры, 200 сортов колбасы, мировое качество товаров, мировой рынок» и т. д. и т. и. Все идеальное ими высмеивалось, как Маркс высмеивал коммунизм, — патриотизм, интернационализм, творчество, служение людям — все было отброшено и втоптанно в грязь скотством материалистов.

Говорить о Марксе, как об экономисте, нет желания — он такой же экономист, как социолог и философ. (Для революционеров, кстати, его примитивизм был ценностью). Мысль Маркса, что главную несправедливость вводит в общество факт присвоения владельцем средств производства прибыли (прибавочной стоимости), которую Маркс объявил безусловно не заработанной ни в каких случаях, убога

даже с точки зрения колхозного бухгалтера, обязанного контролировать непроизводительные расходы.

Вот ткацкая фабрика, ее рабочих грабит, изымая прибавочную стоимость, капиталист. Это паразит? По Марксу, да. Но этот капиталист расходует эту прибавочную стоимость не только на свои гульки в кабаках, но и на содержание самого Маркса, его жены и детей, любовницы Маркса, ребенка от любовницы, на издание трудов Маркса. За кого этого капиталиста считать, если он на прибавочную стоимость содержит марксистов? За пролетария? А его рабочие теперь уже не ограблены и все заработанное получили сполна?

А вот фермер Генри Форд начал с того, что в сарае построил из металлолома свой первый автомобиль и своим умом и трудом создал промышленную империю. Но марксистов не кормил! И вот если бы у него отнять все средства производства и передать в собственность назначенным марксистами чиновникам — вот это была бы справедливость, так справедливость! Так марксисты? И у Билла Гейтса, не занявшего у общества даже университетского образования, тоже все отнять для справедливости. Гребни всех под одну гребенку — бухгалтер Маркс дает добро!

Между тем, паразитов в экономике и государстве больше, чем достаточно, и владелец средств производства среди них далеко не самый поганый. Вот, скажем, незаметная мышка из рабочих — тот, кто сделал вам бракованный товар. Он что — получил заработанные деньги?

А как смотрятся те, кто получают деньги за работу, но не выполняют ее? Вот депутаты Думы и Президент Russia приняли протокол о вступлении в ВТО, имеющий 1665 печатных листов на английском языке и 23150 условий вступления, которые России придётся выполнять. Депутаты и президент приняли этот протокол, не читая. А ведь они получают деньги не за

нажатие кнопок и подписи, а за изучение тех вопросов, за которые они голосуют и которые подписывают. Это что — не паразиты? Они лучше владельцев средств производства??

Сейчас и государственный аппарат, и аппараты управления мало-мальски крупных фирм донельзя обюрокращены и переполнены работниками, получающими зарплату, но не только не дающими и копейки в прибавочную стоимость продукции фирмы, а наоборот, своим «трудом» (не зарплатой — это само собой, — а «трудом») уменьшающие ее. Это не паразиты??

Но достоинство марксизма в том, что по своему примитивизму он доступен и Шарикову: «Отнять и поделить!». У кого отнять, видно хорошо — у владельцев средств производства, а под шумок — вообще у всех, у кого есть деньги. В убогости экономических представлений Маркса их сила — они доступны для понимания каждому. Паразит депутат или не паразит, это и сейчас мало кто понимает. А вот земля, она у помещика, а на ней горбатишься ты, и всего за десятый сноп. А марксисты тебе говорят — отними и подели! И на доставшемся тебе при дележе наделе земли все выращенные тобою снопы будут твои. Какой восторг! Научный...

Ну, как не поверить в истинность этого прекрасного учения?

Ведь с такой же, истинно марксовой убогостью вели пропаганду и перестройщики 90-х годов: смени власть и будет 200 сортов колбасы в магазине и две «Волги» на твой ваучер. 200 сортов колбасы и две «Волги» понятны и пропившему мозги бомжу, а не только московскому интеллигенту.

Это учение прекрасно подходит интеллигенту — человеку, узнающему о жизни не из жизни, а из книг. Все атрибуты предстать перед интеллигентом в

качестве науки, марксизм имеет — толстые фолианты, запутанные фразы, заумные предметы обсуждения, непроверяемые числа и ссылки. Очень мудреная наука, не для слабого ума! И как же это было круто — быть материалистом и стать таким же умным философом, как «великий философ Маркс»! И утверждать, к примеру, что все материально, а если нет материи, то ничего нет.

Таким Маркс и предстал передо мною в институте, когда я о жизни узнавал из книг, а я оказался, «как все», разве что сдавал марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм на пятерки. Это только потом задумался, скажем, если в обществе нет такого свойства, как честность, — способность говорить правду и делать то, что обещал, — то разве честности вообще нет? Нет, в этом обществе просто нет проявлений честности, поскольку она нейтрализована подлостью, но сама честность никуда не девается. И честность, как свойство общества, существует даже в случае, если самого общества (материи) нет. Дискуссии с марксистами показали, что марксова заумь так въедается в мозги, что, скажем, оппоненты не осознают, что означает понятие «объективный», и уверены, что и это понятие неразрывно связано с материей: раз нет природы, значит, и нет ее объективных законов.

Ну ладно, не будем о философии.

Но ведь я потом узнавал жизнь на практике, скажем, я жил и работал с «рабочим классом». Почему же я впоследствии не увидел бредовость марксизма?

Думаю, тут, как минимум, три причины.

Во-первых, марксизм, включая его «философию», на практике никому не были нужны, как никому не были нужны и раньше.

Есть анекдот. В салун врывается ковбой, стреляет в стены, в потолок, выпрыгивает в окно, вскакивает на

лошадь и исчезает. Ошарашенные посетители спрашивают невозмутимого бармена.

— А что это было?

— Неуловимый Джо, — поясняет бармен.

— И что — его действительно не могут поймать?

— Да, — подтверждает бармен.

— А почему?

— А он никому не нужен.

Так и с марксизмом — это великое учение потому, что никому не требуется. Если бы оно требовалось и его пробовали использовать в жизни, то тогда маразм марксизма проявился бы сразу. А так — кому было интересно изучать убогость творений Маркса, кроме любителей изучения убогости?

Ну не будет человек сам делать выводы по фактам в вопросах, которые ему не нужны и не интересны. В таких случаях обычный человек просто запоминает чужой вывод по этому вопросу, особенно, если никогда не слышал критики этого вывода. Вот и я оплошал и верил, что марксизм велик, даже не пытаюсь сам оценить факты, которые должны следовать из этого учения, потому, что советские марксистско-ленинские философы (других не было) хором пели осанну марксизму.

И, наконец, нельзя же сбросить оголтелый, как сейчас говорят, пиар Маркса. Весь мир орал, что Маркс велик. Ну как тут и мне не поверить? И кстати, мир орет и до сих пор и не только устами оставшихся марксомольцев, но лицами, составляющими главную силу в мировых СМИ.

Скажем, в журнале «Эхо планеты» за декабрь 1994 г. была помещена статья «Сто великих евреев», переданная из Тель-Авива Л. Жудро. Он начинает её так *«Никто не будет отрицать, что представители еврейской нации вносили и вносят огромный вклад в развитие человеческой цивилизации...»*. В

подтверждение огромного вклада журнал дает список «Еврейской сотни», — самых выдающихся евреев мира, внесших наиболее ощутимый вклад. Вот первая десятка этой сотни:

1. *Моисей, пророк, выведший евреев из Египта.*
2. *Иисус Христос, основоположник христианства.*
3. *Альберт Эйнштейн, создатель теории относительности.*
4. *Зигмунд Фрейд, психоаналитик.*
5. *Праотец Авраам, родоначальник евреев.*
6. *Апостол Павел, последователь Христа.*
7. *Карл Маркс, создатель теории научного коммунизма.*
8. *Теодор Герцль, основоположник сионизма.*
9. *Пресвятая дева Мария, мать Иисуса Христа.*
10. *Барух (Бенедикт) Спиноза, философ».*

Вообще-то, у меня против нахождения Маркса в списке лиц (даже таком убогом), внесших вклад в развитие цивилизации, возражений нет. Но заметьте, что на тот момент коммунизм был уже втопан в грязь, причем, самими марксистами СССР и Соцлагеря, а Маркс помещен не только впереди девы Марии, но и впереди самого отца сионизма Герцля. Вот ведь, как!

Но определяющий пиар Марксу сделали, все же, русские марксисты, приняв на себя власть в России в октябре 1917. Без них о марксизме — этом околонуточном курьезе — уже давно забыли бы даже в Израиле.

Большевики как предатели марксизма

Напомню, что в России изначально марксистской была Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), однако в 1903 году марксисты

раскололись на большевиков (лидер — В. И. Ленин) и меньшевиков (лидер Ю.О. Мартов).

Что, вообще-то, лично меня удивляет, так это решимость вождей большевиков. Они ведь были мелкой партией среди десятков других, гораздо более крупных и авторитетных даже революционных, а не только буржуазных партий России. Вожди большевиков не имели никакого, даже думского, опыта управления страной — того, что имели вожди крупных партий.

Такой вот пример. Даже марксистские конкуренты большевиков, хотя и назывались меньшевиками, имели и в среде рабочих, и в обществе России гораздо больший вес и авторитет. Что касается их лидеров, то сам Ленин, уже находясь у власти, в интервью Горькому говорил о лидере меньшевиков Мартове: *«Какая умница! Эх...»*, — сожалея о том, что они стали с Мартовым противниками.

Но и военное, и экономическое положение России уже на лето 1917 года было настолько ужасным, что вожди крупных партий боялись власти, устранившись от той ответственности за результаты своего правления Россией, которая на них падет в этих ужасных условиях. На первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который проходил в июне 1917 года, большевики, естественно, не были в большинстве, и по количеству делегатов (105 делегатов) сильно уступали как левым и правым эсерам (285), так и меньшевикам (248). Соответственно, вожди эсеров и меньшевиков сочли благоразумным забыть о коммунизме и передать власть Временному правительству. Убеждая делегатов в необходимости этого, представитель меньшевиков Церетели заявил: *«В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила дайте в наши руки власть, уйдите, мы займём ваше место»*. В ответ на это Ленин с места заявил: *«Есть. Есть такая партия!»*

Думаю, что такая решимость, помимо фанатичного желания учредить общество справедливости, объясняется, с одной стороны, государственной неопытностью Ленина и непониманием того, что именно вождям большевиков предстоит во главе России. С другой стороны, большевиков грела вера в то, что Марксов закон смены формаций это действительно объективная реальность, и социалистические революции вот-вот пройдут в Англии, США, Германии и Франции — наиболее развитых индустриальных странах, а это снимет с большевиков множество проблем. И в этой, пусть и не вполне обдуманной решимости, и есть их величие, словами Горького, «безумству храбрых поем мы песню!».

Марксисты тем, что большевики осмелились взять власть вопреки учению Маркса, были предельно возмущены. Один из наиболее авторитетных меньшевиков Аксельрод, даже в 1920 году злобно писал Мартову об изменивших марксизму большевиках:

«...И все это проделывалось под флагом марксизма, которому они уже до революции изменяли на каждом шагу. Самой главной для всего интернационального пролетариата изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали. Совершая октябрьский переворот, они поэтому

совершили принципиальную измену и предприняли преступную геростратовскую авантюру, с которой их террористический режим и все другие преступления неразрывно связаны, как следствие с причиной.

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии... А мы противники большевиков именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем его и честь его международного знамени против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем... В борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом...

Тот факт, что законность или необходимость этого крепостнического режима мотивируется, хотя бы и искренно, соображениями революционно-социалистическими или коммунистическими, не ослабляет, а усугубляет необходимость войны против него не на жизнь, а на смерть, — ради жизненных интересов не только русского народа, но международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации...

Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Как видите, по мнению ортодоксального марксиста, большевиков надо было раздавить военной силой за измену учению Маркса.

Воодушевленные учением Маркса, коммунисты России — большевики — в 1917 году осмелились заявить единственному имевшемуся на тот момент законодателю России — Съезду рабочих и солдатских депутатов, — что они готовы стать правительством России. А законодатель, действительно, взял и назначил их правительством. Ну, а далее большевики начали подавлять мятежи против себя незаконных объединений, начиная от Временного правительства, кончая Врангелем. Вот такая была революция. Долгое время сами большевики не решались ее так назвать и называли революцией захват власти Временным правительством в феврале 1917 года, кстати, этот день был и официальным праздником у большевиков. А свой приход к власти большевики революцией называть стеснялись и называли проще — переворотом.

Пролетариат в этом перевороте не засветился не только в качестве движущей силы революции, но даже в качестве массовки.

Надо же понимать рабочего. На мало-мальски крупном предприятии рабочий находится в цепочке технологического процесса, причем, чем более развиты производительные силы, тем глубже он в этой цепочке. Он не только не продает готовый продукт своего предприятия, он, часто, его и не видит, и уж в любом случае не способен вычислить свою долю в прибавочной стоимости, получаемой после реализации готового изделия, и решить, ворует ли ее у него владелец средств производства или нет. Рабочему глубоко наплевать, кому принадлежит его станок, кому принадлежит все предприятие — права торговать ими он все равно не имеет, да и не стремится к этому. Но он понимает, что получив в собственность тот же станок, он обязан будет думать о его текущем и капитальном ремонтах, а после полного износа и о замене этого станка на современный. Оно рабочему надо? Не

стремится рабочий и к руководству предприятием, понимая, что это ему не по уму. Рабочему важна зарплата, ее уровень. А от кого он будет зарплату получать — от чиновника или хозяина, — какая ему разница??

Массовкой «пролетарской революции» в России, как позже и в Китае, были крестьяне. А ведь по Марксу крестьяне — это мелкая буржуазия, владеющая таким средством производства, как земля. И мелкая буржуазия, по Марксу, обязана сопротивляться пролетарской революции, уничтожающей собственность на средства производства, в том числе и на землю самих крестьян.

Насколько вопрос об объединении пролетариата с мелкобуржуазным крестьянством противоречил марксовым догмам, свидетельствует то, что меньшевики, храня верность марксизму, не то, что на объединение с крестьянами не шли, но и вопрос о простом союзе с ними начали обсуждать только в 1921 году, уже иммигрировав из коммунистической России.

Но именно эта, «мелкобуржуазная», крестьянская массовка, воодушевленная мыслью о земле себе и своим детям, была массовой большевиков, а затем выиграла и гражданскую войну в России. Причем, эти «мелкие буржуа», вместо того, чтобы требовать землю (средство производства) в свою собственность, требовали и свою землю сделать общественной собственностью.

А рабочие?

А пролетарская Пермь дала воевавшему с большевиками Колчаку дивизию из рабочих, а единственный мятеж в тылу Красной Армии во время Великой Отечественной войны затеяли не голодные крестьяне СССР, его затеял рабочий класс. Бунтовал пролетариат в 1941 году против эвакуации оборудования в тыл, ввиду наступающих фашистов.

Бунтовал потому, что собирался работать на немцев, а без оборудования работа на фашистов не получится. И бунтовала гордость рабочего класса России — иваново-вознесенские ткачи. Пришлось вернуть оборудование в цеха, произвести аресты заводил, кое-кого шлепнуть, чтобы пролетариат вспомнил, что он «передовой».

Сами большевики, получив власть, были ошарашены. Герберт Уэллс фиксировал:

«...Большевицкое правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и совершает жестокости. Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире.

О его простодушии свидетельствует вопрос, который мне постоянно задавали в России: «Когда произойдет социальная революция в Англии?». Меня спрашивали об этом Ленин, руководитель Северной коммуны Зиновьев, Зорин и многие другие. Дело в том, что, согласно учению Маркса, социальная революция должна была в первую очередь произойти не в России, и это смущает всех большевиков, знакомых с теорией. По Марксу, социальная революция должна была сначала произойти в странах с наиболее старой и развитой промышленностью, где сложился многочисленный, в основном лишенный собственности и работающий по найму рабочий класс (пролетариат).

Революция должна была начаться в Англии, охватить Францию и Германию, затем пришел бы черед Америки и т. д. Вместо этого коммунизм оказался у власти в России, где на фабриках и заводах работают крестьяне, тесно связанные с деревней, и где по существу вообще нет особого рабочего класса —

«пролетариата», который мог бы «соединиться с пролетариями всего мира». Я ясно видел, что многие большевики, с которыми я беседовал, начинают с ужасом понимать: то, что в действительности произошло на самом деле, вовсе не обещанная Марксом социальная революция, и речь идет не столько о том, что они захватили государственную власть, сколько о том, что они оказались на борту брошенного корабля... Они отчаянно цепляются за свою веру в то, что в Англии сотни тысяч убежденных коммунистов, целиком принимающих марксистское евангелие, — сплоченный пролетариат — не сегодня-завтра захватят государственную власть и провозгласят Английскую Советскую Республику. После трех лет ожидания они все еще упрямо верят в это, но эта вера начинает ослабевать. Одно из самых забавных проявлений этого своеобразного образа мыслей — частые нагоняи, которые получает из Москвы по радио рабочее движение Запада за то, что оно ведет себя не так, как предсказал Маркс. Ему следует быть красным, а оно — только желтое».

Потом, славя Маркса и плюнув на его теорию, победили марксисты Китая, Кореи, Вьетнама, наконец, Кубы.

Единственный случай в истории, когда все произошло точно в соответствии с марксизмом, это революция нацистов Гитлера в Германии. И заявили нацисты так, как и хотел Маркс, что большевизм — это коммунизм для всех, а нацизм — это коммунизм для немцев (арийцев). И произошла революция в Германии — стране с развитой промышленностью, в которой сложился многочисленный, лишенный собственности и работающий по найму пролетариат, как это и вычислил Маркс по своей теории. И этот пролетариат был массовой нацистской революцией Гитлера, как на него и надеялся Маркс. И окончательно победить нацисты не

смогли из-за враждебного капиталистического окружения, как и боялся Маркс. И славянский СССР был во главе душителеей марксово-гитлеровского детища, как и предупреждал Маркс.

Но и гитлеровскую революцию Маркс в свою копилку не внесет, поскольку нацисты оказались расистами, почище Маркса, и признавать его отцом-теоретиком своей революции, категорически отказались.

Итог марксизма

С.Г. Кара-Мурза в своей книге «Маркс против русской революции» обратил внимание на то, кому Маркс собрался передать отобранные у капиталистов предприятия.

«Как же видел Маркс преодоление капиталистического способа производства, — спрашивает С.Г. Кара-Мурза, — если, по выражению Энгельса, не может быть «такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность»?

На этот вопрос Маркс отвечает в «Капитале» таким образом: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

*Капиталистический способ вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а **индивидуальную собственность** на основе*

достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов».

Прерву Сергея Георгиевича. Обратите внимание, что по здравому смыслу отобранное у капиталистов полагалось бы передать обществу, поскольку управлять предприятием можно только нанятыми обществом управляющими. Но Маркс и Энгельс от этого отказываются и требуют передать индивидуально каждому его долю, то есть, поделить отобранное между всеми. Почему? А отдать обществу им не дает их метод — «исторический материализм» и философия Гегеля. Иначе не получается у них отрицание отрицания. Это пример применения философской зауми болтунами.

С.Г. Кара-Мурза информирует дальше:

*«В тот момент это положение «Капитала» наверняка вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры»? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит «повернуть назад колесо истории»? Это настолько не вязалось со здравым смыслом и культурой русских рабочих и крестьян, что в комментариях к приведенному положению Маркса в канонической книге советской политэкономии цитата Маркса прерывается, а далее своими словами говорится: «На смену капиталистической собственности идет **общественная** собственность» (165, с. 285). Советскому официальному обществоведению пришлось радикально подправить Маркса, сказав вместо слов*

«индивидуальная собственность» слова «общественная собственность».

Но так можно было обмануть лишь советских людей, которые жили себе, не вчитываясь в Маркса. А элита, советская и западная, которая считала своей миссией «делать жизнь по Марксу», вчитывалась в его труды. Философ Г. Маркузе, который сильно повлиял на мировоззрение «новых левых», подчеркивал как одно из важнейших положений Маркса: «Крайне важно отметить, что отмену частной собственности Маркс рассматривал только как средство для упразднения отчуждения труда, а не как самоцель... Если они (обобществленные средства) не будут использованы для развития и удовлетворения потребностей свободного индивида, они просто перерастут в новую форму подчинения индивидов гипостазированной всеобщему. Отмена частной собственности только в том случае знаменует формирование новой социальной системы, когда хозяевами обобществленных средств становятся свободные индивиды, а не общество».

И С. Г. Кара-Мурза делает неожиданный вывод: «Итак, не национализация и не восстановление общины, а индивидуальная собственность — что-то вроде «ваучерной приватизации» по Чубайсу».

Действительно, давайте присмотримся — а что, собственно, сделал Чубайс «со товарищи»? Он отнял собственность на средства производства у общества и передал их в виде ваучеров индивидуальным собственникам — сделал строго то, что и требовали сделать еще в XIX веке Маркс и Энгельс, сделал то, о чем большевики даже объявить стеснялись. Получается, что А Чубайс у нас лучший марксист всех времен и народов.

Маркс ведь принципиально не давал проекта своего коммунизма, а проекты коммунизмов разных там сен-симонов, фурье, оуэнов, с их стремлением к

справедливости, объявил не просто антинаучными, а и идущими против вычисленного Марксом исторического процесса. Напомню «Манифест»: *«Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию»*. И «грамотные марксисты», по примеру своего гуру, проект коммунизма за 70 лет не удосужились разработать — ждали, когда коммунизм к ним сам придет. Вот он и пришел, с Чубайсом во главе, встречайте!

По Марксу главное для наступления коммунизма — чтобы производительные силы развивались, а собственность была в индивидуальных руках марксистов. С 1917 года собственность на средства производства в руках марксистов, да и сейчас она у них или их деток. Чубайс просто выполнил требования марксизма. Производительность труда с 1917 года развивалась стремительными темпами, классы капиталистов и пролетариата, как учил Маркс, исчезли. Правда, появились бесклассовые воры и гастарбайтеры, ну так Маркс вам насчет их отсутствия ничего не обещал.

Сегодня все работают по способностям, кто хочет, вообще не работает. Получают по потребности. Правда по-разному получают, ну, так Маркс вам и уравниловку тоже не обещал.

Государства, как средства насилия над людьми, нет, поскольку назвать государством то, что есть, даже у капиталистов язык не поворачивается, и капиталисты из этого «государства» бегут, как могут. Да, конечно, насилие есть и его много, но ведь это насилие осуществляют уголовники и судьи, назначенные судьями не народом, а теми же марксистами и уголовниками. Ну и что тут такого? Маркс вам отсутствие уголовников при коммунизме не обещал!

Денег, как эквивалента товаров, тоже нет. Есть некие фантики, не обеспечиваемые реальными ценностями, эти фантики печатают на местах в строгом соответствии с теми фантиками, которые печатает в США группа частных лиц, не несущих за эти фантики никакой ответственности. С помощью этих фантиков идет продуктообмен — все по гениальному экономисту Марксу. Ведь его схема «товар-деньги-товар» предусматривает деньги, а если их нет, то это «простой продуктообмен» — «продукт-фантик-продукт».

Сексуальная свобода полная — даже от пидарасов уже житья нет.

Вы что, «грамотные марксисты», своих не узнаете?? Это же и есть ваш Марксов коммунизм в реальности.

Вам с Марксом разработать проект коммунизма было некогда, ну, так получите коммунизм без проекта — такой, как гениальный Маркс и предсказал на основе своей гениальной науки.

Короче, жизнь (практика, по Марксу) поиздевалась над марксизмом не по-детски!

Но тут обязателен вопрос — а как же большевики могли победить, если теория, которой они пользовались, оказалась бредом? Тут ещё раз вынужден привести очень нравящийся мне пример с братьями Монгольфье. У них была бредовая идея, что человека в воздух может поднять только живая и мертвая силы. Эти силы (по их «теории») заключены в определенных предметах. Если предметы сжечь, то силы высвободятся, но их надо поймать в мешок и мешок с этими силами поднимет человека в воздух. Сшили большой мешок, начали жечь солому и шерсть под мешком, наполнили его горячим воздухом (живой и мертвой силой, по их разумению), и этот мешок полетел! А в 1783 г. даже поднял людей. Практика подтвердила «теорию» братьев Монгольфье, но от этого

их теория о живой и мёртвой силах не стала менее бредовой.

Вождь большевиков

И в случае с большевиками, дело спасал их вождь — Владимир Ильич Ленин. В нём фанатизм, выражавшийся в стремлении действительно установить справедливую власть для трудящихся, сочетался с выдающимся умом и работоспособностью. Соответственно, его товарищами становились люди, похожие на Ленина по этим чертам характера и ума. Разумеется, были и начётчики, были и алчные славолубцы, но умных фанатиков оказалось достаточно, чтобы большевики, в конце концов, всё же взяли власть в России.

Интересно, что ум все прославляют, но в него не верят и не придают ему значения — не ценят ум, поскольку каждый человек знает, что он и сам умный. Поэтому вынужден уделить уму Ленина некоторое внимание, и начать с того, что подтверждением выдающегося ума Ленина является то, что в делах практических Ленин, как никто, умел увидеть их истинный смысл, не смотря на утверждения любых авторитетов.

Поэтому попробую написать о ленинском уме для тех, кого тошнит от слов «философия» и «ленинизм». Так вот, у Ленина есть работа, которая напрямую, казалось бы, никак не касается революции. Это «Материализм и эмпириокритицизм» — работа, посвящённая общим ошибкам физиков. Если вы посмотрите на сегодняшних руководителей всех стран мира, то и сомнений нет, что они и что такое физика, не понимают, а тогдашние революционеры, как видите, занимались и такими вопросами.

Правда, написал Ленин эту работу в 1908 году, в период, когда в России было реакционный застой и, надо думать, Ленину в Швейцарии особо нечем было заняться. Наверно, Владимир Ильич получал удовольствие от написания этого труда, как получают удовольствие от творческих находок.

В СССР был популярен анекдот, согласно которому ЮНЕСКО объявило конкурс философов на написание работы о слонах. Американцы представили на конкурс тоненькую брошюру «Слон в числах и фактах», немцы — толстенный фолиант «Слоны и слоноведение», советские философы — два таких тома с названием «Советский слон — самый счастливый слон в мире» и болгары — три тома «Болгарский слон — верный ученик советского слона». Так вот, на мой взгляд, при написании «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин выбрал болгарский способ рассмотрения вопроса — так густо он использовал цитаты из Маркса и иных коммунистических философов. Поэтому, на мой взгляд, если бы Ленин, взял из этой своей работы только пятую главу, а остальные главы пустил на кульки для семечек (да и пятую главу сократил раз в пять), то пользы от его работы было бы на много порядков больше.

Так о чём речь в этой работе Ленина? Как выше вы видели, для иных целей я ругал материализм и хвалил идеализм, но в своем собственном «мухинском» смысле этих слов. Идеализм, к примеру, по моему определению это наличие у человека стремления достичь идеалы, которые лично ему, как организму, ничего не дают. Но, вообще-то, в общепризнанном смысле этих слов материализм и идеализм в философии это совсем другое.

Материализм это СПОСОБ СМОТРЕТЬ НА МИР, это взгляд на то, из чего состоит мир (на материю) как на объективную реальность, не зависящую от нашего сознания. Вот эта независимость материи от сознания и

является сутью материализма. Отсюда и название «материализм». По-русски: все, что в мире есть, существует независимо от того, видим ли мы это или нет, не зависимо от того, что мы о нем думаем и думаем ли мы о нем вообще.

И дело даже не в том, а можно ли на мир смотреть иначе, а в том — а зачем на мир смотреть иначе??

Но идеализм, все же, смотрит иначе — все, что в мире есть, это всего лишь образы в нашем сознании. Но ведь это глупость: «Я — это не я, а я это то, что обо мне думают другие люди!». Первое, что бросается в глаза, а если эти другие люди кретины? Если они видят во мне кенгуру, так что — я кенгуру и есть??

Однако если люди при помощи именно такой глупости пытаются понять мир, то, значит, это им зачем-то нужно, это им как-то выгодно. В чем смысл и выгода такого способа изучения мира?

Я, кстати, это плохо понимал, но после этой работы Ленина и до меня дошло, откуда и к чему такой выверт, — для меня после «Материализма и эмпириокритицизма» все начало становиться на свои места. Итак.

Было время, когда знаний о мире было мало и все непонятное объяснялось божьей волей — бог так устроил. С богом все было понятно, и все были довольны. Но шло время, любопытные люди изучали и изучали мир, строили телескопы и микроскопы, проводили различные опыты и исследования. И то, что считалось божьей волей, все больше и больше находило объяснения в естественных причинах, не связанных с богом. Богу на земле оставалось все меньше и меньше места.

Однако обычные люди платили церковную десятину, обеспечивая ею безбедное существование массе праздного народу в церквях и монастырях, а среди этого народу были и беспокойные монахи,

пытавшиеся как-то объяснить растворение бога в результатах научного исследования мира. И они «поняли», почему так происходит. Оказывается потому, что все, что в мире есть, на самом деле поступает к нам в сознание посредством наших чувств и является всего лишь образами в нашем сознании — если что-то возникает в нашем сознании, то это в мире есть, если не возникает, значит, его нет. По Ленину отцом идеализма был епископ Джордж Беркли, который еще в 1710 году выпустил трактат, в котором вот эти образы мира в нашем уме назвал «идеями», отсюда и название этого способа познания мира — идеализм.

Что это давало верующим? Давало то, что наше сознание это наша душа, которую вдохнул в нас бог, и если бог хотел, то давал нам такое сознание (такую способность наших чувств), которое имело возможность видеть присутствие его — бога, а не хотел — не давал. Вопрос, есть бог или его нет, заменялся вопросом, способен ли конкретный наблюдатель его видеть, чувствовать, ощущать или нет? Вдохнул в нас бог для этого нужную душу или нет?

В идеализме есть два момента, которые и Ленин, и другие исследователи подчеркивают или так или иначе о них говорят. Если в материализме не требуется никаких условий для существования материи и мира (материя существует сама по себе, независимо от нас), то в идеализме для познания материи обязательно нужен НАБЛЮДАТЕЛЬ. Есть наблюдатель — есть и материя, нет наблюдателя — нет и материи. И второй момент — мир становится ОТНОСИТЕЛЬНЫМ по отношению к тому, кто именно наблюдает. У одного наблюдателя материя и мир могут быть такими, а у другого — иными. И если вы взглянете теперь на квантовую механику и Теорию относительности Эйнштейна, то обратите внимание, что в квантовой

механике все зависит от наблюдателя, а название теории Эйнштейна говорит само за себя.

Однако никто не говорит о третьей особенности идеализма. Если мир зависит от того, кто является наблюдателем, то получается очевиднейшая глупость — сколько наблюдателей, столько и устройств мира и материи. Так вот, главным условием идеализма является требование к сознанию наблюдателя — чтобы правильно наблюдать мир, необходимо ПРАВИЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. Однако об этом чуть ниже.

Зачем идеализм потребовался верующим, — понятно. Но дело в том, что разновидности идеализма массово взяли на вооружение ученые, включая атеистов.

Правда, атеисты своей философии давали иные названия, и, казалось бы, начисто рвали свою связь с идеализмом. Однако, пусть и замаскированная в тех или иных словах, но суть понимания мира, как образа в сознании, все же оставалась. Вот выдающийся австрийский физик Эрнст Мах, которого отчаянно критикует Ленин, был, как бы, не чистым идеалистом, а автором собственного учения под названием эмпириокритицизм (входившего в другое идеалистическое учение — позитивизм). А позитивисты во главу угла процесса познания мира ставили опыт (что бесспорно) и... правильную логику! В манифесте позитивистов: *«Мы охарактеризовали научное миропонимание, в основном, посредством двух определяющих моментов. Во-первых, оно является эмпиристским и позитивистским: существует только опытное познание, которое основывается на том, что нам непосредственно дано. Тем самым устанавливается граница для содержания легитимной науки. Во-вторых, для научного миропонимания характерно применение определенного метода, а именно — метода логического анализа»*. То есть, опять мир существует не вне

зависимости от сознания (логики), а в ПРАВИЛЬНОМ СОЗНАНИИ. И философию Маха до определенного времени исповедовал и Альберт Эйнштейн.

Но верующему человеку правильное сознание дает бог, а кто дает правильное сознание (правильную логику) ученым? Ее дает заменитель бога, идентичный натуральному. В общих словах — «наука», а конкретно — математика. Ведь математика бесстрастна и точна. И если ее алгебраические построения приводят к некой формуле, то по убеждениям позитивистов эта формула и описывает мир. Как видите из манифеста, тот же Мах декларирует, как и материалисты, что вначале нужно провести опыты (эксперименты), понять результаты, затем описать их формулой, дающей возможность проводить количественные расчеты. Но на самом деле все было поставлено с ног на голову — все познание мира махистами велось и ведется не так, как декларируется.

Тут надо понять, что работа ученого не пыльная, почетная, неплохо оплачивается и является соблазном для многих, тем более что, в отличие от монахов, ученые не дают обет безбрачия. Но чтобы задумать эксперимент, придумать и сконструировать для него аппаратное оформление, провести эксперимент, оценить результаты и попытаться описать их математикой, нужно очень много ума и работоспособности. Ведь недаром же масса открытий сделана не теми, кого учили данной науке в университетах, а дилетантами. А полки и армии тех «ученых», кто получил в университетах соответствующие дипломы и написал диссертации, остались для науки полными импотентами.

И вот эта бесплодная ученая немощность из-за своей немощности соблазняется изучать мир «с конца» — без проведения каких-либо экспериментов. То есть, сидят такие ученые в тиши кабинетов и занимается

математическими упражнениями — «теорией». В результате у некоторых после соответствующих алгебраических преобразований получается математическая формула (уравнение), которую эти теоретики и объявляют формулой, описывающей свойства материального мира. И после получения итоговой формулы, эта ученая немощность начинает фантазировать на тему — чем объективная реальность может быть, чтобы описываться вот этим, «выведенным на кончике пера» уравнением. Поскольку мир превращается в какой-то набор математических символов и знаков, то картина природы теряет здравый смысл и получается в виде такого маразма, который ни в какую голову не влезает. Известна хвастливая фраза «физика» Л. Ландау: *«Мы можем рассчитать даже то, что невозможно себе представить»*. А вы вдумайтесь, что на практике означает это хвастовство?

Реальная картина мира подменяется математическими символами, существующими только в мозгу «физиков-теоретиков», — уже это первобытный идеализм! Однако «современная физика» пошла еще дальше, нежели попы. Как видите из высказывания Ландау, каких-то образов устройства мира даже в мыслях может не быть. Мало этого, попы, хотя бы, не вставляли количества ангелов в конкретные расчеты, а «современная физика» пошла и на это. В 20-30-х годах прошлого века, «теоретики» для своих уравнений начали потихоньку, подспудно подменять массу, являющуюся количеством вещества, некоей «мерой инертности». Вещество — это то, что есть в природе, это объективная реальность, существующая вне нашего сознания. А мера — это то, что существует только в нашем сознании, никаких мер в природе нет. И вот эта мера — то, чего в природе нет — входит в их формулы, которые, якобы, описывают «объективную реальность» устройства мира!

Судя по работе «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин прекрасно понимал угрозу идеализма для физики, для естествознания, понимал дикость подмены ее реальных теорий математикой: *«... старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т. е. отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им».*

И ведь интересно, почему те немногие философы в СССР, которые пытались предотвратить безумие физики, оказались в этом деле бессильны и без поддержки правительства, хотя подавляющая часть вождей СССР, во главе со Сталиным, были товарищами и соратниками Ленина. Почему? Придется сделать вывод, что вожди большевиков не особо старались понять, что написано в этом занудном и очень отвлеченном труде Ленина, кроме того, не особо верили в правильность этой его работы.

В этом главный парадокс ленинизма. В СССР Ленин был пророком и самым авторитетным гением. Цитаты Ленина лепили к месту и не к месту. А тут Ленин практически прямо запрещает в физике замену исследований материи математическими упражнениями, а его указание нагло игнорируется.

Получается, что как ни был силен ленинизм, но бесплодная научная массовка, поддерживаемая глупостью работников мировых СМИ, оказалась сильнее и Ленина. В результате уже 100 лет, как физика заведена в бесплодный тупик, а фуфлометы физики, называющие себя учёными, выбросили и выбрасывают псу под хвост огромные человеческие ресурсы.

Ну, эти разговоры про физику можно считать пустыми и поставить вопрос ребром: а что народу и партии Ленина было толку от ума Владимира Ильича?

Давайте не спеша об этом.

Об оружии революции

У нас до сих пор множество кабинетных теоретиков революционных преобразований России. Однако, как показали последние события, вызванные фальсификацией итогов голосования в Госдуму в 2011 году, эти теоретики панически боятся любых не то, что революционных, а и умеренно эволюционных изменений политического положения в разграбляемой и униженной России.

Вот как бы патриот и где-то даже левый доктор политологии С. Черняховский сначала по данным опросов Левада-центр объясняет, что выборы сфальсифицированы в пользу «Е...й России» до степени, когда можно уверенно утверждать, что у России нет законодательной власти. Но далее переходит к анализу тех, кто протестует против этой фальсификации и старательно доказывает, что эти люди по своим политическим воззрениям не представляют народ, а посему их требования честных выборов ничего не стоят.

«Они — имитация. Они — не народ. Они — не избиратели страны. Что они есть — нужно помнить. Чтобы быть готовыми к их новым попыткам выдать себя за голос народа. Но принимать их за него — не нужно. И не нужно идти им на уступки — они лишь потребуют новых. Они — заведомое меньшинство. Недовольное именно тем, что большинство — не с ними». С. Черняховский. «Митинг безпрезентативности».

Это сколько ума надо иметь доктору и политологу, чтобы утверждать, что весь народ, кроме протестующих, хочет, чтобы итоги его голосования фальсифицировались?? Или сколько подлости?

Ну ладно, давайте поговорим о том, как делали революцию умные люди. Уже не раз писал, что большевики, сделав историю подразделением пропаганды, не стеснялись описывать ее настолько тенденциозно, что по ключевым событиям истории даже интеллектуалы, называющие себя политологами, вполне искренне имеют самое превратное представление.

К примеру. Ну, нужно было большевикам представить дело Октября в рамках марксистской теории, поскольку другой теории у них не было. Ну, нужно было, чтобы «развитие производительных сил поменяло производственные отношения», как Маркс учил. Вот от Маркса в истории 1917 года и появляется рабочий класс, возжаждавший национализировать свои заводы и по этой причине восставший в Петрограде. И, якобы, именно этот рабочий класс (по истории им. Агитпропа) отчаянно штурмует 25 октября 1917 года Зимний дворец и в кровавом бою захватывает власть у Временного правительства. Красиво так получается, особенно, если художественные фильмы снимать.

Но начинаешь смотреть подробности Октябрьского переворота, и как-то все выглядит не так красиво, как в кино.

Во-первых, о рабочих. Данные по их участию во взятии власти в 1917 году, наверняка за 70 лет скорректированы в соответствии с марксистской теорией. Но вот воспоминания революционера-большевика Нагловского об активности рабочих в революционном 1905 году.

«Насколько вообще тогда, в 1905 г., были слабы большевики и насколько не имели корней в массах, показывает факт, что вся организация их в Петербурге едва ли насчитывала около 1000 человек. А в Нарвском рабочем районе — человек около 50-ти. Связи с рабочими были минимальны, вернее сказать, их почти

не существовало. Большевистское движение было чисто интеллигентское: студенты, курсистки, литераторы, люди свободных профессий, чиновники, мелкие буржуа, вот где рос тогда большевизм. Ленин это прекрасно понимал, и, по его плану, эти «кадры» партии должны были начать завоевание пролетариата. Тут-то и интересовали его Нарвский район и самый мощный питерский Путиловский завод, где тогда имели большое влияние гапоновцы.

...В течение многих недель я пытался сколотить хоть какой-нибудь большевистский рабочий кружок на Путиловском заводе. Но результат был плох. Мне удалось привлечь всего-навсего пять человек, причем все эти пять, как на подбор, были какими-то невероятно запьянцовскими типами. И эта «пятерка» на наши собрания приходила всегда в неизменно нетрезвом виде».

То есть, из 1000 большевиков Петрограда условно рабочих было максимум 50 человек парторганизации Нарвского района. *«В неизменно нетрезвом виде».*

К 1917 году, надо думать, положение, все же, могло измениться в лучшую сторону, но кардинально ли? Да, среди тех, кто штурмовал Зимний, замечены были и красногвардейцы, но были ли это рабочие или *«люди свободных профессий»*? Во всяком случае, среди тех 4 бойцов революционных сил, которые погибли при штурме Зимнего дворца, один ухитрился выстрелить из винтовки в себя, что очень не просто и косвенно указывает на него, как на человека, очень далекого от техники.

Давайте вспомним о теоретических воззрениях большевиков.

Во-первых, это партия пролетариата, то есть, рабочих, а крестьяне, в представлении Маркса и, соответственно, большевиков — это мелкие буржуа. Поэтому большевики не имели никаких программ для

крестьян и никаких планов на них. Во-вторых, как пишет «Краткий курс ВКП(б)», в отношении Первой мировой войны большевики имели следующие планы: *«Против меньшевистско-эсеровского отречения от революции и предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны — большевики выдвинули лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую»»*. То есть, большевики были противниками заключения мира и имели целью продолжать войну до возникновения революций во всех воюющих странах.

А теперь вернемся в октябрь 1917 года с вопросом, так кто же брал Зимний?

Вот очевидец, американский корреспондент Джон Рид описывает штурмующих.

*«Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним стоял большой броневик. Его мотор был заведён и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемёта. Кругом толпились **солдаты и матросы** ; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещённый Зимний дворец и громко переговаривалась.*

«Нет, товарищи, — говорил один из них. — Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин...»

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил ещё один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

«Вперёд! — прокричал он. — Пробьёмся — и в атаку!»

Подошёл шофёр другого броневика и закричал, покрывая треск машины:

«Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!...».

Как видите, Зимний брали солдаты и матросы. И, как видите, с военной точки зрения брали достаточно грамотно — свои броневики под огонь артиллерии защитников Зимнего не подставляли. Правда, некие рабочие у большевиков тоже были.

«Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему подходили новые и новые люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костёр, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулемёты, со снятыми чехлами, и с их казённых частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали».

(Обратите внимание, что войска, противостоящие юнкерам и женскому батальону, защищавшему Зимний, были исключительно хорошо вооружены по тому времени). Далее.

*«Огромные и пустые, плохо освещённые залы гудели от топота тяжёлых сапог, криков и говора... Настроение было решительное. Все лестницы были залиты толпой: тут были **рабочие** в чёрных блузах и чёрных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папах».*

Да, на охране Смольного, были и рабочие.

Ну, и что? Напомним, через пару лет у Колчака была воевавшая с большевиками дивизия, укомплектованная уральскими рабочими.

Просто надо понять, кто были эти рабочие, в толпе солдат и матросов. Дело в том, что работа в промышленности во время войны освобождала от службы в армии, и с началом войны на заводы метнулись толпы разночинцев и «лиц свободных профессий», боящихся попасть на фронт. Их было настолько много, что, к примеру, производительность труда на Урале, которая должна была бы в связи с войной резко возрасти, наоборот, резко упала по сравнению с довоенной. То есть, в расчете на одного рабочего, продукции выпускалось меньше, чем до войны — заводы России были перенасыщены рабочей силой, которая пряталась от фронта на рабочих местах, не исключено, что и за взятки. По сути это были не рабочие, а дезертиры. Вот их Колчак и призвал «добровольцами» в свою армию. Само собой, под угрозой расстрела.

Но вернемся в октябрь 17-го.

Итак, Зимний дворец достаточно профессионально брали солдаты и матросы. А их, бывших и будущих крестьян, каким Марксом большевики заинтересовали и затащили в ряды «вооруженного пролетариата»?

Самым эффективным Марксом. В Петрограде было много госпиталей, сам Зимний дворец был госпиталем. Соответственно, в Петрограде были и запасные батальоны — подразделения, в которых находились выздоравливающие до отправки на фронт. И числилось в этих батальонах в Петрограде 40 тысяч человек. Кроме того, было и много вновь формирувавшихся частей, причем, новых родов войск (откуда и такая масса бронесил у большевиков).

И ни солдатам этих подразделений, ни выздоровевшим после ранений, ну, очень не хотелось идти на фронт и там погибнуть. И матросам Балтфлота тоже очень не хотелось выходить в море и гибнуть от огня немецких дредноутов. То есть, как и откровенным

дезертирам, этим солдатам и матросам очень не хотелось на войну, единственно, в отличие от дезертиров, их совесть требовала предлога на войну не идти. И именно большевики им этот предлог дали.

Вот посмотрите, какие морковки большевики, вместе с другими партиями, входившими в Совет, предлагали восставшим.

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплочённость, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.»

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твёрдо пойдёт к социализму — единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

*Новое рабочее и крестьянское правительство **немедленно предложит** справедливый, демократический **мир** всем воюющим народам.*

*Оно **немедленно отменит помещичью собственность на землю** и передаст землю крестьянству. Оно создаст **рабочий контроль** над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их в одно государственное предприятие.*

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и всё крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает

уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

*Совет убежден, что **пролетариат западноевропейских стран поможет нам** довести дело социализма до полной и прочной победы».*

Как видите, «Великая Пролетарская Революция» как-то не очень беспокоилась, чтобы привлечь в ряды восставших пролетариат, и тем самым провести революцию по Марксу. Большевики откровенно наступили на горло собственной песне о превращении империалистической войны в гражданскую и стали отчаянными миролюбцами, далее, не колеблясь, включили в свою программу программный закон «О земле» левых эсеров.

Соответственно, на первом месте у большевиков стоит морковка для солдат, матросов и дезертиров — немедленный мир! На втором месте стоит морковка для крестьян — земля! И лишь на третьем месте стоит что-то невнятное про контроль и банки, которое каким-то боком можно отнести и к пролетариату. Нет не только марксовых планов обобществления средств производства, но нет и хотя бы обещания повысить зарплату!

И, заметьте, у большевиков и тогдашних революционеров в Совете не было ни малейшего колебания в деле обращения к Западу за помощью!

А что в России в 2012 году? А в то время некие как бы коммунисты, типа Кургиняна, числящие себя в интеллектуалах, визжат о том, что в деле борьбы за честные выборы союз с либералами не возможен! Союз с Западом не возможен! Борьба с Путиным должна вестись только в одиночку, только своими коммунистическими силами!

Которых, правда, нет.

Вот и ответьте на вопрос, свершилась бы та революция, которая явилась светлым мигом не только в истории России, но и в истории мира, если бы большевиков и эсеров возглавляли кургиняны? (О Зюганове и разговора нет).

Есть и еще один понятный момент, да и тот же Джон Рид его подтверждает: революционеры в октябре 17-го очень боялись расплаты за то, что они делают.

Это не мудрено. Это же с твоей, революционера, точки зрения, революция это благо, а с другой точки зрения это бунт, да еще и во время войны. Вопрос: почему восставшие солдаты и матросы боялись наказания, но слушали не Временное правительство, а большевиков?

Да, действительно, каждый участник восстания этот страх испытывал, но погасило этот страх сознание того, что то, что восставшие делали, было ЗАКОННО!

Этот вывод может удивить — какое там юридическое образование имели эти восставшие, чтобы говорить о законности? Никакого! И это им помогало. Поскольку юристы цепляются за букву закона, а есть еще и дух законов, есть их принципы. А эти принципы говорят вещи, понятные каждому человеку, — в революционных изменениях ты прав, если проводить эти изменения тебе ПОРУЧИЛ НАРОД.

Так вот, 25 октября 1917 года большевики стали действующим от имени всего народа ЗАКОННЫМ правительством России, а Временное правительство стало полностью незаконным! И именно поэтому восставшие слушались большевиков, а морковки мира и земли — это было им в виде премии, в виде награды за то, что они поступают ПО ЗАКОНУ.

Об этом стоит подробнее.

В феврале 1917 власть в России перешла в руки либералов и близких к ним партий, образовавших орган

власти — Временное правительство. Но Временное правительство не имело источником собственной власти ни народ, ни что-либо законное.

До Временного правительства законной властью в России был монарх, а его источником власти была традиция народа, то есть, согласие народа иметь монарха. Таким образом, источником власти царя был народ. И либералы тоже предприняли попытку сделать источником власти Временного правительства народ, но с помощью царя. Во всяком случае, их лидер Родзянко пытался убедить царя не просто отречься от престола, а передать свою власть Временному правительству. Однако Николай II на это не пошел: от престола-то он отрекся, но передал власть не Временному правительству, а своему брату Михаилу. Либералы начали насиловать Михаила, но и от него власти получить не смогли — Михаил вообще не стал от царской власти отрёкаться. В своем манифесте он всего лишь написал:

«Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа Нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные Законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного

голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Как видите, Михаил, оставаясь претендентом на законную власть, просто отложил свое отречение или восхождение на престол до решения народных представителей, собранных в Учредительное собрание. Таким образом, и Михаил своей властью не наделял властью Временное правительство, которое «возникло по почину Государственной Думы». Но ведь современники видели, что Михаил в данном случае лжет — и Государственная Дума властью Временное правительство тоже не наделяла!

О Думе. Была в России на тот момент и, так-сяк, представительная власть — Государственная Дума. Незадолго до отречения от престола Николай II ее распустил, но ведь можно было оставить этот роспуск без внимания — депутатов Государственной Думы можно было собрать снова, и с помощью Думы придать законность Временному правительству. Но либералы и этого не сделали.

Наверное, у них были на то причины, но, надо думать, просто решили — раз Россия Временному правительству и так подчиняется, то что еще надо? А накануне Октябрьского переворота, 6 октября по старому стилю, либералы вообще Думу распустили официально, так ни разу ее и не собрав. После чего остались даже без перспектив как-то узаконить свою власть до окончания выборов в Учредительное собрание. А с выборами в Учредительное собрание они демонстративно не спешили (их попыталось потом провести правительство большевиков, но не смогло это сделать в полном объеме).

Презрение либералов к народу понятно, но в данном случае это была их большая ошибка.

Поскольку большевики и эсеры время не теряли, они не канючили себе у Временного правительства участия

во власти, не лезли к нему во «встроенную оппозицию». Они начали готовить свой приход к власти, для чего не оружие начали запасать (хотя и не без этого), а начали проводить ВЫБОРЫ! Выборы в Советы. Большевики готовили себе ИСТОЧНИК ВЛАСТИ.

Не все у них шло гладко и не всегда получалось, но к 25 октября они собрали Съезд рабочих и солдатских депутатов — законодательный орган, имевший источником власти народ, — и получили на Съезде большинство. (Через несколько дней к нему присоединился и Съезд крестьянских депутатов). Этот законодатель в ночь на 25 октября назначил большевиков и левых эсеров Правительством России, и после этого Временное правительство стало мятежниками, сопротивлявшимися ЗАКОННОЙ ВЛАСТИ.

По своему политическому смыслу, Октябрьская революция это действительно революция, заменившая капитализм социализмом, но совершили эту революцию не оружием солдат, матросов и людей свободных профессий. Совершили большевики эту революцию оружием ВЫБОРОВ ЗАКОНОДАТЕЛЯ.

А то, что сделали в ночь на 25-е подчинившиеся большевикам солдаты и матросы, это подавление мятежа самозванцев — Временного правительства.

Еще пара интересных штрихов к «пролетарской революции».

В Учредительное собрание избиралось 800 депутатов, были избраны и приехали в Петроград 410, кворум был. Из них только 155 были левые эсеры и большевики, то есть, собрание было по большинству своих депутатов антибольшевистским. И как только Собрание отказалось принимать предложенную Лениным Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, большевики и левые эсеры покинули Собрание и оно, полностью лишившись

кворума, стало никем. Опять, все по формальному закону.

Но и это не все. В день открытия Собрания контрреволюционные силы устроили демонстрацию в его поддержку. Большевики эту демонстрацию расстреляли и разогнали, убив 21 человека и сотни ранив. Но!

Максим Горький возмущался этим расстрелом потому, что *«в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов»*. Именно этих рабочих и расстреливали вожди пролетариата, поскольку не имели на них влияния и не смогли отговорить от участия в демонстрации. А поручили они расстрел латышским стрелкам и Лейб-гвардии литовскому полку.

Последующие воспоминания лиц, не заинтересованных следовать большевистской пропаганде, скажем, таких, как Герберт Уэллс, подтверждают, что сами большевики были растеряны и не уверены, что они совершили революцию в соответствии с марксовой теорией, в которую они свято верили, поэтому не понимали, что произошло и что дальше будет.

Но в таком случае, еще отчетливее видна их мудрость, как **НАРОДНЫХ ВОЖДЕЙ**.

Видите ли, народный вождь не может не переживать за народ, который ему доверился, а этот народ приходится посылать на смертельные дела, и народ в этих делах гибнет. Поэтому все, что может уменьшить потери своего народа, для вождя годится и является правильным. Любые союзники годятся, если это уменьшает потери доверившегося народа.

Дезертиры? Годятся и дезертиры!

Есть возможность поднять на революцию крестьян (мелкую буржуазию по Марксу и Ленину)? Поднимаем!

У большевиков совершенно нет никакой программы для крестьян? Без разговоров берем Закон о земле, разработанный эсерами!

Есть возможность предотвратить разгорание гражданской войны, пригласив в правительство Корнилова и Деникина? Приглашаем!

Анархист Махно, вообще отрицающий государство, а вместе с ним и большевистское правительство, начал драться с немцами и белыми? Ему орден Красного Знамени за № 2!

Для большевиков в каждый момент истории могло не существовать никакой «чистоты идеологии». Задача — делать то, что требует момент, то, что нужно народу, идеология — потом.

Мудрость видна и в том, как использовали большевики любую возможность. Ведь если бы либералы в 1917 году позаботились о том, чтобы придать хоть какую-то законность Временному правительству, победа большевиков была бы невозможна. Если бы большевики опирались на пресловутый пролетариат, о них бы уже через год никто не вспоминал.

Повторю, дураки пугают друг друга истиной, выраженной основателем ордена иезуитов Игнатием Лойолой: «Цель оправдывает средства», — ай-ай-ай, ой-ой-ой, какой ужас!!

Но это абсолютно точное указание, иначе никогда не добьешься цели. Страшно это указание в исполнении дурака, когда дурак средство делает целью. Большевики дураками не были, они понимали, что любые сложные дела делаются этапами, понимали, что ради сегодняшней цели, полезно на время замолчать о конечной цели, понимали, что без сегодняшней цели никогда не будет и конечной.

К примеру, большевик Сталин это понимал и писал о союзе а Англией и США во спасение СССР: *«Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий?.. Безусловно, не исключает. Более того, создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам.*

...Логика вещей сильнее всякой иной логики.

Современным мудрецам-политологам подвиг понимания логики вещей, не по силам. Они видят только разницу в идеологии и хорошо, если не видят логики вещей только по собственной глупости, а не из-за путинских долларов на глазах. Я несправедлив?

А вы оцените вот эту реакцию на приведенную выше мысль Сталина:

«Думали ли вы тогда, что эти лорды будут вашими союзниками и друзьями, что с толстыми банкирами Нью-Йорка и Лондона вы будете бороться плечом к плечу. Думали ли, что, вы, трудящиеся Советского Союза, вы, первые свалившие своих капиталистов, помещиков и буржуев, будете проливать свою кровь за интересы и барыши международных капиталистических фирм!»

Или: *«Черчилль был более спокоен и уверен в завтрашнем дне (а это было еще год тому назад), он так отозвался о большевизме: «Большевизм — не политика, это болезнь. Это не мировоззрение, а эпидемия».*

О своем сегодняшнем друге Сталине он говорил еще определеннее: *«Сталин и его приспешники — коммунистический преступный мир, по своему развитию ниже чем дикие звери».*

Лорд Черчилль, конечно, и сегодня не переменял своего мнения, но... не всели ему равно, кто его

защищает, дикие звери, так дикие звери. Главное, чтобы Англия сохранила свою империю, рабовладельческие плантации в колониях и капиталы. Тем более, что она, Англия, за последние полтора столетия уже привыкла обороняться до последней капли крови... русского солдата. Так что Черчилля можно понять, а вот Сталина?»

Вы полагаете, что это критиковал Сталина какой-то марксист, как помянутый выше Черняховский «критикует» митингующих в защиту честных выборов, доказывая, что митингующие в России как бы отщепенцы? Нет, это тексты гитлеровских листовок, сбрасываемых немцами в 1941 году на наши войска. Немцам тоже хотелось доказать, что те, кто защищал свою Родину, были отщепенцы.

Так, что явилось главным оружием революции?

Конечно, главное оружие — это ум и честность ее вождей. Взятся вести народ в светлое будущее — веди. Нечего делать вид, что ты, де, выдающийся теоретик, и твоя задача только умно балаболить.

Но ум — это сегодня такое оружие, которое никому не требуется, поскольку все вожди и революционные мудрецы у нас и так умные, так сказать, по определению. Поэтому бессмысленно предлагать вооружиться этим оружием кому-либо из нынешних вождей.

Однако закончу тем, что подчеркну, ум умных вождей принципиальное оружие, обязательное оружие, без которого никак нельзя обойтись при любых целях и любом развитии событий.

Собираетесь вы овладеть властью путем революции или эволюционным путем, но ваша власть должна будет иметь своим источником народ. А народ предоставить вам власть сможет только путем выборов. А выборы — это подсчет голосов. И если итоги выборов фальсифицируются, то все ваши мечты и телодвижения

бессмысленны, — тот, кто выборы фальсифицирует, не даст народу стать источником вашей власти. Хотя вы сегодня мудрствуйте, хоть на голове стойте, но без честных выборов вы, «страдальцы за народ», бессмысленны для народа!

Поэтому вне зависимости от перспектив вашего прихода к власти — завтра или через 100 лет, — если сегодня выборы фальсифицируются, то надо бросать все и драться за их честность, надо прекратить любую деятельность, если она помешает борьбе за честность подсчета итогов голосования.

Выборы — это связь с народом, это **ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ** оружие революционера.

Второй вождь

Судьба отвела Ленину не много времени для достижения целей своей жизни — победы коммунизма, тем не менее, он заслуживает глубочайшего уважения своей самоотверженностью и революционным фанатизмом.

Ленин был чистым фанатиком коммунизма, которому ничего, кроме победы пролетариата, не было нужно. Ленин был абсолютно безразличен к еде, одежде и к развлечениям, и его вообще-то хорошо характеризует вот такая записка:

«23 мая 1918 г. Управляющему делами Совета Народных Комиссаров Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Ввиду невыполнения Вами настоящего моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной незаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым в

прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 г., объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Или, к примеру, уже постановлением СНК от 1 декабря 1917 года, едва через месяц после прихода к власти, Ленин определил, что для наркомов (министров) *«квартиры допускаются не свыше 1 комнаты на члена семьи».*

Что же касается марксизма, то Ленин (как и потом Сталин) не мог от марксизма отказаться, поскольку никакой иной замены ему не было. Тем не менее, славя марксизм, именно Ленин отказался от марксовой догмы революции во всех странах и согласился, что победить можно и в одной стране.

Основные проблемы строительства социализма достались И. В. Сталину, и, надо сказать, что Сталин был похож на Ленина, но его фанатизм распространялся не на Маркса, а на конкретный советский народ — Сталин фанатически служил ему. Он не был аскетом, но ему просто ничего лишнего не было нужно. Очень долгое время он с семьей жил чрезвычайно скромно, и жене его не всегда хватало денег даже на такую жизнь. У них не было поваров, а когда после смерти жены Сталину готовила обед домработница, то обед состоял из щей на первое, каши с отварным мясом из щей на второе и компота на десерт. Либо ему обед приносили из столовой полка, охранявшего Кремль. Из сохранившейся переписки того времени видно, с какой радостью дети Сталина воспринимали посылки с фруктами, которые отец им высылал, когда отдыхал и лечился на Кавказе.

Анри Барбюс так описывает жилье и быт Сталина в начале 30-х годов.

«Тут в Кремле, напоминая выставку церквей и дворцов, у подножия одного из этих дворцов стоит маленький трехэтажный домик.

Домик этот (вы не заметили бы его, если бы вам не показали) был раньше служебным помещением при дворце; в нем жил какой-нибудь царский слуга.

Поднимаемся по лестнице. На окнах — белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая обставлены просто, как в приличной, но скромной гостинице. Столовая имеет овальную форму; сюда подается обед — из кремлевской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яша спит в столовой, — ему стелют на диване; младший — в крохотной комнатке, вроде ниши.

Покончив с едой, человек курит трубку в кресле у окна. Одет он всегда одинаково. Военная форма? — это не совсем так. Скорее намек на форму — нечто такое, что еще проще, чем одежда рядового солдата: наглухо застегнутая куртка и шаровары защитного цвета, сапоги. Думаешь, припоминаешь... Нет, вы никогда не видели его одетым по-другому — только летом он ходит в белом полотняном костюме. В месяц он зарабатывает несколько сот рублей — скромный максимум партийного работника (полторы-две тысячи франков на французские деньги)».

По воспоминаниям начальника его охраны на 1927 год дача Сталина не имела ни удобств, ни прислуги, и он с семьей приезжал туда на выходные с приготовленными дома бутербродами. Со временем его быт был усовершенствован, что было вызвано скорее необходимостью приема иностранных гостей, но его

безразличие к быту сохранилось: он не имел практически никаких личных вещей, даже лишней пары обуви или какой-то одежды. Единственным его богатством была огромная библиотека (обычная норма чтения Сталиным литературы была около 300 страниц в день).

Кстати о чтении. Вот прочтите его письмо жене, Надежде Аллилуевой, написанное Сталиным во время лечения на Кавказе 14 сентября 1931 г. (выделения в тексте сделаны Сталиным).

«Здравствуй, Татка!

*Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы **начинает** меняться к лучшему. Наконец-то!*

*«Рабочий техникум» по **электротехнике** получил. Пришли мне, Татка, «Рабочий техникум по **черной металлургии** . Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдешь).*

В Сочи — ничего нового. Молотовы уехали. Говорят, что Калинин собирается в Сочи. Погода здесь пока хорошая, даже замечательная. Скучновато только.

Как ты поживаешь? Пусть Сатанка напишет мне что-нибудь. И Васька тоже.

Продолжай «информировать».

*Целую. **Твой Иосиф.***

P.S. Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется».

Заметьте, что именно 52-летний глава СССР, забыв сообщить о своем здоровье, просит ему прислать. Это не ракетки для тенниса, не акваланг для подводного плавания, не горные лыжи — это учебники! В том числе и по металлургии. Именно поэтому умел решать технические вопросы — он был образован так, как, пожалуй, никто в мире, и его призывы к соратникам «*овладеть техникой*» были не пустым звуком.

В нашем дегенеративном мире редко находится историк или журналист, который бы не попенял Сталину на отсутствие образования («недоучившийся семинарист») и не противопоставил ему его политических противников «с хорошим европейским образованием». Эти журналисты и историки, надо думать, очень гордятся тем, что имеют аттестат зрелости и дипломы об окончании вуза. А между тем, что такое это самое «европейское университетское» образование? Это знание (о понимании и речи нет) того, что написано менее чем в 100 книгах под названием «учебники», книгах, по которым учителя ведут уроки, а профессора читают лекции.

Изучил ли Сталин за свою жизнь сотню подобных книг или нет?

Начиная с ранней юности, со школы и семинарии, Сталин, возможно, как никто стремился узнать все и читал очень много. Даже не читал, а изучал то, что написано в книгах. В юности, беря книги в платной библиотеке, они с товарищем их просто переписывали, чтобы иметь для изучения свой экземпляр. Книги сопровождали Сталина везде и всегда. До середины гражданской войны у Сталина в Москве не было в личном пользовании даже комнаты — он был все время в командировках на фронтах — и Сталина отсутствие жилплощади не беспокоило. Но с ним непрерывно следовали книги, количество которых он все время увеличивал.

Сколько он в своей жизни прочел, установить, видимо, не удастся. Он не был коллекционером книг — он их не собирал, а отбирал, т. е. в его библиотеке были только те книги, которые он предполагал как-то использовать в дальнейшем. Но даже те книги, что он отобрал, учесть трудно. В его кремлевской квартире библиотека насчитывала, по оценкам свидетелей, несколько десятков тысяч томов, но в 1941 г. эта

библиотека была эвакуирована, и сколько книг из нее вернулось, неизвестно, поскольку библиотека в Кремле не восстанавливалась. (После смерти жены Сталин в этой квартире фактически не жил). В последующем его книги были на дачах, а на Ближней под библиотеку был построен флигель. В эту библиотеку Сталиным было собрано 20 тыс. томов!

Это книги, которые он прочел. Но часть этих книг он изучил с карандашом в руке, причем не только подчеркивая и помечая нужный текст, но и маркируя его системой помет, надписей и комментариев с тем, чтобы при необходимости было легко найти нужное место в тексте книги, легко вспомнить чем оно тебя заинтересовало, какие мысли тебе пришли в голову при первом прочтении. Вот, скажем, 33-я страница книги А. Франса «Последние страницы». На ней четыре мысли подчеркнуты, два абзаца отмечены вертикальными линиями, три стрелки сравнивают мысли друг с другом. Комментарии Сталина: 1) *«Следовательно не знают, не видят, его для них нет»*; 2) *«Куды ж податься, ха-ха»*; 3) *«Разум — чувство»*; 4) *«Неужели и это тоже?!» «Это ужасно!»*. Должен сказать, что если так изучать книги, то понимать, что в них написано, будешь лучше, чем тот, кто их написал.

Сколько же книг, изученных подобным образом, было в библиотеке Сталина? После его смерти из библиотеки на Ближней даче книги с его пометами были переданы в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ). Их оказалось 5,5 тысяч! Сравните это число (книг с пометами из библиотеки только Ближней дачи) с той сотней, содержание которых нужно запомнить, чтобы иметь «лучшее европейское образование». Сколько же таких «образований» имел Сталин?

Часть книг с пометами Сталина была взята в Государственной библиотеке им. Ленина. Их оставили в ИМЛ, но вернули ГБЛ эти же книги из фонда библиотеки

ИМЛ. Историк Б. С. Илизаров, у которого я беру эти данные, приводил наименование части этих книг, из которой можно понять диапазон образованности Сталина:

«Помимо словарей, о которых говорилось выше, и нескольких курсов географии в этом списке значились книги как древних, так и новых историков: Геродота, Ксенофонта, П. Виноградова, Р. Виппера, И Вельяминова, Иловайского, К А Иванова, Гереро, И. Кареева, а главное — 12 томов «Истории государства Российского» Карамзина и второе издание шеститомной «Истории России с древнейших времен» СМ. Соловьева (СПб., 1896). А также: пятый том «Истории русской армии и флота» (СПб., 1912). «Очерки истории естествознания в отрывках из подлинных работ д-ра Ф. Даннсмана» (СПб., 1897), «Мемуары князя Бисмарка. (Мысли и воспоминания)» (СПб., 1899). С десятков номеров «Вестника иностранной литературы» за 1894 г., «Литературные записки» за 1892 г., «Научное обозрение» за 1894 г., «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», вып. 3 (М.,1934) с материалами о Пушкине, И.В. Анненкове, И.С. Тургеневе и А.В. Сухово-Кобылине, два дореволюционных выпуска книги А Богданова «Краткий курс экономической науки», роман В.И. Крыжановской (Рочестер) «Паутина» (СПб., 1908), книга Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество» (Тбилиси, 1939. на груз, яз.) и др.».

Возможно, были и вундеркинды, прочитавшие больше, чем Сталин, но вряд ли кто из них умел **использовать знания** так, как он.

Такой пример. Академик Российской академии образования доктор медицинских наук Д.В. Колесов, после рецензии другого академика РАО, доктора психологических наук В.А Пономаренко, выпустил пособие для школ и вузов «И.В. Сталин: загадки личности». В книге Д.В. Колесов рассматривает роль

личности Сталина в истории. Книга очень спорная, в том числе и с точки зрения психологии. Но есть и бесспорные выводы, и такие, каким приходится верить, исходя из ученых званий автора и рецензента. Вот Колесов рассматривает такой вопрос (выделения Колесова):

«Принципиальный творческий характер имеет и работа Сталина «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» (1921) и ее вариант «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» (1923).

*В них производят большое впечатление суждения Сталина по таким вопросам как пределы действия политической стратегии и тактики, область их применения. Выделение лозунгов пропаганды, лозунгов агитации, лозунгов **действия** и директив: «Искусство **стратега** и **тактика** состоит в том, чтобы умело и своевременно перевести лозунг агитации в лозунг действия, а лозунг действия также своевременно и умело отлить в определенные конкретные **директивы**» (Соч., т. 5, с. 67).*

Здесь и оценка степени готовности ситуации к возможным действиям, и оптимальный выбор непосредственного момента начала действия. Тактика отступления в порядке. Роль меры в процессе пробы сил. Оценка необходимого темпа движения. Пределы возможных соглашений.

Организаторы августовского путча 1991 г., видимо, не читали этих работ Сталина. Или у них не хватило ума принять во внимание изложенные им условия успешности политической борьбы. К «гэкачепистам» в полной мере могут быть отнесены следующие его слова (как будто специально написанные на семьдесят лет вперед): «Несоблюдение этих двух условий может повести к тому, что удар не только не послужит исходным пунктом нарастающих и усиливающихся общих атак на противника, не только не разовьется в

громовой сокрушающий удар... а наоборот, **может выродиться в смехотворный путч**, угодный и **выгодный** правительству и вообще **противнику** в целях поднятия своего престижа, и могущий превратиться в повод и исходный пункт для **разгрома партии** или, во всяком случае, **для ее деморализации**». (Соч., т.5, с. 75).

Организаторы путча в 1991 потерпели позорный провал именно потому, что не понимали того, что Сталину было ясно уже в 1920-м. И результат был именно таков, как он и указывал: **смехотворность** выступления, вся **выгода** от него политическому **противнику**, **деморализация** собственных **сторонников**. Абсолютно ясно: если бы инициаторы путча предвидели такой его исход, они никогда бы его не начали».

Но нам в данном случае интересны не неграмотные и трусливые идиоты в 1991 году, а то, как два человека, защитившие кандидатские и докторские диссертации, оценивают эти две статьи Сталина:

«Если оценивать содержание этих работ по общепринятым в науке критериям, то выводов здесь больше, чем на очень сильную докторскую диссертацию по специальности «политология» или, точнее, «политическая технология». Причем своей актуальности они не утратили и спустя много лет. Здесь нет «красивых» слов, ярких образов «высокого» литературного стиля — только технология политики».

То есть по существующим ныне критериям Сталин по достигнутым научным результатам был доктором философии еще в 1920 г. А ведь еще более блестящи и до сих пор никем не превзойдены его достижения в экономике. А как быть с творческими достижениями Сталина в военных науках? Ведь в той войне никакой человек даже с десятью «лучшими европейскими образованиями» с ситуацией не справился бы и лучшую

бы в мире армию немцев не победил. Нужен был человек с образованием Сталина. И с его умом.

Ну и какой толк народу был от философских способностей Сталина, спросят меня. Давайте рассмотрим только две грандиозные задачи из тех, которые были разрешены Сталиным за 35 лет в должности сначала одного из вождей большевиков, а потом в должности главного вождя.

Выдающиеся экономические находки

Не будем заниматься вопросом, откуда взялись деньги, но к началу 30-х годов в СССР огромным потоком ввозились станки для массового строительства заводов. Сначала строились заводы для строительства станков для производства товаров народного потребления — строились заводы тяжелой промышленности, продукция которых должна была дать возможность построить заводы для выпуска товаров народного потребления.

В этот период товаров на рынке не было и единственным путем выжить было тугое затягивание поясов. И терпение.

Но вот оборудование в СССР было ввезено, нужно было его устанавливать и запускать. Но где взять рабочих? Основная масса граждан СССР — это крестьяне, более того, с очень низкой производительностью труда. К началу 30-х годов товарность сельского хозяйства СССР упала до 37 %, т. е. двое крестьян на селе едва могли прокормить одного горожанина в городе. И вызвано это было, между прочим, и тем, что революция ликвидировала помещичью собственность на землю, а за счет этого резко увеличилось число крестьянских хозяйств: с

16 млн. в 1913 г., до 25 млн. в 1929 г. Как возьмешь рабочих из деревни, если там едва себя кормят?

Путь был виден — нужно было увеличить производительность труда в сельском хозяйстве, и развитие техники уже позволяло это сделать — можно уже было начинать механизацию сельского хозяйства. Но кому технику дать?

Крестьянский двор трактор купить не сможет.

Крестьяне могут организовать кооператив, сброситься деньгами и купить трактор, скажем, на 10 дворов. Дневная производительность их труда резко возрастет, но годовая останется та же. Ведь от земли крестьянин все равно не сможет уйти, следовательно, промышленности от кооперации сельского хозяйства нет никакого толку: притока рабочих рук в город все равно не будет.

Идеологически неприемлемый выход — вернуть землю помещикам — был неприемлем не только по идейным, но и по государственным соображениям. Да, помещик, забрав у крестьян землю и купив трактора, оставил бы у себя только одного крестьянина из 5, а остальных выгнал бы в город. А куда их здесь, в городе деть? Ведь рабочие должны поступать на предприятия в строго необходимом количестве — в таком, которое требуют уже построенные предприятия. А они от помещика повалят валом — ведь помещику плевать на то, построены в городах заводы или еще нет.

А посмотрите, как осмысленно действовали большевики! Они сначала развили промышленность в городах, т. е. создали рабочие места, а уж потом начали повышать производительность труда в сельском хозяйстве, заполняя рабочие места в городе высвободившимися крестьянами.

И посмотрите, как осмысленно развивал индустрию Сталин в непрерывной борьбе с оппозицией. Да, можно было купить, как это делается сегодня, заводы по

производству пива и ткацкие станки — то, что и хотела оппозиция. Но таким путем создавать рабочие места можно было только до исчерпания золото-валютных резервов. А Сталин поднимал тяжелую промышленность — промышленность производства средств производства — и этим путем мог создать в СССР неограниченное количество рабочих мест.

Ведь понимаете, принцип экономики очень прост: если исключен грабеж другими странами, то в той стране люди богаче живут, в которой больше работают (как по времени, так и по творчеству, и по процентному отношению к общему числу населения). А как сделать Россию богатой, если 80 % населения заняты в своем основном производстве едва 4 месяца в году? Ведь в 1925 году годовая рабочая загрузка крестьян составляла всего 92 дня! Это при том, что на заводах рабочие работали 270–290 дней в год.

Поэтому единственным экономическим путем для СССР был путь коллективизации сельского хозяйства, причем, с опорой на колхозы. Крестьяне сдавали землю, инвентарь, тягловый и часть продуктивного скота в общее пользование и начинали вместе работать. При этом производительность труда резко возросла как за счет разделения труда, так и за счет обработки земли машинами, которые предоставляло государство. Однако рост производительности труда в сельском хозяйстве не приводил к вспышке безработицы. Поскольку, как бы мало крестьянин ни работал, но он в колхозе был при деле: чтобы тогда быть членом колхоза, надо было заработать в нем всего лишь не менее 60 трудодней в год, даже в 1947 году эта норма была всего лишь 100 для женщины и 150 трудодней для мужчины.

На совещании колхозников в 1934 году Сталин акцентировал внимание на недопустимость исключения из колхоза по решению председателя или даже правления колхоза. Это допустимо делать только

решением общего собрания всех колхозников. *«Что значит человека выгнать из колхоза? — спрашивал он. — А это значит — обречь его на голодное существование или толкнуть его на воровство, он должен стать бандитом. Это дело не легкое, исключить из колхоза, это не то, что исключить из партии, это гораздо хуже. Это не то, чтобы исключить из Общества старых большевиков, это гораздо хуже, потому что у тебя отнимают источник существования, ты опозорен, во-первых, и, во-вторых, обречен на голодное существование».*

Плюс к трудодням колхозник имел доходы от приусадебного хозяйства и Сталин заботился, чтобы земли под это у колхозника было больше, чем у единоличника, да плюс обязательная корова. Люди переходили из деревни в город не в очереди на биржи труда, а только тогда, когда в городе для них появлялось рабочее место. В течение жизни одного поколения половина населения страны перешла из села в город без малейших экономических эксцессов!

Теоретические философы марксистского прихода любят утверждать, что этот успех был предопределен тем, что Сталин, де, вел страну социалистическим путем. Не хочется их особо разочаровывать, но Сталин вел СССР путем хозяина, путем истинного экономиста.

Государственная служба порою требует, чтобы народу говорилось не всё в виду того, что в нём достаточно врагов и полно глупых умников, которые узнав что-то, что можно толковать по-разному, ради красного словца могут вызвать панику в народе при полном отсутствии причин для неё.

Как следует из сделанного Сталину в 1947 году доклада министра финансов Зверева: *«Уровень единых цен на предметы потребления, установившийся после отмены карточной системы, был (с учетом произведенного снижения) выше цен, существовавших*

до ее введения, примерно, в 8-10 раз. Цены на хлеб увеличились в 11 раз, на мясо в 13 раз, на масло в 8 раз». То есть, с 1929 года по 1934 год, цены на продовольствие выросли на порядок! И это чистое повышение цен, без какого-либо снижения стоимости рубля. В середине 30-х годов за 1000 рублей купюрами давали 96 золотых 10-рублёвых монет («червонцев»), считалось, что купюры и хранить легче и использовать их легче.

Но что означало с финансовой (денежной) точки зрения такое повышение цен на продовольствие? Это означает, что кому бы государство не платило деньги — рабочему, врачу, офицеру или работнику санатория, — они покупали на эти деньги продовольствие у крестьян (колхозников) и в конечном итоге та масса этих денег, которая шла на село — крестьянам, особенно колхозникам, — возросла на порядок — в десять раз!

Чтобы в городе могли покупать дорогие продукты, повышалась зарплата промышленных рабочих, вслед за ней и цены на промышленные товары, но не очень сильно. Скажем, в 1913 г. шерстяной мужской костюм стоил 40 рублей, а в конце 40-х годов — 75 рублей.

Однако поднять цены на продовольствие в 10 раз мало, ведь нужно, чтобы у покупателей появились и деньги, чтобы по этим десятикратным ценам купить продовольствие у крестьян. И Сталин с началом роста цен в 1929 году включил печатный станок и станок напечатал за один год денег на 1,5 млрд, рублей, хотя до этого, с 1922 года их было напечатано всего 2,9 млрд. Горожане имели деньги для покупки продовольствия по высоким ценам, но эти деньги стекались к крестьянам.

Вот такой пример. Во время Великой Отечественной войны советские люди пожертвовали на оружие для Красной армии 2 миллиарда рублей, и основными жертвователями были колхозники. Эта сумма примерно

равна среднему военному годовому расходу двух народных комиссариатов (министерств): обороны и Военно-Морского Флота. На сбережения народа было построено свыше 2500 именных боевых самолётов. Для сравнения, 2172 боевых самолёта имели накануне Курской битвы два наших фронта, начавших битву, — Центральный и Воронежский. А, по мнению специалистов, именно с Курской битвы началось господство в воздухе советской авиации.

Но еще более удивительно то, какие суммы жертвовали колхозники. Напомню, что в 1940 году среднемесячная зарплата в среднем по СССР была 339 рублей, но это исключая колхозников и крестьян-единоличников, у которых зарплат не было, а была их часть в доходе колхоза.

Так вот, Ферапонт Головатый в декабре 1942 и мае 1944 годов внёс по 100 тысяч рублей на постройку двух истребителей. Колхозник из Грузии Оганян Гурген внёс в Фонд обороны 500 тысяч рублей. Бригадир тракторной бригады, Мария Дубовенкова — 50 тысяч рублей. Михаил Китаев — 130 тысяч рублей, Мария Арлашкина, мать большого семейства, — 50 тысяч. Анна Селиванова — 100 тысяч, потом продала корову, остатки меда — и еще 100 тысяч. 16 января 1943 года узбекский колхозник Сергей Цой принес в обком партии два чемодана с миллионом рублей, судя по фамилии, он кореец. Другие национальности Советской Родины: башкиры Хабирзян Богданов и Нурмухамет Мирасов — по 200 тысяч рублей; азербайджанец Сулейманов Амира Кари-оглы — 250 тысяч рублей; казах Букенбаев Оразбай — 300 тысяч рублей; киргиз Юлдаш Татабаев — 150 тысяч рублей; армянин Н. А. Акопян — 106,5 тысячи рублей; грузин Г. А. Башурали — 150 тысяч рублей; таджик Юлдаш Саибназаров — 130 тысяч рублей; узбек Турган Ташматов — 160 тысяч рублей; бурят Буянтуев — 130 тысяч рублей. Это о доходах колхозников.

Хотя Сталин и был марксистом, но марксистом он был творческим, то есть плевал на Маркса, когда это требовалось для блага СССР. А в данном случае появилась возможность улучшить жизнь народа, в составе которого было (1938 г.) 56 млн. горожан и 115 млн. крестьян. С кого начать? Сталин поступил не как марксист, а как государственный деятель — он начал с крестьян, и они это оценили. Какой бы вой не несся со страниц различных мемуаров и воспоминаний о тяжелой жизни крестьян в ту пору, о «голодоморе», о коллективизации и т. д., но во время последовавшей войны с немцами крестьяне были, пожалуй, единственным сословием СССР, которое Советскую власть не предало. При наступлении немцев крестьянство безропотно сдавало лошадей отступающей Армии, отгоняло на восток сельхозтехнику, скот, уходило само. Нигде не было никаких бунтов или восстаний против Советской власти, как ни старались немцы их вызвать. И именно крестьяне составили и основную массу партизан. И к месту напомним, что прародители Советской власти, ивановские ткачи, подняли бунт, когда в 1941 году в преддверии наступающих немцев Советская власть начала вывозить оборудование ткацких фабрик на восток. И тамошний пролетариат нагло заявлял, что ему все равно на кого работать — на немцев или на Советскую власть.

И надо понимать, как Сталин развивал промышленность в СССР.

Промышленность не может работать без покупателя. Созданный ею товар должен быть куплен, иначе промышленность не в состоянии произвести следующий. Чем больше покупают товаров, тем быстрее развивается, растет промышленность. Если покупатели берут только половину продукции, произведенной станком, нет смысла, а главное, денег покупать второй.

Но если покупатели с этого станка забирают всю произведенную продукцию, и еще хотят и могут купить, то тогда есть смысл покупать второй станок, и есть деньги на него, — тогда промышленность растет и развивается.

Еще раз. Обратите особое внимание! Чтобы промышленность развивалась и давала все больше и больше товаров, ей нужен покупатель!

Если кто-либо хочет развить свою промышленность, ему нужны не инвестиции, не займы, не надо ходить по миру с протянутой рукой, а нужно позаботиться о покупателях для своих товаров. Сталин это понимал и рассматривал несколько путей поиска покупателей для промышленности СССР — путей развития промышленности СССР.

Например, прусский путь, предусматривающий аннексию какой-либо страны, создание препятствий для развития ее промышленности, и за счет ее рынка — ее покупателей развитие собственной промышленности.

Или английский путь. Это путь захвата колоний и использования их рынка для развития промышленности метрополии.

Разумеется, эти пути не подходили Советскому Союзу, и Сталин выбрал американский путь развития промышленности: путь развития собственного рынка, то есть путь создания покупателей прежде всего внутри собственной страны.

Вспомним, как Генри Форд, основатель автомобильной индустрии США, создавал себе покупателей. Он взял и стал платить рабочим своих заводов невиданную по тем временам зарплату — 5 долларов в день — и этим спровоцировал профсоюзы и в других отраслях американской промышленности на требования по повышению зарплаты. Когда его разъяренные коллеги-капиталисты выплеснули на него

свое негодование, он вполне резонно возразил им: «А кто будет покупать мои автомобили?»

Обратите внимание — чтобы увеличить производство чего-либо, нужно сначала дать деньги покупателю. Создав средний класс, класс людей, для которых покупка автомобиля стала обычным делом, США развили свою автомобильную промышленность.

А у Сталина, начиная с 30-х годов, начали вводиться в строй тысячи заводов и фабрик. Они были готовы давать продукцию, но кому? Где покупатели? Вот Сталин и произвел эмиссию, вбросил деньги на рынок СССР и создал покупателей. Кстати, этой эмиссией в первую очередь были покрыты долги госпредприятий. Ведь первыми в работу вступали заводы тяжелой промышленности, производящие средства производства — станки, оборудование и т. д. А какое оборудование может купить предприятие, если оно в долгах? Вот долги всем предприятиям и ликвидировали — покупайте!

Если в первой пятилетке (1928-1932 гг.) среднегодовой импорт составлял 4,1 млрд, золотых рублей, и в этом числе 60,3 % шли на закупку машин и сырья для них, то во второй пятилетке (1933-1937 гг.) импорт упал до 1,2 млрд., а доля машин и сырья в нем до 27,3 %. Если в 1928 г. в составе всего промышленного оборудования 43 % было импортным, то в 1938 г. импортное оборудование составляло уже всего 0,94 %.

По отношению к хлебу или мясу рубль резко обесценился, в 1913 г. килограмм белого хлеба стоил в Москве 13 коп., а в 1940 г.- 90 коп., но вся штука в том, что по отношению к золоту, как сказано выше, рубль как был, так и остался — 9,60 за золотую монету в 10 рублей. Объяснялось это тем, что начиная с 1933 г. СССР всегда имел актив во внешней торговле —

продавал немного больше, чем покупал, и поэтому курс рубля на валютных биржах мира был прочен.

Итак, Сталин сформировал в СССР рынок для промышленности СССР и результат не заставил себя ждать. Если сделать сравнение в сопоставимых ценах (1928 г.), то уровень промышленного производства 1913 г. — 11,0 млрд, рублей — СССР достиг уже в 1927 г., а в следующем 1928 перекрыл его — 16,8 млрд, рублей. Но дальше произошел никем не виданный и до сих пор никем не перекрытый рывок: в 1938 г. промышленное производство составило 100,4 млрд, рублей! По объему производимой товарной продукции СССР вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе место в мире и первое в Европе. Он стал производить 13,7 % мировой промышленной продукции. США производили 41,9 %; Германия — 11,6 %; Англия — 9,3 %; Франция — 5,7 %.

Возникает вопрос — а мог ли царь повторить этот подвиг, могла ли царская Россия пройти путем СССР? Нет, и дело здесь не в социализме, как в таковом, а в том, что при большевиках во главе страны стали люди безусловно преданные народу, и именно это сделало их выдающимися хозяевами, т. е. выдающимися экономистами. Давайте еще раз посмотрим на этапы, которыми Сталин развил экономику.

1. Жесточайшим «затягиванием поясов» народа собрал в 1924-1928 гг. деньги на закупку оборудования для промышленности.

2. Резко поднял цены на продовольствие и остальные товары по отношению к золоту в 1929-1933 гг.

3. Произвел в эти же годы эмиссию денег, чтобы рынок СССР стал ненасытным.

И промышленность СССР бросилась его насыщать со скоростью, недоступной промышленности других стран.

В этой схеме любой стране доступны этапы 1 и 3. Но царскому правительству был недоступен 2-ой этап. Поскольку Россия была в составе мирового рынка и не вводила монополию на внешнюю торговлю (чего ни капиталисты, ни аристократия не дали бы царю сделать), то цены на основную ее продукцию — продукцию сельского хозяйства — были на уровне мировых, и их невозможно было поднять. А из-за длительной и суровой зимы и из-за огромных расстояний России эти цены покрывали затраты только при нищенских заработках работников и не давали доходов — денег основной массе населения — крестьянам. Из-за этого невозможно было поднять зарплаты и рабочим, поскольку из-за тех же высоких затрат на производство, доля зарплаты в цене продукции должна была быть очень низкой, иначе нищий крестьянин эту продукцию своей промышленности купить просто не смог бы.

Это тупик. Если рынок России является частью мирового, то на самом рынке России исчезают покупатели — люди с деньгами, — им неоткуда взяться.

Для ограждения рынка есть два экономических способа.

Можно огородить рынок пошлинами. То есть, если у тебя на рынке яблоко стоит 10 рублей, а на мировом рынке яблоко стоит 2 рубля, то введи пошлину в 9 рублей и пусть на твоём рынке любители импортных яблочек покупают их по 11 рублей. Называется это защитой своего производителя. Но это только защита — оборона, а обороной не выигрываются войны, в том числе, и торговые.

Если ты введешь пошлины, то их введут и другие страны против твоих товаров, поскольку, прости, но что посеешь, то и пожнешь. Далее, у тебя на рынке всегда найдутся любители попробовать импортное яблочко, и, купив его за 11 рублей, они яблок отечественного

производителя купят на 11 рублей меньше. Из суммы пошлины ты можешь компенсировать своему производителю убыток от уменьшения производства, но что толку — товара-то он произвел меньше и, следовательно, вся страна на это уменьшение стала беднее.

А вот то, как руководил экономикой Сталин, — это наступление, это экспансия на мировой рынок. При монополии внешней торговли, государство у своего производителя покупает товар за 10 рублей, продает его на мировом рынке за 2, покупает там же 2 банана по 1 рублю и продает их на своем рынке по 6 рублей за штуку — в сумме за 12, торгуя с прибылью.

Что получается. Если твой производитель насытил свой рынок, то ему нет необходимости снижать производство или даже темпы роста, поскольку ты, государство, вывозишь лишний товар на мировой рынок и начинаешь захват мирового рынка. На мировом рынке можно продать любой товар, но для такой страны как Россия — страны с очень затратными условиями производства — важно, чтобы это была торговля в два конца: экспорт и импорт одновременно. И без конкуренции своих производителей и покупателей друг с другом, т. е. удобнее всего, когда коммерсантом на внешнем рынке выступает само государство.

Сталин именно так развивал промышленность, именно так создал и обустроил для нее рынок СССР. Ни у кого не было сомнений, что прошло бы еще лет 10 и товары «Сделано в СССР» стали бы главенствовать во всем мире.

Преданный народу руководитель

Сталин был реальным, настоящим руководителем — тем, кто руководил лично, а не подписывал документы,

изготовленные бюрократическим аппаратом, и не читал речи, написанные этим аппаратом (сейчас таких руководителей нет). И, как руководителю, Сталину нет равных в мировой истории. Судите сами.

Во Второй мировой войне СССР, под руководством Сталина, сражался практически со всей Европой и уничтожил 75 % вооруженных сил Германии и ее союзников (15 % уничтожила американская армия и 10 % британская). Великая Отечественная война унесла треть тех богатств, что накопили все наши предки, начиная от Рюрика, и, тем не менее, СССР отменил карточки на продукты в 1947 году — через два года после войны, а Франция — в 1949, Англия — в начале 50-х. Причем, даже по карточкам в этих странах продукты стоили так дорого, что их невозможно было купить.

А в СССР через 5 лет после отмены карточек, хлеб, мясо, сливочное масло уже стоили в 2,5 раза дешевле, чем до отмены карточек, сахар в два раза дешевле. И за эти же пять лет в США цены на хлеб выросли на треть, в Англии — в два раза, во Франции — более чем вдвое, а цены на мясо в США увеличились на четверть, в Англии — на треть, во Франции — вдвое. От толчка, данного Сталиным, престиж СССР неимоверно возрос, ещё и в 60-е годы в ООН проходили любые резолюции Советского Союза, поскольку подавляющая часть стран голосовала за них только потому, что их выдвигал мировой лидер — СССР.

У Запада оставался пропагандистский довод, что свободное предпринимательство обеспечивает Западу больший прогресс в области науки и техники, нежели плановое хозяйство СССР. Но в чем? У вас, в США, у каждого гражданина есть хотя бы подержанный, но автомобиль? Замечательно! А в СССР каждый гражданин прекрасно доедет куда угодно на общественном транспорте. Вы считаете, что

современная война это война самолетов? Вот советские самолеты. Вы запугиваете весь мир атомной бомбой? Вот советская атомная бомба. Вы мечтаете создать водородную бомбу? А в СССР ее уже создали. В 1952 году, не только в столичных городах СССР, но и в областных центрах, уже вещало телевидение, а в европейских странах, скажем, в Италии, о нем еще и не мечтали.

После Второй мировой войны американцы арестовали и вывезли из оккупированной ими части Германии немецких конструкторов ракет под руководством конструктора фон Брауна, надеясь с помощью немецкого ума достичь побед в космосе. А СССР и без немецких конструкторов запустил в космос первый спутник, первым послал человека в космос, первым достиг Луны, первым сфотографировал ее обратную сторону.

Если это не подвиг революционных руководителей государства, то что тогда подвиг?

С. Г. Кара-Мурза

Мышление, методология и знание большевиков

Октябрьская революция в России была событием мирового масштаба. Многие мыслители считали, что она была главным событием XX в. СССР повлиял на все цивилизации: побудил Запад повернуть к социальному государству, помог демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для самосознания и укрепления цивилизаций Азии в их современной форме.

СССР был для всего фашиствующего мирового интернационала как кость в горле. Уже на первой своей стадии реализации советский строй показал, в ходе трудных проб и ошибок, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных возможна. Возможно и существование человечества, устроенного как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид.

Поражение СССР — тяжёлый удар по этим надеждам. Не получив от старшего поколения теорию советского строя, общество и государство не разглядели угроз и стали делать ошибки. К тому же внедряемые веками идеи господства и присвоения оказались сильны (но не всеильны!). Теперь нам важно разобраться в своих провалах и ошибках. Мы должны понять, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Понять источники и нашей силы, и поразительной уязвимости. В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы.

Речь не идёт о возврате в «тот» советский строй. Это невозможно и никому не нужно — вернуться, чтобы снова вырастить М. Горбачёва с Б. Ельциным? Знание необходимо, потому, что мы и впредь будем двигаться вслепую, если не поймём старого строя, к тому же вовсе не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. Понять советский строй — это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить.

В конце XX в. крах СССР стал катастрофой мирового масштаба — Запад под командой США начал большую программу преобразования мироустройства. Доктрина этой программы основана на утопии строительства нового мирового порядка под гегемонией западной цивилизации. Это чревато бедствиями для большей части человечества.

Но главное, что оба эти события больше всего важны для нас. Революция для большинства отошла в туман предания, а крах СССР — жгучая реальность. Уже почти всем ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в новый порядок, гарантирующий жизнь страны и народа. Население и власти действуют по ситуации, смягчая риски и удары, а будущего не видно.

Одна из причин нашего состояния — мы плохо знаем ту революцию, из которой вырос СССР, у нас провал в знании. И мы не чувствовали, что её раскаты и потрясения — долгий процесс. Можно сказать, что антисоветская «революция» 1980-х годов и вызванные ею бедствия — эпизод этого процесса. Его нельзя понять, если не изучить, грубо и беспристрастно, два очень разных периода: 1905–1955 и 1956–поныне. Переход к новому этапу общественного развития и новой («постсталинской») эпохе происходил при остром дефиците знания о советской системе. В советское время по ряду причин описание и объяснение

советского строя были упрощённые и во многом неверные, а начиная с перестройки — недобросовестные и специально разрушительные.

Для крушения советского строя необходимым условием было состояние сознания, которое Ю. В. Андропов определил так: «Мы не знаем общества, в котором живём». Не знали — не могли и защитить. В 1970-80-е годы незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до паранойи. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению общественного строя.

Когда раскрылось лицо перестройки, много малых групп стали срочно изучать русскую революцию, уже с новым опытом. За последние 25 лет мы многое поняли. Остаётся ряд загадок, но к ним есть подходы. К несчастью, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от нового знания. Не следует идти у них на поводу — отворачиваться от этого знания глупо.

Здесь кратко и схематически коснемся частного, но очень важного вопроса — методологической системы большевиков. Весь XX в. Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, которую можно назвать *«русский коммунизм»*.

Конечно, исходные элементы этой мировоззренческой системы, сложившись в русской культуре, развивались всеми народами России (а затем СССР) применительно к их этническим культурам. Так возник советский строй и советский коммунизм. Но мы не будем обсуждать национальные оттенки этого явления и назовём его именем, указывающим на истоки. Можно назвать его *большевизмом*, но с натяжкой, т. к. в большевизме была сильна и «космополитическая» компонента, перешедшая в оппозицию к русскому

коммунизму, породив тяжёлый конфликт с большими жертвами в 1930-е гг.

Русский коммунизм — сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегчённую модель этого явления, почти пустышку. В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной (а если заострить, то после 1938 г.). Первый блок — это то, что Макс Вебер назвал, вслед за Марксом, но более определённо, *«крестьянский общинный коммунизм»* (иногда он называл его *архаическим крестьянским коммунизмом*) [34]. Второй блок — русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. приняла в качестве своей идеологии марксизм, хотя в русском марксизме было скрыто осознание всех русских проектов модернизации.

Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Результатом их синтеза стали фундаментальные открытия и оригинальные политические решения. Многие из них исходили из идей Ленина, и многие он представил и обществу России, и, реально, мировому сознанию.

Небольшое отступление. М. Вебер, изучая роль протестантской Реформации для становления капитализма модерна, внимательно следил за началом русской революции. Он ввел в социологию важное понятие *инновации* как возникновения зародышей новых общественных форм и институтов — это *общество в состоянии становления*. Инновация — это большая или маленькая революция. Объективное условие для нее — состояние неустойчивого равновесия: «все старое начинает раскачиваться, а все

новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным». Но не менее важно условие субъективное — состояние духовной сферы группы первопроходцев.

Вебер выдвинул сильный тезис: изобретение инновации, порождающей новую структуру, требует взаимодействия (синергизма) *рационального* усилия и *внерационального* импульса. Другими словами, он считал, что нельзя описать общество только социальными и экономическими измерениями — социальное и психическое неразрывно связаны. Крупные инновации, сделанные в крайнем духовном напряжении, Вебер назвал *харизматическими*. Он считал, что такие инновации имеют не *историческую* природу — они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями и отличаются от вспышек и изменений, которые имеют место в устоявшемся обществе». Инновация — когнитивный бунт, проект изменения картины мира. Под его знамена становятся люди, ищущие правду и справедливость. Как выразился Вебер, харизматическая группа организована «на коммунистических началах».

Более того, Вебер считает, что харизматические вспышки и изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а ценностями: «Харизма — это “власть *антиэкономического* типа”, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и её выгодами».

Это обобщённый вывод из истории больших инноваций в сознании и практике людей. Поэтому свои заметки о русской революции Вебер завершает взволнованным обращением к немцам: «Давление возрастающего богатства, связанного с привычкой мыслить “реально-политически”, препятствует немцам в том, чтобы симпатически воспринять бурно возбуждённую и нервную сущность русского

радикализма. Однако, со своей стороны, мы не должны все-таки забывать, что самое непреходящее мы дали миру в эпоху, когда сами-то были малокровным, отчуждённым от мира народом, и что “сытые” народы не зацветают никаким будущим».

Общинный коммунизм в России питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью и породившим многие ереси. Он имел идеалом *град Китеж* (ересь «Царства Божьего на земле»). Социалисты в России исповедовали идущий от Просвещения идеал прогресса и гуманизма. Революция 1905 г. — дело общинного коммунизма, почти без влияния блока социалистов. Зеркало её — Лев Толстой, выразитель крестьянского мироощущения. После революции 1905 г. произошёл уже необратимый раскол у марксистов (социал-демократов), и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда и выросла концепция «союза рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник *большевизм*, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни одно другое большое политическое направление такой структуры не имело. Этого не было ни у народников (и их наследников эсеров), ни у либералов (кадетов), ни у меньшевиков, консерваторов-модернистов (Столыпин) и консерваторов-реакционеров (черносотенцев), ни у анархистов (Махно). В то же время большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры каждого из них включились в советское строительство.

Структура инновации советской революции содержала синтез модерна (индустриализма) с общинной традицией аграрной цивилизации. Другой синтез почти на целый век закрыл раскол в

интеллигенции, которая разошлась в выборе цивилизационных путей России. Ю. В. Ключников, редактор журнала «Смена вех», объяснял в эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества».

Зачем нужны эти раскопки? Ведь русский коммунизм, особенно на том его этапе, который называют большевизмом, — уже предмет истории. Можно ли в нынешнем обществе использовать опыт большевиков и те социальные формы, которые они создавали для решения актуальных в те годы проблем? Сейчас это видно так.

Большевизм сформировался и стал организующей силой в общественном процессе в момент разрыва непрерывности в развитии цивилизации Нового времени, в ходе глобального конфликта традиционных обществ с модерном мировой капиталистической системы. Этот модерн наступал на все незападные общества уже в форме империализма и в ходе этого столкновения сорвался в катастрофу самих оснований своей цивилизации — в формах I Мировой войны, фашизма и 2-й Мировой войны. Большевизм, зарождавшийся, как проект освобождения эксплуатируемых и угнетённых масс России, сразу оказался втянут в эту глобальную катастрофу. Оказалось, социальные противоречия России нельзя было разрешить или смягчить, если не вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма, в которую капитализм втянул Россию.

Реализация проекта русского коммунизма требовала осознания природы той катастрофы, в которую втягивал мир общий кризис капитализма. Картина мира Просвещения и главные его социальные учения (либерализм и марксизм) устарели. Они были

механистичны, представляли общество как равновесную машину движения масс. Начало XX в. — кризис этой классической картины мира, который сразу выплеснулся в обществоведение. Новые познавательные возможности неклассической картины мира для общества освоил именно русский коммунизм.

Подходы большевиков к общественным проблемам сильно отличались от подходов их союзников и врагов. Это во многом и предопределило эффективность решений и действий большевиков. Сегодня оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ, ведомый русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Два родственных явления в русской истории — революционное движение и наука, оказали друг на друга сильное методологическое воздействие. Оба они представляли в России способ служения, и многие революционеры в ссылке или даже в одиночной камере естественным образом переходили к занятиям наукой. Но в начале XX века из общего потока стали выделяться большевики — у них стала складываться новая картина мира.

Марксизм (как и либерализм), в общем исходил из принципов «науки бытия» — классической науки XIX века. Исторический процесс в нём представлялся как череда состояний *равновесия*. Например, политэкономия, начиная с Адама Смита, прямо брала за основу аналогию с равновесной механистической моделью мира Ньютона. Но бывают периоды, когда наука особое внимание обращает на явления слома равновесий, кризисы, катастрофы, превращение

порядка в хаос и зарождение нового порядка. Это — *«наука становления»*.

Ленин, углубившись во время революции 1905 г. в проблемы кризиса классической научной картины мира, ввел в партийную мысль принципы *«науки становления»*. В неклассической картине мира исторический процесс представлялся, как срывы и катастрофы, необратимые изменения неравновесных состояний. Мыслители большевиков исходили, говоря современным языком, из представления общественного процесса как перехода *«порядок — хаос — порядок»* и как большой системы.

В целом, в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов. В отличие от методологии исторического материализма, в этом подходе общественные процессы представлялись как изменяющиеся состояния подвижного равновесия, которое прерывается кризисами. Это заставляло концентрировать внимание на динамике системы и особенно на моментах неустойчивого равновесия и критических явлениях.

Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределённости ключевые решения руководства партии большевиков были *«прозорливыми»* — огромное значение придавалось *своевременности* действия. Это придало новому, советскому государству во главе с партией большевиков необычно высокую динамичность и адаптивность.

Неявное традиционное знание о нестабильности и катастрофах, присущее крестьянскому мировоззрению и отложившееся в русской культуре, в течение двух поколений советских людей весьма нейтрализовало

давление механистического детерминизма истмата. Это влияние подкреплялось и важной особенностью русской науки^[35]. Находясь на периферии западного научного сообщества, русские ученые не испытывали той идеологической цензуры механицизма, которая довлела в Европе. Догма равновесности механических систем в западной науке подавляла интерес к нестабильности и неравновесным состояниям.

Важен тот факт, что утопия общинного коммунизма, соединившись в большевизме с рациональной наукой, была воплощена в высокоорганизованную деятельность, сплотившую множество людей, в которых рационализм и социальное творчество соединились со страстью подвижников. Сразу после Октября в эту систему вошло и научно-техническое творчество (в этом ряду соединились такие разные культурные типы, как космист-мистик К. Э. Циолковский и космист-учёный академик С. П. Королёв).

В целом, русский коммунизм изначально стал складываться «интеллектоцентричным» и рациональным. Выработке политических решений были присущи воспринятая от марксизма дисциплина мышления и диалогичность (четкое изложение альтернатив, представленных оппонентами). В методологии большевиков-интеллигентов была историческая компонента, хорошая мера (явное «взвешивание» включаемых в анализ факторов), привлечение традиционного знания и контроль здравого смысла.

Наука была положена в основу партийной *идеологии*. Нормы рационального рассуждения задали уже тексты Ленина, из которых тщательно изгонялись мифы и фантазии. Наше национальное несчастье в том, что ненавидеть стали даже не столько Ленина-политика, сколько ленинский тип мышления и

мировоззрения. Этот тип мышления нам нужен позарез, но если вокруг разлита ненависть, он не появится.

Конечно, именно Ленин сделал главную работу по созданию и продвижению методологической системы русского коммунизма. Но так же очевидно, что без того культурного контекста, в котором выросли будущие большевики, и без того конфликтного жизненного опыта, который стал механизмом отбора людей, собравшихся в этой общности, методологические разработки Ленина не были бы восприняты, доработаны и внедрены в повседневную практику мысли, слова и дела массового политического движения. Говоря о Ленине, будем это иметь в виду.

Прежде всего, Ленин — мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог, **мастер**.

Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринёрства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гирями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Ленин умел работать с *неопределенностью*, препарировал ее, взвешивал риски. Предвидения Ленина сбывались с высокой точностью (в отличие от пророчеств Маркса о пролетарской революции на Западе). Читая рабочие материалы Ленина, приходишь к выводу, что дело тут не в даре прорицания, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Он остро чувствовал пороговые явления и кооперативные эффекты. Исходя из трезвой оценки динамики

настоящего, он «проектировал» будущее и в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век.

Так, в анализе динамики процессов после Февраля 1917 г. он учитывал тот факт, что силы, пришедшие к власти в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. В результате новая власть получает кредит доверия и уже через короткий промежуток времени контратака сходу оказывается невозможной, а значит, изменить тип развития будет стоить многих жертв. Исходя из этого, Ленин точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было отодвинуть буржуазное правительство почти без крови. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока всё было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала великим достижением революционной мысли.

И эти расчёты делались в тот период, когда кадеты, социалистические конкуренты большевиков (меньшевики и эсеры) и иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. М. М. Пришвин, исключительно проницательный наблюдатель, записал в дневнике 15 июня 1917 года о «марксистах, социалистах и пролетариях»: «Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнём трагедии... И я

говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены».

А недавно попала цитата из описания Октябрьской революции западного автора-социалиста Е. Фишера: «Хотя большевики имели за собой широкие массы рабочих и крестьян, социалистическая революция в России не была логической необходимостью, ее надо поставить в заслугу гению Ленина, природе его партии, громадной концентрации смелости, ума и воли. Это преобладающее значение субъективных факторов, в данном случае воли, когда она соединилась с высоким уровнем сознания, было решающим, привело к победе, к её беспримерно широким последствиям. Закрепление этой победы казалось почти невозможным чудом, и когда далеко не самые глупые люди на Западе предсказывали падение власти, они опирались на убедительные аргументы».

Но дело не в глупости западных политологов и не в высоком уровне сознания рабочих и крестьян России, а в их *ином* сознании. Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы следовали модели западных буржуазных революций, разработанной Марксом. Россия — не Запад, его имитация — тупик, и мыслили они в рамках модерна XIX века, в парадигме науки *бытия*. К сожалению, слишком многие думали, что Октябрьская революция «неправильная», а это и подпитывало Гражданскую войну. Качество предвидения у российской интеллигенции в тот момент было невысоким (как, впрочем, и в конце XX века).

Более того, и в России, и на Западе большинство левой интеллигенции считали, что «социалистическая революция в России не была логической необходимостью». Согласно расчетам Маркса, в России пока что достаточно свергнуть монархию, расчленив империю и создать благоприятные условия для развития капитализма.

Вот выдержки из письма лидера меньшевиков Аксельрода («политического завещания») Мартову (1920 г.):

«С первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полу примитивного капитализма прямо в царство социализма... Совершая октябрьский переворот, они (большевики) поэтому совершили принципиальную измену и предприняли преступную геростратовскую авантюру... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Вот какой накал ненависти к советскому проекту: война не на жизнь, а на смерть, призыв к организации интернациональной социалистической интервенции. И это основатели РСДРП, марксисты и социалисты!

Напротив, А. Грамши писал (5 января 1918 г.):

«Факты вызвали взрыв, который разнёс на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалосьсь...»

В данный момент максималисты были стихийным выражением, биологически необходимого действия, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенёс жестокие укусы

голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга».

В том, что Россия просто, без выборов, отдала власть большевикам, Грамши видел биологическую закономерность — подсознательное чувство, что это единственный путь уцелеть в катастрофе. Эту мысль позже по-разному выражали и наши противники Ленина. Бердяев писал:

«России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». Даже черносотенец Никольский признал, что большевики строили новую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причём «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей».

Важнейшее качество Ленина — умение хладнокровно увидеть расстановку и движение всех главных сил, взглянуть в глаза реальности и объяснить её людям, не пытаясь никого обмануть. Ленин выработал особый тип текстов — ясных и с точной мерой. Сравните с текстами кадетов — Струве, Бердяева. Видно, что этих блестящих писателей переполняют чувства. А посмотрите на тексты современных политиков, начиная с Горбачева, в них кишат все «идолы Бэкона» — *рынка, площади и театра.*

Сложность предреволюционного положения была в том, что России была необходима индустриализация и модернизация, приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма. Поэтому сама идея революции союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма показалась и либералам, и социалистам абсолютно еретической. А когда Ленин в «Апрельских тезисах» принял и структуру государственности, вытекающей из идеи этого союза

(государство Советов), в левой элите это вызвало бурю. «Бред сумасшедшего!» — воскликнул Плеханов. Урок Ленина в том, что он проник в суть России как цивилизации, в смысл крестьянской мечты и мечты народов — и преодолел давление господствующих понятий и теорий.

Это было сложно и потому, что в начале XX века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы — но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский коммунизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

В тот момент было очень трудно отказаться от картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции эта картина была еще усилена философией Гегеля и марксизмом. Это — евроцентризм, вера в то, что якобы

существует некая «столбовая дорога цивилизации» с правильной сменой этапов, формаций. Признать, что Россия — самобытная страна, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Уже сказать, как Ленин, что «Лев Толстой — зеркало русской революции», было ересью. При этом надо было не стать диссидентом, изгоем в среде социал-демократов.

Ленин нашел такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, каких немало в эпохи кризиса, а создателем и вождем набирающего силу массового движения. Не вступая в конфликт с марксизмом, он преобразовал его в учение, дающее ключ к пониманию процессов в незападных обществах. Таким образом, он не просто понял чаяния крестьянства и молодого незападного рабочего класса, но и дал им язык, облёк в сильную теорию.

Ленин делал ошибки, но они у него были *плодотворными*, потому что, проверяя свои выводы реальностью, он отказывался от своих прежних выводов, как это нормально делает учёный. В 1899 г. молодой Ленин пишет ортодоксально марксистскую книгу «Развитие капитализма в России». В ней он говорит о неизбежности распада общины, об исчезновении крестьянства с его разделением на буржуазию и пролетариат и о буржуазно-демократическом характере назревающей русской революции. Опыт крестьянских волнений с 1902 г., революция 1905–1907 гг. и первые шаги реформы Столыпина приводят его к принципиально новому видению: крестьянство не просто не распалось и даже не просто сохранилось как «класс в себе», но и выступает как носитель большого революционного

потенциала. Программный стержень крестьянства — предотвращение раскрестьянивания, которое означает импортируемый с Запада капитализм.

По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, устремление 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции. Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции.

Ленин убедительно показал, что капитализм складывается периферийный, он несёт России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свой потенциал капитализм, а революция иного типа — предотвращающая втягивание страны в периферийный капитализм. Программа Ленина означала разрыв с ортодоксальными марксистами. Потому-то меньшевики оказались в союзе с буржуазными либералами.

Это редкое и психологически трудное качество — следуя новому знанию, отказываться от своих вчерашних взглядов, которые как раз создали тебе авторитет и собрали единомышленников. Это свобода и ответственность мысли, при которой не боишься потерять большой политический успех. Ведь книга «Развитие капитализма в России» была целым событием, заявленную в ней концепцию можно было плодотворно расширять и дорабатывать как в научном, так и в политическом плане. Наконец, требовалась большая самоотверженность, чтобы пойти наперекор уважаемым и даже чтимым авторитетам — и самому Марксу, и Плеханову, и друзьям по социал-демократии.

В своей теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых

цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы. В идейном плане ленинизм означал начало современного национально-освободительного движения и крушения колониальной системы.

Особенно это касалось Азии. Ведь до сих пор Восток был лишь объектом международной политики Запада. Роли были четко распределены: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». В ленинском представлении мира Азия и Африка выходили на мировую арену как полноправные субъекты политики, как страны назревающих больших революций. Потому-то Ленин стал для народов Востока не просто уважаемым политиком, но символом. Известно письмо махатм Индии по поводу смерти Ленина, глубокая оценка, данная труду Ленина Сунь Ятсеном и Хо Ши Мином.

Марксизм-ленинизм, который дорабатывался согласно особенностям каждой культуры, на целый век задал траекторию для общественной и политической мысли и практики в странах, где живёт большинство населения Земли. И это влияние вовсе не исчезает с поражением советского проекта в России, оно лишь входит в новую стадию развития. Черода революций, начатых в России, продолжается, пусть и в новых формах. Революция, как мы видим, и у нас не закончилась, приглушённые на время проблемы встали снова. Ведь сегодня Россию опять загоняют в ту же историческую ловушку, нас снова истощает мировой капитал, страну снова расчленили националисты. И снова, как в начале века, к хозяйству присосался интернациональный преступный синдикат, создающий параллельную государству теневую власть.

Очень важной и для того времени, и сегодня, была развитая Лениным концепция империализма как нового

качества мировой капиталистической системы. Маркс в «Капитале» принял абстрактную модель равномерного распространения капитализма по всему свету. Согласно его модели, исчерпание капитализмом возможностей развития производительных сил привело бы к мировой же пролетарской революции. В ленинской концепции мироустройства эта ошибочная уже тогда абстракция была преодолена. Мир не становился равномерно капиталистическим, в зоне капитализма сразу возник *центр* из небольшого числа империалистических стран и *периферия* из колоний и полукolonий, которую этот центр эксплуатировал. В главных чертах этот миропорядок, который мы сегодня называем глобализацией, «золотым миллиардом» и т. д., был верно описан уже Лениным.

Из концепции империализма и периферийного капитализма следует, что на периферии возникает потенциал революций иного типа, нежели в метрополии. Это — революции против империалистического угнетения и эксплуатации. Они сопрягаются с национально-освободительным движением, так что движущей силой в них становится не только пролетариат, но и широкие союзы, прежде всего, с крестьянами. Уже это создавало основу для того, чтобы преодолеть важную догму марксизма, согласно которой революция должна начаться в странах самого развитого капитализма. Менялось и само содержание понятия «мировая революция». Ведь, строго говоря, русская революция положила начало именно *мировой* революции. Она прокатилась по странам, где проживает большинство человечества. Да, это были страны крестьянские — Китай, Индия, Мексика, Индонезия. Запад этой революции избежал (точнее, свои крестьянские революции смог подавить), но ведь не только на Западе живут люди.

Что же определяет успех политика и вождя? Как говорят, это умение понять чаяния народные и отделить их от расхожих мнений, которые часто этим чаяниям противоречат. Точнее будет сказать, чаяния той части народа, на которую ты опираешься и интересы которой представляешь в политике. Вот в этом, я считаю, и проявилось это качество мышления Ленина. Он чутко, как какой-то инструмент, улавливал чаяния, скрытые под неустойчивостью мнений. Пришвин удивлялся летом 1917 г.: что же это за большевики такие, все их клянут, а всё выходит по-ихнему?

Думаю, таким моментом можно считать принятие летом 1917 г. лозунга немедленного мира и принятие 25 октября Декрета о мире. Мир был связан с вопросом о земле — чаяние крестьян (85 % населения). А в городах, особенно в столицах, был популярен лозунг «война до победного конца». Их включили в свои программы даже меньшевики и эсеры, в коалиции с кадетами. Примерно так же получилось и с Брестским миром.

Другой случай — отказ от идеи государственного капитализма, на который делал ставку Ленин в начале 1918 г. Большевики не хотели национализации и сопротивлялись ей, но это было именно чаяние рабочих, как и национализация земли — чаяние крестьян. Рабочие знали, что надежды на госкапитализм — утопия, что хозяева его не хотят и продают сырье. Ленин признал правоту рабочих. Здесь, как и в случае с землёй, возникло положение, которое Бертольд Брехт назвал так: «ведомые ведут ведущих».

Для политика важны логика, убедительные аргументы, ясные выводы и предвидение последствий. Нужны умозаключения, не только принимаемые сердцем, но и научные или близкие к научным. В этом отношении ленинская партия была именно партией

нового типа. Ленин первый включил в политику научный тип мышления и убеждения — и это притом, что учёных в партии было немного. А, например, среди кадетов было много учёных, но считаешь их материалы — совершенно не научный стиль. Патетика, недомолвки, мистика.

Большевики были особенным случаем во всей политической истории. Можно себе представить Муссолини, Черчилля, Рейгана или Ельцина пишущими книгу «Материализм и эмпириокритицизм»? Можно ли представить, чтобы члены их партий по тюрьмам такую книгу изучали? Сегодня кое-кто говорит, что в этой книге Ленин там-то и там-то ошибся, Маха зря обидел и т. д. Это мелочи. Важны не суждения Ленина по конкретным научным вопросам, а сама проблематика книги. Важен, и исключительно важен сам тот факт, что большевикам Ленин рекомендовал задуматься о кризисе физической картины мира.

Ленин понял и ввёл в жизнь партии фундаментальный принцип: программа и идеология должны быть самым тесным образом связаны с картиной мира, которая сложилась в умах людей. «Так устроен мир!» — вот последний аргумент. Но если картина мира перестраивается, как это и было в начале XX века, то партия должна понять этот кризис — и выразить его в своем языке, своей логике, своей культуре. В России начала XX века в этом смысле именно большевики резко вырвались вперед и отличались от других партий. Это почувствовали как раз те поэты, которые остро переживали кризис картины мира — Блок, Хлебников, Брюсов, Маяковский.

Ленин выдвинул и частью разработал ряд фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-

освободительного и левого движения. Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от II Интернационала. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но она была поставлена, и мы почувствовали, как нам не хватало в 80-90-е годы хотя бы основных её положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции (её обуздания)* после 1917 г. В этом деле особо важную роль сыграли присущие Ленину системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов (мышление в стиле *науки становления*). Здесь требовалось становление новых институтов на основе череды инноваций (как военный коммунизм или национализация промышленности и НЭП), о которых и не думали до Октября.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы революции, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько эффективным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — опыт уже XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм, а впереди мир ждут ещё более крупные катастрофы на этнической почве.

Инновации двух следующих поколений большевиков в период «сталинизма» — очень большая особая тема. Это был период реализации советского проекта. Вебер

называет такие программы «институционализацией харизмы» — после становления новых форм начинается массовое строительство и укрепление норм. Но в СССР и это был этап фундаментальных инноваций. Коллективизация и советская индустриализация, создание новой школы и научной системы, современных советских вооружённых сил и новаторские программы как атомная и космическая. Экзаменом стала Великая Отечественная война.

Другой важный предмет исследований — система проблем, которые не удалось предвидеть, как риски и угрозы, неизбежные изменения в обществе и государстве в дальнейшем ходе развития. Для этого во время Ленина и Сталина ещё не было методологических подходов, а были лишь предчувствия. Кроме того, разработки Ленина и Сталина не изложены последовательно в каких-то больших трудах, подобных «Капиталу». Они выражены в массе работ, решений, реплик и выступлений, связанных с практическими вопросами злободневной политики. Это сильно затруднило нам освоение этого наследия, но иначе быть не могло. Но главное, в нашем обществоведении изучали *политическую* сторону доступных работ Ленина, хотя последующим поколениям очень нужна была *методология* их трудов и решений. А ей почти не уделялось внимания, и она была малодоступна для широких кругов интеллигенции и молодёжи.

Да и не было времени — каждое поколение должно разрешать актуальные проблемы выживания. Нынешние задачи ложатся на наши плечи.

Известно, что Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нём будет возрождаться сословность («бюрократизм»), и сословные притязания элиты создадут опасность для общественного строя. Так и произошло. Никаких принципиальных идей о том, как этому можно

противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуты они и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растёт.

Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придавал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и урбанизацию, а значит, быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис и смены поколений свели на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача тогда не была поставлена, к ней не готовились ни государство, ни общество. Общественная наука не была адекватна таким проблемам, тем более в социалистическом обществе и с идеологией, которая плохо стыковалась с реальностью.

Казалось, что возникавшие проблемы общественного сознания можно было разрешить административными и чрезвычайными способами, а с конца 50-х годов контроль за их развитием был утрачен. Западные социологи изучали эти проблемы в своих обществах, а теперь мы видим, что есть общие, фундаментальные проблемы.

Советское общество 1930–1955 гг. было скреплено *механической* солидарностью, т. е. подавляющее большинство населения по своим образу жизни и культуры, по мировоззрению были очень близки. Особенно после Гражданской войны и до конца 1950-х гг., население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Война — и бедствие, и победа — ещё сильнее сплотила советских людей. Основная масса интеллигенции и служащих госаппарата, даже

уже с высшим образованием, вышла из рабочих и крестьян. Они строили СССР и воевали и на опыте знали, что и почему они делали.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 60-м годам XX в. исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие её положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Вышло на арену новое поколение, не знавшего ни войны, ни голода, ни массовых бедствий. Возникло множество разных профессий, субкультур, сплочённых своими ценностями, нормами и авторитетами.

Механическая солидарность резко ослабла, перед обществом возникла задача создать сложную сеть так называемой *органической солидарности*. Это очень трудная задача — выработать совершенно новую матрицу для консолидации множества сообществ, которые с энтузиазмом расходились по множествам дорожек.

Для интеграции советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству и крестьянскому общинному коммунизму. Однако старики из старой гвардии этой проблемы не видели, так как в них бессознательный большевизм был ещё жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме, где найти ответа не могло.

Подростки и молодежь 1970-80-х годов были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а государство говорило с ними на языке, которого они не понимали и стали посмеиваться. Неявное знание стариков не было переведено на язык новых поколений, а формальное знание было

неадекватно реальности. Теперь осваивать рассыпанные элементы знания о революции и первом этапе советского строя молодежи придётся самой.

Этот провал надо закрыть в ближайшие годы.

Часть вторая
«Заграница нам поможет»

К. А. Черемных

«Англичанка гадит». По ту сторону «красных» и «белых»

Островные и континентальные империи имеют разный способ мышления. Природное ограничение малой территории, ограниченной морем, предрасполагает империю с большими амбициями к поискам торгового и военного доминирования, которое достигается не только и не столько достижениями экономического ума и не только совершенством военно-морской мощи. Управление большей частью мира с небольшого острова — прежде всего искусство манипуляции соперниками, игры на их слабостях, что требует исключительно «знания местности». В отсталых обществах посланцы такой империи являются под маской наследников славных местных империй прошлого (например, в Индии — в роли потомков Великих моголов); к ближним соседям — под маской добрых советчиков, носителей ноу-хау; в обоих случаях в стране, избранной мишенью экспансии, выискиваются чиновники, предприниматели и общественные деятели, поддающиеся соблазну, а в случае опалы им щедро предоставляется убежище на острове и особый, подчеркнуто престижный статус. Таков был опыт и навык Британской империи. Актуален ли этот опыт и навык, если роль диктатора мировых судеб взяла на себя американская цивилизация, и не Royal Navy, а US Navy, вкупе с US Marine Corps, бороздит просторы всех океанов, и не Secret Intelligence Service, а совсем недавно сложившаяся система CIA, DIA, NSA, FBI и Офиса контроля зарубежных активов (OFAC) чутко отслеживает помыслы и действия всех держав,

претендующих на субъектность и сферу собственного влияния?

Тот вклад в глобальное управление, который вносила Великобритания с середины 1980-х по наше время, отражает специфическую роль в разделении труда с США. Не Вашингтон, а Лондон был местом, где подвергся первому соблазну Михаил Горбачев еще до того, как стать генсеком. Не к Вашингтону, а к Лондону прислушивался Борис Ельцин, когда в 1992 году неожиданно для его команды сменилась партийная власть в Белом Доме. Британский истэблшмент был и остается составной частью самых влиятельных в мире клубов и институтов — от Богемского клуба до Атлантического совета. Американский президент может быть даже заочным выпускником одного из университетов Ivy League, и не обязательно посещать тайные институтские клубы. Однако те американские стратеги, которые задействованы в политических и идеологических манипуляциях мирового масштаба, почти все — родсовские стипендиаты, от автора рецептуры саботажного «ненасилия» Джина Шарпа до собирателя «молодежных движений» (youth movements) для «арабской весны» Джареда Коэна. В Оксфорд, а не в Гарвард, ездил в канун «арабской весны» зять основателя «Братьев-мусульман» профессор Тарик Рамадан. Саудовский муфтият, отыскивая корни апокалиптической философии ИГИЛ, нашел их не в RAND Corporation, а в Британском музее, где с выходом на сцену Абу Бакра аль-Багдади обнаружился древний исламский апокриф о пророке с таким именем.

Британский истэблшмент хранит и бережет знания о слабых местах цивилизаций и память об успешной игре на этих слабых местах. В столицах-мишенях британская игра кажется то враждебной, то дружественной. Турецкое руководство всегда было насторожено британскими связями в курдской и

армянской среде, но когда из Лондона в Тунис вернулся Мохаммед Ганнуши и назвал свою партию именем правящей турецкой АКР, Реджеп Тайип Эрдоган повелся на соблазн османского возрождения в Магрибе. В России 90-х годов лондонские проекты Березовского, связанные с Ичкерией, воспринимались как диверсия, а британские заигрывания с Абхазией тревоги не вызывали.

Согласно известной формуле Чехова, если на стене в первом акте висит ружье, то в пятом оно стреляет. Полгода запах пороха висел над Черным морем, а возникавшие в российском медиа-мэйнстриме аллюзии к договору Сайкса-Пико воспроизводили соблазны кануна Первой мировой войны. То ружье, которое выстрелило в ноябрьскую ночь над Туркменским нагорьем в Сирии, было повешено раньше. Еще 21 марта 2013 года Тимоти Эш в блоге под выразительным названием «По ту сторону БРИКС» писал, к примеру: «Почему бы Турции не спасти Кипр, если ЕС и Россия только и думают о том, чтобы выгрызть свой кусок мяса?» Обратим внимание, что о референдуме о членстве Великобритании в ЕС и речи тогда не было, но британский истеблишмент позиционировался отдельно от Евросоюза. Тогда же, весной 2013 года, Лондон вовлек и Москву в диалог о будущем Афганистана. Обратим внимание, что тогда и речи не было о возможности партнерства русских с афганским подпольем. Когда такой соблазн возник, он был засвечен опять же британскими СМИ. И те же лица в российском телеэфире, которые нагнетали турецкую угрозу, агитировали вслух за особые отношения с Талибаном.

Тимоти Эш в своем тексте 2013 года намекал, что Причерноморье, где созревала Первая мировая война, снова становится площадкой игры, чреватой мировым конфликтом, предсказывая вовлечение в него не только

межконфессиональных, но и церковных отношений. Этой весной Папу Римского потянуло в Армению, а муфтий Аллахшукюр Пашазаде стал романтиком войны. Протурецкие и антитурецкие политики, эксперты и лоббисты тянулись не в Совет по международным отношениям, а в Chatham House. Закавказье готовилось к пожару накануне встречи глав России, Ирана и Азербайджана.

Вспоминалось выражение Екатерины II «англичанка гадит», неполиткорректно всплывшее в эфире в связи с кончиной Маргарет Тэтчер.

Судьба нас хранила: в том двухнедельном промежутке, когда острейший элитный конфликт сотряс Британию, мы получили от президента Турции то письмо, которого ждали. Турция и Россия, два полюсообразующих государства Евразии, воспользовались возникшим хаосом в англосфере. И вовремя. Этот кажущийся хаос завершился уже 11 июля, и от нового британского премьера Терезы Мэй, шесть лет управлявшего Home Office, которому подчинены погранслужба, MI-5 и Национальное уголовное агентство, можно ждать лишь более тесного партнерства с Вашингтоном, и особенно с разведывательным аппаратом. Есть основания полагать, что Мэй давно подсиживала чрезмерно самостоятельного Кэмерона, а злополучный для него исход референдума был лишь удобным случаем. Между тем Ангела Меркель, которую недавно еще называли «первой леди Европы», вышла из перенесенного ЕС потрясения в куда более слабой позиции, чем британский политический и силовой истеблишмент. Теперь и России, и Турции, и Германии, и Китаю предстоит ожидать новых изощренных совместных операций Вашингтона и Лондона, тем более что провал команды Бориса Джонсона и выдвижение Мэй дает в США дополнительный аванс команде Хиллари Клинтон.

В день своего учреждения, в четырехсотлетие победы над Смутой, Изборский клуб поднял исследовательскую тему более свежей, столетней давности — тему раскола российского общества на «красных» и «белых», его происхождения и преодоления. Новая геополитическая ситуация требует не только возвращения к некоторым главам истории рубежа XIX–XX веков, но и их более широкого осмысления — ради того, чтобы в очередной раз не поддаться на так называемую «право-левую игру» и не оказаться в западне. «Право-левая игра», столкновение идейных и цивилизационных противоположностей с задней геополитической и геоэкономической мыслью, — именно тот жанр, в котором Британская империя наработала свой навык, и именно то средство, которое может вновь — на обломках проектов, репутаций, армий и экономик соперников — вернуть ей изрядную долю влияния, потерянного в середине прошлого века. Если же называть этих соперников конкретно, что в цитируемой статье Эша фактически, прямо или косвенно, звучат имена всех трех центральных фигур-мишеней, без преувеличения самых сильных на европейской части мировой шахматной доски. Работая над этим текстом четыре года назад, я не представлял себе, насколько некоторые сюжеты прошлого сегодня станут актуальны для русских, немцев и турок.

Привилегированное вольнодумство

Политический и культурный закат континентальной Европы, первые признаки которого русские славянофилы ощутили еще в середине XIX века, сами европейцы (О. Шпенглер и др.) — в 1890-х гг., а арабские радикальные философы — в 1950-х, сегодня стал весомой, грубой и зримой реальностью. Столь же

ярк сегодня контраст между упадком общеевропейского проекта и прочностью англо-американского альянса, продолжающего диктовать геополитическую и геоэкономическую волю всей планете. В период заката так называемой перезагрузки, и в ситуации, которую мы квалифицируем как затянувшийся выход из Третьего Смутного времени, история русских и англосаксонских отношений приобретает особую актуальность.

Год манифестации Второй смуты — 1905-й — был временем не только великих потрясений в России, но и больших исторических откровений, сопоставимых с советской перестройкой 1980-х. В ту пору, на фоне общественных брожений и смятения после поражения в войне, левая и правая публицистика предъявляла монархии счет по всем пунктам, чему способствовали мемуаристы.

Именно в 1905 году русская общественность узнала об истинных обстоятельствах убийства государя Павла I из впервые опубликованных мемуаров свидетеля и участника тех событий, графа Леонтия Леонтьевича (Августа Левина) фон Беннигсена.

Судьбу Павла I, как в дальнейшем было показано и в российских, и в американских исследованиях, и в трудах историков Мальтийского ордена, покровителем которого был Павел, была непосредственно определена соглашением 1800 года между Россией, Австрией, Швецией и Данией, а также активной дипломатией с Наполеоном. Перехватив у англичан контроль над Мальтой, Павел поставил целью разгром Британской империи, включая введение войск в Индию. Эти замыслы были сорваны заговором, к которому имели прямое отношение как посол Великобритании в России Чарльз Уитворд, так и ближайшее окружение жаждавшего власти сына государя, Александра Павловича. Предательство сына и было той причиной,

по которой история удушения Павла столь долго находилась под спудом.

Уже спустя год после гибели Павла в Москве и Петербурге восстанавливается деятельность масонских лож шотландского обряда, закрытых Павлом. Одну из них открывает племянник посла Уитворда.

Вышеназванный Леонтий Леонтьевич фон Беннигсен, участвовавший в воспитании Александра Павловича, в 1812 году проявляет себя в первых сражениях русской армии с войском Наполеона. После того, как он в донесениях преувеличивает свой успех, ему доверяют командование корпуса в канун битвы под Фридландом, где русские подвергаются разгрому в итоге вынужден подписать Тильзитский мир. Тем не менее летом 1812 года Беннигсен становится главой штаба при Кутузове, но уже спустя два месяца главнокомандующий без объяснений отстраняет его от дел. Род Беннигсенов проявит себя в XX веке: граф Александр фон Беннигсен станет самым авторитетным американским экспертом по советскому Кавказу, а его дочь Мария возглавит Комитет поддержки Чечни в Париже.

Менее сомнительны боевые заслуги Александра Христофоровича Бенкендорфа — родного внука воспитательницы Александра Павловича и сына генерала Христофора Ивановича фон Бенкендорфа. После войны А. Х. Бенкендорф, как и многие дворяне, уходит в масонство. В ложе «Соединенные друзья» вместе с ним состоят будущие декабристы. В то же время его сестра Доротея Христофоровна становится супругой Христофора Андреевича Ливена — родного сына еще одного заговорщика, военного министра при Павле Андрее фон Ливена.

Влияние Х. А. Ливена при дворе Александра «определялось тем обстоятельством, что его мать, Шарлотта, была ближайшей подругой вдовствующей

императрицы Марии Федоровны и воспитательницей детей императорской фамилии. Титулы, имения и всяческого рода покровительства буквально обрушились на головы Шарлотты и ее детей», — пишет внук брата Х. А. Ливена, британский историк Доминик Ливен. Его книга «Россия против Наполеона. Борьба за Европу», изданная на русском языке к 200-летию Отечественной войны, содержит обширную фактуру о противостоянии англофилов и франкофилов при дворе, а кроме того, об идеологическом аспекте англофилии в петербургском обществе: «Великобритания рассматривалась не только как очень могущественная, но и как самая свободная из европейских держав. Свободы, имевшиеся в английском государстве, казалось, лишь способствовали укреплению его мощи...

Н. С. Мордвинов, ведавший экономической политикой России, был последователем Смита и Рикардо, а министр финансов Д. А. Гурьев считал английскую систему финансов одним из наиболее выдающихся изобретений человеческого разума».

В 1812 году Х. А. Ливен становится послом России в Великобритании, а его супруга содержит салон, где встречаются дипломаты, военные и разведывательные чиновники и культурные деятели. Потом она переместится в Париж и станет одним из архитекторов *Entente Cordiale* в его первой редакции.

А. Х. Бенкендорф, в 1818 году прервавший связь с ложей, делает карьеру в Гвардейском корпусе, чему способствует бунт в Семеновском полку. Тогда он готовит рапорт о тайных обществах, с текстом которого знакомится будущий государь Николай Павлович.

В день Декабрьского восстания начальник А. Х. Бенкендорф предлагает свои услуги новому императору, направляя ему свои предложения по созданию системы внутреннего сыска в составе Е. И. В. Канцелярии. Для вольнолюбивых кругов дворянства, а

также для литераторов и театралов он становится с тех пор символом деспотизма и реакции. На международном уровне, впрочем, он не слывет ретроградом — например, занимает благожелательную позицию по правам евреев (в составе правительственного комитета по преобразованию еврейского быта).

В самые «глухие» годы отдельно взятым дворянам вольнодумство прощается. Так, в дни парижского восстания в июле 1830 года целая группа московских студентов расхаживает в публичных местах, обмотавшись шарфами с цветами французского флага. Этим студентов, в частности Александра Герцена (Яковлева) и Николая Огарева, берут на заметку, но не арестовывают. В кружке Станкевича, куда они вхожи, от них на всякий случай отмежевываются, называя фрондерами. Точнее, за себя боится Станкевич, а их непосредственный опекун Александр Кетчер, шведский дворянин с английской фамилией, переводчик Шекспира, имеет основания гордиться своими воспитанниками.

Бенкендорф не замечает вольнолюбия молодых людей еще пять лет, пока их поведение не становится совсем вызывающим. Но к этому времени, свободно путешествуя по Европе, молодые люди уже обзаводятся, говоря современным языком, диссидентской карьерой. В 1835 году Герцена ссылают в Вятку, но суровый Леонтий Васильевич Дубельт — бывший декабрист, по непонятным причинам добившийся особого доверия Бенкендорфа — проявляет благорасположение и по ходатайству Жуковского разрешает перевести вольнодумца во Владимир, где он работает на государственной службе.

Бенкендорф в это время занят экзекуцией Чаадаева — государственника, категорического противника отделения Польши от России еще при Александре, но

при этом сторонником союза Западной и Восточной церковей. После выхода в свет «Философических писем» Чаадаева объявляют душевнобольным (в 1800 году о повреждении умом императора Павла распускал сплетни посол Уитворд). Зато бдительный Бенкендорф в старости переходит в католическую веру.

Искренний полемист Чаадаев, каким его и изобразил Грибоедов под именем Чацкого, сетовал на «одинокость», но был сам по себе интеллектуальным одиночкой: идеализируя Европу, он не замечал размывания в ней духовных основ, мысленно «застряв» в павловском времени. Однако его имя помимо его воли стало ориентиром русского западничества, ориентированного уже на Просвещение, а не на католицизм, и ответом именно этому мейнстриму было русское славянофильство. Чаадаев вышел за допустимые пределы самоотрицания, за что ему досталось и от старого друга Пушкина. Но ни он сам, ни Надеждинский «Телескоп», публикатор «Писем», подрывной деятельностью не занимались.

Герцен тоже многим казался мятущейся душой и искателем правды — он сам создавал о себе такое впечатление, но перманентно лгал — в чем легко убедиться по контрасту его пренебрежительных суждений о христианстве («оно несовместимо как со всякой живой сферой, так и с искусством») с названием его журнала «Колокол». И эта холодная ложь, с элементом немецкой расчетливости, вся была сосредоточена на систематическом, сосредоточенном, разрушении той культуры, в которой он родился — возможно, в отместку за то, что в этой культуре он и по вере, и по закону считался рожденным во грехе. Эта холодная ложь систематически противопоставляла народ власти, меньшинства — большинству, и была востребована. Имея за собой надежное

покровительство, он знал, что застенки ему не грозят, и посвящал себя в чистом виде подрывной деятельности.

Только в 1847 году Герцена выслали из России без права возвращения, попытавшись при этом конфисковать имущество его матери. У дочери немецкого бухгалтера имущества оказалось на удивление много. Но арестовать это имущество не удалось, благо оно уже было в залоге у банка Джеймса Ротшильда. Могущественное Третье отделение проворонило это обстоятельство. А поскольку Николай I вел с Ротшильдом переговоры о займе, от конфискации пришлось отказаться. Империя была посрамлена, и так происходило затем многократно.

В отличие от Чаадаева, Герцен отстаивал не единство русских с поляками, а свободу Польши от России. Между тем Джеймс Ротшильд был весьма заинтересован в восстании 1830 года, результатом которого стало падение Карла X и приход к власти Луи-Филиппа. Если Бурбоны не хотели иметь дела с Ротшильдами, то при Луи-Филиппе Джеймс, уже имея статус барона в Австрии, становится придворным банкиром и кавалером ордена Почетного легиона Франции.

Герцен переехал из Германии во Францию, затем в Швейцарию, где получил гражданство, оттуда — в Сардинию, и наконец, в Лондон. О его финансовых возможностях говорил хотя бы скандал в Германии: супруга немецкого демократа Георга Гервега заняла у него 10 тысяч франков. Когда у нее возникли затруднения с возвращением долга, его немецкий друг, натуралист-атеист Карл Фогт помог через прессу оказать давление на Гервегов. «Тебе самому незачем афишировать свой интерес. За тебя все сделает Ротшильд», — подсказывал Фогт. Так и получилось. Гервеги, к которым у Герцена был личный зуб (у Георга был роман с его женой) были разорены дотла. А сам

русский демократ отправился в Лондон с рекомендацией от Джеймса Ротшильда.

«Еще одна из важных английских связей Герцена — банкир-барон Л. Н. Ротшильд, брат парижского банкира, который, как известно, добился от царского правительства снятия секвестра с капитала матери Герцена. Одной из причин первого приезда Герцена в Лондон было намерение выяснить, каким образом лучше пристроить этот капитал после смерти матери (1854). Дж. Ротшильд дал Герцену рекомендательное письмо к брату в Лондон. Из переписки Герцена видно, что он и Л. Н. Ротшильд не раз встречались и после завершения финансовых дел, уже на почве политической. Ротшильд предоставил Герцену возможность пользоваться своим адресом в New Court (в Лондоне) для получения корреспонденции, связанной с деятельностью Вольной русской типографии», — писала его биограф из Ноттингемского университета Моника Партридж.

Лайонель Н. Ротшильд (фактически не брат, а племянник парижского банкира) добился от правительства Джона Рассела права на избрание в Палату лордов. Препятствием была церемония клятвы на христианской Библии. Одновременно с ним за право приносить клятву вообще без какого-либо религиозного текста отстаивал еще один английский друг Герцена, атеист Брэдлаф, под давлением общественности его претензия также была удовлетворена.

Герцен был в восторге от происходившего в Англии: «мракобесие» рушилось! К этому времени он был знаком не только с Фогтом, но и с Чарльзом Дарвином, которому он был представлен супругой историка Томаса Карлейля. Она побаивалась богатого русского наглеца, считая его «варваром», но ей было велено организовать для него встречи. Герцена принимают в элитный клуб Сьюзен Мильнер-Джибсон, супруги депутата Томаса

Мильнера — будущего министра торговли. Пользуясь иммунитетом, миссис Мильнер возила революционные прокламации Герцена в Париж.

«Хоть бы они истекли кровью»

В революции 1848 года Герцен почему-то был разочарован, о чем говорил всем британским друзьям. Он сетовал на избыточное насилие, которое он наблюдал лично, и на ограниченность французов, «не добившихся своих целей». По совпадению, в Париже итогами революции был разочарован Джеймс Ротшильд: пришедший к власти при поддержке Ватикана Наполеон III опирался на его конкурента Ашилля (Ахиллеса) Фульда. Впрочем, вскоре Ротшильду удастся решить свои проблемы, что совпадает с заключением англо-французского альянса в Крымскую войну, когда Пальмерстон умело использует русско-французское охлаждение — результат показного пренебрежения, проявленного Николаем I к нелегитимному, по его оценке, французскому королю.

В 1855 году Николай умирает от причины, доселе не установленной. Его наследник думает о восстановлении союза с Францией. Герцен публикует льстивую статью, нахваливая за намерение освободить крестьян и уже в заголовке навязывая выбор союзника: «Франция или Англия?»

В лондонском жилище Герцена непрерывно гостят диссиденты из Италии, Венгрии, Польши, Швеции. Итальянский друг Джузеппе Мадзини писал ему: «Раз у тебя есть друзья в Германии, начни их объединять». Но в Германии у Герцена не сложились отношения с Марксом и Энгельсом. Его приятеля Фогта они считали агентом французской разведки, что было правдой: Фогт получал зарплату от Жермена Бонапарта, кузена

Наполеона III. Для Герцена это разоблачение было неприятно: связи с Жерменом были ему нужны. Ибо Герцен, как и Мадзини с Бакуниным, дружил с венгерским подпольем, а Жермен его финансировал. Кроме того, интриган Жермен был удобен как источник «дезы», с помощью которой можно было оказывать давление на Александра II.

Так, Фогт сообщал Герцену в письмах о намерениях Наполеона III напасть на Россию. «Меня все устраивает — полный разгром союзников, полный разгром России — хоть бы они истекли кровью до последнего человека и последнего гроша», — забавлялся Фогт из швейцарского уюта. «Для меня праздник читать ваши письма — вчера мы с Мальвидой смеялись словно сумасшедшие», — отвечал ему Герцен. Мальвида Мейзенбург, его подруга и няня его детей, станет потом любовницей Фридриха Ницше.

Впрочем, разногласия были и во взглядах. Маркс и Энгельс не могли взять в толк, почему Герцен, сын помещика, так упорно отстаивает идеал крестьянского социализма. Энгельс, споря с Герценом, в 1853 (!) году утверждал, что революция в России начнется вовсе не в деревне, а в столичном Санкт-Петербурге, в ней будут участвовать дворяне и буржуа, а затем начнется гражданская война, которая продлится несколько лет. Верил ли Герцен в собственный миф, который распространял при содействии Фогта и в швейцарской прессе?

В России Герцен накануне эмиграции слыл западником. Но уже через год он шокировал братьев по разуму своими антибуржуазными статьями. Сам он в письме к М. К. Рейхель (1859) пояснял: «Не поддавайтесь европолюбам. Я не их и не славянофил — те и другие идолопоклонники: одни верят в парижскую, другие в Иверскую. Я не верю ни в ту, ни в другую». Во что он верил? В новую, еще не существующую религию.

«В Праге и около работники продолжают войну с машинами... Пора же, наконец, опомниться людям, пора явиться религии, которая на хоругви своей поставит уничтожение беззаконных привилегий меньшинства», — писал он.

Если Маркс и Энгельс делали ставку на пролетариат, берущий власть над крупной промышленностью, то Герцен приветствовал луддитские эксцессы силезских ткачей, на словах идеализируя крестьян. Подоплекой был земельный вопрос, и именно так он мотивировал тезис о том, что революция в России должна начаться с Польши, где крепостное право было отменено еще при Александре I. «В избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме», — симулировал наивность Александр Иванович. — «Крестьяне на своих сходах на миру решают общие дела деревни выбирают мировых судей, старосту, который не может поступить вразрез с волей «мира»... Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, *управляемые сами собой*, — все это краеугольные камни, на которых созиждется храмина нашего будущего свободнообщинного быта. Но эти краеугольные камни все же камни, и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте».

Герцен как бы не задумывался о том, каким образом волости, «управляемые сами собой», реализуют на рынке собранный хлеб — даже при помощи «западной мысли». Но не составляло труда догадаться, что в выигрыше оказываются финансисты. Причем выигрывают тем больше, чем фатальнее Россия распадется на составные части.

«Они уже мысленно поделили свою Россию на троих — Бакунин, Герцен и Головин», — посмеивался Энгельс. Вольнодумец Иван Гаврилович Головин, также осевший в Лондоне, в личном письме предлагал лорду Пальмерстону свои услуги в качестве тайного агента.

В ноябре 1855 года английские парламентарии внесли в Палату общин резолюцию против изгнания французских оппозиционеров (в том числе Виктора Гюго) с острова Джерси. Один из авторов, Джозеф Коуэн, разослал копии резолюций следующим адресатам: лорду Пальмерстону (к тому времени уже премьер-министру), лорду Кларендону, сэру Джорджу Грею, Луи Блану, Мадзини, Пьянчани, Кошуту, Герцену, Ледрю-Роллену, Рибейролю, Пиа, Ворцелю и Комитету польских изгнанников. Первые лица государства ставились в один ряд с самыми полезными для короны разрушителями континентальных империй — Французской, Австро-Венгерской и Российской.

В числе ближайших друзей Герцена — итальянец Феличе Орсини и шотландец Томас Олсоп. Первый непосредственно участвовал в покушении на Наполеона III, второй через Бирмингем снабжал его патронами. Когда факт английского участия случайно выяснился, Пальмерстон был вынужден инициировать Билль о заговорах (закон об иностранном невмешательстве), а затем, после провала его утверждения, для разрядки ситуации уйти в отставку — впрочем, всего на год.

Точно так же Пальмерстон в 1836 году «благородно» отмежевывался от деятельности своего агента Дэвида Уркварта на Кавказе, где тот, переодевшись мирзой, от имени турок оказывал поддержку черкесскому бунту, собственноручно разработав флаг свободной Черкесии. «Он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и обороняющим, когда на самом деле предает; он умеет ловко щадить мнимого врага и

приводить в отчаяние сегодняшнего союзника», — писал о Пальмерстоне Маркс. В феврале 1857 года английский корабль «Чезапик» доставил в бухту Геленджик отряд польских, венгерских и английских добровольцев для содействия адыгско-черкесскому бунту. Вооруженным артиллерией отрядом командовал Теофил Лапиньский — союзник главы польского правительства в изгнании Адама Чарторыйского.

«Он долго был на Кавказе со стороны черкесов», — писал Герцен о Лапиньском. С восторгом отзываясь о его боевых способностях, он отмечал, однако, что твердых убеждений у Лапиньского не было никаких, и он (sic) «мог идти с красными и белыми, чистыми и грязными». Цинизм друга черкесов (по лондонскому заказу) впечатлял даже Бакунина: по его описанию. Лапиньский был «бессовестный кондотьер, патриот в смысле непримиримой ненависти к русским, а как военный по ремеслу — ненавидящий всякий, даже свой собственный народ». Впрочем, с Марксом Лапиньский больше делился своими взглядами на народы, ссылаясь при этом на киевского профессора Дучинского: по его словам, русские относятся к азиатской расе, а в Европе они «пришельцы». Его сочувствие черкесам, как понял Маркс, было совершенно притворным: «Национальная борьба его не интересует, он знает только расовую борьбу. Он равно ненавидит всех азиатов, к которым причисляет русских, турок, греков, армян и т. д.».

Делая красивые жесты в адрес османских правителей, а затем в адрес Наполеона III, лорд Пальмерстон, однако, совершенно не стеснялся прессинговать и унижать Австро-Венгрию, демонстративно принимая в Лондоне Лайоша Кошута. Русские радикалы, в особенности Бакунин, служили ему в том числе орудием дестабилизации Габсбургов.

Герцен давно подвел теоретическую базу под своей деятельностью в интересах Лондона.

«Разница притеснений и ужасов короля Якова II с нашим (российским) состоянием огромная. Там есть партии за него, у нас только повиновение из невежества и выгоды», — пояснял он превосходство Англии. В самом деле, есть ли что-либо в Европе совершеннее Англии и англичан? «(Парижские) философско-политические статьи просто смешны; французы двумя веками отстали в спекуляциях (философии) от немцев, так как немцы — пятью (веками) от французов в приложении идеи права к действительности... Утопии французского работника постоянно склоняются к казенной организации работ, к казарменному коммунизму».

Европейский крестьянин, в свою очередь, не устраивал Герцена также тем, что при своем недовольстве экономическими условиями труда и злоупотреблениями власти (пресловутой коррупцией) не хотел «разрушать семью и очаги» и «поступаться частной собственностью». У русских крестьян такие индивидуалистические инстинкты не образовались: в 1861 году они получили освобождение без земли.

Образование многотысячных отрядов потенциальных «босяков» воодушевило Бакунина, который именно в этом элементе видел революционный класс. Сбежав в 1861 году из сибирской ссылки через Японию, Бакунин оказывается в Лондоне: место встречи изменить нельзя.

«*Youth movements*» XIX века

В 1863 году Герцен с Бакуниным через офицера-поляка Зыгмунта Йордана и шведского депутата Эмиля Квантена сводят польских сепаратистов с финскими. Бакунин блефует: мол, в основанной им партии «Земля и воля» уже много тысяч активистов. Затем они

финансируют доставку оружия повстанцам Литвы, куда распространяется бунт из Польши. Для доставки груза фрахтуется английский пароход... План, в котором участвует тот же Лапиньский, проваливается, «Земля и воля» объявляет о самороспуске, а «Колокол» теряет подписчиков: политическая оппозиция и подрывные операции с оружием — не одно и то же.

Однако подрывная деятельность не прекращается, а приобретает иные формы. В декабре 1864 года из Московской пересыльной тюрьмы совершает дерзкий побег генерал Ярослав Домбровский, один из предводителей польского восстания. Нападение на полицию организовано подпольной группой — в основном из жителей Пензы, где был в ссылке Огарев. Она именуется просто «Организацией», а ее узкая группа для спецзаданий именуется «Ад». В мае 1865 года ее представитель в Петербурге Иван Худяков, знакомый Огарева по Казанскому университету, приезжает в Лондон и проводит там полгода.

В марте 1866 года в Казани распространяется подложный царский «Манифест» и прокламация «Временное народное правление», призывавшие к немедленному восстанию и созданию органов революционной власти на местах для передачи земли крестьянам. Усилиями полиции волнения удается предупредить. При этом выясняется, что организаторы получили финансирование от подпольного Комитета русских офицеров в Польше, поддерживаемого из Лондона (один из его основателей — сбежавший Домбровский). Казанские организаторы — Михаил Черняк и четверо офицеров-поляков — расстреляны. Но 4 апреля 1866 года Александр II впервые подвергается покушению. Террорист Дмитрий Каракозов упорно молчит. Показания дает его двоюродный брат Николай Ишутин, реальный руководитель «Организации».

Вместе с ними в Петербурге арестовывают благообразного ученого-лингвиста Ивана Худякова.

Перед казнью из Каракозова все-таки удается выбить показания, которые наводят смятение при дворе: террорист рассказывает, что его мотивом были слухи о заговоре в пользу великого князя Константина, имеющего репутацию либерала: «Эта мысль родилась во мне в то время, когда я узнал о существовании партии, желающей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича». Ему, студенту, якобы рассказали, что эта партия опирается на большой авторитет и «имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных... имеет прочную организацию в составляющих ее кружках, что партия эта желает блага рабочему народу, так что в этом смысле может назваться народной партией».

Это первый со времен Первой смуты случай, когда диссиденты манипулировали конфликтами в монархическом семействе. И это еще не последнее событие этого года: спустя два месяца близ Иркутска, на Кругобайкальской железной дороге, вспыхивает бунт заключенных-поляков. Как затем выясняется, они рассчитывали на поддержку неких русских сочувствующих, которые должны были помочь им добраться до Владивостока и посадить на ожидающий их там английский пароход. После чего о дерзкой акции, сопровождаемой бунтом в России, должно было узнать, говоря языком другой эпохи, все прогрессивное человечество.

Нет никакого перерыва в деятельности подполья. Из Лондона течет литература, в нескольких городах возникают подпольные кружки, из которых уже в 1868 году образуется единая сеть. Ее организатор — инженер с профессорской внешностью, выпускник Ковенской гимназии и петербургского Земледельческого института, брат виленского банкира

Марк Натансон. Эсер Виктор Чернов напишет в мемуарах: «Всем нам была знакома похожая на сказку повесть о необыкновенном конспиративном гении Александра Михайлова, ангела-хранителя всех дерзновенных предприятий грозного исполнительного комитета Партии Народной Воли — и вот нам открыли, что этот легендарный организатор и конспиратор сам считал себя до такой степени учеником и преемником Натансона, что в знак этого взял себе тот же нелегальный псевдоним — “Петр Иванович”, под которым в землевольческих рядах знали “Марка Мудрого”...

«Влияние и авторитет Натансона среди революционной молодежи были настолько велики, что помещик Дмитрий Лизогуб передал на нужды революции в его полное распоряжение свое состояние», — сообщает Еврейская энциклопедия. Истории с жертвованием Лизогуба посвящена пьеса Юрия Давыдова и Якова Гордина — где два авторитетных историка, впрочем, роли «Марка Мудрого» не афишируют.

Восстановление подполья с конца 1860-х гг. обычно ассоциируют с именем Николая Чайковского («кружок чайковцев»), хотя Вера Фигнер в мемуарах пишет: «Этот кружок совершенно неправильно назван именем Чайковского, а должен был называться кружком Натансона, так как не Чайковский, а Марк Натансон был истинным основателем этого кружка». И он же, по ее свидетельству, стал «главным деятелем и руководителем» при организации осенью 1876 года общества «Земля и воля». И он же в 1879 году, несмотря на присущий ему дипломатизм и терпимость, становится инициатором размежевания с группой Плеханова, ибо вновь поступил сигнал о подготовке к радикальному (террористическому) решению вопроса о власти.

Первоначально «чайковцы» издавали революционный журнал в Женеве. Оборудование было приобретено в Вильно, куда из Петербурга прибыли трое активистов — Морозов, Саблин и Грибоедов. По рекомендации некоей Анны Эпштейн они встретились с юным подпольщиком Ароном Зунделевичем, который подсказал гостям, со ссылкой на местную контрабандистскую практику, переодеться в религиозных иудеев, чтобы не обыскали. Саблин и Грибоедов наклеили пейсы, а сублильный Морозов в платочке изображал еврейскую девушку. Тот же юный мастер маскировки, получив связи в Германии, доставил от тамошних социал-демократов через Вильно типографское оборудование для легендарной типографии «Народной воли».

В октябре 1879 года Охранному отделению наконец удастся «накрыть» типографию и арестовать Александра Михайлова и Арона Зунделевича, на время прервав подготовку к цареубийству. Зунделевич вернется из ссылки в 1905 году, а после угасания революционной волны отправится в Лондон, где проживет остаток жизни. В период Первой мировой он поддержит позицию II Интернационала, а о большевиках будет отзываться исключительно враждебно.

У Николая Чайковского ненависть к Государю также непротиворечиво перейдет в ненависть к большевикам. Эмигрировав из России, в 1878 году он участвует в создании Фонда русской прессы в Лондоне, затем перебирается в Финляндию, где в 1905 году принимает участие в знаменитой операции по доставке оружия финским сепаратистам на английском пароходе «Джон Графтон», а затем ездит по городам США с той же целью закупки оружия для бунтовщиков. В 1907 году он оказывается в Петропавловской крепости, но уже через год его выпускают, а затем оправдывают. Разгадка

этого милосердия — в его статусе: он входит в совет Ложы Великого Востока народов России. Вместе с Керенским и московским городским годовым Михаилом Челноковым он трудится во Всероссийском союзе городов, который создан В. Кн. Николаем Николаевичем для мобилизации денежных средств на военные цели.

Пока Михаил Челноков общается с британским консулом в Москве Брюсом Локкартом, публицист Чайковский и юрист Керенский отстаивают «войну до победы» и одновременно всеми пропагандистскими силами подрывают авторитет монархии. После февраля Чайковский председательствует на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, заседает в Петросовете (то есть как бы находится в оппозиции к брату своему Керенскому), выдвигается в Учредительное собрание. Но его планы срывает матрос Железняк, после чего Чайковский вступает в Комитет защиты родины и революции. Полгода спустя «защитник родины» становится главой марионеточного английского правительства Северной области в Архангельске, откуда эмигрирует — естественно, в Лондон. Туда же из США переезжает семья шведского землевладельца Конни Зилиакуса — организатора рейда «Джона Графтона», а его сын становится британским левым парламентарием и другом графа Бертрана Рассела.

Связями Чайковского в Англии и США пользуется в 1891 году ветеран «Земли и воли» Сергей Степняк-Кравчинский, совместно с «сочувствующим» журналистом Джорджем Кеннаном организуя в Бостоне американское общество друзей русской свободы (АОРДС). Однако главной фигурой в этом начинании становится главный редактор журнала Free Russia Лазарь Гольденберг, курсирующий между Лондоном и Бостоном. Общество, где поначалу доминируют аболиционисты и суфражисты (сторонники равенства

прав женщин), в 1903 году получает средства от крупного бизнеса: в его состав входят четверо именитых банкиров, включая влиятельного Джекоба Шиффа. Поводом для этого, за счет пропагандистских усилий Гольденберга, становится кишиневский погром 1903 года. Год спустя Шифф организует финансовую поддержку Японии в войне с Россией. Именно японская разведка готовит рейд «Джона Графтона» при содействии грузинских теневиков братьев Деканозовых. В дальнейшем Гольденберг также переселяется в Лондон.

В 1905 году сбором средств на закупку оружия и боеприпасов для русских бунтовщиков активно занимаются еще два члена АОРДС — Феликс Волховский (в США) и Давид Соскис (в Великобритании). Журналист Давид Соскис — свою фамилию он приспособливает на британский лад как Soskice — в январе 1905 года принимает в своем доме бежавшего из России Георгия Гапона, и здесь же, совместно с Джорджем Перрисом, сочиняют за него автобиографию «История моей жизни», укрепляя его в уже и без того неадекватной оценке собственной личности. В 1917 году Соскис оказывается в Санкт-Петербурге, и действующий предводитель «Великого Востока России» Керенский, возглавив правительство, назначает его главой своего секретариата. В свою очередь, Петр Рутенберг, спасший Гапона от полиции, а спустя два года убивший его в Озерках, при Временном правительстве возглавляет Полицейский департамент — после того, как ликующие толпы в Петрограде растаскивают архивы царской полиции и внешней разведки, а Литовский замок, главная городская тюрьма, сгорает дотла.

Уничтожение архивов замечает следы не только агентурной деятельности, но и теневых связей между британскими и российскими спецслужбами. Часть архивов спустя много лет доставляется из Лондона

послом, бывшим меньшевиком Иваном Майским, который играет фатальную роль в судьбе многих советских дипломатов, оговаривая их в 1937-38 годах. Сын Давида Соскиса, Фрэнк, к этому времени станет депутатом парламента, а в правительстве Гарольда Вильсона — министром внутренних дел. Внук, Дэвид Соскис-младший, сейчас преподает в Оксфорде.

Иерархия ради анархии

Из вышесказанного очевидно, что позиция политических партий, изданий, популярных интеллектуалов по отношению к Первой мировой войне — агитация за победу или, напротив, «пораженчество» — не позволяет отделить зерна от плевел, вычислить среди участников политического процесса убежденных патриотов и напротив, «идейных» предателей. Причина в том, что как милитаризм, так и пацифизм был неоднороден: и в той, и в другой среде присутствовал «третий», внешний интерес, направленный на полное разрушение государства. При этом риторика, гибко меняющаяся в зависимости от ситуации, была разной для разных сословий и политических групп, но имела сходство в соблазнительности предлагаемых рецептов.

В левом спектре, в том числе и в тех кругах, которые поддерживали постоянные контакты с европейскими единомышленниками и заимствовали у них модели переустройства общества, уже в 1860-х гг. наметилось существенное размежевание.

Расхождение между русскими народниками и марксистами началось с публичной полемики между статусными русскими диссидентами середины XIX века и самими основоположниками того учения, на котором затем строилось советское государство.

Маркс считал Герцена дилетантом-популистом, а Ленин не видел в его крестьянской программе «ни грана социализма». Еще хуже была репутация Бакунина: он не только «не признавал диктатуры пролетариата», но и целенаправленно занимался дезорганизацией оргструктур, созданных пролетариями-марксистами. В советский период об этом конфликте упоминалось отнюдь не во всех справочных изданиях. Тем не менее его суть дела лапидарно, но точно была изложена в МСЭ: Бакунин создавал под эгидой Первого Интернационала тайное общество и «бешено боролся с Марксом».

В августе 1873 года Совет I Интернационала исключил Бакунина из своих рядов, а Маркс и Энгельс подробно изложили подоплеку этого исключения в статье «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих».

Организация, носившее имя Альянса социалистической демократии (не содержащего каких-либо классовых терминов), и была тем тайным обществом с центром в Швейцарии, которое Бакунин создавал «под крышей» I Интернационала. Маркс и Энгельс характеризовали его так:

«Перед нами общество, под маской крайнего анархизма направляющее удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют его догм и руководства. Основанное меньшинством *некоего буржуазного конгресса*, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и пытается сначала захватить руководство ею, а когда этот план не удастся, стремится ее дезорганизовать. Это общество нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями... программу и стремления нашего Товарищества: оно организует внутри открыто существующих секций

Интернационала свои маленькие тайные секции, которые *повинуются единым директивам* и которым поэтому путем заранее согласованных действий нередко удается забрать секции Интернационала в свои руки. В своих газетах оно обрушивается на всех, кто отказывается подчиняться его воле; и, по его собственным словам, разжигает открытую войну в наших рядах... не отступая ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла. Наконец, в России это общество подменяет собой Интернационал и прикрываясь его именем, совершает уголовные преступления».

Для иллюстрации сектантской программы Маркс и Энгельс цитируют суждения Бакунина о «единственном революционном классе»: «Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Разбойник — это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всякого общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации...» Авторы возмущают советы Бакунина русской молодежной аудитории — «стать коллективным Стенькой Разиным», а для этого бросить школы, а также формула «мы должны *не учить народ, а бунтовать его*».

Но дело не только в теории, но и в практике: «В Италии Альянс является не «рабочим союзом», а сбродом деклассированных элементов. Его секциями руководят адвокаты без клиентуры, врачи без пациентов, студенты из биллиардных, коммивояжеры, а чаще журналисты с сомнительной репутацией... Во Франции г-н Буске совмещает функции старшего бригадира полиции с функциями разъездного агента женевских раскольников... Деятельность Фанелли в итальянском парламенте ограничивалась

высокопарным восхвалением Мадзини... Португальский альянсист Мораго — «профессиональный картежник», а его собрат Сориано — профессор тайных наук (sic).

И уже совсем откровенно: «Мораго основал альянсистскую группу из наихудших буржуазных и рабочих элементов, *навербованных в рядах франкмасонов*. Эта новая группа... попыталась организовать Интернационал в виде секций, которые должны были под ее руководством служить планам графа де Пенише и которых этому интригану удалось вовлечь в предприятие, имевшее единственной целью поставить его у власти...»

Как писал Бакунин в письме одному из сторонников, «Альянс должен с виду существовать внутри Интернационала, в действительности же стоять несколько в стороне от него, чтобы лучше наблюдать за ним и руководить им». По этому поводу Маркс и Энгельс пишут: «Опираясь на эту *франкмасонскую* организацию, о существовании которой ни рядовые члены Интернационала, ни их руководящие центры даже не подозревали, Бакунин рассчитывал, что ему удастся на Базельском конгрессе в сентябре 1869 г. захватить в свои руки руководство Интернационалом...»

Маркс и Энгельс подозревают, что Бакунин, делегируя убийце Сергею Нечаеву мандат представителя Интернационала, намеренно «подставляет» его руководство — с целью захватить контроль над организацией, заместив его структурой совершенно иного типа, где члены делятся на «посвященных» и манипулируемых, а классовый состав представлен не создателями материальной стоимости, а представителями теневой экономики и люмпенами (босяками).

«Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных

условий как несовместной с нашей деятельностью». Цитируя эти слова Бакунина, Маркс и Энгельс суммируют его кредо: «Анархия превращается уже во всеобщее всеразрушение; революция — в ряд убийств, сначала индивидуальных, затем массовых; единственное правило поведения — возвеличенная иезуитская мораль; образец революционера — разбойник...»

Далее авторы отмечают, что в Европе бакунинская организация с подобным кредо вполне устраивает буржуазию. «Вся либеральная и полицейская пресса открыто встала на их сторону; в Англии их поддержали буржуазные республиканцы, в Италии — свободомыслящие догматики, предложившие основать под знаменем Стефанони «универсальное общество рационалистов» (монастыри для атеистических монахов и монахинь и т. п.), организацию, по уставу которой в зале заседаний устанавливается мраморный бюст каждого буржуа, пожертвовавшего 10 000 франков, в Германии — со стороны бисмарковских социалистов...»

И марксисты, и бакунинские квази-анархисты идейно и материально зависят от англичан (Интернационал базируется в Лондоне). И те, и другие призывают к свержению существующего строя. Но в представлении подлинных красных, власть морально разложившихся монархий должна смениться властной машиной рабочего народа. По Бакунину, однако, освобождение рабочих усилиями самих рабочих должно произойти «без какого бы то ни было авторитарного руководства, даже и такого, которое избрано и санкционировано рабочими».

Такой образ будущего общества без власти вполне созвучен герценовской утопии — как и основанной на нем программе «Народной воли», где в числе требований — «широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей,

самостоятельностью мира и экономической независимостью народа; **самостоятельность (крестьянского) мира, как экономической и административной единицы**; принадлежность земли народу; полная свобода ассоциаций; всеобщее избирательное право; *замена постоянной армии территориальной*». И ни слова ни о буржуазии, ни о пролетариях позаимствованный у Герцена сценарий отказывает России в индустриальном будущем. Она должна быть отсталой — как Индия.

Приятели Герцена в своих письмах не скрывают своей принадлежности к тайным обществам. Так, его итальянский друг Леопольдо Спини жалуется: «Когда развалины бедной Италии будут скреплены цементом, *мастер-каменщик* окажется ненужной помехой, паразитом-трутнем, который должен быть изгнан из улья. Все это так, но сначала он является необходимым элементом премьером в опере».

От этих откровений о роли масонства Спини переходил к претензиям к Ватикану: «О, этой папа! Он перешел все границы, и я ему этого не прощу... Если бы он созвал в Риме Национальное собрание и провозгласил свободу, освобождение народов, он стал бы могучей, высшей силой». Точно с таким же демагогическим ультиматумом обращался Бакунин к Александру II в брошюре «Пугачев, Романов или Пестель»: государь, объяви «само себя управление», и души мы в тебе не будем чаять! И что мог ответить либеральный монарх человеку, уже стократно проклявшему любое и всякое государство, а свое кредо выразившему в подчеркнуто антихристианском, гностическом тезисе о равенстве энергии разрушения энергии созидания?

«Само себя управление» было главным мотивом Марии Спиридоновой, с дебоша которой на V Всероссийском съезде Советов начался мятеж левых

эсеров в июле 1918 года. Она возмущалась централизацией власти в разоренной стране, требуя вместо нее «беспредельной свободы выборов, игры стихий народных» — тогда, дескать, и родится творчество, новая жизнь, новое устройство и борьба». Ее интеллектуальным наставником был мистик Аполлон Карелин, одновременно член ЦК левых эсеров и глава ложи тамплиеров в Москве. Когда большевикам приписывают полную дезорганизацию судебной власти после Октября, не упоминается, что министром юстиции в первом коалиционном правительстве был еще один «самоуправленец» Исаак Штейнберг.

Тайные общества в СССР были запрещены, но имена Герцена и Бакунина, не говоря об именах народовольцев, остались не только в революционном «пантеоне», но и в учебниках литературы и истории. Вместе с ними осталось наследие их философского яда, который начал вновь воспроизводиться буквально с первых лет возникновения так называемого «шестидесятничества». В частности, «соединение Маркса с Герценом» проповедовал М. Я. Гефтер и его школа — вместе с реабилитацией так называемых «правых большевиков». Этот рецепт, противоречивший самой истории левого движения в России и мире, имел единственной целью создание противовеса сближению государства и церкви, наметившегося в годы Второй мировой войны. Это была смыслоразрушающая операция, результаты которой дожили до Третьей смуты — когда снова одним из главных демагогических тезисов оппозиции (позиционирующейся как «левой») стало освобождение от всяческого «гнета», в том числе от призыва в союзную «постоянную» армию и ее замена на «территориальную»...

Регенерация философского яда и его проникновение в дискурс общественных наук происходит сразу же после того, как — аналогично

середине 19 века — глава государства с «новым мышлением», страдая комплексом недостаточного личностного масштаба, подвергает хуле результат деятельности своего предшественника и намеренно пересматривает его подходы. Ахиллесова пята Хрущева — его догматическая антирелигиозность — хорошо видна извне, и сразу же используется в той островной империи, где геополитический опыт передается из поколения в поколение в аристократических родах. Граф Бертран Рассел, родной внук премьера Джона Рассела, потомственный земельный олигарх, становится для Хрущева новым Марксом и Энгельсом. Религию, говорит он, заменит наука. И Хрущев верит ему, следует его рекомендациям, ищет с его помощью других «европейских гуманистов», и главным признаком гуманизма в его представлении является атеизм. И ему невдомек, что граф Бертран Рассел, отвергая традиционные религии, высоко ценит так называемое эзотерическое христианство. От этой дружбы, через кукурузные поля, дорога ведет в антииндустриальный Римский клуб.

Научные сотрудники, которым предстоит разрушить СССР, прослынут потом «гарвардскими мальчиками в розовых штанах». Однако учиться мальчики начинали в Лондоне, в том числе в учреждениях, которые прямым текстом именуются королевскими. И именно в Лондон в 1984 году отправится Горбачев, чтобы затем начать демонтаж братских партий Восточной Европы и заодно — мировой коммунистической системы. Во что он верит? На тот момент, по его словам — в «живое творчество народа», в «само себя управление».

По следам лжемессий

В британских парламентских кругах, как пишет М. Партридж, Герцен был ближе всего к чартистам, которые отстаивали полную свободу слова, собраний и вероисповедания. К чартистам принадлежал будущий премьер Бенджамин Дизраэли. Дважды неудачно выдвигавшийся в парламент от партии вигов, он перешел к тори, был избран в парламент и энергично занялся трансформацией идеологии консерваторов с целью ее «приближения к народу» и привлечения свежих умов в ее ряды.

Бенджамин Дизраэли крещен в англиканской церкви — как и его отец-драматург, поссорившийся с раввинами из-за их чрезмерно строгих предписаний. В то же время в споре с депутатом-ирландцем Дэниелом Расселом он применил исторический аргумент: «В те времена, когда предки уважаемого джентльмена были островными дикарями, мои предки проповедовали в Храме Соломона».

Самым значительным предком в его родословной считался Исаак бен Соломон Израэл и, придворный врач египетской династии Фатимидов (IX век). Этот предок был свидетелем распада империи, после которого религиозные наследники Фатимидов, исмаилиты, оказались в суннитском окружении и прибегли к самосохранению посредством диссимуляции (сокрытия) своих взглядов. Сохранив крошечный плацдарм — крепость Аламут, исмаилиты в XI–XIII вв. наводили ужас на соседей, получив прозвание ассасинов (их агенты, проникая во дворцы султанов и ничем не выдавая себя, осуществляли убийства, сотрясая весь исламский мир).

У Бенджамина Дизраэли (формальное христианство которого облегчило ему начало карьеры), как и у его отца, был большой интерес к истории Ближнего Востока: в частности, он написал роман «Удивительная история об Алрое» о жизни и гибели первого еврейского лжемессии Менахеме Аль-Рои, который в 1121 году

устроил вооруженное восстание против сельджукского шаха Муктафи в городе Амадия, на пути из Хазарии в государство крестоносцев. Называя себя царем Иудейским, он собирал соплеменников для похода на Иерусалим, но был казнен султаном. Менахем аль-Рои был мошенником во втором поколении: его отец Шломо тоже бунтовал, выдавая себя среди горских евреев за пророка Илию. Однако этот персонаж был интересен Дизраэли как исторический прецедент в контексте англо-турецкого соперничества.

Авантюрный роман молодого политика был идеологическим продуктом, как и более поздний роман «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847), герой которого, молодой аристократ, уезжает в Палестину, чтобы вернуть христианской церкви ее иудейскую первооснову (подлинный источник европейской цивилизации, по мнению Дизраэли) и тем самым влить новую силу и новую нравственность в христианство. Уже став премьером, Дизраэли высказывал весьма оригинальные религиозные суждения — по его словам, иудеи сделали честь христианам, убив Христа.

Примечательно, что еще один роман Дизраэли назывался «Падение иезуитов». Он эпатировал католиков, не забывая подчеркнуть, что его предки были вынуждены переселиться в Италию из Испании.

Слияние иудаизма с христианством в этот период было популярно в реформистских кругах британского еврейства, которые финансировали богатые выходцы из Европы, особенно из Венеции. В то же время именно Англия (где в XVII веке еврейская община едва превышала 400 человек) становится центром борьбы за права евреев во всем мире.

В 1868 году Дизраэли впервые избирают премьером, но после всеобщего голосования по новым законам, которые он сам и лоббировал, он проваливается. В 1874 году он на шесть лет становится главой правительства,

и вносит совершенно особый вклад в соотношение сил в мире. В 1875 году он на кредит Л. И. Ротшильда выкупает 44 % акций управляющей компании Суэцкого канала. В 1876 году по его инициативе королеве Великобритании был присвоен титул императрицы Индии, за что Дизраэли был возведен в звание лорда Биконсфилда. И наконец, в 1878 году на Берлинском конгрессе в результате интриг Дизраэли был пересмотрен Сан-Стефанский договор, который должен был легитимировать господство России на Балканах. Решающим инструментом давления на Россию стал вопрос о правах евреев. Александр Горчаков напрасно пытался объяснить, что восточноевропейским евреям нельзя предоставить такие же права, как английским или французским: «это совсем не такие евреи». Было бессмысленно внушать неприязнь к контрабандистам Дизраэли, дед которого сделал состояние на торговле кораллами.

Зато для левых европейских диссидентов, осевших в Лондоне, Дизраэли был вполне приемлемой политической фигурой. Затаив обиду на вигов, он перехватывал у них социальную риторику, и в книге «Две нации» подвергал осуждению эксплуатацию труда капиталом — но в качестве идеального общества предлагал не социализм, а старое патриархальное, по его версии, более справедливое общество.

В рамках партии он в 1841 году создал группу «Молодая Англия», модель которой стала образцом для новых политических движений как в империях Европы, так и в их национальных окраинах. Для Мадзини она стала прообразом «Молодой Италии». Затем появились «Молодой Египет», «Молодая Босния», «Молодая Сербия», «Молодая Албания» — наряду с «Молодой Турцией» и «Молодой Германией».

Изучая сегодняшние молодежные движения, возникающие, как грибы, в разных странах мира и

сотрясающие целостность и экономические ресурсы государств, уместно вспомнить о британских манипуляциях времен Пальмерстона и Дизраэли. Тем более что тогда существовал и проект «Молодой России», причем он был одним из ранних. В 1862 году студент Петр Заичневский распространил прокламацию с таким названием, которая открывалась эпитафией из Герцена. Сам Герцен от нее отмежевался — уж слишком прямым текстом в ней призывалось к террору: «Выход — революция, кровавая и неумолимая, которая должна изменить радикально все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы... Бейте императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревьям и селам. Помни, что *будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг*». Эту формулу ложно приписывают большевикам.

Почерк «школы Дизраэли» интересующиеся потомки (которых мало: фигура Заичневского почти забыта) смогли бы оценить по тем рекам крови, которые пролились на европейском континенте в Первую мировую. Причем не только в боях между имперскими армиями, но и в последующих войнах между новообразованными государствами, в гражданских войнах и этнической резне внутри них.

В прокламации «Молодой России» речь шла не только о праве на самоопределение, которое в 1910-х годах с легкой руки Вудро Вильсона станет общим местом международного права:

«Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканский — федеративный союз областей, причем вся власть

должна перейти в руки Национального собрания и Областных собраний. Национальное собрание должно состоять из выборных от всех областей, и Областные — из представителей каждой области... Каждой области предоставляется право по большинству голосов решить вопрос о том, желает ли она войти в состав федеративной республики или нет. Что касается Польши и Литвы, то они получают полную самостоятельность».

О том, какая участь могла ждать Россию, если бы партия с таким названием получила власть, можно было судить по Османской империи, где султан Абдулхамид был свергнут «Молодой Турцией». Она вышла на сцену далеко не сразу: этому предшествовали изменения конституции в 1876 году при султанине Мураде V, который был членом масонской ложи; после войны, в которой русским войскам было позволено занять Балканы — и как раз в интересах Лондона, столкнуться с Австро-Венгрией — чтобы затем отступить; наконец, после мятежа аль-Ураби в Суэце, который стал поводом для введения британского флота и вынудил османов сначала уступить канал, затем отказаться от Судана, а затем и пожертвовать уже все африканские владения.

«Молодая Турция» зовет к обновлению, объединяя в своих рядах (сплотившихся в масонской ложе «Ризорта» в Салониках) всех представителей национальных меньшинств... Эммануэль Карассо, основатель Оттоманского общества свободы и глава ложи «Ризорта» в Салониках, символизирует, как этнический еврей, толерантность нового движения, вместе с курдом Абдуллой Джевдетом и болгаринем Талаат-пашой. Империя модернизирует политическую систему, отступает перед напором свободомыслия, В Стамбул приезжает Теодор Герцль, рассматривая Турцию как одну из возможных территорий для создания на одном из островов еврейского государства. А в то же время

советник султана Абдулхамида, сириец Рашид Рида, призывает султана ввести шариат и пугает мир проектом Всемирного халифата.

«Исламист» Рашид Рида был учеником Джамаля ад-Дина аль-Афгани, который в Индии посвящал Блаватскую в халдейскую нумерологию, в Париже печатал антибританские опусы, в Каире наставлял на модернизацию османского наместника, а одновременно вместе с послом Англии, лордом Кромером, состоял в ложе «Восточная звезда» вместе с харизматиком-сектантом Бахауллой, исполнявшим аналогичные функции по подрыву Персидской империи.

Потом султан Абдулхамид будет низложен, в Стамбуле откроется турецкая ложа «Великий Восток», к власти придет партия «Единство и прогресс», созданная младотурками. В первом правительстве — 35 масонов. Командующим флотом Оттоманской империи становится английский адмирал, личный банкир королевской семьи Эрнст Кассель, английские советники контролируют центральный банк, министерства финансов, внутренних дел и юстиции.

Но потом выяснится, что Карассо за спиной у правительства получает доходы не только от поставки зерна, но и от распродажи оружия — в партнерстве, в частности, с неким Александром Парвусом, официально представляющим интересы Германии. А посол Англии Джерард Лаутер и глава резидентуры английской разведки Джилберт Клейтон займутся распространением слухов о еврейско-масонском заговоре. А партнер Парвуса Владимир Жаботинский вместо поддержки турок против русских займется созданием еврейского «легиона», наоборот, против турок. В 1919 году лидеры младотурок пойдут под трибунал за массовые расстрелы, Карассо благополучно скроется в Италии, Рида — в Аравии, а от могучей державы останется окровавленный кусочек.

В Египте движение «Братья-мусульмане», основатель которого Хасан аль-Банна учился у последователей аль-Афгани, во главу угла своей идеологии поставило исламское самоуправление — и поэтому в неангажированных энциклопедических источниках называлось «возрожденческим», но никак не фундаменталистским. Местом рождения этого движения была британская зона Суэцкого канала. Сегодня мы видим, как справляется с государственным управлением эта партия после десятилетий подполья — несмотря на численность и широкую поддержку населения. Ее допустили до власти тогда, когда вновь потребовалось разрушить и ограбить страну, мечтавшую об индустриальном прогрессе и о собственной ядерной энергетике. И с «Братьями» происходит совершенно то же, что с младотурками — интернациональные персоны вроде Мохаммеда эль-Барадеи помогают им прийти к власти, а затем загоняют в угол. При этом одни и те же силы управляют условными «красными и белыми» — светскими и исламскими революционерами.

Заход с правого фланга

В полемической статье на портале Slon.ru либеральный публицист О. Давыдов доказывал, что в спасении Государя Николая II не были заинтересованы не только исполнители казни, подчинявшиеся Я. М. Свердлову (Ленин настаивал на открытом суде над свергнутым монархом), но и британская корона, не проявившая к его судьбе никакого участия. У короны действительно были основания и для незаинтересованности в сохранении легитимности, и в сокрытии дипломатических тайн. А. А. Терентьев в журнале «Однако» воспроизводил фразу Ллойда

Джорджа: «Царь — это символ единой могущественной России. Именно ему в секретных соглашениях мы обещали передать проливы и Константинополь, и было бы верхом безумия принимать его в Британии».

Следует, впрочем, заметить, что в уничтожении Романовых, гарантирующем молчание как их самих, так и их ближнего круга, не были заинтересованы и многие бывшие чиновники и политические деятели, принадлежавшие к правому лагерю. «Право-левая игра» в высших общественных кругах игралась на двух несложных нотах: одна была антигерманской.

В середине XIX века в Египте, Греции и на Кипре развивается деятельность Африканской ложи, в которой проходит посвящение Елена Блаватская. Со своими «гуру» она знакомится в Александрии, а затем в Лондоне, откуда вместе с ними отправляется в путешествие по Индии. Свои репортажи она публикует в «Московских ведомостях», редактируемых Михаилом Никифоровичем Катковым — бывшим членом кружка Станкевича, с началом Крымской войны из либерала становящегося «реакционером», а при Александре II — знаменем правой оппозиции. Несмотря на декларируемые правые взгляды, он критикует «справа» нашумевший роман-памфлет Н. С. Лескова «Некуда», где создается коллективный карикатурный образ русских нигилистов: он по его пониманию недостаточно патриотичен. Несколько лет Лескова никто не печатает.

Но тот же реакционер Катков в 1859 году навещает в Лондоне своего старого знакомого по кружку Станкевича — Александра Герцена. А два года спустя ссужает старого знакомого Бакунина внушительной суммой денег, что позволяет ему бежать с места ссылки через Японию в тот же Лондон.

При Александре III главными публицистическими мишенями Каткова становятся министры немецкого происхождения — глава МИД Николай Карлович Гирс и

министр финансов Николай Христианович Бунге. В этот период использование СМИ в целях лоббизма становится практикой. На Гирса Катков возлагает ответственность за провалы на Балканах, он уличается в чрезмерных уступках Германии и Австро-Венгрии. Фактически Катков сочетает антитурецкую риторику с антигерманской, что вполне соответствует интересам Англии.

На место Гирса консервативное издание прочило главу Азиатского департамента МИД И. Зиновьева. Однако фактически новым главой МИД в 1895 году стал масон 33-й степени Алексей Лобанов-Ростовский.

В свою очередь, место Бунге, к восторгу правой прессы, уже в 1887 году занял выпускник Тверской духовной академии, математик Иван Вышнеградский. Он прославился фразой «недоедим, но вывезем» (о зерне, импорт которого при нем увеличился вдвое). В мемуарах С. Ю. Витте описана история обвинения Вышнеградского в получении взятки в размере 500 000 франков от Ротшильда при заключении в Париже займа. Потом министр оправдывался, что он «ни при чем»: дескать, Ротшильд отстранил от участия в займе конкурирующую банкирскую группу Госкье, которая предварительно заручилась его согласием на участие в выгодном проекте, и тогда Вышнеградский действительно попросил Ротшильда выплатить ему 500 000 франков, но всю сумму перевел обиженному Госкье. Это, впрочем, не объясняло мотивов его собственного выбора.

С 1896 года «Московские ведомости» редактирует Владимир Андреевич Грингмут, который затем совместно с А. С. Шмаковым создает Русскую монархическую партию. После погромов в Кишиневе и Харькове, которые становятся толчком для резкой политической активизации еврейства в России, как газета, так и сами правые организации становятся

возмутителями спокойствия с правой стороны спектра, что отзывается негодованием в мировых СМИ. Существенный вклад в это раскачивание вносят спецслужбы России, в тот период пораженные болезнью коммерциализации.

Распространение «Протоколов сионских мудрецов» различные авторы, в том числе и не ангажированные, приписывают заместителю директора Департамента полиции И. И. Рачковскому, который также, как утверждается, опекает правых публицистов, в частности, «перековывает» Л. А. Тихомирова из народовольца в монархиста (Ю. Давыдов предлагает другую интерпретацию, связанную с болезнью ребенка, но она сама по себе не объясняет резкой смены воззрений).

Современные авторы (Р. Ш. Ганелин. Э. С. Макаревич) относят Рачковского к «столпам политического сыска». Его биография между тем весьма причудлива: он начал работать агентом полиции после того, как был уличен в связях с неким Семенским, подозревавшимся в укрывательстве террориста Л. Ф. Мирского после его покушения на шефа жандармов Д. Р. Дрентельна. В том же 1879 году Рачковский становится редактором газеты «Русский еврей». С 1883 он работает в Петербургском охранном отделении под руководством Г. П. Судейкина, который завербовал ранее крупного деятеля «Народной воли» С. П. Дегаева, убедив его в том, что сам является сторонником конституционно-монархического строя.

Как Судейкин, так и Рачковский мотивированы карьерным ростом. Обоим мешает министр внутренних дел Плеве. В 1883 году Судейкина убивает сам Дегаев (которого в этом якобы убеждает еще не перековавшийся тогда Тихомиров), а Рачковский делает себе имя в так называемом «деле динамитной мастерской», где фиктивную террористическую

организацию для нападения на Александра III во время визита в Париж готовит его агент Аркадий (Арон) Ландезен. «Спасши» государя, Рачковский занимается коммерческим лоббизмом — через И. Л. Горемыкина проталкивает проект Англо-русского синдиката. В то же время он хорошо знаком с Папюсом — главой парижской ложи мартинистов, который посвятит в эту ложу сначала В. Кн. Николая Николаевича, а затем и Николая II. В 1902 году Плеве представляет государю рапорт о сомнительных финансовых делах Рачковского, после чего амбициозного генерала увольняют. Убийство Плеве в 1904 году осуществляет агент Рачковского Евно Азеф — который, по убедительным данным Б. Николаевского, вполне комфортно сочетает агентурную деятельность с террористической, рассчитывая сделать финансовую карьеру после падения монархии. И тот же Рачковский, заработавший себе на крупное имение явно не за счет жалованья, опекает Георгия Гапона — вплоть до того момента, когда провокатора Кровавого воскресенья охватывает бред преследования, и он задумывает убить своего куратора — и именно тогда его самого убивает Рутенберг.

Независимо от того, кто в действительности сочинил «Протоколы», стереотип «раскачивания лодки» в 1899–1905 годах построен на целенаправленном стравливании русского и еврейского этнического национализма. Дело М. Бейлиса — в отличие от шпионского дела А. Дрейфуса во Франции, не государственное, а сугубо бытовое — как по заранее написанной программе, раскалывает интеллигенцию на два непримиримых лагеря, которые пресса еще больше противопоставляет, навязывая выбор одной из сторон. Та же этническая подоплека приписывается убийству В. Кн. Сергея Александровича, в устранении которого фактически заинтересован его заместитель, соперник и любовник его супруги В. Ф. Джунковский. У этого дела

также есть имущественная сторона: великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра государыни, курирует Императорское Православное Палестинское общество...

Коммерциализация силовых структур и их раскол на кланы — признак стратегической уязвимости империи, при которой масштабные военно-политические планы крайне опасны. По этому же признаку будут судить о состоянии элит Советского Союза в тот период, когда Политбюро при дряхлом Брежнев и не определившемся преемнике будет решать вопрос о введении войск в Афганистан. И как раз в тот же период будут муссироваться слухи о существовании в КПСС «интернационального» и «русского» крыльев, а в публицистике, с подачи А. Н. Яковлева, будет возбужден бесконечный спор между новыми поколениями честных западников и славянофилов. А после присоединения СССР к Хельсинкскому акту, которое удивило даже Киссинджера, уже напрашивается использование того же еврейского вопроса для раскола как правящих элит, так и интеллигенции. А после 1991 года, когда ветераны госбезопасности завалят книжные полки мемуарами — несколько не объясняющими, как они проворонили страну, окажется, что некоторые гении политического сыска уже удобно устроились кто в Мост-банк, кто в Менатеп-банк, а та их агентура, что распускала в 1989-90 годах слухи о еврейских погромах, сорвала финансовый и политический куш на распаде страны.

В 1995 году принадлежавший тогда «Мост-банку» телеканал НТВ в рамках предвыборной кампании транслирует «историческое исследование» Евгения Киселева о событиях 1917 года. «Козырь» пропагандистского продукта — plombированный вагон, в котором лидеры большевиков прибывают в Россию вместе с сионистами.

«Особо чувствительный» этнический вопрос становится в контексте революции либо предметом спекуляций, либо умолчания. И следовательно, будет использоваться еще не раз в манипуляциях на «красно-белой» теме.

Пломбированный вагон фигурировал во многих исторических свидетельствах, как и факт родства авантюриста Александра Парвуса с одним из спонсоров большевиков, а затем главой Госбанка Я. С. Ганецким, как и факт банковской деятельности в США родного брата Я. М. Свердлова — в офисе американской международной корпорации, где базировался банк Шиффов и проводил свои совещания стратег расчленения России, советник президента Вудро Вильсона Эдвард Мэндел Хаус.

И в то же время другой брат того же Свердлова Зиновий Пешков, работал в штабе Колчака, а затем в Париже добился признания Сибирской республики Францией — где потом и сделал военную карьеру.

И в то же время при обсуждении раздела России на зоны влияния (Париж, 23 декабря 1917) представители стран Антанты, деловито обсуждая раздел России на оккупационные зоны, предлагали для содействия монархистскому Южно-русскому союзу Каледина-Алексеева привлечь средства еврейских общественных организаций. Из архива лорда Альфреда Мильнера: «Лорд Сесил... отметил огромную трудность с получением рублевой валюты для финансирования южной России и предложил использовать для этого евреев Одессы и Киева через дружественно настроенных евреев Западной Европы *вроде сионистов*».

Лорда Мильнера считают подлинным автором декларации Бальфура, передавшей еврейским поселенцам права на земли в Палестине. Но эта личность была отнюдь не либеральной, а классической

аристократической, колонизаторской пробы, а соучрежденный им «Круглый стол» — не правозащитным НПО, а клубом промышленных гигантов. «Я националист, а не космополит. Я патриот Британской *расы*, а если я империалист, то только в связи с предназначением Британии». - определял себя Кромер. «Деятели вроде сионистов» для него служили лишь одним из инструментов достижения имперских целей (его коллега по «круглому столу» Ян Сметтс пренебрежительно сравнивал еврейских колонистов в Палестине с бурами в Южной Африке). Европейские левые для него — другой, самостоятельный полезный инструмент, поэтому Мильнер состоял еще и в лондонском Фабианском обществе, которое существует и поныне.

Точно так же в период поздней перестройки вопрос о евреях-отказниках станет инструментом популяризации академика А. Д. Сахарова, а погромные слухи — средством вымывания кадров, прежде всего технических, и отнюдь не все эти кадры смогут применить себя по квалификации в Израиле и США: многие будут признаваться потом, что стали жертвами информационной кампании, на которой совсем другие вполне расчетливые лица делали бизнес.

Уязвимое православное меньшинство

«Третья сторона», которая (словами Герцена) не относилась ни к западникам, ни к славянофилам, но манипулировала обоими полюсами, а затем, закономерно — красными и белыми, использовала не только средства финансистов и предпринимателей-евреев. Помимо этнических меньшинств, в России и в соседних славянских странах, существовало еще одно «предрасположенное» — или, как сказали бы

современные технологи информационных войн, «уязвимое» сообщество — староверы.

Мануэль Саркисянц в книге «Россия и мессианизм» упоминает о том, что уже в 1905 году Центральный Комитет марксистской РСДРП пользовался особняком дочери богатого старовера А. Хлудова — Варвары Алексеевны. Горький писал о семье С. Т. Морозова:

«У этих людей «мозги набекрень», но это настоящие праведники, неисчерпаемой равнинной русской тоски... о каких-то высотах».

В то же время очевидно, что примыкание старообрядцев к революционным партиям не могло быть только результатом мгновенного «поворота мозгов». Это был длительный и не только стихийный процесс.

«Идея союза между радикальной интеллигенцией и старообрядцами восходит, вероятно, к Дурнову (члену кружка петрашевцев, который перестал существовать в 1848 году), возможно, к декабристам, и вне всякого сомнения — к Герцену и всему лондонскому кружку эмигрантов. Герцен еще в 1851 году считал возможным то, что из раскольничьих скитов выйдет народное движение национального и коммунистического характера», — пишет М. Саркисянц. Автор цитирует выдержки из статей Герцена в «Колоколе», обращенных к староверам, «в клевету гонимым»: «Нет, ваша... церковь не выше их образованием... только ниже их жизнью. Их убогие... иноки делили все страдания народа, но не делили награбленной добычи. Не они помазывали миром петербургских царей, не они проповедовали покорность помещикам, не они кропили войска, благословляя на несправедливые победы».

С 1862 года начался выпуск специального приложения к «Колоколу» для старообрядцев, — «Общее вече», где Николай Огарев писал, что революционную интеллигенцию и старообрядцев

объединяет стремление создать царство правды на земле.

Старообрядческую тему в «Колоколе» курировал Василий Иванович Кельсиев, дворянин с кавказскими корнями, работавший бухгалтером в Русско-американской компании, а в 1859 году явившийся в британское консульство за политическим убежищем. В 1860 году он опубликовал собрание русских правительственных документов о старообрядцах «для объединения усилий во имя революции». В Лондоне его опекает поляк-эмигрант Артур Бенни; вскоре Кельсиев переезжает из пригорода на Олбани-стрит.

Как пишет Е. Л. Рудницкая, «в октябре 1863 года в Архангельской области распространилось воззвание «К русскому народу», написанное славянскими буквами и названное местными жителями молитвой... книготорговец Бергер, связанный лично с Герценом, прислал из Стокгольма эту прокламацию на имя местного купца Руста». «Молитва» была адресована не только деревенским жителям: Руст «раздавал ее русским промышленникам». Более того, в октябре 1861 года Кельсиев договаривается с главой католической (!) миссии в Европе С. Джунковским о создании типографии в Гаммерфесте: этот порт был удобен для распространения литературы, так как «сюда каждое лето ходят с хлебом беломорцы, почти все — беспоповцы поморского согласия».

В 1862 году Кельсиев прибыл в Россию с паспортом на имя турка Василия Яни, вместе с ним в Москве оказывается Артур Бенни. Их деятельность по изготовлению листовок «Русская правда» в романе Н. С. Лескова «Некуда» изображена иронически. Однако главной целью Кельсиева являются не прокламации, а встречи с раскольниками. В Лондон он возвращается с триумфом, закатывая банкет по случаю юбилея «Колокола».

Между тем исторические изыскания кавказца с турецким паспортом находят признание в консервативном «Русском вестнике». Кельсиеву только этого надо: он отправляется на юг России, привозит в Лондон донского атамана-раскольника Гончарова, которого знакомят не только с Герценом, но и с министром иностранных дел Франции Э. Тувенелем. Затем Кельсиев и Гончаров создают колонию близ Константинополя, и «турецко-подданного» историка раскола делают атаманом. Более прозорлив старообрядческий епископ Пафнутий (Овчинников): после встречи с Герценом в Лондоне он запрещает своей пастве вступать в отношения с лондонскими безбожниками.

Безбожник Кельсиев маскируется под христианина. Он говорит старообрядцам в Добрудже в 1864 году: «Христолюбивое воинство наше пойдет на Москву, выборных от народа на Земский Собор скликать... за землю святорусскую, за народ... Божий... Чтобы досталась народу Земля и Воля... Чтобы царствовала своя правда, а не чужая кривда... Ибо за ближних своих душу покласть... Казенная мироедная власть проходит, мирская народная приходит, иностранная исчезнет, святорусская наступает...».

По оценке М. Саркисянца, старообрядческий проект был не побочным, а системообразующим у «радикально-либеральных» эмигрантов. Он отмечает, что проекты опорных точек «Земли и Воли» географически совпадали с местами концентрации староверческого населения, а первоначальная «Земля и Воля» (1861) «была создана по аналогии с первой церковной организацией староверов-поповцев — т. е. с одним центром в Российской империи, вторым же — за границей, в Лондоне, вокруг Герцена».

Александр Михайлов, руководивший петербургской структурой «Народной воли», несколько лет прожил в

Саратовской губернии среди староверов-беспоповцев, и там «не только сделался даже внешне неотличим от своих новых собратьев, усвоив их образ жизни и мировоззрение, но также снабжал коллег-революционеров старообрядческими текстами, чтобы тем было откуда черпать аргументы». Вера Фигнер писала в мемуарах, что «специальной группе в составе Народной Воли было поручено, *под видом «христианского братства»,* вести антиправительственную пропаганду среди староверов и сектантов, используя религиозные аргументы».

Мы уже упоминали о том, кто для Михайлова был самой авторитетной личностью в подполье. М. Саркисьянц подтверждает это лишним раз: «Марк Натансон, один из старейших социалистов-революционеров, говорил о старообрядцах и сектантах как о союзниках революции».

В 1867 году Кельсиев добровольно сдается на границе русским властям, пишет покаянную «Исповедь», в которой отказывается от нигилизма, и получает возможность продолжить свою публицистическую деятельность в правой прессе — в том числе у Каткова. После этого «нигилисты», негодуя, прерывают контакты с ним. В отличие от непосвященных, Герцен их сохраняет: более того, когда в Россию, с посещением Москвы и Киева, на полгода (!) отправляется экс-парламентарий Чарльз Дилк (накануне издавший книгу «Greater Britain»), он получает рекомендации от Герцена к Кельсиеву. Сэру Чарльзу Дилку так необходимо получить контакты с «передовыми людьми» в России, что он специально заезжает в Женеву, где в тот момент находится Герцен.

Принцип перевертыша

Период премьерства Бенджамина Дизраэли совпадает с резкой поляризацией российской периодической печати на два лагеря. Как левым, так и либералам противостоит романтическое экспансионистское течение, крепнущее на фоне успехов России в турецких войнах. Этот, казалось бы, вполне естественный процесс вовлекает, однако, обученных в Лондоне «перевертышей».

«Вся цель и идеал славянства состоит в том, чтобы слиться во что бы то ни стало воедино; слиться в один народ, возыметь один язык, одну азбуку», писал Василий Кельсиев в путевых заметках на страницах «Голоса», называя задачу общеславянского союза «первоочередной политической целью». В том же контекст неожиданно вплетается вроде бы совсем иная тема — о взаимоотношениях евреев и славян.

Именно Кельсиев под псевдонимом «Вадим» был автором перевод Пятикнижия на русский язык, изданного в Лондоне в 1860 году, упреждая выход в свет готовившейся тогда синодальной редакции. Смысл этой миссии вполне поняли в «Русском вестнике», ознакомившись с текстом: «Цель г. Кельсиева, которую он поставил себе при издании перевода Библии, состояла в том, чтобы чтимое сотнями миллионов людей за неприкосновенную святыню слово Божие низвести на степень лёгкого и занимательного чтения». В предисловии Кельсиева пояснялось, что говорилось, что произведенное в переводе «исправление» имен собственных на иудейское написание (Моисей — Моше, Вифлеем — Бет-Лахм), а самого текста — на разговорный язык было предназначено не только для «модернизации» языка богослужения, но и для «прений и изучения еврейского языка».

Примечательно, что в 1867 году панславизмом увлекается и Бакунин. Его участие в Славянском съезде в Москве столь же изумляет марксистов, как и строки из

его «Воззвания к российскому дворянству»: «Какие привилегии мы получили за то, что в продолжение половины XIX столетия мы были опорой столько раз шатавшегося в самом основании престола? Чем пожалованы мы за то, что спасли государство от раздробления и потушили в Польше пламя пожара? Что же получили мы за все это? За все эти неоценимые заслуги мы лишены всего, что у нас было...»

Внезапный переход от беспредельного анархизма к столь же беспредельной лестии патриотам-романтикам является, впрочем, лишь предисловием к призыву к обманувшимся в ожиданиях дворянам: «Мы смело бросаем нашу перчатку в лицо деспота, *немецкого* князька Александра II Салтыкова-Романова и вызываем его на благородный рыцарский бой, который завяжется в 1870 г. между потомками Рюрика (sic) и партией Российского независимого дворянства».

Бакунин предвосхищает возникновение дворянской «оппозиции справа» — по существу, прокладывает тот вектор, который будет выбивать почву из-под ног Николая II спустя почти 40 лет. И это тот самый Бакунин, который всего четырьмя годами ранее в Стокгольме, то есть прямо по месту рождения отвергаемого теперь «поработителя славян» Рюрика, сочинял устав Международного тайного общества освобождения человечества», вместе с «Проектом организации семьи скандинавских братьев»!

Дальше — больше. В 1873 году анархист и «бросатель перчаток» рассуждает уже в совершенно великодержавном ключе: «Германия оказалась хозяйкой Балтийского моря... Уничтожено великое политическое творение Петра, а с ним вместе самое могущество всероссийского государства, если в вознаграждение утраты вольного морского пути на севере не откроется для него новый путь на юге... Уступив Пруссии преобладание на Балтийском море,

Россия... должна завоевать и установить свое могущество на Черном море. Но для того, чтобы владычество ее на Черном море было действительно и полезно, она должна овладеть Константинополем».

Как можно квалифицировать эту мимикрию, происходящую с высокообразованными бунтарями, которых Лондон связывает между собой больше, чем что-либо иное? Как переворот во взглядах — или как смену идеологического задания?

Как объяснить то обстоятельство, что это заигрывание одновременно с радикальными левыми и правыми кругами, замыкающимся догматом «самого себя управления» (хоть крестьянского, хоть дворянского), расцветает пышным цветом именно тогда, когда император извне представляется если не слабой, то уязвимой фигурой?

Каким термином, кроме *культурной войны*, можно охарактеризовать целенаправленную манипуляцию религиозными убеждениями на «чувствительных территориях» Северо-Запада и Юга, одновременно с вмешательством в обрядовую сторону доминирующей религии, и одновременно с двойной игрой на националистических стереотипах, подогревающей одновременно панславянские идеалы и общественную активизацию еврейского этноса?

Л. Ларуш определял эту тактику термином «право-левая игра», обращая внимание на применение Лондоном этого стереотипа к самым разным обществам — от европейских империй до Третьего мира (на примерах Кении и Руанды).

В 1985 году те же члены Политбюро ЦК КПСС, которые отстаивали вторжение в Афганистан, станут самыми активными сторонниками выдвижения М. С. Горбачева на пост генсека ЦК КПСС. На уже подготовленной почве раскола интеллигенции на «левых» либералов-западников и «правых»

почвенников, на фоне переписки Астафьева с Эйдельманом и прочих «заводных» активных мероприятий как бы ненавязчиво сформулируются два внешне противоположных императива — «Освободимся от подбрюшья!» и «За нашу и вашу свободу» (последний лозунг — изобретение сценаристов вышеупомянутого бунта польских пленных в 1866 году). Обе формулы эксплуатируются для одной цели демонтажа Союзного государства. Источник идеологической игры состоит из нескольких элементов, но одним из них, несомненно, является Советский фонд культуры, при котором на средства Роберта Максвелла издается журнал «Наследие». Издатель — активный участник англо-советской дипломатии, того «стратегического альянса» Горбачева и Тэтчер, который служит стартом для демонтажа всего Второго (социалистического) мира. Биографы Р. Максвелла считают, что ему принадлежала ключевая роль в подстегивании войны между Ираном и Ираком в начале 1980-х гг. Другим источником сверхприбылей для «социалиста» и агента трех разведок Максвелла были поставки технологий в СССР в обход ограничений СОСОМ, а третьим, самым крупным бизнесом была сама перестройка.

Ахиллесова пята благородства

На рубеже XIX и XX веков Россия увлеклась сразу тремя геополитическими соблазнами: советники Государя, в частности И. М. Бадмаев, проектировали экспансию в Китай, а кризис Оттоманской империи открывал перспективы контроля над Константинополем и над Палестиной. Главным геополитическим конкурентом России в вышеназванных регионах была Британская империя, достижению которой собственных целей на Ближнем и Дальнем Востоке могло бы

помешать лишь одно препятствие — русско-германский альянс.

В 1895 году кайзер Вильгельм пытается заключить стратегический союз с Россией. Но поздно — русская дипломатия уже бесповоротно сориентировалась на Лондон, подписав договор о границе в Афганистане, а теперь рассчитывая на «дружественный» раздел остатков Османской империи. Уже в 1895 году Парвус, тогда «работающий социал-демократом» в Германии, предрекает русско-японскую войну, а в 1904 году — Первую мировую.

Британские стратеги совершенно не намереваются делиться с Россией геополитическими выигрышами. Лорд Керзон обеспокоен усилением российского влияния на Балканах, а германского — в Индии. Казалось бы, опыт 1905 года, когда трудно не заметить, что «уши» организаторов Кровавого воскресенья торчат из Лондона, должен служить грозным предупреждением — по меньшей мере, к осторожности в дипломатии с «названными братьями» — Великобританией и Францией. Однако уже в 1907 году заключается трехсторонний союз, противопоставленный Германии и Австро-Венгрии. И с этого времени либеральная пресса намеренно и упорно «уличает» императрицу — полунемку, полуангличанку — в германских симпатиях.

С российской стороны трехсторонний пакт готовит посол России в Лондоне Александр Константинович Бенкендорф. Его родной брат, Павел Константинович, в феврале 1917 года будет рядом с императором при его отречении. В 1921 году большевики позволяют ему эмигрировать в Эстонию.

Уже в 1912 году Россия оказалась на грани войны с Австро-Венгрией — не столько и не столько из-за имперских appetитов, сколько из-за придворных интриг, хорошо заметных извне. Слухи о соперничестве В. Кн. Николая Николаевича и его супруги с государем

уже видны в трениях вокруг правительственных назначений.

Между тем, как вспоминал экс-премьер и министр финансов В. Н. Коковцов, еще в июне 1912 года кайзер Вильгельм предлагал России рассмотреть вопрос о «о необходимости **устроить европейский нефтяной трест в противовес американской стандарт ойл**, объединяющий в одну общую организацию страны-производительницы нефти — Россию, Австрию (Галицию), Румынию, и дать такое развитие производству, которое **устранило бы зависимость Европы от Америки**».

Но пресса — правая и левая — поднимает тему зловещего Распутина, который якобы уже полностью «контролирует» умы царской семьи. Придворный мистик регулярно давал неадекватные кадровые советы, но точно определял источник геополитической опасности, пытаясь предотвратить конфликт России с Германией. Это удавалось в течение трех лет — но реальные «контролеры» уже убедили государя в «надвигающемся конфликте двух рас — романо-славянской и германизма».

Во время войны пресса перемежает разоблачения военных и дипломатов со сплетнями вокруг Распутина. Источник инсинуаций легко определим. Однако в марте 1915 года министр Сазонов вручает послам Бьюкенену и Палеологу памятную записку, где открыто декларируются претензии России на Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря, Дарданелл и Южной Фракии. Все державы-соперники играют под столом в четыре руки, дергая за внутренние ниточки, но Россия хочет играть по-рыцарски благородно. Послы «собратьев» по Антанте заверяют премьера Штюрмера, что у их держав не будет никаких возражений. Но именно в это время, по данным историка Элизабет Хереш, деньги на революцию начинают поступать через

Александра Парвуса не только от Германии и Австрии, как раньше, но и из англо-американских источников.

В прессе поднимается вакханалия, которая завершается физическим устранением Распутина. Век спустя британские историки и кинематографисты (в частности, в историко-документальной ленте «Кто убил Распутина?») назовут имя Освальда Рейнера, близкого знакомого выпускника Оксфорда Феликса Юсупова, непосредственно участвовавшего в убийстве по инструкции директора Секретного бюро разведки Мэнсфилда Смита-Камминга.

Император остался без экзотического, иррационального, но неангажированного и чуткого на опасность советника. Фактически и государем, и Николаем Николаевичем манипулирует ложа мартинистов, а новые кадры для Временного правительства готовит ложа «Великий Восток». Элита дробится и раскалывается — во дворцах и в кабинетах — до такой степени, что говорить о двух сторонах борьбы невозможно: сторон множество. Но посольства Великобритании и США держат руку на пульсе, как видно даже по осторожным мемуарам Брюса Локкарта. Его агент Сидней Рейли контактирует и с штаб-квартирой Эдварда Хауса, и с Вениамином Свердловым, и с оружейным магнатом Базилем Захаровым, партнером которого является Парвус. Предопределен и первый, и второй, «запасной» состав Временного правительства.

Они просчитают, однако, не все. Им не удастся просчитать подготовку Брестского мира. После заключения этого договора Германия развернет мощное наступление, а те планы, которые обсуждали в Париже лорд Сесиль и маршал Фош, сгорят синим пламенем. После чего самоуправленцы-эсеры, в их числе ветеран «Народной воли» Марк Натансон, попытаются устроить путч.

Существует и второй сценарий, где задействован Рейли. Избавиться от руководства большевиков вдруг захочется и «германскому шпиону» Парвусу, но он не получит поддержки в Берлине.

Первый акт гражданской войны — не немецкое наступление, а английский десант в Мурманске. Брестский договор будет дезавуирован Рапалльским, зато Финляндия так и перестанет быть частью Великой России. Когда утихнут бои, на карте мира останется почти та же великая Россия, только без Польши и Финляндии — двух территорий, с которыми «работали» в Лондоне в течение предшествующих ста лет.

Ключевую роль в этой «работе» играла пресса. Следует отметить, что Англия — не только первая страна в Европе, где появилась периодическая печать, но и первая страна, где возникли журналистские жанры, предназначенные для высмеивания оппонентов словесными и образными средствами. Контроль над массовым сознанием через СМИ станет определяющим фактором войн атомной эры.

Эксперименты с церковью

Прямое и опосредованное (рациональное и эмоциональное) воздействие на умы через СМИ было в начале XX века не единственным средством манипуляции массовыми аудиториями. Отдельным «полем сражения» была (также, как и в Индии, Китае, Турции) религиозная сфера.

Мистическое направление в религиозной философии, неотделимое от культурного феномена декаданса, общего для Европы в целом, вначале ограничивается узким интеллектуальным (преимущественно литературным) кругом: наиболее известны попытки «создания новой церкви» оккультной

группой из среды символистов — кружок Вячеслава Иванова, где перверзные сексуальные практики сочетаются с апологией патриархальной России в противовес «царям-западникам» Петру и Павлу в романах Мережковского. Вторым центром аналогичной важности является сообщество богостроителей. Следует отметить, что Николай Васильевич Чайковский занялся в Америке «богостроительством» за 20 лет до того, как этот термин вошел в обиход в России; там же он общался с сектой трясунов (shakers).

Уже к русско-японской войне опыты религиозного экстаза выходят «на массы», ярким образом отражаясь в феномене Еапона — квази-самостоятельного религиозного авторитета, присваивающего себе духовное руководство в неподготовленной (уличной) среде. Относительный успех эксперимента по выращиванию харизматика под опекой Рачковского, Рутенберга и Соскиса (доселе приписываемое С. В. Зубатову) был поводом для новых опытов.

Более изощренная операция на сознании широкой православной аудитории приходится на канун Первой мировой войны, возникая уже не на обочине, а в ядре духовенства. Речь идет о течении, именовавшемся имяславием.

Имяславие было признано крайне опасной ересью: во-первых, ее представители, иеросхимонах Антоний (Булатович) и схимонах-пустынный Иларион (Домрачев), целенаправленно сеяли недоверие к иерархам, муссируя имущественные вопросы, во-вторых, обосновали свой иконоборческий культ ссылками на Святых Отцов, возбудив широчайшую дискуссию в кругах религиозных философов и снискав у многих из них сочувствие, в-третьих, устроив бунт в самом сердце православия — на Афоне. В свою очередь, применение силы к монахам вызвало волну возмущения

интеллигенции: «Гасители духа», — порицал тогда Синод Николай Бердяев.

Духовник русского Пантелеймонова монастыря на Афоне отец Агафодор отправил написанную Иларионом книгу «На горах Кавказа» игумену русского Афонского Андреевского скита о. Иерониму со словами: «Очень вредная книга, написанная в духе Фаррара». Действительно, как аргументация Илариона, так и форма (ссылки на Св. Отцов и позднейших богословов) перекликается с писаниями английского проповедника и историка христианства Фредерика Уильяма Фаррара, книга которого «Житие Иисуса Христа» была издана в русском переводе в Петербурге в 1887 году.

Фредерик Фаррар, сын миссионера, работавшего в Индии, был деканом Кентерберийским, священником в университетской церкви при Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории. Этот придворный историк (он написал четырехтомное исследование раннего христианства) был приближен ко двору, несмотря на свою принадлежность к т. н. Широкой церкви и дружбу с Чарльзом Дарвином. Выдержки из Иоанна Дамаскина, Климента Александрийского и других ранних христианских богословов он использовал для пересмотра всех основных положений христианской сотериологии, снижая предельные требования к человеку под демагогическим предлогом о том, что господь есть любовь, а «значит», все спасутся, а такие понятия, как ад и чистилище, следует понимать сугубо фигурально.

В имяславии ссылки на тех же Св. Отцов применялись с иной целью, даже по существу противоположной, но с равной степенью упрощения: имени Христа придавалось магическое значение, его произнесение приравнивалось к молитве, и сам церковный обряд вместе с его земным предназначением таким образом становился

«необязательным», вместе с храмами и церковной иерархией; а отношения между молящимся и Господом приобретали вид энергетического обмена. Возникшее из той же гиперболизации закона сохранения энергии, что и фрейдизм, новое направление было по существу ориентировано на отшельников, предающихся экстазу и не обязательно осуществляющих какую-либо иную деятельность: форма обряда разрывалась с содержанием. Однако среди почитателей в религиозно-философских кругах это течение органически связалось не только с собственно религиозными концепциями (символизмом), но и с математикой, благо ряд адептов по принципу простой аналогии отождествили энергетическое действие с прерывными математическими функциями.

Придание имяславцами особого магического значения имени Христа, по существу заменяющего молитву (и храм) сущностно перекликается с тем направлением «светской» лингвистики, которое в советской науке XX века будет связано с именем Михаила Бахтина — ученика «последнего розенкрейцера» Бориса Зубакина, а с сектантской обрядовой практикой мы встретимся в ходе «оранжевой революции» на Украине, в лице харизматичекой секты «Посольства Божиего» — ветви американского «Слова веры». Вполне закономерно наследие имяславцев интересует самую активную фигуру современного церковного раскола — бывшего чукотского архиепископа Диомида.

Любопытно, что Линдон Ларуш, как раз являющийся последователем того направления теоретической математики, которое связано с прерывными функциями (учение Г. Кантора о множествах и др.), не усмотрел никакой аналогии между этим направлением (которое применяется им к усложняющимся рядам феноменов и ноуменов) и т. н. «единением с Богом через его имя».

Независимо от отечественных авторов он провел параллель между угнездившейся в Афоне ересью и традицией исихазма (как и А. Ф. Лосев), но также с гностическим сектантством (богумильством), придавая значение именно экстатическому элементу. Эта параллель, на первый взгляд представляющаяся предвзятой и произвольной спекуляцией, угадывает гностический характер отождествления слова с энергией и соответственно, подмены словом «дела, без которого вера мертва» в традиционном христианском понимании — иначе говоря, в замене христианства упрощенным восточным культом.

Действительно ли Фаррар оказал влияние на основоположников имяславия? Придворный историк английской королевы почитает универсалистов и находит выход из сотериологических загадок в объединении церквей (не только христианских). Имяславная практика — не только искажающая, но и упрощающая, примитивизирующая обряд — также деидентифицирует божество: вполне можно представить себе коллективный молитвенный акт с участием молчащих, или напротив, взывающей к небесам смеси рас и народов, в том числе самых примитивных, и сводящих к этому все религиозное действо. Рубеж XIX и XX веков был периодом расцвета пантеизма и образованием новых упрощенных культов; то же характерно для рубежа XX и XXI вв. Более того, с наступлением 1900 и 2000, а затем 2012 года были связаны трансцивилизационные, активно рекламируемые через СМИ апокалиптические мифы. Первым таким эпизодом было назначение «конца света» на 1492 год, который в России распространяли прибывшие из Италии и пустившие корни в Польше эбиониты.

Имяславие было «палкой о двух концах», запущенной в колеса традиции (по-английски этот

прием именуется monkey-wrench). С одной стороны, его «изобретатели» были талантливейшими деятелями информационно-психологической войны: составляя ничтожное меньшинство в Церкви, они присвоили оппонентам ярлык «имяборцы», и в представлении многих читателей стали восприниматься как сопоставимая сила. Их антикоррупционный пафос привлекал леволиберальную интеллигенцию. С другой стороны, при удобном случае они ссылались на Иоанна Кронштадского, которого больше всего почитала аудитория «Московских ведомостей», и которому покровительствовала Великая княгиня Елизавета Федоровна.

Образ Иоанна Кронштадтского вложил свою лепту в бесплодную и болезненную поляризацию русской интеллигенции. Его громогласная полемика со Львом Толстым болезненно действовала на либералов. Сам же Толстой, оказываясь мишенью «правого клерикала», помимо своей воли оказывался близок атеистической левой аудитории, удостаиваясь сочувственной оценки Лениным как «зеркало русской революции». Сама же Русская православная церковь, как и имперская власть, оказывалась под ударами с двух сторон. Точнее, с трех — ведь в дела иерархии бесцеремонно вмешивался Распутин, став еще одним источником раздора, оборонительной риторики и роковой самодискредитации в тяжелую минуту истории.

Синтез имяславия совпадает по времени с дроблением элит, знаменуя «приумножение сущностей», то есть относится (несмотря на вербальное противопоставление «имяславцы-имяборцы») не к «операциям раздела», а к операциям «замутнения», «завихрения», которые полвека спустя назовут технологиями комплексности, или хаоса. Это лишний довод в пользу предположения о том, что исход политического и духовного кризиса в России виделся

внешней, третьей стороне не в войне двух проектов (красного и белого), а в войне «всех против всех». В том же контексте уместно рассматривать и изначальный духовно-организационный замысел обновленчества.

Стереотип генерирования харизматических сект и «отклоняющихся» церквей для смыслоразрушающих целей — классический английский почерк. Без непосредственного и целенаправленного участия британцев в Индии не возникла бы секта «ахмадийя», ставшая затем партией в Пакистане; не возродилась бы иерархия исмаилитов, к которым принадлежал первый президент Пакистана М. А. Джинна; не возникла бы бахаистская «церковь». Антисистемные (по Л. Н. Гумилеву) культы могут использоваться как для долговременного геополитического планирования (джайнизм в Индии), так и в режиме «прицельной» мобилизации, когда из уже созданной среды рекрутируется энергетически заряженная группа.

Спустя 70 лет одним из самых ярких и прогностически важных признаков Третьей смуты станут новые эксперименты с религиозным сознанием посредством сект, выдающих себя за наследие «катакомбной» — то есть как бы подлинной, неискаженной церкви — Богородичного центра, виссарионовцев, Белого Братства, «Церкви Апокалипсиса» Лазаря Каширского и прочих синтетических продуктов, производство которых стереотипно начинается с целенаправленного поиска и «раскрутки» аномальных личностей. Библия «нового евангелиста» Виссариона издана на британские средства в Казани. Выбор чувствительных точек на карте остается столь же изощренным, как и ранее. И этот эксперимент — явно не последний. Религиозные манипуляции на Кавказе не только внешне напоминают диверсии XIX века, но иногда являются их прямым воспроизведением. Пример тому — опубликованная

беседа экс-посла Великобритании в СССР сэра Роберта Брейтуэйта с соучредителем компании Far West LLC Антоном Суриковым, которому предлагалось повторить в Черкесии опыт Дэвида Уркварта.

Профессор Джорджтаунского университета Кэрол Квигли, а затем Линдон Ларуш, систематически изучавшие британскую политику, отмечали ее главной особенностью преемственность имперских стратегий, передающихся по наследству в аристократических родах. Доказательствами этой преемственности явились и Вторая мировая война, и Третья смута, и нынешний кризис Европы, вся тяжесть в разрешении которого ложится на Германию.

В свою очередь, сквозной особенностью самой британской геополитики они называли предельный цинизм, замешанный, во-первых, на аксиоме расового превосходства, во-вторых, на традициях торговых манипуляций, заимствованных у Венеции.

Переход статуса сверхдержавы, «владычицы морей» от Великобритании к США — результат не только переселения за океан наиболее активной части британского населения, но и переноса системообразующих мозговых центров — как в рамках парapolитических структур, так и под эгидой элитной университетской системы, сложившейся в США еще до Декларации независимости. Однако окончательное усвоение британского стиля геополитического мышления и практики относится к периоду Второй мировой войны, когда а) финансовые структуры и олигархические семьи США получают максимальные прибыли, б) складывается разветвленная и специализированная разведывательная система, заимствующая британский опыт теневого самофинансирования, в) формируется самый многообразный и технически оснащенный в мире информационно-пропагандистский комплекс, включая

все жанры киноискусства для всех вкусовых и возрастных аудиторий.

Маска, я тебя знаю

Осуществимость военно-политических задач, которые ставит перед собой имперское руководство, зависит от совокупности условий, к которым относятся: контроль государственного аппарата над частными интересами; экономическая самодостаточность страны, в том числе в военном производстве; образ власти в глазах общества, определяющий как устойчивость политической системы, так и нравы в ключевых сферах, на которые делается ставка (при военной экспансии — ВПК и армия).

Геополитические соперники, поставившие целью не допустить усиления империи, достигают успеха в срыве планов ее руководства, когда одновременно удастся, во-первых, предотвратить нежелательный для нее альянс государств, а во-вторых, создать для империи внутренние препятствия для ее расцвета, а именно: навязать империи-оппоненту заведомо неорганичную для ее традиции политическую систему; активизировать протестный социальный потенциал, в том числе в армии; использовать прессу — как экономическими, так и идеологическими рычагами — для дискредитации главы государства; посеять раздор между разными группами истеблишмента, желательно — между группами, ориентированными на амбиции разных представителей монархической семьи; найти слабые места в настроениях духовного сословия и религиозных слоев интеллигенции.

«Третьей стороне» в 1914-1917 гг. удалось использовать в своих интересах все вышеназванные возможности. Тот факт, что Россия при всех

колоссальных экономических и демографических потерях при этом избежала судьбы Турции, требует беспристрастной оценки.

Представляются существенными следующие параметры:

1. Свойства идей: их масштаб (адекватность пространству), актуальность (адекватность чаяниям), воспринимаемость (созвучие ментальности), предметность (зримость образа врага), пафос (максимализм, эмоциональная заряженность).

2. Свойства людей: мобилизационная готовность, жертвенность, сохранность боевых и наличие командных навыков.

3. Свойства вождей: интеллектуальная самостоятельность, воля, ораторский и публицистический талант, организационные и дипломатические способности, конспиративные навыки, тактическая гибкость.

Вышеназванные параметры определяют:

1. Семантику противоборства (символику, выражающую отстаиваемый образ будущего).

2. Конфигурацию противоборства (борьба двух сторон или борьба всех против всех).

3. Накал борьбы (горение или тление).

Гражданская война, близкая к регулярной (война двух сторон) инициируется поляризующим импульсом. В 1918 году такой импульс, выраженный в формуле «переход войны империалистической в войну гражданскую», организует сторону, самоопределившуюся с цветом — РККА с символом красной звезды. Вторая сторона реагирует и так же естественно определяет и свой цвет — белый, и символ — крест.

Преимущество красной стороны — инициатива и предельные амбиции, преимущество правой — укорененный в традиции символ. Уязвимость красной

стороны — непривычный язык, заимствованные термины, уязвимость правой — ассоциация с интервентами. Пространство миссии в обоих случаях распространяется на всю страну, распространяясь и за ее пределы, в ряды обеих сторон вовлекаются иностранные формирования (с белыми — чехи, с красными — китайцы). Образы будущего также сопоставимы, ориентир — экономически самодостаточная индустриальная держава.

Красные вожди читают иностранных классиков, приверженных диктатуре, при этом дополняют эту классику собственными, давно выношенными элементами, часть вождей сами являются авторами и идеологами, конспирация — старый навык. Практическое воплощение идей — централизованная система власти, избранная экономическая модель — государственный синдикат (Ленин).

Белые вожди читают в основном русских авторов, в том числе военных теоретиков и религиозных философов; в лексиконе — термин «империя», частично сохранивший позитивные смыслы и для многих национальных меньшинств, в практике управления — та же централизация, в практике самообеспечения — та же конфискация, хотя без идеологического оправдания.

Как в любой регулярной войне, преимущество имеет сторона, лучше освоившая пропаганду и контрпропаганду и более эффективно избавляющаяся от инородных элементов. Как в любой регулярной войне, третьи лишние (внутренние) стороны маргинализуются.

Формула образа действия у красных — коммуна, члены ее — трудящиеся. Труд — как у их классиков (в отличие от иных европейских левых) — сакрализованная ценность. Формула образа действия — соборный труд, сакрализованная ценность — служение.

В этой схеме противоборства трудно приумножить сущности: она стала автономной, независимой от тех, кто делал ставки и снабжал деньгами и оружием.

Она может кончиться только победой одной из сторон, а не вялотекущим воспроизводящимся циклом самоуничтожения. При всем трагизме разделения Правды на две половины, при всей скорби потерь — это настоящее, мужское противоборство.

Как в любой регулярной войне, пафос победителя реализуется в избытке кинетической энергии, на что она будет направлена — зависит от вождей. На практике она направляется на покорение пространств и их преобразование энергией, которая прямо рассматривается как заменитель Божественного. От вождей зависит и судьба побежденных. На практике новый режим интегрирует носителей практических научных, особенно инженерных навыков, и отвергает, как сор, гуманитарную интеллигенцию вместе с большинством духовенства.

Из всего вышесказанного следует, что во-первых, России повезло, что эта война была близка к регулярной. Нерегулярные войны мы видим сегодня на огромном пространстве — от Афганистана, где доселе нет ни одной железной дороги, до Сирии, где воюют по меньшей мере четыре стороны. Такие войны не сообщают, а высасывают энергию, смыслы и идентичность — они становятся вечной смутой.

Регулярность гражданской войны в России сама по себе обозначила горизонт завершения Второй смуты (ее кульминация, то есть максимум энтропии, пришелся на 1915-17 гг.). Поэтому, во-вторых, послереволюционное развитие России сколь уникально, столь и закономерно — как и издержки вышеназванного отбора.

Эти издержки скажутся много позже, на этапе охлаждения пафоса, когда отблеск костра поглотится красным сукном. Они скажутся, когда «третья сторона»

через дефекты идеологии и системы управления, через уязвимые группы, через личные слабости новых вождей найдет зацепки, чтобы снова применить наработанный дифференцированный арсенал влияния — для чего в обстановке противоборства систем мобилизован внушительный интеллектуальный потенциал.

Какова конфигурация нового внутреннего разделения, которое намечается в период перестройки? Являются ли новые условные красные наследниками старых, а новые белые — прежних белых? На практике демократы отождествляют себя с левыми только до августа 1991 года, далее идентификационные поля смещаются трижды — в декабре 1991, в апреле 1993, в октябре 1993. Итог всех трех смещений — самоидентификация красно-белого патриотизма, первое схождение патриотических оппозиционных начал. Следующее этапное событие — реабилитация самого термина «патриот» и попытка патриотической консолидации сверху. Третье событие в изменившейся (извне, внутри и в отношениях с внешним) ситуации — противостояние право-левых охранителей с право-левыми «несогласными».

Где проходит сегодня реальная грань между двумя внутренними, народными силами и чуждым третьим элементом (малым народом, антисистемой)? Представляется, что эту грань инструментальнее всего можно определить, обратившись к историческому прецеденту, вычленив из всего спектра тех (фактически, а не по декларациям) не славянофилов и не западников, которые являются Александрями Герценами, Михаилами Бакуниными, Марками Натансонами и Василиями Кельсиевыми сегодняшнего дня. У таких персонажей есть общий почерк: в политике они — право-левые хамелеоны; в государственном управлении — авторы моделей, заведомо разрывающих территорию и хозяйство на части, в культуре —

производители опытов по расчленению и извращению традиции. Не менее важно узнавать издалека сегодняшних дипломатов Бенкендорфов, торговцев Бергеров, универсальных посредников Парвусов и коммерческих генералов Рачковских — и само собой, сегодняшних Дизраэли, Мильнеров и Хаусов, управляющих сопоставимыми экспериментами с «уязвимыми сообществами» и политиками-мишенями, падкими на соблазн. Аналогии становятся «работающими» тогда, когда мы лучше знакомы с оригиналами — для чего и написан этот текст.

И. С. Ратьковский А. Парвус, третий эмигрантский поезд и июльский кризис 1917 года в России

Июльские дни 1917 г. одни из определяющих событий в ходе Русской революции 1917 г. Существует несколько точек зрения на возникновение июльского кризиса и его причины. Традиционный подход подразумевает влияние сразу нескольких факторов. Можно согласиться, что в определенной степени июльский кризис был продолжением июньского кризиса с его главным вопросом о доверии Временному правительству со стороны левых партий и рабочих Петрограда. Июньское наступление Русской армии временно «заморозило» этот вопрос. Однако после первых же известий о неудачах на фронте (особенно на фоне первоначальных успехов), о начавшемся отступлении армии, в Петрограде резко усилилось неприятие Временного правительства. Таким образом, общее недоверие к Временному правительству (как отказывающегося проводить рабочую политику), усилилось фактором крупного поражения на фронте.

В определенной степени, июльский кризис был связан и с украинским вопросом. В июне украинская Центральная Рада выдвинула ряд требований (большая национальная автономия, создание национальных войск, претензии на «Национальные территории» и т. д.). Требования частично были выполнены делегацией Временного правительства выезжавшей в Киев. В знак протеста в ночь с 2 на 3 (15-16) июля 1917 г. в отставку подали министры-кадеты. Днем 3 (16) июля глава Временного правительства князь Львов

сообщил прессе о выходе из состава кабинета кадетов А. И. Шингарева, А. А. Мануйлова, В. А. Степанова, князя Д. И. Шаховского и Н. В. Некрасова (последний выйдя из партии кадетов, в правительстве все же остался).

Таким образом, украинский фактор способствовал министерскому кризису накануне июльского политического кризиса и был одним из факторов его усиления. В дальнейшем украинским деятелям выдвигались обвинения в германском влиянии, но российские события эти обвинения не сделали широко известными в тот период. Помимо всего прочего, объявленный выход 5 членов «министров-капиталистов» (4-х на самом деле, как выяснилось позднее) из правительства, где ранее было «10 министров-капиталистов» и всего 6 социалистов, создавал иллюзию возможного скорого создания чисто «социалистического правительства». Как представлялось рабочим массам Петрограда надо было только «дожать» свои левые партии в этом вопросе.

Среди причин июльского кризиса упоминается и немецкий фактор. При этом чаще всего выдвигается тезис о «немецких деньгах» и прямом финансировании партии большевиков, в т. ч. В.И. Ленина. На наш взгляд, эта версия, озвученная в 1917 г. Временным правительством, была лишь попыткой последнего расправиться со своими политическими противниками, а также результатом ошибочной интерпретации отношений лидеров большевиков (Ленина) с А. Парвусом (Гельфандом). Ленин не являлся агентом Германии, ни тем более агентом Парвуса. Между ними уже давно были разорваны отношения, а попытки Парвуса в 1917 г. возобновить контакты неизменно игнорировались Лениным.

Вместе с тем, на наш взгляд, в данных июльских событиях «след» Парвуса все же фиксируется, хотя и без прямой связи с Лениным, Зиновьевым и другими

пассажирами первого знаменитого эмиграционного поезда. Об этом свидетельствуют отчасти его передвижения и заявления в июле 1917 г. Так, накануне июльского кризиса А. Парвус выехал из Копенгагена в Берлин. 16–17 (3–4) июля А. Парвус уверял представителей министерства иностранных дел Германии о неминуемой и близкой победе большевиков. Только после поражения июльского выступления, уже в условиях, появившихся в прессе обвинений в его адрес, он выехал 22 (9) июля 1917 г. в Швейцарию. Об этом же свидетельствуют и другие моменты, прослеживаемые по его деятельности в первой половине 1917 г.

В начале весны 1917 г. А. Парвус всячески подчеркивал перед германскими правящими кругами свою роль в свержении самодержавия. При этом он заявлял о необходимости усиления революционного процесса, с тем, чтобы окончательно вывести Россию из войны с Германией. Одновременно А. Парвус просил увеличения финансирования его «Русской революции». По его мнению, для дальнейшего увеличения немецкого влияния в России нужно было обладать новыми значительными ресурсами. С этой точки зрения ключевым ему представлялось выделение Германским правительством на русские дела 5 миллионов марок. 1 апреля 1917 г. МИД Германии, которое курировало деятельность Парвуса, обратилось в Министерство финансов с просьбой выделить 5 млн. марок на политические цели в России. Новый министр финансов граф Зигфрид Рёдерн, учитывая значительный размер запрашиваемой суммы, попытался официально выяснить у своих коллег из МИД, на что конкретно потратятся эти суммы, но был вынужден удовлетвориться устным разъяснением по соображениям секретности, и 3 апреля эта просьба была удовлетворена.

В этот же период 2 апреля 1917 г. германский посланник в Копенгагене граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, координировавший из Скандинавии различные каналы связи с Россией (в том числе и А. Парвуса) направил в МИД Германии меморандум, в котором рассматривались различные варианты участия немецкой стороны в событиях в России: «В связи с русской революцией для определения нашей политики, по моему мнению, имеются две возможности: Либо мы в состоянии как в военном, так и в экономическом отношении успешно продолжить войну до осени. *В этом случае мы непременно теперь же должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса* (в этом месте и других частях документов выделено мной — *И. Р.*). Для достижения этой цели нам следует избегать всякого заметного извне вмешательства в ход русской революции. По моему мнению, нам необходимо, напротив, сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы русской империи. Даже если умеренное направление осталось бы у руководства, я не мог бы, честно говоря, поверить в переход к нормальным отношениям без тяжелых конвульсий. Несмотря на это, *по моему мнению, в наших интересах оказывать предпочтение крайним элементам, ибо вследствие этого будет проведена более основательная работа и скорейшее завершение дел.* По всей вероятности, *через какие-нибудь три месяца в России произойдет основательный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи.* Если же мы сейчас преждевременно начнем наступление против России, то тем самым дали бы только стимул всем центробежным

силам собраться воедино и, возможно даже, объединить их для борьбы с Германией. Но если до конца этого года мы не в состоянии продолжить войну с перспективами на успех, то следовало бы попробовать пойти на сближение с находящимися у власти в России умеренными партиями и привести их к убеждению, что если они будут настаивать на продолжении войны, они тем самым будут обеспечивать только интересы Англии, прокладывая путь реакции и, таким образом, сами поставили бы под угрозу завоеванные свободы. В качестве добавочного аргумента следовало бы внушить Милюкову и Гучкову, что Англия в связи с неустойчивым положением в России могла бы попытаться договориться с нами за ее счет».

Таким образом, германским руководством рассматривались два варианта германской политики по отношению к русским событиям, при этом первый вариант — дальнейшая ставка на усиление хаоса, на поддержку крайних партий, с большей степенью вероятности был реализацией плана А. Гельфанда-Парвуса. Очевидно, что он был приоритетным. Отметим и указанные три месяца на организацию кризиса в России, что намечало июль как ключевой месяц.

Следует также уточнить, что линию на усиление кризиса в России позднее в апреле поддержал и рейхсканцлер Германии Теобальд фон Бетман-Гольвег. Он рассчитывал в этот период в первую очередь на усиление мирной пропаганды и процесса разложения в России.

Отметим два намечавшихся весной-летом 1917 г. направления немецкой работы: пропаганда незамедлительного мира в России; поддержка процесса политического разложения в России.

Оба процесса в период военных действий были взаимосвязаны и служили задаче вывода России из войны против Германии.

Вскоре в самом начале апреля 1917 г. состоялась встреча А. Парвуса со статс-секретарем МИД Германии Артуром Циммерманом, где возможно значимая часть вышеуказанных пятимиллионных средств была передана А. Парвусу. При этом, сразу отметим, что достоверных сведений о распределении всех этих денег в исторической литературе нет. «Возможно, способы использования этих громадных средств стали еще одним предметом разговора Гельфанда со статс-секретарем. Гельфанд, единственный человек, связанный с Министерством иностранных дел, имел дело с суммами такого порядка. Теперь он стал намного предусмотрительнее и уже не давал, как делал это раньше, никаких расписок в получении денег». Следует отметить, что Артур Циммерман был очень увлекающейся натурой, проделавший подобные шаги (поощрение развала противников или потенциальных противников Германии изнутри) неоднократно. Так, в январе 1917 г. Циммерман выступил автором дипломатической депеши в германское посольство в Мексике, в которой в случае вступления США в мировую войну он предлагал передать Мексиканскому правительству предложение о союзнических отношениях. Мексике была бы обещана поддержка Германии по вопросу возврата утраченных территорий: «Мы намерены начать с 1 февраля беспощадную подводную войну. Несмотря ни на что, мы попытаемся удержать США в состоянии нейтралитета. Однако в случае неуспеха мы предложим Мексике: вместе вести войну и сообща заключить мир. С нашей стороны мы окажем Мексике финансовую помощь и заверим, что по окончании войны она получит обратно утраченные ею территории Техаса, Новой Мексики и Аризоны. Мы поручаем вам выработать детали этого соглашения. Вы немедленно и совершенно секретно предупредите президента Карранса, как только объявление войны

между нами и США станет совершившимся фактом. Добавьте, что президент Мексики может по своей инициативе сообщить японскому послу, что Японии было бы очень выгодно немедленно присоединиться к нашему союзу. Обратите внимание президента на тот факт, что мы впредь в полной мере используем наши подводные силы, что заставит Англию подписать мир в ближайшие месяцы. Циммерман».

Депеша Циммермана была перехвачена британской разведкой и передана в США, что послужило одним из поводов вступления США в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 г. Циммерман, который публично подтвердил подлинность документа 29 марта 1917 г., был позднее снят с указанной должности. Однако его мнение в начале месяца было уже учтено. Для А. Парвуса же последовавшая отставка Циммермана возможно была благом, так как контроль над конкретным использованием денег А. Парвусом был ослаблен и он получил большую свободу в реализации своих планов.

Первый шаг по реализации планов А. Парвуса должен был быть осуществлен с помощью отправки эшелонов с российскими эмигрантами, в среду которых Парвус намечал внедрение своих людей. Однако организация этого процесса с самого начала не задалась. Парвусу не удалось контролировать организацию «ленинского» эмигрантского поезда в Россию. К этой поездке имели отношение германские круги, но не Парвус. Более того, Ленину удалось провести свою линию в организацию этого первого эшелона, не только контролируя состав пассажиров, но и характер проезда по немецким территориям. А. Парвус не был инициатором или организатором этой поездки, хотя и пытался в этот период встретиться с В.И. Лениным и другими большевистскими деятелями до их отправления из Швейцарии и особенно в момент

переезда через Швецию. Получив денежные средства, А. Парвус пытался их незамедлительно вложить в Ленина: встретиться для этого в Стокгольме с Лениным во время его проезда через Швецию. Несмотря на свои безуспешные попытки наладить контакты с лидером большевиков, Парвус всячески подчеркивал свою роль в железнодорожной отправке Ленина пред своим немецким начальством и эмигрантами. Однако за этими уверениями ничего не стояло.

Для укрепления своих позиций в переговорах с Лениным, Парвус в этот период пробует организовать себе поддержку со стороны немецких социал-демократов, среди которых у него было много хороших знакомых. Поэтому важным направлением деятельности А. Парвуса стало выдвижение идеи организации мирной конференции в Стокгольме. Вопрос о ее созыве был поставлен еще в марте 1917 г. Инициатором этой конференции выступил Объединенный комитет партий Дании, Норвегии и Швеции, но за ними стояла немецкая социал-демократия, а за ней А. Парвус. Характерно, что в качестве делегатов от немецкой социал-демократии на конференцию должны были поехать такие немецкие социал-демократы как Каутский, Гаазе, Ледебур и другие.

В вопросе пропаганды конференции особая заслуга принадлежала председателю социал-демократической фракции в фолькетинге, редактору центрального органа СДПД «Социал-демократен» И. Боргбьергу. Данную кандидатуру продвигал также А. Парвус. Еще вечером 4 апреля он выступил перед Исполнительным комитетом немецких социал-демократов в Берлине и предложил выехать представителю партии в Копенгаген для инструктирования Боргбьерга. В Копенгаген выехали Шейдеман, Эберт и Густав Байэр. Все трое в течение суток получили паспорта в

Германском МИДе для выезда в Данию. 6 апреля они вчетвером с Парвусом выехали в Копенгаген. Парвус организовал, как поездку в поезде, так и остановку в дорогом отеле «Централ». За ужином в его доме он познакомил всех с Боргбьергом. Также немецкие социал-демократы выдали А. Парвусу письмо, уполномочивающее его вести переговоры с проезжающими через Стокгольм ленинцами. Таким образом, теперь в намеченных им переговорах с лидером большевиков, Парвус мог опираться на авторитет немецкой социал-демократии.

13 апреля первый «ленинский» эмиграционный поезд прибыл в Стокгольм. Через Я. С. Ганецкого, представителя большевиков в Стокгольме и близкого к нему в ряде экономических проектов человека, Парвус предложил Ленину встретиться и обсудить российские события. Однако Ленин вновь категорично отказался встречаться с Парвусом. Встреча не состоялась. Поезд с Лениным прибыл в Петроград 16 апреля. На следующий день А. Парвус вынужден был вернуться в Копенгаген. Спустя сутки он отчитался в Берлине перед немецким руководством о проведенной работе, а позднее перед исполкомом германской социал-демократической партии. После этого он вернулся вновь в Стокгольм.

Между тем, во второй половине апреля 1917 г. в Россию прибыл датский социал-демократ Боргбьерг. Он приехал с приглашением к российским социалистическим партиям приехать на международную конференцию. 23 апреля 1917 г. он выступил на заседании Исполкома Петроградского Совета. На нем Боргбьерг заявил, что германское правительство согласится на те условия, которые предложит германская социал-демократия на социалистической конференции.

«Условия эти таковы: Прежде всего они заявляют свое согласие с теми положениями, которые были

приняты скандинавскими и голландскими социалистами на конференции 1915 г., т. е. признанием права самоопределения наций, обязательного международного третейского суда и требованием постепенного разоружения. Затем от себя они прибавляют, что германская социал-демократия будет настаивать на том, чтобы:

1) все захваченные Германией и ее союзниками земли были возвращены;

2) русской Польше предоставлена была полная свобода — объявить ли себя независимой или присоединиться к России;

3) Бельгия была бы восстановлена, как вполне независимое государство;

4) точно так же должны быть восстановлены, как независимые государства, Сербия, Черногория и Румыния;

5) Болгария получила бы болгарские области Македонии, а Сербия — свободный выход к Адриатическому морю.

Что касается Эльзас-Лотарингии, то тут мыслимо было бы мирное соглашение относительно исправления лотарингской границы; относительно познанских поляков — германцы будут добиваться предоставления им культурно-национальной автономии».

Однако миссия Боргбьерга провалилась. В частности с резкой критикой его поездки высказался В.И. Ленин на апрельской конференции. Это еще раз доказывало, что пути Парвуса и Ленина давно уже разошлись. «Я бы предложил от имени конференции составить обращение к солдатам всех воюющих стран и напечатать это воззвание на всех языках. Если мы вместо всех этих ходячих фраз о мирных конференциях, на которых половина входящих членов суть тайные или прямые агенты империалистических правительств, разошлем это воззвание, то это в тысячу раз быстрее

приведет нас к цели, чем все мирные конференции. Мы не хотим иметь дела с немецкими Плехановыми. Когда мы ехали в вагоне по Германии, то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим».

«Я думаю, что мы имеем здесь политический факт необыкновенной важности, который нас обязывает начать энергичную кампанию против русских и англо-французских шовинистов, не принявших предложения этого Боргбьерга участвовать в конференции. Не надо забывать сути и подкладки всей этой истории. Я вам прочту точно сообщенное в «Рабочей Газете» предложение Боргбьерга и отмечу, что за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран съехаться на конференцию. Вот почему надо развернуть большую кампанию.

Ленин также очень критически отозвался на конференции про Боргбьерга: «Русское правительство, как никто, может не сомневаться в том, что это, действительно, агент немецкого правительства... Отрицать то, что Боргбьерг — агент немецкого правительства, нельзя. Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию социалистического съезда надо разоблачать. Все эти съезды не что иное, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс. Надо раз навсегда сказать правду так, чтобы ее услышали на фронте солдаты и рабочие всех стран... Нам надо раскрыть эту комедию с переодеваниями. Надо сказать, как делаются такие вещи: Бетман-Гольвег едет к Вильгельму, Вильгельм призывает

Шейдемана, Шейдеман едет в Данию, а в результате — Боргбьерг едет в Россию с условиями мира». Боргбьерг, таким образом не получил поддержки большевиков в организации конференции.

А. Парвус попытался активизировать этот вопрос лично. О прибытии А. Парвуса в Стокгольм с секретной миссией информировал 9 мая 1917 г. свое доверенное лицо статс-секретарь иностранных дел Германии Артур Циммерман. Он писал, что последний прибыл в Стокгольм «чтобы работать в наших интересах на социалистическом конгрессе» и просил оказать ему всяческое содействие: «Доктор Гельфанд, известный по участию в русской революции 1905 г. под псевдонимом «Парвус», оказал ряд примечательных услуг в ходе войны, особенно действуя под руководством императорского посланника в Копенгагене по оказанию влияния на датские профсоюзы в исключительно благоприятном нам духе. После этого Гельфанд получил прусское подданство. Он направляется из Копенгагена в Стокгольм, куда надеется прибыть через несколько дней для работы в наших интересах на предстоящем социалистическом конгрессе. Прошу ваше превосходительство проявить к Гельфанду, который посетит миссию, чувства дружбы и симпатии, оказав ему всю возможную помощь».

Как германский подданный Парвус не мог после Февральской революции 1917 г. приехать в Россию. Поэтому он пытался наладить контакты через Заграничное бюро ЦК РСДРП, которое находилось в Стокгольме. На тот момент состав бюро включал трех деятелей, с которыми Парвус ранее имел серьезные политические и деловые контакты: В. В. Боровский, Я.С. Ганецкий, К. Радек. Однако, несмотря на передаваемые через Ганецкого различные сигналы в Россию о желательности приезда в Стокгольм русской делегации, Парвус и конференция игнорировались

Лениным. Лидеры меньшевиков и эсеров в конечном счете выразили согласие на участие в Стокгольмской конференции. Но ее проведение сорвало правительство Франции, отказавшись выдать визы делегации социалистической партии для поездки в столицу Швеции. Стокгольмская мирная конференция так и не состоялась.

Теперь очередным шагом в активизации программы Парвуса должны были стать новые поезда в Россию политэмигрантов, выступавших с антивоенных позиций. Проезд второго поезда в Россию был подготовлен еще до апрельской «стокгольмской» вспышки активности А. Парвуса. В нем собирались поехать, в случае успешного проезда Ленина в Россию, сомневавшиеся и спорившие с Лениным политэмигранты из числа противников войны в Женеве и в целом Швейцарии. Еще 24 апреля 1917 г. германский посланник в Берне барон фон Ромберг сообщал в МИД Германии, что находящиеся в Германии «200 эмигрантов поехали бы незамедлительно, громадное большинство которых сторонники мира». Интенсивная переписка между немецкими ведомствами велась вплоть до начала мая 1917 г. при этом фамилии Парвуса в ней не упоминались.

13 мая 1917 г. второй поезд с общим числом пассажиров до 250 человек отправился через Германию таким же путем, что и ленинский поезд. Наиболее известными пассажирами этого поезда были меньшевики Л. Мартов (Ю.О. Цидербаум), Мартынов (С.Ю. Пикер), С. Семковский (Бронштейн), А.В. Луначарский, Д.Б.Рязанов, а также представители других партий: Бунда, прибалтийских социал-демократов, анархо-коммунистов, эсеров, других партий, в т. ч. и просто объявившие себя независимыми, среди которых выделялась А. И. Балабанова.

Поезд приедет в Россию 22 (9) мая 1917 г. В тот же день на уже проходившей несколько дней Всероссийской конференции меньшевистских и объединённых организаций РСДРП 20-24 (7-11) мая 1917 г. Ленин критиковал вступление социалистов в коалиционное Временное правительство, осуждал «революционное оборончество». Его речь была встречена большинством делегатов враждебно. Приехавшие Мартов и его сторонники заявили о сложении с себя политической ответственности за решения конференции.

Прибывшие в Россию деятели (меньшевики, бундовцы и прочие представители левых партий) в определенной степени способствовали целям Германии, озвучивая идеи мира. Однако в этом поезде не было деятелей напрямую связанных с А. Парвусом, людей которых можно назвать агентами Парвуса. Некоторые из пассажиров поезда в прошлом были так или иначе связаны с Парвусом (Луначарский, Рязанов, Натансон, Ривкин и ряд других), но уже давно с ним разошлись. Они не могли, как и пассажиры первого эмигрантского поезда, стать основой для политической игры Парвуса. В лучшем случае, Парвус мог надеяться, что ряд пассажиров этих поездов пойдут на контакт с ним уже после его успешных действий в России.

В этот период А. Парвус, столкнувшийся с трудностями контактов с ленинцами, явно пытался усилить свое влияние в России через «польских» и «прибалтийских» деятелей. Ганецкий и Козловский хорошо их знали, ранее оказывали ряду из них материальную помощь.

Проезд двух поездов снизил внимание к организации третьего поезда и Парвус мог именно здесь реализовать ранее неудавшиеся планы по внедрению в Россию своих агентов. В частности, «польские» и «прибалтийские» деятели были

основными участниками проезда третьего поезда. Новый поезд Цюрихского комитета проехал через Германию 25 (12) июня 1917 г. На «нем» ехало около 200 человек. Исследователь Хольвег полагает, что на поезде не было уже видных политических деятелей, но «все же среди них были активные и опытные организаторы и писатели». Отчасти согласимся с этим мнением, действительно ряд пассажиров имели, по крайней мере на первый взгляд, большее отношение к литературе, чем к политике. Так, среди прочих, можно упомянуть Александра Иосиповича Гавронского (1888–1958) (поручитель В.М. Чернов). Эсер, позднее, под влиянием Ленина ставший большевиком. В 1916–1917 гг. он работал режиссёром в Цюрихском городском театре, главным режиссёром Женевского драматического театра (постановки — «Двенадцатая ночь», «Ревизор», «Братья Карамазовы», «Балаганчик», «Столпы общества», «Смерть Дантона»). Впоследствии он стал известным советским режиссером. Также к этому ряду относится германский подданный Е.Ф. Мюллер (поручитель Н.А. Котляревский) (1863–1923), литературовед, академик Петербургской АН. Были в составе и семейные пассажиры. Например, Боярская с сыном (поручились министр земледелия В.М. Чернов, М. Горький, Л. Мартов, А. А. Луначарский, Аксельрод, Л.Д. Троцкий, Шляпников, Козловский, Дан, Натансон, Рейн, В. Фигнер и др.).

Вместе с тем, в этом же поезде приехал с женой искровец, в будущем чекист Александр Сидорович Шаповалов (1871–1942). (поручители А.Г. Шляпников и Г.М. Кржижановский). Среди пассажиров также числились будущие подпольщики братья Блейз, эсер левого толка Сергей Никофорович Варков (поручитель В.М. Чернов), Натан Грюнблат (поручители Д.Б. Рязанов, Абрамович) и многие другие активные революционеры.

К сожалению, в отличие от первых двух эмигрантских эшелонов состав этого поезда практически неизвестен, его упоминают вскользь в исследованиях, отчасти в мемуарах. Между тем он прибыл в Россию незадолго до июльского кризиса и его состав формировался не только заграничным эмиграционным комитетом. На наш взгляд, с третьей попытки, Парвусу удалось организовать переезд части своих людей среди пассажиров указанного поезда.

К формированию состава имел отношение швейцарский социал-демократ Карл Моор (1853–1932), фигура достаточно одиозная. Он был знаком с Лениным с осени 1913 г. Являясь адвокатом он несколько раз помогал Ленину вносить денежные залоги за проживание за границей. Несмотря на возраст, Моор был настоящим бонвиваном, любителем застолий и молоденьких девушек, и поэтому постоянно нуждался в денежных средствах. В начале 1917 г. Моор стал тайным агентом германских спецслужб (агентурная кличка «Байер»). 4 мая 1917 г. Моор составил доклад в МИД Германии, в котором сообщал, что он «прозондировал ряд представителей различных групп пацифистского крыла (русских) социалистов и они сказали, что было бы весьма желательно, чтобы систематическая, интенсивная и эффективная агитация в пользу мира поддерживалась бы кем-нибудь из хорошо известных нейтральных товарищей. После того, как они высказали явную, и я бы сказал, радостную готовность принять финансовую поддержку именно для работы в пользу мира, я сказал, что со своей стороны, был бы счастлив предоставить значительную сумму для такой благородной, гуманной и интернациональной цели». Далее он предлагал следующие принципы:

1. Личность жертвователя гарантирует, что деньги идут из не вызывающего подозрений источника;

2. Жертвователю или посреднику должен быть обеспечен въезд в Россию с этими деньгами;

3. В целях немедленной реализации выделенных финансовых средств необходимо иметь их в виде наличных денег, и наиболее подходящей формой здесь была бы швейцарская валюта.

В конечном счете, К. Моор получил требуемые деньги для финансирования указанных действий.

Летом 1917 г. Моор находился в Стокгольме и контролировал прохождение третьего поезда. В этот же период летом в Стокгольме 1917 г. Моор предложил большевикам «займ» в размере 32 837 долларов, якобы из полученного им недавно наследства (на самом деле полученного в 1908 г. и давно промотанного). Часть этих немецких денег он передал еще до июльских событий Заграничному Бюро ЦК в Стокгольме: Ганецкому и кампании. Частично деньги были потрачены. В письме Ленину от 3(16) июля 1917 г. К. Радек сообщал из Стокгольма: «Мы (Боровский, Ганецкий и Радек — *И.Р.*) не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег, полученных нами. Ввиду необходимости посылки людей для ведения переговоров с левыми Германии, напечатания французского листка о конференции (3-й Циммервальдской — *И.Р.*) мы вынуждены, не дожидаясь, расходовать деньги». Остальные деньги большевиками так и не были потрачены и оставались вплоть до октября 1917 г. в Стокгольме у Заграничного Бюро ЦК. После Октябрьской революции, эти деньги будут большевиками возвращены.

Следует отметить, что Временное правительство пыталось воспрепятствовать проезду пассажиров этого поезда, *многие из которых не имели российских документов*. Одним из требований властей было предоставление поручительства известного политического российского деятеля. Данное требование

осложнило проезд эмигрантов, но не стало препятствием, т. к. организаторам проезда удалось получить эти поручительства.

Ключевыми пассажирами этого поезда были Исаак Соломонович Биск (Павлов) (1874–1922) и Михаил Федорович Владимирский (1874–1951). Оба указанных деятеля фактически возглавляли состав пассажиров. По крайней мере, один из них имел связи с германскими кругами. Меньшевик И.С. Биск, председатель Цюрихского комитета, был тесно связан с Робертом Гриммом. При этом не только в вопросе организации поезда эмигрантских эшелонов, но и ходатайствуя за него перед поверенным делам в Швейцарии А.М. Ону. Последний телеграфировал А.А. Нератову: «Бывший председатель его Бойск приходил ко мне в свое время и настойчиво требовал, чтобы я оказал содействие эмиссару комитета пресловутому Роберту Гримму. Роль М.В. Владимирского, человека близкого к Ленину в период эмиграции, более сложна.

Среди установленных других пассажиров поезда числилось ряд деятелей, непосредственно причастных к организации июльского кризиса, в первую очередь к вооруженному выступлению Первого пулеметного полка, которое послужило толчком последующим событиям.

Например, среди пассажиров числился некий Григорий Столяров плюс трое членов семьи (поручителями за Г.А. Столярова, его жену и двух детей были Зеленый и Барский). Отметим, что Столяров будет задержан в форме офицера пулеметного полка в июльские дни 1917 г. в Петрограде в Государственной думе. Очевидно, что он имел прямое отношение к событиям в пулеметном полку.

Другим пассажиром поезда будет большевик Григорий Львович Шкловский (1875–1938). У него было пять дочерей. Младшая, Наталья, родилась в марте

1917 г., с этим связывают тот факт, что он не поехал «в ленинском поезде», а приехал позднее в Россию третьим поездом. Он уехал в Россию, оставив в Швейцарии семью и старшую дочь Марию, которая к тому времени вышла замуж. Шкловский был давно и тесно связан с Лениным, но имел контакты в среде германских социал-демократов. Например, именно через него в конце 1913 г. Ленин пытался получить для исключительно большевиков (не делясь с меньшевиками) так называемые «держательские деньги» (названных так, ибо они составили фонд, «держателями» которого в роли третейских судей стали видные германские социал-демократы Карл Каутский, Клара Цеткин и Франц Меринг). Речь шла о значительной сумме, которую владелец мебельной фабрики Николай Шмит, погибший в 1907 г. в московской тюрьме, завещал российским социал-демократам. В частности, Ленин привлекал к этому процессу, через Шкловского, упомянутого выше Карла Моора. Таким образом, Моор и Шкловский уже давно были связаны различными делами. Следует отдельно отметить, место где остановился Шкловский после приезда в Петроград — квартиру тесно связанного опять-таки с первым пулеметным полком, членом Военки, Сергея Николаевича Сулимова (1884-1947). С момента создания Военной организации при ПК, а потом при ЦК РСДРП (б), Сулимов являлся секретарем «Военки». По заданию Петербургского комитета Сулимов курировал 1-й пулеметный полк, расквартированный в Выборгском районе, и организовал там выборы командного состава. До июльских событий Сулимов много времени также проводил в Кронштадте, где вел агитационную и организационную работу среди моряков и артиллеристов. Очевидно, что в июльские дни Сулимов ключевая фигура событий в первом пулеметном полку и

не только. Шкловский останавливается у него жить на квартире вплоть до конца июльских событий. В 1918 г. Шкловский был назначен советником полпредства в Швейцарии, позже — консулом в Гамбург, где и прожил с семьей до 1924 г.

В связях с Германией, после июльского кризиса, обвиняли большевика А. Я. Семашко, выборного командира 1-го пулеметного полка. Отметим, что как указывалось, выборы в полку организовал как раз Сулимов. Адам Яковлевич Семашко (1889–1937), поляк по отцу — виленскому дворянину (мать немка) был большевиком с дореволюционным стажем. Во время Первой мировой войны он находился на военной службе в России, но в Берне проживала его невеста, которая состояла членом Латышской социал-демократической рабочей партии. В апреле Семашко должен был выехать на фронт с пулеметной ротой. Однако, он, как указывалось в сообщении прокурора Петроградской судебной палаты, «не исполнил этого распоряжения и продолжал являться в полк, где устраивал общие собрания без ведома полкового комитета и образовал коллектив большевиков исключительно из числа солдат, его ближайших сотрудников»; этот коллектив находился «в тесной связи с военной организацией центрального комитета с.-д. рабочей партии, обосновавшейся в самовольно захваченном доме Кшесинской». Когда он «в конце мая был случайно арестован, весь пулеметный полк в полном составе выступил на улицы, освободил Семашко и вынес его на руках из комендатуры». Во время июньского кризиса «вождь 1-го пулеметного полка» считался «главнокомандующим» всеми вооруженными силами «повстанцев». После июльского кризиса Семашко скрывался и вернулся только после октябрьской революции.

Среди «деятелей» июльского кризиса были и другие польские революционеры. Так, среди пассажиров третьего эшелона числился Мечислав Генрихович Варшавский (Вронский) (1882–1938). Впоследствии во время июльского кризиса он будет задержан в Петрограде во время обыска в квартире первой жены присяжного поверенного М.Ю. Козловского Марии Эдуардовны (Басков переулоч, 22). Козловский поддерживал материально обе свои семьи, в т. ч. оплачивал указанную квартиру еще до Первой мировой войны. Он уже давно был человеком А. Парвуса. Во время войны он был юрист-консультантом совместной фирмы Парвуса-Ганецкого, неоднократно с ними встречаясь, в т. ч. в Стокгольме и Копенгагене. Оказывал он и финансовую помощь ряду польских революционных деятелей. Так установленным документальным фактом является передача Козловским трех денежных сумм по 100 рублей И. С. Уншлихту (Знаком с Ганецким с 1901 г.). Первый денежный перевод из Петрограда был осуществлен в конце 1916 г. Уншлихту в Сибирь, где он отбывал ссылку. Уже в 1917 г. (8 января) Ганецкий из Копенгагена передал в письме поручение Козловскому выслать Уншлихту еще сто рублей. Позднее последовала аналогичная третья сумма. Также до революции, Козловский передал 200 рублей Ю. М. Лещинскому (Ленскому) (1889–1937). В 1917 г. квартира первой жены Козловского будет прибежищем польских деятелей. В ней летом 1917 г. проживали трое поляков-социал-демократов: упомянутые выше И. С. Уншлихт, Ю. М. Лещинский, М. Г. Варшавский. В ней же помещалась контора и редакция партийного органа польской социал-демократии «Трубина». Квартиру также посещали такие польские деятели как Г. И. Рубинштейн (Рубенский), К. Г. Циховский, А. И. Гловацкий и другие. Все указанные

деятели, в различной степени, были задействованы в июльском кризисе.

Важнейшим же дестабилизирующим фактором в июльском кризисе в самом Петрограде был именно первый пулеметный полк: «он стремительно рвался на улицу, причем официально разговоры шли о демонстрации, а неофициально ответственные представители полка охотно говорили о том, что полк при огромном количестве пулеметов, которое у него имеется, может один без труда свергнуть Временное правительство». Именно с первым пулеметным полком пересекаются ряд судеб пассажиров третьего эмигрантского эшелона.

В воскресенье, днем, 2 (15) июля, в 1-м пулеметном полку, в связи с отъездом на фронт очередной команды, прошел концерт-митинг (речи плюс стихи местных поэтов), завершившей резкой антиправительственной резолюцией. 2 (15) июля 1917 г., руководство анархистов-коммунистов, — Иосиф Соломонович Блейхман (Солнцев), Николай Иванович Павлов (Петров-Павлов) (1881-1932), А. Федоров, Павел Николаевич Колобушкин (Калабушкин), Д. Назимов и другие анархо-коммунисты решили утром, 3 июля, опираясь на 1-й Пулеметный полк, призвать солдат к восстанию против Временного правительства. Отмечу, что вторым и третьим поездами в Россию приехали и многие другие анархисты-коммунисты. Здесь необходимо упомянуть про анархо-коммуниста Г. И. Гогелия, одного из лидеров движения, приехавшего на третьем поезде в Россию вместе с женой Лидией Гогелия (Иконникова). Георгий Ильич Гогелия (псевдоним К. Оргеиани) (1877-1924) — известный анархо-коммунист. В 1900 г. по инициативе Гогелия в Женеве была создана «Группа русских анархистов за границей», затем он был одним из организаторов грузинских анархистов. Весь 1917 г. он находился в Петрограде, где неоднократно выступал на

митингах. Очевидно, что его позиция не расходилась с товарищами по анархистскому движению.

Об решении анархистов о вооруженном выступлении в «военке» (Военной организации большевиков) узнали в тот же день. Владимир Иванович Невский (настоящее имя Феодосий Иванович Кривобоков (Кривобок) писал, что большевик-прапорщик А. Я. Семашко подтвердил, что в Пулеметном полку «уже невозможно сдерживать солдат, и, хотя ему были даны строгие приказания сдержать массу от выступления, для всех было очевидно, что это безнадежно...».

Впрочем, и сама позиция Невского была неопределенна: В мемуарах 1932 г. Невский вспоминал: «Когда В.О., узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует».

3 (16) июля 1917 г. в первом пулеметном полку утром состоялся новый митинг. При этом 1 пулеметный полк 3 июля демонстрировал самостоятельность от всяких партий. Когда организатор Выборгского райкома РСДРП (б), будущий известный чекист, латыш М. Я. Лацис попытался попасть в расположение полка, то чуть было не наткнулся на солдатские штыки. Даже после того, как А. Я. Семашко уговорил своих подчиненных пропустить делегатов большевистской конференции, пулеметчики долго не могли успокоиться: «Знаем их: четыре месяца сюда ходят и отговаривают от выступления. Теперь будет с нас. Не поверим».

Согласно Л. Д. Троцкому: «На собрании появился анархист Блейхман, небольшая, но колоритная фигура на фоне 1917 года. С очень скромным багажом идей, но с известным чутьем массы, искренний в своей всегда

воспламененной ограниченности, с расстегнутой на груди рубахой и разметанными во все стороны курчавыми волосами, Блейхман находил на митингах немало полуиронических симпатий... Солдаты весело улыбались его речам, подталкивая друг друга локтями и подзадоривая оратора ядреными словечками: они явно благоволили к его эксцентричному виду, его нерассуждающей решительности и его едкому, как уксус, еврейско-американскому акценту... Блейхман плавал во всяких импровизированных митингах, как рыба в воде. Его решение всегда было при нем: надо выходить с оружием в руках. Организация? «Нас организует улица». Задача? «свергнуть Временное правительство...»».

После выступили анархисты П. Колобушкин и Н. Павлов. В результате предложение большевиков Серго Орджоникидзе и Антона Васильева отложить выступление для лучшей подготовки хотя бы на день солдаты отвергли. Против Орджоникидзе выступил в частности большевик Сергей Яковлевич Багдатьян (1887–1949) Настоящие его фамилия и имя Багдатьян Саркис Гайкович, партийные псевдонимы Сергей Нарвский, Петров, Кудряшев. Кратковременно, в 1905 г. до декабря, когда вернулся в Россию жил в Женеве. После Февральской революции 1917 г. накануне демонстрации 20 апреля (3 мая) он выпустил листовку от имени Петербургского комитета большевиков с лозунгом «Долой Временное правительство!» наперекор решению ЦК РСДРП (б) и Петербургского комитета партии о несвоевременности этого требования. За нарушение партийной дисциплины имел партийное взыскание.

Пулеметчики демонстративно отказались от «политического руководства» любых партий, которые не разделили их революционного энтузиазма, сформировав Временный революционный комитет во

главе с выборным начальником полка левым большевиком А.Я. Семашко и анархо-коммунистом И. С. Блейхманом (Солнцевым). Они призвали рабочих, моряков Кронштадта и части гарнизона к вооруженной антиправительственной демонстрации. Во все воинские части и на заводы были высланы грузовики, с солдатами и пулеметами, с призывом к солдатам и рабочим к 5 часам вечера выйти с оружием на улицу.

В 15 часов делегаты второй общегородской конференции РСДРП(б) (начала работу 1 июля), выслушав сообщение о решении личного состава 1-го пулеметного полка выйти на демонстрацию, обязали пулеметчиков-большевиков не допустить каких-либо активных действий своей части «помимо призыва со стороны партийных учреждений». Однако Семашко докладывая в ЦК о своих безуспешных попытках сдержать пулеметчиков, на самом деле в самой части всячески разжигал страсти. В 6 часов вечера, члены ЦК приняли решение удерживать массы от любых выступлений. Когда В. Володарский передал делегатом пулеметчиков решение конференции, они решительно заявили, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка».

Около 7 часов вечера 3 июля пулеметчики заняли Финляндский вокзал, подходы к Троицкому и Литейному мостам. К ним присоединились рабочие Выборгского района, солдаты Московского полка и других частей. В Михайловском училище выступившие силой захватили 4 орудия. Очевидец рассказывает: «Под красными знаменами шли только рабочие и солдаты; не были видно ни кокард служащих, ни блестящих пуговиц студентов, ни шляпок «сочувствующих дам»». Вот другой очевидец: «Вид демонстрации был несомненно внушительный: артиллерия, оркестр москвичей, плакаты с лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Совету рабочих, солдатских

и крестьянских депутатов», «Помни, капитализм, пулемет и булат сокрушат тебя», «Долой Керенского и с ним наступление» и, наконец, сопровождавшие шествие грузовики с пулеметами — все это производило значительный эффект на перепуганного обывателя и буржуазию».

Параллельно 3 июля прошел массовый митинг матросов, рабочих и солдат на Якорной площади в Кронштадте, инициированный делегацией от 1 — го пулеметного полка. Делегаты явились в Морской манеж, где проходила лекция для матросов, сообщив собравшимся о начавшемся выступлении в Петрограде. Присутствовавшие на лекции разошлись по кораблям и через час начали митинг на Якорной площади... К участникам митинга обратились двое известных анархистов: член кронштадтского совета Х.З. Ярчук (вернулся в Россию из США) и Блейхман. Первоначально матросов пытались удержать от выступления Рошаль и Раскольников. В ответ на это раздались возгласы: «Мы здесь занимаемся разговорами, а в Петрограде на улицах льется кровь, надо браться за оружие и идти в Петроград!». Пытавшийся выступить Рошаль был заглушен криками и сошел с трибуны. После этого *выступали какие-то неизвестные* ранее до этого ораторы и стали призывать к оружию. Эти выступления подогрели толпу и стали раздаваться возгласы «Идем на пристань и поедем в Петроград. В результате стала меняться и позиция большевиков, увлекаемых процессом. Когда в Кронштадте Федор Раскольников спросил Семена Рошаля: «А что, если партия решит не выступать?» — Рошаль ответил: «Ничего, мы их отсюда заставим». Каменев дозвонился до Раскольникова и сказал, что выступление проводится «без санкции партии» и надо удержать кронштадтцев. «А как сдерживать их? — пишет очевидец. — Кто сдержит катящуюся с вершин Альп лавину? Выступал Рошаль. Но

вскоре этот стихийный человек сам поддался настроению масс и вместо «назад» закричал «вперед!». На экстренном заседании Кронштадтского совета единогласно было принято решение идти на помощь в Петроград.

Предполагалось по гудку Пароходного завода завтра собраться в 6 утра на Якорной площади и следовать в Петроград.

Между тем, в Петрограде, вечером 3 июля демонстранты, разделившись на две колонны, направились к резиденциям обеих ветвей власти — Таврическому (Петроградский Совет) и Мариинскому (Временное правительство) дворцам. Главные лозунги дня — «Долой Временное правительство!» и «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!».

Основные силы «восставших» (в частности, солдаты 1-го пулеметного полка) сосредоточились вокруг Таврического дворца, где заседал исполком столичного Совета, а также на Невском проспекте. Представители исполкома заверили демонстрантов в том, что их политические требования будут рассмотрены на следующий день, и призывали их разойтись, однако рабочие и солдаты выразили готовность ждать, «требуя к утру осуществить передачу власти Совету Р. и С.Д.» тем более бесполезно. Около 9 часов вечера пулеметчики при оружии сами появились возле здания, где проходила общегородская конференция большевиков, и призывы большевистских ораторов вернуться в казармы встретили гневными криками «Долой!».

Около 11 вечера, когда колонны демонстрантов проходили мимо Гостиного двора, впереди раздался взрыв ручной гранаты и началась стрельба. Сразу застрочили пулеметы. Солдаты открыли ответный огонь. Были убитые и раненые. «Изучение всей массы взаимоисключающих друг друга газетных сообщений,

документов и мемуаров, — заключал американский историк Алекс Рабинович, — наводит на мысль, что, вероятнее всего, в этом в равной степени повинны все воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха».

«К 11 часам вечера, — вспоминал Я.М. Свердлов, — выяснилось, что нет возможности удержать ни солдат, ни рабочих. Получились сведения о выступлении Московского полка, Гренадерского, 180-го полка и др. (Более точно: *Московского гренадерского, 180-го, а также Павловского, 1-го запасного полка и 6-го саперного батальона — И. Р.*), Путиловского завода, завода «Вулкан», заводов Выборгской стороны и т. д., выяснилось, что движение масс уже вышло из берегов. Тогда, и только тогда, конференция в 11 часов 40 минут вечера приняла резолюцию, призывающую к организованной мирной демонстрации солдат и рабочих. Аналогичное решение было принято почти в то же время и ЦК». Символом «догоняющей» тактики большевистского руководства стала «Правда», вышедшая 4 июля с белой полосой на первой странице: заметку о «невыступлении» редакторы отозвали, а воззвание с призывом к «мирной и организованной демонстрации» опубликовать не успели.

Мартын Лацис: «На Невском трещат пулеметы, — записывает он в дневнике, — а здесь (на конференции) разговаривают о мирной демонстрации. Я высказываюсь за вооруженную демонстрацию. Но в конце концов решили не говорить ни про мирную, ни про вооруженную, а сказать просто: «демонстрация», может быть, для внешнего употребления это и нужно, но для членов партии эта неопределенность вредна.

К полуночи, уже после перестрелки, колонны демонстрантов заполнили улицы вокруг Таврического дворца. «Положение скверное, — вспоминал член ВЦИК

меньшевик Владимир Войтинский. — Кучка вооруженных людей, человек 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный Исполнительный Комитет и арестовать его членов.

На следующий день, 4 июля, роты 1-го пулеметного полка, взяли под контроль центр города и Петропавловскую крепость. Их поддержали ряд других воинских частей. Целый ряд руководителей Военной организации большевиков, Петербургского и районных комитетов склонны были идти с демонстрантами до конца, в Петроград срочно вернулся В.И Ленин. Около 11 утра поезд с Лениным прибыл на Финляндский вокзал. До особняка Кшесинской Ленин добрался на извозчике. Трамваи стояли.

4 июля из Кронштадта у Николаевского моста прибыл большой отряд матросов на баржах и пароходах в 10 тысяч человек во главе с большевиком Ф. Ф. Раскольниковым. Отряд последовал по университетской набережной, далее через Биржевой мост к особняку Кшесинской. Матросы и солдаты выдвинулись к особняку Кшесинской. Перед ними выступил А. В. Луначарский с короткой, но горячей речью под аплодисменты матросов.

ЦК большевиков принял решение участвовать в движении для придания ему организованного характера. Большевики подчеркивали мирный характер демонстрации. В. И. Ленин оценивал ее как «нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция». Один из близких к В. И. Ленину руководителей большевиков Г. Е. Зиновьев отмечал, что для Ленина «вопрос о необходимости захвата власти пролетариатом был решен с первого момента нынешней революции, и дело шло только о выборе удачного момента». По утверждению того же Г.Е. Зиновьева, «в июльские дни весь наш ЦК был против немедленного захвата власти. Так же думал и Ленин.

В особняке Кшесинской, где обосновался большевистский штаб, Ленин подробно расспрашивал Свердлова, Сталина, Подвойского о событиях этих дней. В это время к дворцу подошли кронштадтцы и Н.И. Подвойский попросил Ленина выступить перед ними... «Но все наши просьбы тов. Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации...». Однако, когда наверх поднялись делегаты матросов и попросили о том же, Владимир Ильич согласился. Когда он вышел на балкон, его встретили криками «Ура!» и громом оваций. Речь была короткой. Ленин передал «привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих», призвал к «выдержке, стойкости и бдительности» и выразил уверенность, что «лозунг «Вся власть Советам» должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути». «Матросы, вспоминал Подвойский, — стали выкрикивать: «сейчас не до слов», «сейчас не до агитации», «сейчас необходимо во что бы то ни стало добиться передачи власти Советам». Речь Луначарского пришлось скомкать, а матросы, вскинув на плечи винтовки, с оркестрами направились к Таврическому дворцу.

К часу дня к Таврическому дворцу первыми подошли рабочие Выборгского района и солдаты 1-го пулеметного полка. Затем — рабочие Нарвского района и солдаты 2-го пулеметного полка. 30 тысяч путиловцев, явившихся сюда с женами и детьми, поклялись, что не уйдут, пока ВЦИК не арестует «министров-капиталистов» и не возьмет власть в свои руки.

В этот день — 4 июля — в демонстрации приняли участие 500 тыс. человек.

Демонстранты были несколько раз (минимально три раза) обстреляны: на углу Садовой и Апраксина переулка были обстреляны солдаты и рабочие (погибли десятки и были ранены сотни людей), а затем около 3

часов дня колонна кронштадтцев которая шла по Невскому и Литейному проспектам, обстреляна из пулеметов с крыш. Согласно Болтину, стреляли не по матросам, а по концу колонны (рабочим, в т. ч. женщинам), которая вышла с Невского на Литейный проспект. Матросы бросились наверх и подозреваемых в стрельбе убивали на месте.

На углу Литейного проспекта и Пантелеймоновского проспекта последовал второй обстрел колонны, более жесткий. Часть кронштадтцев бросилась в подъезды, часть залегла на мостовую, открыв ответный огонь. «Когда мы подошли к Таврическому дворцу, — рассказывал анархист Ефим Ярчук, — все были настолько взбудоражены, что я подумал, что матросы пойдут на его штурм». Некоторые из них и впрямь начали ломать ворота.

Члены ВЦИК в самом Таврическом выслушивали представителей заводов и полков. Из 90 пришедших сюда делегатов слово дали лишь пятерым. Среди них были Мартын Лацис и Сергей Багдатыев. Речи их были вполне определены: «Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах... Мы требуем ухода десяти министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет». И все требования сводились к одному: «Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» Рабочих делегатов поддержал лидер меньшевиков-интернационалистов Юлий Мартов: «История требует, чтобы Совет взял власть в свои руки». О том же заявили лидеры левых эсеров — Мария Спиридонова и Борис Камков.

«Один из рабочих, классический санкюлот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке, вскакивает на ораторскую трибуну, — вспоминал Суханов. — Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова:

«Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство?!.. Так знайте, рабочий класс не потерпит!.. Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам!»».

На балконе зала, у комнаты большевистской фракции, стояли Ленин, Зиновьев и Троцкий. Зиновьев вспоминал: Ленин, смеясь, говорил нам: а не попробовать ли нам сейчас! Но тут же прибавлял: нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики не все еще наши...».

Когда к демонстрантам вышел лидер эсеров Виктор Чернов и стал призывать к спокойствию, один из рабочих, поднеся огромный кулак к его лицу, решительно заявил: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!».

Вдруг над Петербургом, вспоминал Суханов — разразился проливной дождь. Минута, две, три, — и «боевые колонны» не выдержали. Очевидцы-командиры рассказывали мне потом, что солдаты-повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили собой все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь распылил восставшую армию... Командиры говорили, что восстановить армию уже не удалось, и последние шансы на какие-нибудь планомерные операции после ливня совершенно исчезли».

Митинги в городе продолжались, но уже распыленно. В городе продолжалась стрельба и вооруженные стычки, в которых на стороне правительства принимали участие казаки и юнкерские патрули, офицерские группы. На подходах к Выборгскому району солдаты I-го пулеметного полка строили против них баррикады. На углу Шпалерной улицы и Литейного проспекта в 9 часу вечера произошло столкновение, когда около 200 казаков при двух орудиях, обстреляли, а затем пытались атаковать

в конном строю солдат 1-го пулеметного полка. На поле стычки осталось 12 убитых казачьих лошадей. Всего за эти дни в стычках и перестрелках было ранено и убито около 700 человек. Согласно данным Центрального пункта по оказанию медицинской помощи 3-6 июля 1917 г. было 16 убитых, 40 умерших от ран и 659 раненных.

Временное правительство объявило Петроград на военном положении, с фронта прибыли верные ему войска под командованием поручика Ю. Мазуренко, начались аресты. На следующий день ЦК РСДРП(б) принял решение о прекращении демонстраций.

Оценка июльских событий была различной. Проправительственная печать связывала эти события с Тарнопольским прорывом, представляя их «большевистской попыткой прорвать внутренний фронт». А. Ф. Керенский называл их «ленинским восстанием», связав их выступление с Германским Генштабом. Уже в момент июльского кризиса это обвинение было использовано для дискредитации большевиков. В основе обвинений лежали показания Ермоленко. Главным доводом обвинения также была созданная А. Парвусом экспортно-импортная компания Ганецкого, которая, по мнению Временного правительства, финансировала большевиков.

Между тем, германский Генеральный штаб с задержкой инициировал акции по поддержке большевиков от выдвинутых обвинений. Так, Парвус в своём берлинском издательстве выпустил брошюру под названием «Мой ответ Керенскому и компании»: «Я всегда, — писал Парвус, — всеми имеющимися в моём распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьим имена вы называете, никогда не просили и не получали

от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок...». Многие исследователи считают, что Парвус этим высказыванием просто замаскировывал свои связи с лидерами большевиков. На наш взгляд, Парвус вполне был искренен. Его деятельность в июньско-июльские дни происходила помимо партийного руководства большевиков. А. Парвус часто в 1917–1918 гг. говорил о своих людях в среднем звене партии большевиков и в других партиях: обер-офицерах партии в противовес генералам партии. На наш взгляд, Ленин к организации июльского выступления не был причастен. Не причастны и большинство руководства партии, сначала стремившееся сдержать движение, считая его преждевременным, а затем хотя и возглавив его, но явно стремившееся перевести протест в более мирное русло. Однако, возможно июльское выступление в значительной степени было организовано теми самыми активистами-большевиками и анархистами, которых А. Парвус называл своими обер-офицерами. Там, как уже указывалось, среди анархо-коммунистов могли быть люди А. Парвуса, были они в 1-м пулеметном полку, возможно в Военке (Военной организации большевиков). Вызывает также вопросы явно провокационные (неоднократные!) обстрелы демонстраций 3–4 июля.

Часть третья
Оппозиция начинает и...

В. Ж. Цветков
Контрреволюционное «подполье» и
«надполье» в 1917 году и
специфика формирования и
деятельности политических
объединений и подпольных
организаций белого движения в
1917-1918 гг.

После событий февраля 1917 года в повседневную жизнь российского общества все более и более входила политика. Но в «царстве свободы», в которое, как верили многие, превратилась Россия в 1917 году, политическая работа вошла во вполне легальные рамки. Вместо «подполья», распространенного в условиях «борьбы с царским режимом», начало активно формироваться и т. н. «надполье» (термин того времени), в котором прежде запрещенные способы политической борьбы (призывы к недоверию или к «свержению существующей власти», подготовка отрядов, призванных, в случае необходимости, силой поддержать то или иное политическое движение) стали вполне привычными.

И отнюдь не одними большевиками использовались подобные методы. Становилось очевидным, что рано или поздно в политику «втянется» и армия, призванная, по сути своей, быть «вне политики» и продолжать идущую уже третий год Мировую, «Вторую Отечественную» войну «до победного конца». В отечественной историографии одним из первых обратил внимание на данную проблематику Г.З. Иоффе, в

монографии с характерным названием «Белое дело. Генерал Корнилов» (вышла в свет в 1988 году).

По воспоминаниям одного из активных участников «политических событий» 1917 года полковника С.Н. Ряснянского, «в начале апреля на фронте было спокойно, и обычная оперативная работа была небольшая, но свободного времени не было, так как появилась новая отрасль работы — политическая». С 7 по 22 мая в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве прошел Учредительный съезд Всероссийского Союза офицеров армии и флота. Инициатива в создании данной организации исходила от сотрудников генерал-квартирмейстерской части — полковников В.В. Пронина и Д.А. Лебедева. Его руководство составили офицеры-генштабисты — полковники Л.Н. Новосильцев (член кадетской партии, депутат I и IV Государственной Думы), В.И. Сидорин (будущий командующий белой Донской армией), С.Н. Ряснянский (будущий начальник разведотдела штаба Добровольческой армии), Д.А. Лебедев (будущий начальник штаба Ставки адмирала Колчака в 1919 г.). Верховный Главнокомандующий, генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев был избран «первым почетным членом» Союза. Призыв «Поднять боеспособность и мощь Русской армии!» стал лозунгом Союза.

Как писал в своих воспоминаниях Пронин, Алексеев «горячо приветствовал идею Союза». «Союз офицеров в настоящее время необходим, он должен быть создан, — говорил генерал. — Я предвижу неминуемый развал армии; изо всех сил борюсь с разрушающими армию новшествами, но Петроград глух к моим словам. Вы, господа, правы: теперь больше чем когда-либо необходимо сплотить офицерский корпус; только здоровое офицерство может удержать армию от окончательного развала, дать опору достойным начальникам, поднять дисциплину и опять сплотить в

единую, дружную, еще так недавно грозную для врага, семью офицеров и солдат. Благословляю, организуйте съезд, работайте, я поддержу».

«Политическое кредо» Союза офицеров достаточно ясно выразилось в декларации о его создании:

«2 марта в России пала старая власть. Вместе с ней пала и старая организация страны. Перед гражданами России встала первейшая и неотложная задача — организовать страну на началах свободы, равенства и братства, чтобы из хаоса революции не ввергнуть государство на путь разложения и анархии... На командный состав и на корпус офицеров выпала тяжелая задача — видоизменить, в тяжелый период военных действий, организацию армии в духе начал, выдвинутых революцией, не нарушая, однако, основ военной организации... Мы верим и повинемся Временному правительству, которому все присягали. Мы поддерживаем Временное правительство — впредь до решения Учредительного Собрания — в целях предоставления ему возможности спокойно и работать над осуществлением и закреплением завоеванных свобод, и довести страну до Учредительного Собрания».

Влиянием «революционного времени», кстати, можно было объяснить положение о том, что «в число членов Союза не могут быть приняты бывшие офицеры отдельного корпуса жандармов и бывшие офицеры полиции».

Майский съезд в Ставке утвердил устав Союза офицеров, его руководящие структуры. Ряснянский отмечал, что политические интересы постоянно преобладали над сугубо военными:

«Дальнейшая деятельность Союза продолжалась уже в сфере «установления общности работы с национально настроенными группами — политическими, общественными и промышленно-торговыми».

«Взаимоотношения Офицерского Союза с указанными кругами мыслились в следующей форме: Союз дает физическую силу (офицерские кадры — В.Ц.), а национальные и финансовые круги — деньги и оказывают, где нужно, политическое влияние и на руководство».

К середине лета Союз имел уже обширную сеть на фронте, «не было армии, в которой бы не было нескольких его отделений». Впоследствии предполагалось открыть отделения Союза во всех военных округах и крупных городах. Создание этих «союзных» структур предполагало не только пропаганду в духе укрепления армии и борьбы с анархией в тылу, но и прием новых членов, а также поиск информации об антиправительственной деятельности социалистических партий, прежде всего, большевиков. Собиралась информация о тех армейских комитетах, которые, по мнению членов Союза, «наносили вред» боеготовности фронта. Таким образом, определяющей чертой деятельности Союза становилась «борьба с внутренним врагом».

Но работа одного лишь «надполья» оказалась недостаточной. Летом 1917 года члены Главного Комитета установили негласные контакты с известными политиками: П.Н. Милюковым, В.А. Маклаковым (до его отъезда в Париж в качестве российского посла), П.Б. Струве, Н.В. Савичем и др. Но главную роль Союз офицеров сыграл в подготовке выступления генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, ставшего Главковерхом после неудачных для Русской армии июльских боев. По свидетельству Ряснянского, «группа, образовавшаяся из состава Главного Комитета... Союза офицеров при Ставке, всего в составе 8-10 человек (во главе ее стоял полковник Сидорин — В.Ц.), и занявшая конспиративной деятельностью, поставила себе ближайшей задачей организовать среди офицеров

группу верных идее Национальной России. Вождем, за которым предполагалось идти, был генерал Корнилов. Корнилову об этом ничего не было сказано... часть членов Главного Комитета образовала группу, вошедшую в связь с некоторыми другими организациями... Конспиративные группы того периода представляли собой небольшие группы, главным образом офицеров, ничем не связанных и даже враждовавших между собою..., но все они были антибольшевистскими и антикеренскими».

Именно из этих групп предполагалось организовать мобильные офицерско-юнкерские отряды, с помощью которых следовало захватить центральные учреждения Петрограда и арестовать Петроградский Совет. Об их намерениях накануне выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. узнал Алексеев и, как будет показано ниже, категорически отказал в поддержке такого рода «активизма».

Союз выступил инициатором создания достаточно широкого фронта военно-политических организаций, используя для этого необходимые личные и деловые контакты. Еще 30 марта 1917 г. в Петрограде прошло учредительное собрание Военной лиги. Ее целью провозглашалось оказание «всемерного содействия и самой широкой поддержки к охранению, закреплению и усилению боеспособности Российских армии и флота», а также «обслуживание лишь профессиональных интересов дела государственной обороны, исключая из сферы своей деятельности политику, как таковую». Но в условиях «разложения армии и тыла» участие в политике становилось неизбежным. В воззвании «Офицеры и солдаты!» заявлялось:

«Свобода, завоеванная внутри страны, отнюдь не обеспечена от опасности извне. И борьба с этой внешней опасностью, — с занесенным над нами прусским стальным молотом, — во много раз серьезнее

и тяжелее, чем с тем царизмом, который всеми единодушно признан давно прогнившим».

Среди учредителей Военной лиги были: уже упоминавшийся выше полковник Лебедев (он же был и среди учредителей Союза офицеров), капитан 1-го ранга Б.А. Вилькицкий. Лига издавала газету «На страже».

В описываемый период продолжали свою работу также Союз георгиевских кавалеров, Союз увечных воинов, Союз бежавших из плена. Преимуществами подобных структур было то, что они, имея легальный статус юридических лиц, обладая хорошей военной организацией и дисциплиной, имели разветвленную сеть в тылу. Этого не хватало Союзу офицеров. Кроме того, Союз георгиевских кавалеров располагал организованной «дружиной», участвовавшей в разоружении частей Петроградского гарнизона, выступивших против Временного правительства 3-5 июля 1917 г.

Налаживалось взаимодействие и между различными организациями и союзами. 31 июля и 7 августа 1917 г. состоялись совместные заседания Союза офицеров и Военной лиги, на которых было принято решение о создании т. и. Союза народной обороны, в который помимо двух вышеназванных организаций могли войти и другие, аналогичные военные организации. 13 августа генералу Корнилову было вручено обращение, подписанное 10-ю организациями (Военная лига, Союз Георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз «Честь Родины», Союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения Родины, Общество 1914 года, Республиканский Центр).

По оценке Деникина, летом 1917 г. множество официальных и неофициальных контактов, встреч генерала с политиками и военными «создавало

иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его». В результате: «... суровый и честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, не искушенный в политике и плохо разбиравшийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, — искренне уверовал в провиденциальность своего назначения. С этой верой жил и боролся, с нею же и умер на высоком берегу Кубани».

Таким образом, Корнилов стал реальным «политическим центром», фигурой, притягивавшей к себе всех недовольных «слабостью власти», нерешительной, компромиссной политикой Временного правительства. Это сделало доблестного генерала, фактически, «заложником» тех политических сил, которые за ним стояли.

Именно Ставка Главнокомандующего в 1917 г. волею истории оказалась военно-политическим центром, из которого выросло впоследствии Белое дело. Корнилов принял Ставку как сложившуюся структуру. Основная ее задача многим представлялась уже не в качестве сугубо военного органа управления фронтами, но в качестве основы для формирования будущей политической власти, опирающейся на «силовые структуры» того времени — армию и чрезвычайные органы по управлению государством. Нужно было не только руководить войсками, но и организовать тыл на нужды фронта.

В этой ситуации генерал Корнилов вольно или невольно должен был учитывать настроения своего окружения, хотя сам к откровенной диктатуре и не стремился.

Для более эффективной работы нужны были и «гражданские» объединения, создаваемые не по принципу партийной принадлежности, а для решения конкретных политических задач. Они могли не иметь зарегистрированных уставных документов и программ. Членство в них не обязательно фиксировалось, участники знали друг друга, да и с точки зрения конспирации это было немаловажно. Такие объединения как Всероссийский Национальный Центр, Совет Государственного Объединения России, Союз Возрождения России стали политической основой Белого движения, сыграли не только огромную роль в работе белых правительств, в разработке их политических программ, но и в противодействии советской власти, организации белого подполья.

Уже летом 1917-го появились первые подобные структуры. Ушедший в отставку с поста военного министра А.И. Гучков начал работу «по объединению в борьбе с анархией здоровых элементов страны и армии». Будучи председателем Военно-промышленного комитета он мог координировать деятельность военных и деловых кругов, среди которых, пользовался большим авторитетом, как крупный текстильный фабрикант и финансист.

В апреле по инициативе директоров Русско-Азиатского и Петроградского международного банков — А.И. Путилова и А.И. Вышнеградского и при участии крупных финансовых, промышленных и страховых компаний было образовано Общество экономического возрождения России, председателем которого стал Гучков. Как вспоминал он впоследствии «мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов при выборах в Учредительное Собрание, а также для работы по борьбе с влияниями социалистов на фронте. В конце концов, однако, мы решили собираемые нами крупные средства

передать целиком в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против Совета рабочих и солдатских депутатов».

По свидетельству А.И. Путилова общая сумма собранных средств достигала 4 миллионов рублей, из которых 500 тысяч было направлено Гучкову «для организации пропаганды» (на эти средства финансировалась брошюра «Первый народный Главнокомандующий»). Остальные деньги были депонированы в ведущих банках, но по первому же требованию Гучкова или самого Корнилова промышленно-финансовая элита могла их предоставить.

Тесно связанным с организацией Гучкова — Путилова был т. н. Республиканский Центр. Возглавляемый инженером П.Н. Финисовым он создавал организационное прикрытие деятельности Общества экономического возрождения России и через его финансовый отдел переводились средства поддержки Корнилову. Сопоставляя различные источники, можно отметить также слаженную работу Республиканского Центра и Союза офицеров, действовавшего не только через Ставку, но и через военный отдел Республиканского центра во главе с вице-адмиралом А.В. Колчаком (до его отъезда в САСШ в июле 1917 г.) и полковником Л.П. Десиметьером. С Колчаком в июле нелегально встречался Милюков. О своей конспиративной работе с будущим Верховным Правителем писал В.В. Шульгин. Считалось, что и сама командировка Колчака в Америку была вызвана подозрениями Керенского в отношении нелегальной деятельности популярного флотоводца, стремлением «отправить адмирала подальше» от России.

Благодаря персональному представительству, осуществлялась координация планов военных союзов на персональном уровне: полковник Сидорин входил в

состав военного отдела Центра. Существовали контакты Центра с Союзом Георгиевских кавалеров, Союзом бежавших из плена (его члены — нижние чины — пользовались своим «статусом», получая информацию, в частности, из Московского совета солдатских депутатов). В случае объявления Петрограда на военном положении (по плану Ставки) и при вооруженном выступлении большевиков, опиравшихся на Петроградский Совет, члены военных организаций должны были захватить Смольный, арестовать противников Корнилова и поставить Временное правительство перед необходимостью «смены курса». Офицеры, рассчитывали поставить власть перед фактом ликвидации Петроградского Совета и ареста большевиков, после чего нужно будет менять политику, идти путем «укрепления порядка и государственности».

От Лавра Георгиевича ждали многого. Ждали критики правительства и требований передать руководящие полномочия Ставке. Заметный военно-политический резонанс должна была бы вызвать речь Корнилова на Государственном Собрании в Москве в августе. Не случайно во время специально подготовленной торжественной встречи в Москве, на Брестском (ныне Белорусском) вокзале, к генералу обращались как к «вождю» с требованиями о «спасении России».

Поезд Главковерха, остановившийся на запасных путях вокзала, стал своеобразным местом паломничества политиков и военных — от Милюкова, и Путилова, до известного монархиста В.М. Пуришкевича. Содержания бесед узнать невозможно. Очевидно, что все они, в той или иной мере, должны были убедить Корнилова в широкой политической поддержке его начинаний. Важную роль в предстоящем «выступлении» Корнилова сыграло созданное по инициативе М.В.

Родзянко частное совещание бывших членов Комитета Государственной Думы, кадетов и октябристов (П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, И. Шингарева, С.И. Шидловского, Н.В. Савича) на квартире у московского городского комиссара, члена ЦК кадетской партии Н.М. Кишкина. На нем представители Союза офицеров полковники Новосильцев и Пронин выступили с докладами по «программе Корнилова» и также заявляли о необходимости «общественной поддержки» генерала. Правда кадетские руководители — П.Н. Милюков и князь Г.Н. Трубецкой говорили, одновременно с этим, не только о важности, но и о невозможности военной диктатуры без массовой поддержки. После этих выступлений можно было поверить, что кадеты поддерживают Корнилова.

Но генерал стремился учитывать интересы и «левой» стороны своего окружения. Следуя консультациям Управляющего Военным министерством, известного эсера Б.В. Савинкова, а также по предварительной договоренности с премьер-министром А.Ф. Керенским, Корнилов обошел в своем докладе на Государственном Совещании все «острые углы», выразив уверенность в перспективах сотрудничества Ставки и правительства. От премьера, для осуществления предложенных мер, требовалась реорганизация кабинета. Технически это было несложно, ведь к августу Временное правительство меняло уже третий состав. Однако в политическом плане, это означало отказ от «углубления революции» и полный разрыв с советами рабочих и солдатских депутатов.

После Совещания, вернувшись в Ставку, Корнилов, при активной поддержке Савинкова и Филоненко, продолжил работу по подготовке к осуществлению своей программы. За это время Савинкову с трудом удалось добиться согласия Керенского на утверждение

смертной казни в тылу и введение закона о военно-революционных судах, призванных ввести дисциплинарные взыскания офицеров в рамки «демократической законности». Савинков считал это крупным успехом и надеялся, что в ближайшем будущем он заставит Керенского признать и остальные требования Ставки, прежде всего законы о комитетах и комиссарах:

«Керенский принципиально высказался за необходимость твердой власти в стране и, таким образом, открывалась возможность попытаться поднять боеспособность армии».

Однако «правые круги» не были заинтересованы в намечавшемся сотрудничестве с Временным правительством, во всяком случае с тем его составом, в котором допускалось вполне лояльное отношение к советской власти. В Ставке все большую популярность приобретал уже не вариант «коалиционного правительства» или столь же неопределенной Директории. Гораздо более перспективным предполагался вариант объявления Петрограда на военном положении, создания Петроградского генерал-губернаторства, под управлением Корнилова и формирования Особой армии, в состав которой должен был войти весь петроградский гарнизон.

Данный план, хотя и принципиально согласованный с премьер-министром, предполагал в будущем существенное усиление военно-политических сфер. И хотя Временное правительство 21 августа утвердило решение о выделении Петроградского военного округа в прямое подчинение Ставке (о чем официально сообщили Корнилову 24 августа), все-таки сама столица должна была оставаться под контролем только Временного правительства. На должность петроградского губернатора предполагался Савинков. В распоряжение правительства, для «ограждения от

посягательств с чьей бы то ни было стороны», Ставка должна была отправить конный корпус.

Вариант «Петроград под контролем Ставки» устроил бы Корнилова гораздо больше. Ведь тогда решались не только военные, но и политические проблемы. Объявление всего округа на военном положении позволяло ввести в действие «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении», согласно которым власть принадлежала уже не гражданским, а военным чинам.

25 августа, в полном соответствии с распоряжением правительства, в Петроград направился конный корпус. Это были казачьи части 3-го конного корпуса (а также Туземная («Дикая») дивизия) под командованием генерал-лейтенанта А.М. Крымова, хотя Корнилов обещал Савинкову отправить корпус регулярной кавалерии, во главе с более «либеральным» командиром. Правда, одновременно из Финляндии на Петроград двигался кавалерийский корпус генерал-майора А.Н. Долгорукова, но войти в столицу должны были именно казаки и горцы.

Союз офицеров продолжал свою активную работу. Корнилов, несомненно, считал его своей опорой. Новосильцев, Сидорин и Пронин были доверенными лицами генерала при получении средств от «Общества экономического возрождения России». Встречаясь с Путиловым в Москве Корнилов добился согласия на дальнейшее финансирование Союза и Республиканского Центра в объеме до 4 миллионов рублей. Даже когда под давлением Савинкова и Филоненко Корнилов решил перевести Главный Комитет Союза из Ставки в Москву, он говорил Новосильцеву, что делается это лишь для «отвода глаз». Корнилов надеялся на Союз, как на организацию, которая могла бы противодействовать отрядам Красной гвардии и большевикам в самом Петрограде, путем создания мобильных офицерско-

юнкерских отрядов. На их финансирование предполагалось направить средства организации Гучкова-Путилова (уже полученные 900 тыс. рублей пошли на аренду помещений для офицеров, приобретение мотоциклеток, автомобилей, оружия). Боевые структуры Союза офицеров фактически стали подчиняться самому Корнилову, действуя независимо от правительства.

Так, начиная вполне легальные действия по переброске частей к Петрограду, Корнилов отнюдь не исключал введение осадного положения в городе, отправил к столице казаков и горцев 3-го конного корпуса под командованием генерала Крымова, предполагал использование боевых отрядов Союза офицеров. Однако, все эти «нарушения» плана, принципиально согласованного с Савинковым и Керенским, не казались Главковерху преступными. Напротив, они представлялись необходимыми для укрепления «порядка». Внешне Корнилов продолжал подчеркивать свою лояльность правительству, хотя и не считал премьер-министра способным на решительные действия ради победы в войне.

Дальнейшие события т. н. «корниловщины» хорошо известны. Поездка в Ставку бывшего Обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова и его последующие заявления Керенскому о том, что Корнилов готовит свержение премьера. «Испуг Керенского» (по словам Савинкова) и объявление Главковерха «вне закона», ответные заявления Корнилова о предательской политике Временного правительства, «война телеграмм» между Могилевым и Петроградом, легализация отрядов Красной гвардии и остановка продвижения 3-го конного корпуса к Петрограду, самоубийство генерала Крымова и самопровозглашение Керенского руководителем «обороны Петрограда» от «контрреволюционных войск» Ставки.

Что же в эти дни делал Союз офицеров? 28 августа он опубликовал обращения о поддержке Корнилова. Этого было уже достаточно, чтобы обвинить его членов в «мятеже». Но вот те самые «офицерско-юнкерские мобильные отряды», на которые рассчитывали при предполагавшемся вступлении корпуса Крымова в Петроград, оказались не подготовлены. Их организатор полковник Сидорин, получив от «Общества экономического возрождения России» 800 тысяч рублей (для сравнения: пожертвования на всю Добровольческую армию в ноябре не превышали 600 тысяч), должен был получить чек еще на 1,2 миллиона. Однако Путилов, увидев «заговорщиков» в полной «боевой» готовности в ресторане «Малый Ярославец», с шампанским вместо револьверов, раздумал передавать им оставшуюся часть суммы. С.Н. Третьяков (председатель Московского биржевого комитета) вообще отказался жертвовать деньги на «авантюру».

Не менее интересные, сведения содержат опубликованные в эмиграции воспоминания инженера Финисова. Ведь члены Центра также собирались весьма активно действовать в момент приближения 3-го конного корпуса к Петрограду. Поскольку одной из задач корпуса предполагалась ликвидация Совета рабочих и солдатских депутатов (если бы он оказал противодействие Временному правительству), то для его «гарантированного разгрома» предполагалось разыграть следующий сценарий.

«Полки генерала Крымова продолжали двигаться к Петербургу. Не воспользоваться этим, — считал Финисов, — было бы преступлением. Если повода нет, его надо создать. Специальной организации было поручено на этом совещании вызвать «большевистское» выступление, т. е. разгромить Сенной рынок, магазины, одним словом, поднять уличный бунт. В ответ должны были начаться, в тот же день, действия офицерской

организации и казачьих полков генерала Крымова. Это поручение было возложено на генерала (тогда еще полковника — ВЦ.) В.И. Сидорина, при чем тут же ему было вручено 100 000 рублей на эту цель (из этой суммы генерал Сидорин истратил только 26 000 рублей на подготовку «большевицкого бунта», а остальные 74 000 вернул затем нам)... Момент же искусственного бунта должны были определить мы, т. е. полковник Десиметьер и я, после свидания с генералом А.М. Крымовым, переслав приказ шифрованной запиской в Петербург».

Примечательно, что согласно воспоминаниям Финисова «генерал Корнилов не был своевременно осведомлен о плане «искусственного большевицкого бунта» в Петербурге: мысль эта всецело принадлежит петербургской организации, принявшей такое решение в последний момент».

Казалось бы, ничто не предвещало неудачи такой «красивой» по форме, но глубоко порочной, провокационной по сути своей задачи. Если бы не неожиданное введение Сидориным «в курс дела» генерала Алексеева. По воспоминаниям Сидорина, также опубликованным уже в эмиграции, «день 28 августа был проведен в полной готовности; 29 августа, с утра до 4-5 часов дня я провел у генерала Алексеева, и при полном его одобрении в связи с общей обстановкой, вынуждены были отказаться от активного выступления в Петрограде по причинам исключительно важного характера».

Как же отреагировал Алексейев на информацию о подготовленном офицерскими группами «большевицком бунте» и каковы были те «причины исключительно важного характера», о которых упоминал Сидорин? Финисов приводит достаточно красноречивые свидетельства об этом: «С изумлением мы узнали..., что в городе все спокойно, что никакого

выступления нет, — вспоминал он события 30 августа. — Начали звонить генералу Сидорину по всем телефонам, но нигде его не находим. В 3 часа утра приезжает от него сотник Кравченко и сообщает, что генерал Сидорин имел беседу с генералом Алексеевым и что генерал Алексеев воспротивился выступлению... Трудно передать вам, как глубоко мы были потрясены!.. Утром (29 августа — *В.Ц.*)... он сообщил весь план генералу Алексееву. Алексеев решительно восстал против «провокации» и заявил: «Если вы пойдете на такую меру, то я застрелюсь! А перед смертью оставляю записку с объяснением причин». Сидорин подчинился, отменил распоряжения и вернул Республиканскому центру оставшиеся неизрасходованными деньги...».

Алексеев надеялся на подходящие к столице полки корпуса Крымова но, при этом, крайне опасался любых рискованных действий Союза офицеров. Вечером 29-го августа Алексеев уже выступал посредником между Керенским и Крымовым, вызывая последнего «для переговоров» в Петроград и разъяснения ситуации «к общему благу». Позднее Алексеев принял предложение Керенского «вступить в должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего». Только Главковерхом стал уже сам Керенский.

1 сентября в Ставке Алексеев встретился с Корниловым, передав ему распоряжение правительства об аресте. Арестовывая Корнилова и все руководство Ставки, Алексеев стремился, прежде всего, к спасению не только самого Главкома, но и сотен офицерских жизней, в частности членов Союза офицеров, от совершенно очевидного «революционного самосуда». Еще до ареста Корнилова Алексеев беседовал с товарищем председателя Главного комитета Союза офицеров полковником Прониным и предупреждал от необдуманных выступлений: «Полное спокойствие в настоящее время является единственным, что

необходимо для перехода к нормальной жизни... В деле устроения армии все меры будут энергично поддерживаться и проводиться. Если я в этом потерплю неудачу, то сложу полномочия. Данная же минута требует особого спокойствия и поддержания полного порядка, насколько это зависит от деятельности Главного комитета».

И хотя практически все руководство Союза оказалось арестовано, следует помнить, что низовые структуры оказались слабо затронуты репрессиями и стали через два месяца, в ноябре 1917-го, основой для создания т. н. «Алексеевской организации», для «борьбы с революцией», но уже в составе Белого движения.

История антисоветского подполья, безусловно, заслуживает внимания не только с точки зрения форм и методов борьбы с советской властью, но и с точки зрения формирования нелегальных структур, связанных с различными оппозиционными группами и социальными стратами российского общества, разделенного непримиримым противостоянием периода Великой Российской революции. Ошибочно мнение, разделявшееся в советской историографии что подпольные структуры действовали в некоем «вакууме» и включали в свой состав людей обреченных, озлобленных, стремящихся любой ценой отомстить за лишение определенных социальных, сословных привилегий. В реальности, антисоветское подполье было весьма широким как по своему составу, так и по степени взаимодействия с теми структурами и отдельными людьми, кто в той или иной степени был заинтересован в свержении советской власти. В истории антисоветского подполья целесообразно выделить несколько периодов, на протяжении которых преобладали те или иные методы и формы борьбы: от индивидуального террора и внедрения в работу

советских органов власти до организации повстанческого сопротивления и сотрудничества с представителями иностранных государств. При этом следует выделить еще одну немаловажную черту антисоветского подполья. До тех пор, пока в стране шла гражданская война активные, убежденные участники подполья были уверены в том, что их действия (пусть и нелегальные), по сути своей абсолютно законны и, более того, необходимы для «возрождения России», уже на том основании, что именно большевики, большевистская партия представлялась им партией «захватчиков власти», партией «государственных преступников». Те же силы, которые вели с советской властью организованную борьбу (прежде всего представители Белого движения) определялись как «единственно законная власть», хотя и не существующая еще в общероссийском масштабе.

В 1917-м году, после прихода большевиков к власти и разгона Учредительного Собрания в январе 1918 года началось формирование антисоветского подполья. Показательную оценку давал в своих воспоминаниях глава Управления юстиции Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР), активный деятель Всероссийского Национального Центра В.Н. Челищев. Он писал: «С разгоном Учредительного Собрания терялась надежда на то, чтобы победить большевиков легальным путем..., на очереди для каждого встал вопрос, подчиниться ли власти захватчиков или восстать на нее». Но, по точной характеристике другого члена Особого Совещания, бывшего московского городского головы Н.И. Астрова, «все это были собрания людей, потерпевших кораблекрушение. Это были люди связанные с разными партиями, люди недавних влияний в государственной, политической, общественной и хозяйственной жизни России. Собираясь тайком по конспиративным

квартирам, эти люди, потерявшие и состояние и положение, в глубине своего сознания все же не хотели примириться с тем, что совершилось. Совершившееся казалось настолько нелепым и абсурдным, что в долговечность создавшегося положения не верилось никому. Нужно было, однако, искать способы, чтобы столкнуть эту власть захватчиков. Для всех было ясно, что без реальной силы здесь не обойдешься. Нужно было создать армию, которая и выполнит эту операцию. Это было бесспорно. К тому же вооруженная сила стала формироваться на юге, среди казачьих областей, и за Волгой».

Важную роль в формировании антисоветского подполья играл Совет общественных деятелей (СОД), образовавшейся летом 1917 года для легальной поддержки политики Временного правительства. Среди потенциальных регионов сопротивления в конце 1917 — начале 1918 гг. наиболее перспективным считался Юго-Восток. По замечанию одного из членов Совета С.А. Котляревского, многие из приехавших на Дон политиков «считало, что и политически сейчас было бы достаточно образования т. н. Юго-Восточного Союза, объединяющего казачьи земли, и что нужно там создать прочную административную организацию — для чего и призывались в Новочеркасск и Екатеринодар люди, которые могут быть полезны своим опытом и своими знаниями». «Бесспорным авторитетом», признанным всеми «московскими группировками» в начале 1918 г., был генерал Михаил Васильевич Алексеев, а «все несоциалистические группы стояли за военную диктатуру». Добраться до Ростова на Дону и Новочеркаска было довольно просто. Тотальные проверки, обыски на станциях и вокзалах не носили еще систематического характера. «Непреодолимой» границы между Советской Россией и Донской областью не существовало. Для поездок использовались, в том

числе, и вполне подлинные документы, разъяснявшие, например, что их владельцы направляются на лечение в район Кавказских минеральных вод (их выдавал «Красный Крест»).

Накануне начала 1-го Кубанского похода многие известные политики и военные получили указания от генерала Алексеева вернуться в Москву и начать организацию подпольных антисоветских центров (например, П.Б. Струве, князь Г.Н. Трубецкой, Б.В. Савинков, М.М. Федоров, полковник Д.А. Лебедев, полковник Г.И. Полковников, С.С. Щетинин). В свою очередь некоторые известные московские и петроградские политики и общественные деятели участвовали в Ледяном походе (М.В. Родзянко, Н.Н. Львов, Л.В. Половцев, братья Б. и А. Суворины).

В этих условиях Совет оказался перед перспективой прекращения общественной деятельности, но, очевидно, его потенциал как объединительной структуры еще не был исчерпан. Совет имел формальную регистрацию, и под этим «прикрытием» можно было проводить собрания единомышленников. В Москве в первой половине 1918 г. еще оставались возможности легальной работы. Челищев отмечал, что «общественные деятели стали собираться вначале совсем не конспиративно». До лета 18-го работал клуб кадетской партии в Брюсовом переулке (несмотря на запретительный декрет Совнаркома об объявлении кадетской партии «партией врагов народа» (28 ноября 1917 г.)). Местом частных собраний Совета стало помещение Всероссийского Общества стеклозаводчиков (Фуркасовский переулок в Москве, д.7.). Новые члены Совета принимали участие в работе на правах консультантов. Наиболее активную группу составляли В.И. Гурко, А.В. Кривошеин, барон В.В. Меллер-Закомельский, Н.И. Астров, а также бывший товарищ министра внутренних дел Временного правительства

С.М. Леонтьев и известный московский общественный деятель, внук знаменитого русского актера — Н.Н. Щепкин. Значительную активность проявила академическая среда, представленная именами профессоров П.И. Новгородцева, С. А. Котляревского, Н.А. Бердяева, приват-доцента И.А. Ильина. Из будущих белых правоведов выделялись В.Н. Челищев, Г.А. Алексеев, В.А. Белецкий (Белоруссов) и Н.Н. Виноградский, приглашенный «для разработки вопросов, связанных с законодательством и государственным управлением». Но, в целом, по оценке Гурко, Совет представлял уже «московских второстепенных деятелей», а Котляревский и Виноградский (по мнению Мельгунова) были провокаторами, «завербованными» ЧК.

Позднее из среды СОДа выделилась надпартийная группа Московский Центр, позднее Правый Центр (ПЦ), объединившая в своем составе представителей пяти «несоциалистических объединений» (кадеты, Бюро Совета, Торгово-промышленная группа, Союз земельных собственников и «крайние правые») и насчитывавшая в своем составе, первоначально, девять человек («девятка»). Инициатива в формировании ПЦ принадлежала именно кадетам (П.И. Новгородцеву, Н.Н. Щепкину и А.А. Червен-Водали), поддерживавшим контакты с генералом Алексеевым. В декабре 1917 г. из Москвы в Новочеркасск были отправлены «информации о способах вербовки офицеров и солдат, порядок снабжения их средствами и фальшивыми документами, для переезда в Новочеркасск, и о порядке сношения с провинцией».

В течение лета-осени 1918 г. деятели Совета поддерживали контакты преимущественно с Правым Центром. Возглавлял Бюро Правого Центра Новгородцев, а неформальными руководителями признавались Гурко и Кривошеин. «Военная группа»

при ПЦ) была представлена адмиралом Немитцем и генералом Циховичем. «Региональное представительство» осуществлялось, главным образом, через посредство сохранившихся ячеек Союза земельных собственников, в состав Главного Совета которого входили и Кривошеин и Гурко. По статистическим данным в июле 1917 г. зарегистрированные организации Союза собственников существовали в 14 губерниях, из которых Воронежская, Московская, Минская, Рязанская, Саратовская, Тульская, Казанская, Пензенская входили в состав Советской России.

После выхода из состава ПТ) (в мае 1918 г.) торгово-промышленной группы и представителей кадетской партии (ЦК запрещал членам кадетской партии вступать в состав Центра), отъезда в Киев Гурко, Кривошеина и братьев Трубецких разведсводки из Москвы сообщали о создании нового Правого Центра, также возглавлявшегося Новгородцевым, в составе Астрова, Степанова, Федорова, Червен-Водали, всей группы «Единство», генерала Болдырева и адмирала Немитца. Членами нового ПЦ «считались» также генералы Лукомский и Драгомиров.

Однако, по мнению Гурко, «Правый Центр» возник независимо от инициатив Совета, который демонстрировал «бесплодность своих собраний». ПЦ обеспечил важные для белого подполья контакты с военными организациями и регионами. Для Гурко принципиальное значение имел представительный характер создаваемой организации. Многие члены Совета (Кривошеин, Струве, Новгородцев) должны были войти в состав новой структуры. Представительство определялось так: по три члена от партии кадетов, от торгово-промышленников и от Совета.

В отношении формы правления многие считали вполне приемлемой «конституционную монархию»,

закономерно вырастающую из принципов диктатуры. Одним из активных адептов этой идеи был профессор Котляревский. Другим защитником принципов парламентарной монархии был Новгородцев. На кадетских собраниях в начале 1918 г. он высказывал мнения о возможности создания новой, т. н. «национально-либеральной партии», программа которой будет сочетать «необходимость усиленного развития частной инициативы и покровительства ей». «Образцом», по его мнению, должна была стать «английская либеральная партия», которая вполне «естественно мирилась с монархией».

Внутриполитические споры были тесно связаны с внешнеполитическими. Для монархистов из ПЦ «монархическая Германия» представлялась более надежным союзником, чем республиканские Франция, США или «парламентарная» Англия. Летом в Москве, со ссылками на иностранных дипломатов, усиленно циркулировали слухи о том, что Великий Князь Михаил Александрович «жив и находится вместе с чехословаками в Омске» (тогда же в Архангельске о прибытии туда Великого Князя заявлял капитан Чаплин). Гурко считал, что «опасность, которой подвергалась Царская Семья, была для всех очевидна, и отвратить ее возможно было только мощной иностранной интервенцией. Страны согласия, даже если бы они к этому стремились, защитить Государя лишены были возможности. Наоборот, Германия, зависимость от которой советской власти была очевидна, думалось, в состоянии была оказать эту защиту». К тому же, восстановление монархии «основывалась на убеждении, что... в таком случае страна эта (Россия) в той или иной мере вновь станет в ряды противников Германии».

Легальной политической работой в послеоктябрьские дни пыталась заниматься Московская

городская дума. Несмотря на распоряжение Московского ВРК о закрытии Думы 6 ноября 1917 г., ее заседание под председательством О.С. Минора и В.В. Руднева состоялось в здании Народного Университета Шанявского и завершилось резолюцией протеста против «разгона» Думы, демократически избранной всеобщим голосованием, и осуждением «кровавой авантюры большевиков». Последнее думское собрание прошло 15 ноября. После этого продолжать легальную работу становилось опасно, и Дума больше не собиралась. Многие ее члены, присутствовавшие на заседаниях (Н.И. Астров, Н.Н. Богданов, П.А. Бурышкин, П.И. Новгородцев, Н.В. Тесленко, В.Н. Челищев, М.В. Челноков, Н.Н. Щепкин, П.П. Юренев), работали затем в московском подполье и в белых правительствах и общественных организациях. Однако, по оценке Челищева, думские деятели, ограничившись осуждением большевиков, упустили возможность сосредоточить вокруг себя большое число «противобольшевистских кадров», находившихся в это время в Москве (участников боев «кровавой недели»), что привело к слабости подполья.

Представители земско-городских структур не сразу покинули Москву. Центром их, уже полулегальных, собраний стал особняк графа Шереметева (Шереметевский переулок, д. 2.). Здесь до осени 1918 г. работал Главный Комитет Земско-городского объединения. Кадетская партия в годовщину открытия 1-й Государственной думы (27 апреля 1918 г.) смогла провести в десяти районах Москвы, «с большим успехом», свои митинги. Органы советской власти митингам не препятствовали. «Демократическая общественность» очень скоро пришла к сознанию невозможности ограничиваться рамками сугубо партийных структур. По воспоминаниям одного из лидеров партии народных социалистов (энесов) В.А.

Мякотина, после разгона Учредительного Собрания в Москве проходили переговоры между представителями ЦК партий кадетов, эсеров и энесов. Но переговоры завершились безрезультатно. «Тогда явилась мысль об ином пути — о создании внепартийной организации, в которую могли бы входить люди разных партий, объединенные общностью взглядов на основную задачу данного момента и признающие необходимость совместной работы для разрешения этой задачи». После предварительных консультаций между кадетами (Н.И. Астровым, Н.К. Волковым и Н.Н. Щепкиным), эсерами (Н.Д. Авксентьевым, А.А. Аргуновым и Б.Н. Моисеенко) и энесами (А.А. Пешехоновым, А.А. Титовым и Н.В. Чайковским) подобная структура была создана под наименованием Союз Возрождения России (СВР). На формирование Союза, очевидно оказали влияние прибывшие с Дона офицеры — посланцы генерала Корнилова. Несмотря на «внепартийный» характер, основой Союза стала партия энесов, причем правые эсеры (особенно до «омского переворота» 18 ноября 1918 г.) также активно участвовали в его работе. Создание внепартийной коалиции не исключало партийной деятельности, но, по мнению Аргунова, переговоры между партиями не давали положительных результатов «вследствие трудности примирить противоречия партийных программ, тактических платформ и требований партийной дисциплины». Созданием Союза, напротив, «была верно угадана насущная потребность коалиции творческих сил страны, объединения всех здоровых государственных элементов, способных стать выше партийной узости и нетерпимости, а своей «платформой» Союз вполне удовлетворял требованиям момента, выдвигая важное, основное и отодвигая частное или то, что может быть осуществимо лишь в отдаленном будущем».

Руководящее ядро московского СВР составили энесы С.П. Мельгунов, В.В. Волк-Карачаевский, эсеры М.В. Вишняк и И.И. Фондаминский. До тех пор, пока сохранялась возможность хотя и незначительной, но все-таки легальной работы, СВР использовал в качестве «трибуны» газету «Народное Слово» (под редакцией Пешехонова, Мякотина и Мельгунова), а после ее закрытия — нелегальные «Информационные листки». Несомненными преимуществами СВР были его контакты с рабочей средой и возможности выступлений на фабричных митингах (на Пресне в Москве, в Сормово под Нижним Новгородом), публичных собраниях «общественности» (для этой цели использовался партийный клуб энесов в Годвиновском переулке на Арбате).

Осуществление полномочий всероссийской власти, выражение российских интересов перед Антантой стало одной из причин создания еще одной коалиционной надпартийной структуры — Всероссийского Национального Центра (ВНЦ). Национальный Центр изначально создавался как организация на основе «персонального представительства» и единства в признании программы. Поэтому основное внимание уделялось тем же разработкам будущей политической программы Белого движения, которыми занимался и Совет общественных деятелей. Считалось, что «Национальный Центр в Москве должен... выработать готовые законопроекты..., составлять конкретные предложения по вопросам государственного строительства и политики; на Юге же нужно готовиться к практическому разрешению этих вопросов — сначала в местном, затем, может быть, и в общероссийском масштабе». Развернутую оценку ВНЦ дал Челищев, разработавший по поручению Щепкина и Леонтьева проект судебной реформы: «Национальный Центр не ограничивался посылкой офицеров в ряды

Добровольческой армии и оказанием последним материальной поддержки, но хотел и политически оплодотворить ведомую борьбу, сформулировать цели борьбы и сконструировать общие положения, которыми должна руководствоваться борющаяся против большевиков власть, организовать себя и жизнь в освобожденных от большевиков местностях». ВНЦ многими признавался в качестве основы будущего «национального правительства», которое должно было состояться не из приверженцев той или иной политической идеологии, не на партийной основе, а на основе защиты общих «национальных интересов».

Как и Правый Центр в начале 1918 г. ВНЦ создавался на основе персонального представительства. Подобный вариант членства, как уже отмечалось, был характерен, например, для масонских лож начала столетия. Но это совершенно не означало, что члены Центров объединялись по причине своей принадлежности к ложам. Представительство было от следующих групп: от «общественных деятелей» — Струве и Белецкий (Белоруссов), «от кадет» — Щепкин, Кишкин, Степанов, Астров, С.Р. Оникко, от группы «Единство» (социал-демократы «плехановского толка») — И.П. Алексинский. «Персонально» в состав ВНЦ входил Савинков. Весьма важное значение имела работа в составе Центра членов Всероссийского Союза юристов, председателем которого был Челищев. Помимо него самого в работе ВНЦ принимали участие профессора гражданского права И.А. Покровский и И.М. Хвостов. По образной оценке одного из участников ВНЦ, весь юридический факультет Московского Университета встал на сторону Белого движения. В отношении верховной власти, предвидя возможность режима единоличной диктатуры, Московский ВНЦ заявил о необходимости «передачи Верховной власти и военного руководства генералу Алексееву, как лицу, наиболее

авторитетному во всех слоях населения». Московские «представители Держав Согласия» также подтвердили, что «кандидатура генерала Алексеева является для них наиболее желательной». Предполагалось, что ВНЦ сначала «передает Алексееву Верховное Командование вооруженными силами, а затем, как это только будет технически возможно, облечет его при торжественной обстановке диктаторскими полномочиями».

Показательно, что для самого Алексеева подобное вручение власти было не таким уж и желательным. Очевидно, его угнетала ситуация «выбора вождя» и связанные с этим неизбежные интриги. В одном из писем, сохранившихся в архиве Политотдела Добрармии, он отмечал: «При современном положении дел, при наличии «центров», «групп», друг с другом несогласных... Москва, конечно, явится гнездом интриги и ареною борьбы двух ориентаций. Преобладание будет переходить то к одной, то к другой группе, будет выдвигаться то та, то другая кандидатура (Алексеев, Гурко, Болдырев и т. д.). Выразив раз свое согласие, поставив свои условия, я не втянусь однако в ход интриги..., я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой — достойнейший — ему и книги в руки, а я ухожу в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добрармии, ставя целью развитие ее до пределов, отвечающих общегосударственным задачам. Словом, готовый делать дело, я уклоняюсь от излюбленной интриги, борьбы «центров» и «групп»...».

Персональный состав лидеров ВНЦ должен был подчеркивать политическую значимость организации. Формальным главой Центра был кадетский «патриарх» Д.Н. Шипов, «человек очень крупного нравственного авторитета», которого «уважали люди политически с ним весьма несогласные». Фактическими руководителями ВНЦ стали бывший московский городской голова Н.И. Астров и представитель торгово-

промышленной группы М.М. Федоров. Оба они позднее вошли в состав Особого Совещания при Главкоме ВСЮР, став наиболее влиятельными его участниками, по существу руководителями деникинского правительства. Контакты с белым Югом до осени 1918 г. вели полковник Лебедев, А.А. Лодыженский и Белецкий (Белоруссов).

С июня 1918 г. ВНЦ и СВР, при участии представителей правых, приступили к разработке единого для всего московского подполья проекта «конструкции всероссийской власти», который, в ближайшем будущем, осуществился бы в одном из регионов антибольшевистской России. Этот «Московский» проект был составлен, по воспоминаниям Астрова, «в маленькой конспиративной квартире, в одном из переулков на Плющихе». Суть московской «модели власти» образца 1918 г. не сводилась первоначально к безусловному признанию «директориального принципа». Идея «военной диктатуры», ставшая развитием идей сторонников генерала Корнилова еще в 1917 г., была, по свидетельству Астрова, «без споров и сомнений... принята всеми военными организациями и организациями, в которые входили в подавляющем числе правые элементы». ЦК кадетской партии «после ожесточенных прений в многочисленных заседаниях, происходивших в Москве на разных квартирах, большинством голосов признал необходимость военной диктатуры, как временной преходящей меры... Национальный Центр без колебаний стал на точку зрения полного и безоговорочного признания необходимости на время борьбы с большевиками — военной диктатуры».

Московское подполье нуждалось в практическом обеспечении конспирации. Известным естественником, профессором Н.К. Кольцовым для нелегальных встреч

была предоставлена собственная квартира, а также аудитории Института экспериментальной биологии Государственного научного института здравоохранения. Совещания, как правило, проходили на частных квартирах участников подполья (чаще всего на квартирах, расположенных в переулках центра города: Н.Н. Щепкина (Трубный переулок, Хамовники)), Д.Н. Шипова (Конюшенный переулок), В.Н. Челищева (Николо-Песковский переулок), А.А. Титова (Газетный переулок), В.В. Волкова-Карачаевского (Девичье поле), графа Д.А. Олсуфьева (Мерзляковский переулок), А.А. Червен-Водали (на Пречистенке)). Внешняя конспирация удавалась немногим. Если Н.Д. Авксентьева, сбрившего бороду, узнать не могли, то Астрова, «ходившего по Москве в каком-то особом картузе», знали почти все знакомые. На хозяев квартир, случалось, доносили в милицию и в ЧК, но как правило, не соседи (домовая, корпоративная солидарность была достаточно высока, а политика «уплотнения», «вселения трудящихся» в многокомнатные частные квартиры еще не началась), а дворники и швейцары, прекрасно знавшие всех жильцов обслуживаемого ими дома. По воспоминаниям члена ЦК кадетской партии П.Д. Долгорукова, «изгнанные из дач и имений, мы должны были все лето, из-за опасений ареста и расстрела, вести в Москве кочевую жизнь в поисках ночлега, без прописки, опасаясь доноса швейцаров и дворников, постоянно меняя местожительства. Собиралось 2-3 раза в неделю лишь Бюро ЦК, человек 5-6, все лето по разным душным квартиркам на окраинах».

В июне-июле 1918 г. ЧК приступила к систематическим обыскам и проверкам. Квартиры Астрова, Титова, Долгорукова обыскивались по несколько раз, за ними было установлено наружное наблюдение. Не были надежным «убежищем» и

помещения, где находились дипломатические миссии. Был проведен обыск и арест в помещении французской дипмиссии (Садово-Кудринская), глава которой Гокье вынужден был покинуть Москву с украинским паспортом. Наиболее серьезный удар ЧК нанесло по кадетской партии, опираясь на декрет от 28 ноября 1917 г. После окончания майской 1918 г. конференции было арестовано свыше 60 членов Центрального и Городского комитетов кадетской партии.

Помощь членам Совета общественных деятелей оказывали супруги А.Д и А.С. Алферовы. А.С. Алферова была начальницей женской гимназии, а ее супруг (гласный Московской городской думы, член кадетской партии) был преподавателем гимназии. Некоторые участники московского подполья принимались в гимназию на работу, получая возможность легального заработка (несмотря на частный характер, гимназия поддерживалась МОНО (московский отдел народного образования)). Так, например, Челищев читал здесь курс законоведения, профессор А.А. Волков — преподавал математику.

Для достижения политических целей нельзя было обойтись без армии. В Москве военную группу «правых» представляли организации офицеров Гренадерского корпуса и 1-го гусарского Сумского полка. Их работу координировал бывший командир московского Гренадерского корпуса генерал-лейтенант Довгерт. Организация делилась по классически конспиративному признаку (введенному, вероятно, под влиянием Савинкова) — на «пятерки» и «десятки» (пять «десятков» составляли «отряд»). Во избежание провалов и провокаций рядовой член «десятки» знал только своего командира, а командиры «десяток» — только своего начальника отряда. Обеспечение организации Довгерта происходило за счет казны Гренадерского корпуса, вывезенной с фронта, и

используя частные взносы московских «торгово-промышленников».

Связи с военными организациями от Правого Центра поддерживали Кистяковский (до его отъезда в Киев и вхождения в правительство Скоропадского) и Степанов. Контакты с военными велись ими «единолично», что гарантировало определенную степень конспирации. Взаимодействие военных с политиками проводилось в форме обоюдного представительства в различных антисоветских организациях. Корнет Сумского полка А.А. Виленкин, член кадетской партии, осуществлял контакты с московским филиалом созданного в Ростове Союза защиты Родины и свободы (СЗРиС). В Союз позднее вошло и полковое объединение офицеров Московского округа. Организация Довгерта вместе с монархической группой присяжного поверенного Полянского сформировала группу, пытавшуюся освободить Царскую Семью в Екатеринбурге весной 1918 г. Но попытка установить контакты с немецким посольством для подготовки общего выступления против большевиков обернулась провалом организации (информацию о ней сообщили ВЧК).

По оценке Гурко, «военная подпольная организация производила впечатление чего-то несерьезного и, во всяком случае, отнюдь не мощного». «Рядовое офицерство отличалось необыкновенной болтливостью. О своем участии в «организациях» офицерство громко разговаривало на излюбленном ими для прогулок Пречистенском бульваре, проявляя при этом невероятную доверчивость ко всякому лицу, носящему военный мундир..., этим воспользовалась Московская чека и подсылала к юным конспираторам своих агентов, переодетых в военную форму». Не менее серьезным «дефектом Московской конспиративной военной организации было отсутствие во главе ее какого-либо общепризнаваемого, пользующегося неоспоримым

авторитетом и обладающего организаторским талантом вождя».

Определенные надежды на руководство московским военным подпольем возлагались на бывшего Главковерха, генерала Алексея Алексеевича Брусилова, члена Совета общественных деятелей, раненого во время октябрьских боев 1917 г. По свидетельству Гурко, «взоры офицерства были обращены к жившему в Москве генералу Брусилову, который не отказывался вообще в будущем возглавить военное движение, однако личного участия в организации его принимать не желал, ограничившись избранием для себя в будущем в качестве начальника своего штаба генерала Дрейера, который и состоял в некоторых сношениях с теми офицерами, которые возглавляли отдельные офицерские организации». Дрейер, очевидно, также поддерживал контакты с Мирбахом и передавал ему сведения о военном подполье. Брусилов «ставил условием для возглавления военного движения наличность в Москве вполне сплоченного офицерского контингента не менее 6 тысяч». Но в 1918 г., несмотря на большое количество офицеров в Москве, их организация для каких-либо самостоятельных действий не считалась важной. С точки зрения командования Добрармии, гораздо важнее было обслуживание интересов белых фронтов посредством отправки офицеров на Юг и в Сибирь. Собственно подпольной работе в 1918 г. не уделялось еще такое значение, как это произойдет в 1919 г. Работа подпольных военных структур в столице невысоко оценивалась штабом Добровольческой армии. Приехавший в Москву в июне 1918 г. генерал-майор Б.И. Казанович призвал всех офицеров, «входящих в контрреволюционные организации, отправиться в Добровольческую армию, потому что по сложившейся обстановке переворот в Москве обречен на провал». Подобная близорукость

отмечалась князем Г.Н. Трубецким, писавшим в своих воспоминаниях, что Казанович («квадратный генерал») твердо держался политических указаний командования Добровольческой армии и призывал к этому же все московское политическое подполье. Но, аналогичной с Казановичем оценки московских «центров» придерживался и сам генерал Алексеев. Суммируя впечатления от докладов Титова, П.В. Виридарского (агент «Паж» в «Азбуке» Шульгина) и Казановича, Алексеев в письме Деникину от 26 июня 1918 г. отмечал, что московские политики стремятся лишь к получению средств от союзников и с очень большим трудом идут на создание работоспособных антибольшевистских коалиций и, тем более, не могут заниматься разведработой.

Московские политики поддерживали тесные контакты с гетманским Киевом. С весны 1918 г. они осуществлялись по линии «Азбуки» В.В. Шульгина. Именно киевским и московским правым политикам принадлежала идея восстановления монархии при содействии Германии. В июне 1918 г. Кривошеин встречался с Мирбахом и от лица «блока» (имелся в виду Совет общественных деятелей), пытался добиться согласия на получение всесторонней помощи (не исключая и военную). Мирбах, допуская «уход большевиков», не исключал оказания помощи московскому подполью, но лишь в той степени, насколько это привело бы к «образованию режима соответствующего нашим (Германии — *В.Ц.*) пожеланиям и интересам», при этом «даже не обязательно будет сразу же восстанавливать монархию», также признавалось недопустимым, если «Царь или другой член Царской фамилии попадет в руки Антанты и будет использован ею для своих комбинаций (возможно, подобное отношение оказало косвенное влияние на принятие решения о расстреле

Царской Семьи в условиях угрозы наступления Чехословацкого корпуса — *В.Ц.*)». Кривошеин и Гурко обсуждали и возможность «немецкой помощи» организации генерала Довгерта. Однако, поскольку Мирбах выдвинул условием сотрудничества предоставление преимущественных прав немецким концессиям и признание независимости Украины, Белоруссии, Прибалтики и Кавказа, контакты с ним прекратились, а контакты Милюкова с Алексеевым и представителями Добрармии стали сугубо консультативными. Торгово-промышленная группа (во главе с С.Н. Третьяковым) заявляла о недопустимости экономического и финансового подчинения российской экономики немецкому капиталу в случае «беспошлинного ввоза германских товаров» (на чем настаивал Мирбах) и «открытия границ».

Сам посол всячески подчеркивал слабость общественной поддержки правых, ставя в пример кадетскую партию: «организуите сначала в этом направлении (свержения советской власти и восстановления монархии — *В.Ц.*) общественное мнение. А русское общественное мнение пока против нас... Вот если бы кадеты нас звали, — другое дело». Вообще немецкая «поддержка» антибольшевистского подполья была сомнительной: говоря о возможности свержения советской власти, военные и сотрудники дипмиссий опасались, чтобы подпольщики не «перешли к Антанте». Тогда как представители немецких войск на Украине (фельдмаршал Эйхгорн) не исключали своей поддержки монархистам против большевиков, дипломаты (сотрудник немецкого посольства в Москве Ритцлер, сам граф Мирбах) отрицали подобную перспективу.

За деятельностью московского подполья бдительно следила не только ВЧК, но и немецкая агентура. Когда подозрения в отношении антибольшевистских

организаций становились значительными, их выдавали ЧК. Так, при посредничестве капитана Прилукова (члена организации Довгерта) в течение июня 1918 г. немецкая разведка получала сведения о деятельности офицерского подполья СЗРиС, которые, затем, передавала ВЧК. А после подписания 27 августа с НКВД дополнительного соглашения к Брестскому договору (приложение 5 к п. 12 второй статьи договора), было заявлено: «немецкое правительство ожидает, что Россия использует все средства для подавления восстания генерала Алексеева и чехословаков, иначе Германия выступит со всеми силами, имеющимися в ее распоряжении, против генерала Алексеева».

Как отмечалось выше, одной из причин появления Национального Центра в Москве стал раскол с Правым Центром в оценке возможности «ориентации» на Германию или на союзников. Способствовала этому «расколу» майская резолюция кадетской конференции в Москве (13-15 мая 1918 г.), на которой, в докладе Винавера, была подчеркнута «необходимость участия России в антигерманской коалиции» и «непризнание партией» Брестского мира. ЦК партии на пленарном заседании 13 июля 1918 г. подтвердил, что он «отвергает возможность восстановления независимой России и создания в ней национальной государственной власти при содействии германской коалиции». ЦК кадетов пытался стать своеобразным «мостом» между СВР и ВНЦ.

Если Правый Центр считал перспективными надежды на посольство Германии, то Союз Возрождения России и Национальный Центр активно налаживали контакты с дипломатическими представительствами Антанты (до их отъезда из Москвы в Вологду), особенно с послом Франции Нулансом и консулом Гренаром. Нуланс оказывал реальную финансовую поддержку подполью. На

квартире князя Е.Н. Трубецкого велись переговоры членов ПЦ с французскими представителями (в них участвовали Кривошеин, Струве, Гурко и Астров).

Расхождение с правыми произошло при обсуждении возможности участия Японии в военных действиях на Восточном фронте. Посол России в Париже В.А. Маклаков считал, что участие японских войск в войне против советской власти — «единственный способ спасти Россию от власти «созданной Германией» и от окончательного расчленения», а возможные негативные последствия японского десанта могли бы «нейтрализовать» американские и английские войска. Представители же Правого Центра выступали категорически против японского участия. Барон Б.Э. Нольде, представлявший в ПЦ кадетскую партию, был убежден в сугубо «потребительском» отношении стран Антанты к России, а Японию признавал давним врагом России. Гурко считал, что десант стран Антанты (без участия японских войск) необходимо «снабдить продовольствием» для обеспечения не только войск, но и местного населения.

Но и отношение дипломатов Антанты к московскому и петроградскому подполью не отличалось последовательностью. В отечественной историографии «заговор послов» летом 1918 г. характеризовался как имеющий значительное влияние на эскалацию гражданской войны, усиление «интервенции против молодой советской республики». Между тем по оценке британского вице-консула в России Р. Брюс Локкарта, «в наших различных миссиях и остатках миссий была неразбериха. Не было ни одной на правах полного авторитета..., я был в полном неведении относительно деятельности целой группы британских офицеров и уполномоченных». Позиция британского МИДа, в первой половине 1918 г. сводилась к признанию того, что «оказание поддержки небольшим офицерским армиям

на юге значило толкнуть большевиков на нечестивый союз с немцами. Оказать поддержку большевикам — здесь была серьезная опасность, по крайней мере, на первых порах, что немцы будут наступать на Москву и Петербург и посадят здесь свое буржуазное германофильское правительство». Разведсводки из Москвы сообщали: «поведение союзников неумелое и странное, они стремятся вести переговоры отдельно с каждой группой и... с казаками. Стремятся всех держать на своей стороне путем мелких подачек и каждой группе говорят то, что приятно по ее политическим убеждениям..., они мечутся как угорелые, но прочно сложившегося убеждения о необходимости воссоздания единой России у них нет». Финансовая «поддержка» подполья со стороны союзников была довольно нерегулярной и незначительной, хотя адресовалась сразу трем организациям: Правому Центру (новой, «союзнической ориентации»), Левому Центру (как условно называли СВР) и СЗРиС Савинкова. Американского посла Д. Френсиса Локкарт считал весьма далеким от политики вообще и дипломатической работы, в частности, человеком, вся миссия которого сводилась лишь к предотвращению возможного участия Японии в российских делах. Правда, самого Локкарта обвиняли в «игре на два фронта», в ведении одновременных переговоров и с большевиками, и с их противниками.

И только после выступления Чехословацкого корпуса против большевиков в мае-июне 1918 г. позиции стран Антанты стали более определенными. До этого момента британский МИД еще пытался добиться от Совнаркома согласия на «немедленную военную помощь» для восстановления Восточного фронта, тогда как военное министерство (генерал Пуль, военный атташе полковник Торнхилл и др. — *В.Ц.*) отстаивало необходимость борьбы против большевиков, как

«союзников Германии». В июне 1918 г. руководство СВР получило, наконец, неофициальную — «вербальную ноту» от Нуланса, которая, по сообщениям разведотдела Добрармии, выглядела так: «союзники торжественно гарантируют полную неприкосновенность русской территории», «союзниками предприняты весьма крупные меры, чтобы с самого начала наряду с военной помощью была бы оказана в самом широком размере экономическая помощь, и они постараются содействовать продовольствию России», «союзники всегда будут оказывать поддержку Временному, а потом и Постоянному правительству вне зависимости от каких бы то ни было соображений о форме правления этого правительства, если только оно будет правительством порядка и будет соответствовать национальным чаяниям русского народа».

Локкарт и его секретарь капитан Хикс установили непосредственный контакт с «антибольшевистскими силами», из которых британский вице-консул выделял Струве и Федорова. Все же британские и французские представители считали, что ввод войск на территорию России может быть осуществлен и без взаимодействия с антибольшевистскими организациями.

Переговоры в Москве заметно повлияли на активность представителей СВР на Севере России, где были высажены первые союзные десанты. Не случайно, что с первых же месяцев действий Антанты в Мурманске и Архангельске именно СВР активно взялся за создание общероссийских структур управления на Севере. Лидеры СВР (Мякотин, Аргунов, Авксентьев) считали, что «частичные вооруженные выступления против большевиков, которые вспыхивали то там, то здесь и быстро подавлялись..., должны были уступить место объединенному, широкому выступлению разом в некоторых наиболее крупных пунктах и в наиболее удобный момент, каковым признавался момент

появления более или менее серьезной силы из союзных армий». По воспоминаниям другого участника СВР, будущего военного министра Комуча В.И. Лебедева «вкратце план был таков. Восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архангельске и их движение к Вологде на соединение с Волжским фронтом. Другой десант во Владивостоке и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать оборонительный фронт до их прихода... Волга была избрана как наиболее удачное место, потому что она была достаточно удалена от центра большевистских сил, потому, что на ней происходил уже ряд стихийных крестьянских и городских восстаний, потому что на Волге имелось много эвакуированного с фронта вооружения и потому, что она представляла собой естественный барьер, за которым легко было начать развертывание всех наших сил. И, наконец, за Волгой уже боролось и с большим успехом демократическое уральское казачество и с ним крестьянство двух соседних уездов Николаевского и Новоузенского».

Тактика одновременного выступления, скоординированного с союзниками на Севере и на Дальнем Востоке, стала основой предполагавшихся антисоветских действий летом 1918 г. Военный центр при СВР возглавил генерал-лейтенант В.Г. Болдырев (будущий Верховный Главнокомандующий в составе Уфимской Директории осенью 1918 г.). В Москве СВР не пользовался достаточным влиянием в военной среде, поэтому основную военно-политическую работу ему пришлось вести на Севере России.

Значительную помощь французы оказывали московскому отделению Союза защиты Родины и свободы Б.В. Савинкова (СЗРиС). СЗРиС получил заметное влияние в военной среде. Савинкову,

начавшему работу с 5 тыс. рублей, полученных от Алексеева, и несколькими офицерами, в течение февраля-марта «удалось создать большой и сложный аппарат, работавший с точностью часового механизма». Помимо французских источников финансирование СЗРиС осуществлялось и московскими промышленниками. Финансовая «зависимость» членов Союза от Савинкова заключалась в предоставлении им не ежемесячных, а разовых, но крупных субсидий, что не позволяло переходить в другие организации.

Объединив остатки Союза офицеров и Союза георгиевских кавалеров, полковые ячейки и образованные в 1918 г. отделения Союза фронтовиков, СЗРиС создал свои структуры не только в Москве, но и в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Костроме. Деньги от союзников получал лично Савинков, он же контролировал их расход. Тщательно соблюдались правила конспирации: члены Союза оповещались руководителями путем регулярных поквартирных обходов районных отделений; общие сборы проводились или во время богослужений, крестных ходов или на городских кладбищах. Агенты Савинкова были и в некоторых правительственных учреждениях (по данным сводки контрразведки Добрармии, Московский губернский продовольственный комитет на 75 % состоял из «офицеров Савинковской организации»). СЗРиС имел своих осведомителей и в советских штабах, разведработой в Союзе руководил полковник Ф.А. Бредис: «Мы знали решительно все большевистские военные силы, бывшие в то время в Москве, знали склады оружия и патронов, знали много из того, что делалось в других городах». Разоблачение «заговора послов» командирами красных латышских стрелков стало, как известно, главным пунктом подтверждения антисоветской деятельности дипмиссий Антанты. Однако, по свидетельству Локкарта, он

«догадался», что латышские командиры (Я. Берзинь и др.), обратившиеся к нему за помощью против большевиков, «были провокаторами». Другой фигурант «заговора» опытный сотрудник «Интеллидженс Сервис» Сидней Рейли говорил, что «Берзин и другие латыши, которых он знал, вначале искренне не хотели сражаться против союзников. Когда они поняли, что интервенция союзников не серьезна, они отшатнулись от него (Рейли — *В.Ц.*) и выдали его, чтобы спасти свои шкуры». Так или иначе, но латышские стрелки участвовали в то время, как в антисоветском подполье (полковник Бредис, генерал-майор К. Гоппер), так и среди защитников советской власти.

Позиции «союзнической ориентации» отстаивались также ЦК кадетской партии. По свидетельству Долгорукова, «московским сидением» «мы спасли партию». ЦК в Москве, его петроградское отделение, а затем и пленарный ЦК в июле в Москве единодушно высказались, несмотря на внешний и, отчасти, партийный натиск, за союзническую ориентацию». Твердость позиции московских членов ВНЦ и СВР все же заставила считаться с этими организациями. В августе 1918 г., после неудачного выступления Савинкова в Ярославле и фактической ликвидации московского отделения СЗРиС, финансирование антисоветского подполья было переведено на вышеназванные надпартийные объединения. Финансирование проводилось в валюте (весьма ценной в условиях кризиса 1918 г.). Схема перевода денег была такова: сбором пожертвований в рублях от частных лиц занималась одна из английских торговых фирм в Москве, собранные средства обеспечивались финансовыми обязательствами, полноценными для лондонских банков, которые, в свою очередь, переводили валютные средства на счета американского генерального консульства. Отсюда, уже обналиченную,

валюту получал Хикс, передававший ее подпольщикам. Те же, кто должен был перевозить из Москвы на юг наличные суммы в валюте, полученные от «союзников», сильно рисковали. Например, по словам Астрова, у полковника Новосильцева был украден в дороге портфель с «очень значительной суммой денег из Москвы, от Национального Центра».

В 1918 г. дипломатические представительства в Советской России не обладали безоговорочной экстерриториальностью. По подозрению в помощи антисоветскому подполью ЧК санкционировало обыск в здании бывшего английского посольства в Петрограде, во время которого погиб британский морской атташе капитан Кроми. В августе 1918 г., в ходе борьбы с выступлениями Савинкова в Ярославле, левых эсеров в Москве и Чехословацкого корпуса, были проведены обыски и аресты иностранных дипломатов (раскрытие «заговора послов»).

В то же время в Москве официально открытое генеральное консульство Украинской Державы весьма активно использовалось для прикрытия антисоветской работы. Прежде всего это касалось получения украинского подданства, выдачи новых паспортов и отъезда «за границу» — на Украину. По свидетельствам Гурко и князя Трубецкого, получение украинского паспорта не составляло значительных формальных трудностей. Посольство возглавлял бывший служащий общеземского союза Кривцов (Кривский), имевший большие связи в среде московской общественности. Его благословил Святейший Патриарх Тихон. Консул «отличался отменной любезностью и готовностью помочь всем и каждому. Регистрация принадлежности к уроженцам Украины была самая фантастическая».

Но с июля 1918 г. порядок регистрации был ужесточен, «требовалось разрешение различных большевистских учреждений, начиная с Центроплана и

кончая Комиссариатом по Иностранным Дела́м. Без этого разрешения нельзя было получить визы от Германского Генерального Консульства на въезд в Украину». Однако, и в этой ситуации выезд на Украину не становился невозможным. По воспоминаниям Челищева, служащие Наркомата иностранных дел, бывшие судебные чиновники, помогали своим коллегам, ставшим участниками подпольных центров, в оформлении командировок на Украину, выдаче соответствующих документов. Довольно эффективной была отправка по линии Общества Красного Креста. Не вызывали подозрений даже командировки от Всероссийского Союза городов, хотя самой этой структуры уже не существовало. По свидетельству В.Н. Челищева, «во всех канцеляриях работали чиновники старого времени», знакомые с подпольщиками по совместной государственной службе. Так, например, в отделе оформления заграничных паспортов работало много бывших адвокатов, а в самом НКВДе оставалось много прежних чинов Императорского МИДа, «одноклассников» многих подпольщиков по совместной учебе в Училище правоведения или на юридическом факультете Московского Университета. Широко практиковалась подделка подписей на командировочных удостоверениях, написанных на бланках того или иного ведомства.

Маршрут переезда на Украину проходил по линии Брянской (ныне Киевской) железной дороги через Калугу, Брянск и Унечу («пограничный» пункт между Советской Россией и немецкой зоной оккупации), далее — через Оршу или Хутор Михайловский, в общем направлении на Киев. Другой маршрут на белый Юг проходил через Саратов на Царицын и далее — через границу Всевеликого Войска Донского. Но на этой «эстафете» часто «сходили» с курса и от Саратова, вместо Царицына, отправлялись на Урал и в Сибирь (так

на Восточный фронт прибыл полковник Лебедев). К августу 1918 г. этот «путь сообщения с Сибирью», в оценке донесений СВР, становился «все более непроходимым». Поволжье и Урал становились прифронтовым районом, где проходили боевые действия между красной армией, войсками Комуча, Донской армией.

Таким образом, частые взаимные контакты между белым Югом и Сибирью в первой половине 1918 г. были вполне возможны. Уже с весны многие кадеты, члены СОДа, начали покидать Москву для участия в легальной работе в антибольшевистских правительствах. Получив указания от майской конференции кадетской партии, в Сибирь отправились В.Н. Пепеляев и А.К. Клафтон. Московский СВР запрашивал Омск: «Необходимо указать, какие категории лиц нужны Сибири, какие области управления по преимуществу должны быть обслужены», «хотелось бы также знать и про материальные условия, которые обещаются лицам, имеющим отправиться в Сибирь».

Но главное внимание уделялось белому Югу. В течение лета 1918 г. туда выехали Астров, Степанов (ему было переданы резолюции собраний Национального Центра, ЦК кадетской партии и СВР) и Федоров. В сентябре через Оршу и Гомель выехали в Киев Гурко и Меллер-Закомельский. В ноябре на Юг отправились Челищев, Титов, московский мировой судья Г.А. Мейнгардт (возглавивший на Юге «Комиссию по расследованию преступлений большевиков»), а в начале декабря — Н.К. Волков, А.С. Салазкин и А.А. Червен-Водали. Последним из московских «активистов», опасаясь за судьбу своей семьи, остающейся в Москве, на Юг выехал П.И. Новгородцев. Показательно, что выезд некоторых из них (Степанова, Астрова, Челищева) сопровождался назначением их на определенные правительственные должности,

предварительно согласованные с генералом Алексеевым. Особое Собрание и местные отделения кадетской партии, особенно Ростовский и Екатеринодарский областные комитеты, должны были тесно сотрудничать с ВЦ, к чему призывал, например, князь Долгоруков: «Партия Народной свободы, считая теперь надпартийное единение главной своей национальной задачей, может призывать широкие слои общества к содействию заданиям и работе именно Национального Центра», «главная партийная работа наша и состояла именно в образовании широкого междупартийного и общественно-политического фронта, долженствующего подпереть противобольшевистскую военную силу, дать толчок приложения союзнической помощи и способствовать образованию русской государственности».

Роковыми по своим последствиям событиями для московского подполья в 1918 г. стали неудавшееся покушение на Ленина и официальное провозглашение 2 сентября 1918 г. «красного террора». По оценке Гурко, «жизнь в Москве для принадлежащих к прежним зажиточным слоям населения, а тем более — для причастных к прежней государственной или общественной деятельности, стала совершенно невозможной. О какой-либо политической работе с малейшей надеждой на успех не могло быть и речи. Унести ноги от непосредственной близости к большевистскому застенку — вот на чем приходилось сосредоточивать свои усилия..., в Москве почва горела у нас под ногами».

Источники и литература

Вакар Н. Заговор Корнилова (по воспоминаниям А.И. Путилова). // Последние новости, Париж, № 5784, 24

января 1937.

Винберг Ф.В. В плену у обезьян, Киев, 1918.

Виноградский Н.Н. Совет общественных деятелей в Москве. 1917-1919 гг. // На чужой стороне, т. IX, Берлин-Прага, 1925.

Военный листок, Петроград, № 1, 22 апреля 1917.

Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский (беседа с П.Н. Финисовым). // Последние новости, Париж, № 5818, 27 февраля 1937.

Гучков А.И. Из воспоминаний. // Последние новости, Париж, № 5668, 30 сентября 1936.

Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 2, Париж, 1922.

Деникин А.И. Об «исправлениях» истории. // Последние новости, Париж, № 5713, 14 ноября 1936.

Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1987.

Милюков П.Н. По поводу сообщения П.Н. Финисова // Последние новости, Париж, № 5825, 6 марта 1937.

На страже (орган Военной Лиги), Петроград, № 1, 14(27) августа 1917; № 2-3, 28 августа (10 сентября) 1917.

Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8-10 августа 1917 г. М., 1917.

Путилов А. Заговор генерала Корнилова (Ответ моим критикам) // Последние новости, Париж, № 5839, 20 марта 1937.

Савич Н.В. Воспоминания, СПб, 1993.

Сидорин В.И. Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние новости, Париж, № 5817, 26 февраля 1937.

Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919.

Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925.

Быков А, Панов Л. Дипломатическая столица России. Вологда, 1998.

Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига., б.г.

Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917-1918 гг. // Архив русской революции, т. XV. Берлин, 1924.

Гутман А. (Ган) Россия и большевизм. 1914-1920. 4.1. Шанхай, б.г.

Дело Бориса Савинкова. М., 1925.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3, Берлин. 1924.

Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории, № 9, 1971.

Долгоруков П.Д. Великая разруха, Мадрид, 1964.

Из архива В.И. Лебедева // Воля России, Прага, т. VIII-IX, 1928.

Иконников Н.Ф. Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков. 1918-1919 гг. // Русское прошлое, № 7, 1996.

Котляревский С.А. Национальный Центр в Москве в 1918 г. // На чужой стороне, т. VIII, Берлин-Прага, 1924.

Красная книга ВЧК, М., 1989, тт. 1, 2.

Локкарт Р.Г. Брюс. Мемуары британского агента, Лондон, Нью-Йорк, 1932.

Мельгунов С.П. Суд истории над интеллигенцией (к делу «Тактического Центра» // На чужой стороне, т. III. Берлин.

Мельгунов С.П. Немцы в Москве. 1918 г. // Голос минувшего на чужой стороне, № 1, Париж, 1926.

Московская Городская Дума после Октября. // Красный архив, М.-Л., 1928, т. 2 (27).

Мякотин В.А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне, Берлин — Прага, т. II.

Павликова Л. «Сотрудники «Азбуки» свято исполнили долг» // Источник, 1997, № 3.

Письма белых вождей // Белый архив, т.1., Париж, 1926.

Розенберг В. Алферовы Александр Данилович и Александра Самсоновна // Памяти погибших, Париж, 1929.

Русская революция глазами петроградского чиновника // Грани.

Соколов К. Попытка освобождения Царской Семьи // Архив русской революции. Т. XVII, Берлин, 1926.

Сумские гусары. 1651-1951, Буэнос-Айрес. 1954.

Тесленко Н.В. Воспоминания об А.А. Виленкине // Памяти павших, Париж, 1929.

Г. Потапов

Российские масоны в 1917 году

После революции 1905–1907 годов в России возродились масонские ложи. Инициатором их возрождения выступил профессор Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), уволенный из Московского университета в 1887 по приказу министра народного образования И. Д. Делянова. С этого времени он жил преимущественно за границей. Посвящён в степени ученик, подмастерье, мастер в один день — 14 марта 1888 года в Париже в русскоязычной ложе «Космос», входившей в структуру Великого Востока Франции. В 1901 году вместе с Е. В. де Роберти и Ю. С. Гамбаровым основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где проходили обучение российские политики оппозиционного направления. В этой школе вели занятия М. А. Волошин, М. С. Грушевский, Н. И. Кареев, В. И. Ленин, И. И. Мечников, П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, Г. В. Плеханов, М. И. Туган-Барановский, В. М. Чернов и другие.

В книге С. П. Карпачёва «Путеводитель по тайнам масонства» принятыми в масоны в ложе «Космос» числятся: «Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) — выходец из известной семьи русских православных священников (принят 16 мая 1905). Отец Амфитеатрова был протоиреем московского Архангельского собора, известным проповедником, автором трудов по ветхозаветной истории. По матери Амфитеатров был племянником известного профессора политической экономии Московского университета А. И. Чупрова. Отец и дядя были друзьями, их совместный круг чтения включал произведения Бокля, Милля, Маколея, О. Тьери. Путём самообразования они выучили

французский, немецкий, английский языки. По определению писателя, А. И. Чупров был «одним из самых последовательных, убежденных и бесстрастных... позитивистов, каких только имела европейская наука». Единственной религией профессора была вера в человечество и любовь к человеку. По политическим убеждениям он был либералом-конституционалистом.

После окончания московской гимназии Амфитеатров в 1880–1885 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. Здесь он слушал лекции своего дяди А. И. Чупрова, В. О. Ключевского, С. А. Муромцева, но особенно большое впечатление на него произвел М. М. Ковалевский, яркий портрет которого был воспроизведен им в одном из произведений. Но Амфитеатрова больше науки в студенческие годы влекла сцена. Он учился пению, брал уроки у московской знаменитости Александровой-Кочетовой и у итальянских специалистов. После окончания университета, вопреки желанию родных, Александр отказался от юридической практики, уехал в Тифлис, где пропел два года вторым баритоном в местном оперном театре. Однако его сценическая карьера не сложилась, что, впрочем, вполне компенсировалось литературным дарованием и известностью. Он стал крупным журналистом, одним из самых популярных русских писателей конца XIX — начала XX в. Его литературная и публицистическая деятельность носила ярко выраженный общественный характер. В 1902 г. за публикацию в газете «Россия» фельетона «Господа Обмановы» — сатиры на царствующий дом — Амфитеатров был подвергнут административной ссылке. По возвращении из нее он начал сотрудничать в газете «Русь», имевшей огромный успех у публики и, естественно, подвергавшейся административным взысканиям. В конце концов газета была запрещена за

публикацию «Стихарей», где в форме торжественных церковных песнопений высмеивались черносотенцы, министры, царская семья. Амфитеатрову была запрещена журналистская деятельность, что вынудило его эмигрировать. В эмиграции писатель преподавал в Русской высшей школе общественных наук в Париже, читая там курс античной истории. Он был активистом школы, предлагал меры по улучшению ее работы. В 1906 г. Амфитеатров издавал журнал «Красное знамя», в программе которого были заложены идеи борьбы с самодержавием, пропаганды парламентской республики, федеративного устройства, бессловности, женского равноправия. В первом, апрельском номере журнала, вышедшего в Париже, была опубликована статья А.М. Горького «Не давайте денег русскому правительству», содержащая призыв не финансировать борьбу царизма с революционным движением в России. В 1910–1911 гг. Амфитеатров пытался издавать журнал «Современник», в 1913–1914 гг. — литературные сборники «Энергия». В 1916 г. писатель после данного ему в честь 300-летия дома Романовых разрешения возвратился в Россию стал сотрудником газеты «Русская воля». 22 января 1917 г. он опубликовал материал под названием «Этюды», где в форме криптограммы охарактеризовал политику министра внутренних дел А. Д. Протопопова как «безумную провокацию, ведущую страну к революционному урагану». За это автор был снова сослан, но начавшаяся Февральская революция освободила его.

Через месяц после посвящения Амфитеатрова в эту же ложу Космос был принят Евгений Васильевич Аничков (1866–1937), ведущий свою родословную от ветви дворян Аничковых Новгородской губернии, известной с XVII в. Его отец был майором армейской пехоты, мировым посредником, почетным мировым

судьей. Позже он окончил Военно-юридическую академию, служил военным судьей в Вильно и Тифлисе, затем снова вернулся в строй. Василий Аничков был человеком литературно образованным, в молодости — страстным актером-любителем. На этой почве был знаком с Григоровичем, Тургеневым, Достоевским.

Е.В. Аничков поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал учеником А.Н. Веселовского. Однако через год он был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и в течение двух лет отбывал воинскую повинность на Украине, где изучал местный фольклор и крестьянскую жизнь, что позже помогло ему в научных изысканиях. В 1889 г. «воин» снова был принят в альма-матер, закончил ее в 1897 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В начале XX в. Аничков работал секретарем Русской высшей школы общественных наук в Париже. В 1904 г. он вместе с А. В. Тырковой был арестован за провоз через русско-финляндскую границу 300 экземпляров «Освобождения». Суд над ним был первым процессом над либеральной русской интеллигенцией. Аничков достаточно глубоко воспринял идеи масонства и пронес их через всю свою жизнь.

В мае 1905 г. в «Космос» вступил еще ряд соратников М. М. Ковалевского по Русской высшей школе общественных наук. В частности, «угрюмый и одинокий» Юрий Семенович Гамбаров (1850–1920) — выходец из армянской семьи, профессор гражданского права Московского университета, как и почти все его братья по масонскому Ордену не поладивший с российским начальством и вынужденный жить и работать за границей.

Иван Захарович Лорис-Меликов (1862 —?) — племянник некогда всесильного «диктатора сердца» М. Т. Лорис-Меликова, врач, работавший в Пастеровском

институте, верный помощник М. М. Ковалевского во всех его начинаниях.

Михаил Иванович Тамамшев (? - 1908) — управляющий Тифлисским банком, историк. Преподавал в Русской высшей школе общественных наук древнюю историю.

Александр Семенович Трачевский (1838-1906) — выходец из купеческой семьи, крупный русский историк, автор целого ряда гимназических учебников. А. С. Трачевский, не будучи широко известен российской публике своей общественно-политической деятельностью, тем не менее был достаточно активно включен в нее. Несмотря на статус преподавателя великих князей, он был связан с «неблагонадежными элементами», находящимися под надзором полиции. Трачевский вместе с М. С. Маргулиесом принимал участие в создании Радикальной партии. Большой интерес историк проявлял к организации народного образования: в Одессе создал женские учебные заведения, вместе с женой организовал «Новую школу» с совместным обучением. Занимался издательской деятельностью, публицистикой, печатаясь в «Русской мысли», «Критическом обозрении», «Биржевых ведомостях».

Известный русский поэт Максимилиан Александрович Волошин (1872-1932), судя по его дневниковым записям, стал масоном одной из парижских лож ВЛФ в мае 1905 г. В июле этого года он прочитал доклад в своей мастерской Священное Жертвоприношение. Через три месяца у поэта наступило охлаждение к Ордену. В одном из своих писем он сообщал: «Мое масонство, то, которое я видел, кажется мне поверхностным и ненужным. Я не знаю, как мне теперь быть с моим масонством». Поэт увлекся теософскими исканиями и отошел от Ордена.

Крупным деятелем масонского движения стал Василий Алексеевич Маклаков (1870–1957). Он вышел из очень интересной российской семьи. Его мать принадлежала к богатой культурной семье стародворянского склада. Единственная дочь состоятельных родителей, она получила прекрасное домашнее образование: свободно владела тремя иностранными языками, была ученицей знаменитого пианиста Фильда. Отличалась глубокой религиозностью. Она умерла в 33 года, когда Василию было 11 лет. Дед Маклакова по отцовской линии, «живописный старик с длинными белоснежными волосами», очень способный, легко увлекающийся человек, постоянно менял род своих занятий. Начинал как врач, увлекся петушиными боями, для чего вывел особую породу петухов, изобретал вечный двигатель, беспроектную систему игры в рулетку, заводил молочное хозяйство с сыроварнями, написал драму «Богдан Хмельницкий», поставленную в Малом театре, на старости выучил английский и переводил Шекспира. Отец Маклакова был музыкален, хорошо играл на скрипке. Он окончил Московский университет, стал профессором офтальмологии, автором научных трудов по своей специальности, членом разнообразных ученых обществ. Василий Маклаков являлся гласным Московской городской думы и губернского земства и вообще был в Москве фигурой заметной и уважаемой. Он был патриотически настроенным, в меру верующим, либеральным. По описанию сына, отец — дворянин, но по духу скорее принадлежал к интеллигенции. Он и его друзья являлись сторонниками реформ 60–70 х гг., выступали за доведение их до конца, до «увенчания здания», то есть за конституцию. К миру «обиженных судьбой» они относились без высокомерия, не считая их «быдлом», а себя «белой костью», ценили в себе культуру и образованность, выступали за

распространение их в народе. Народофильские учения считали просто несерьезными, революционные — опасными и мешающими делу реформ. Вторым браком отец Маклакова женился на Лидии Филипповне Ломовской. Она окончила 2-ю московскую женскую гимназию, посещала математический факультет женских курсов, оставила его для занятий литературой, стала писательницей, выступавшей под псевдонимом «Л. Нелидова» или «Л. Н.». Ее произведения — сборник сказок «Радость», повесть «Девочка Лида», рассказ «Полоса» и др. — пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались. Мачеха вела большую общественную работу: была членом многих обществ и организаций, устраивала лекции, концерты, чтения, вела обширную переписку с общественными и литературными деятелями, в частности с Г.А. Лопатиным и Г.И. Успенским. В юности она была близка к революционным кругам.

Домашнее образование Василия Маклакова было типичным для дворянских отпрысков. Дома учили грамматике, арифметике, географии, истории, музыке. В специальной детской библиотеке были книги Ф. Купера, В. Скотта, Ж. Верна. С гувернанткой Василий «научился свободно болтать по-французски», позже появилась англичанка. Немецкому, по воспоминаниям Маклакова, учились плохо, немецких учителей не любили, тем не менее, Шиллера он мог читать в подлиннике. Как и во многих других семьях, учением руководила мать. С ее смертью домашнее обучение закончилось. Его отдали в 5-ю московскую гимназию. О гимназических годах у Маклакова остались двойственные впечатления: «Общение с товарищами меня до известной степени мирило с гимназией, и я был рад, что ее проходил... Но сама классическая гимназия ее худшего времени, эпохи реакции 80-х годов, оставила во мне такую недобрую память, что я боюсь

быть к ней несправедливым». Гимназист учился отлично, «не был ленив, имел хорошую память», древние языки его не отталкивали. В выпускной характеристике было отмечено, что он «с особенной любовью занимался изучением труднейших отделов грамматик древних языков». Его выпускная работа по латинскому языку была признана лучшей в округе, но золотую медаль он не получил в связи с «дурным поведением».

В. А. Маклакова, как и многих людей его времени, университет привлекал «не специальными знаниями, которые в нем преподавали... а казался обетованной землей, оазисом среди мертвой пустыни». Выбор факультета вследствие этого представлялся делом второстепенным. В пику учителям гимназии, ожидавшим от него поступления на филологический факультет, юноша выбрал естественный. Разочарование не замедлило сказаться. Изучение анатомии, ботаники, других специальных дисциплин оказалось для него делом скучным. Студента больше привлекали лекции на других, гуманитарных факультетах. В 1890 г. Маклаков за участие в студенческой сходке был арестован и исключен из университета. Благодаря хлопотам отца в университете удалось восстановиться, заодно сменив естественный факультет на исторический. К занятиям историей он был достаточно подготовлен, прочитав ранее Тита Ливия, Геродота, Фукидида, книги о французской революции, сочинения Ламартина, Луи Блана, Ламенне, прослушав лекции В. О. Ключевского. Под руководством одного из крупнейших русских медиевистов П. Г. Виноградова Маклаков стал серьезно заниматься наукой. Уже в студенческие годы он опубликовал статью «Об избрании жребием в Афинах». Курс исторического факультета был окончен с дипломом первой степени. Но Маклаков к этому времени внутренне стал сознавать, что научная карьера

не для него, что он по своей натуре не кабинетный ученый, ищущий истины ради ее самой, что несмотря на первоначальный успех жилки настоящего ученого у него нет. К тому же в 1895 г. в возрасте 57 лет скончался отец, встал вопрос о зарработке. В новых жизненных условиях Маклаков решил стать адвокатом. Это было продиктовано не только материальными соображениями. «Мой короткий жизненный опыт, — писал он, — открыл мне... что главным злом русской жизни является безнаказанное господство в ней „произвола“, беззащитность человека против „усмотрения“ власти, отсутствие оснований для защиты себя». «В торжестве „права“ над „волей“ — сущность прогресса, — размышлял Маклаков. — В служении этому — назначение адвокатуры». Для того чтобы стать адвокатом, было одно «маленькое» препятствие — нужен был диплом юридического факультета. В 1896 г. после трехмесячной подготовки Маклаков экстерном сдал экзамены за весь курс юридического факультета, до конца жизни считая это своим главным «спортивным достижением». В 27 лет он начал адвокатскую карьеру.

На студенческой скамье Маклаков включился в общественную жизнь, хотя время его обучения в Московском университете пришлось на период контрреформ, когда студентам запрещались всякие действия, носящие корпоративный характер, и каждый студент подписывал обязательство не участвовать в «обществах». Тем не менее Маклаков явился одним из организаторов московского землячества университета, панихиды по скончавшемуся 17 октября 1889 г. Н. Г. Чернышевскому. Мечтой Маклакова было создание легальной студенческой организации, наподобие произведшей на него столь большое впечатление парижской ассоциации студентов, поэтому во время студенческих беспорядков 1890 г., начавшихся в Петровской академии и поддержанных университетом,

он пытался уговорить своих коллег «не губить начатого дела», то есть формирования разрешенного студенческого общества. Однако он был арестован вместе со всеми, помещен в Бутырскую тюрьму по обвинению в принадлежности к «социал-революционной партии» и исключен из университета. После восстановления в нем Маклаков стал председателем хозяйственной комиссии при университетском хоре и оркестре — подобии органа самоуправления. Именно с деятельностью этой комиссии связана первая большая публичная речь будущего адвоката. Во время голода 1891 г. он предложил сбор от традиционного концерта в пользу неимущих студентов передать голодающим. Наслушавшись во Франции первоклассных трибунов и начитавшись речей Мирабо, Маклаков убедил членов комиссии в отстаиваемом им предложении и получил репутацию прославленного оратора. Однако, как и любое общественное начинание, это не понравилось начальству, и передача средств голодающим была запрещена. В это же время он сблизился с «народолюбцем» Любенковым, у которого познакомился со многими будущими деятелями освободительного и конституционного движения. В студенческие же годы Маклаков пережил увлечение толстовством. И одно лето провел в колонии почитателей учения, конец которой был закономерен: крестьяне, узнав, что господа очень добрые и злу не противятся, для начала «увели» у колонистов лошадь, а затем пришли и за всем остальным. Несмотря на разочарование в практическом применении учения Льва Николаевича, к самому Толстому Маклаков до конца жизни испытывал глубокое уважение, был дружен с ним и его семьей. Отмечал глубокое влияние его идей на становление своего мировоззрения. Общественный темперамент Маклакова привел его в освободительное движение. Во время

своих регулярных пасхальных и рождественских поездок за границу, начатых с 1897 г., он делал доклады о положении в России перед специально приглашенной публикой, собиравшейся у П. Б. Струве, М. М. Ковалевского, народника К. В. Аркадского (Добриновича). Несколько позже Маклаков стал сотрудничать с «Освобождением», доставляя в журнал материалы и документы. В России он вошел в либеральный кружок «Беседа», заняв в нем должность секретаря. Сам Маклаков начинал отсчет своей политической деятельности с учредительного съезда кадетской партии, на который, как и в ее центральный комитет, он, по собственному мнению, попал «по недоразумению». Однако затем «от всей души принял участие» в ее работе.

В.А. Маклаков вступил в масонский Орден под непосредственным влиянием и при посредничестве М. М. Ковалевского. Диплом парижской ложи Масонский Авангард Великого Востока Франции, выданный Маклакову, свидетельствует о его вступлении в Братство 18 апреля 1906 г., причем сразу в 3-ю масонскую степень мастера, что, в принципе, допускалось правилами Ордена. Однако переписка Маклакова с Ковалевским показывает, что дело обстояло несколько иначе. В письме от 3 мая 1905 г. (это была среда) Ковалевский пишет своему адресату: «Многоуважаемый Василий Алексеевич! Прошу Вас быть у меня в пятницу в 4 часа. Придут масоны, и Ваш прием в ложу может состояться в понедельник». Пятница выпадала на 5 мая, следовательно, понедельник — на 8. В письме от 17 мая Ковалевский обращается к Маклакову по масонскому обычаю «Дорогой собрат», что свидетельствует о вступлении последнего в Орден между 4 и 17 мая 1905 г. (скорее всего, как и планировалось, 8 мая в неизвестную масонскую ложу). В апреле же 1906 г. он перешел в Масонский Авангард,

получив к этому времени степень Мастера, что и засвидетельствовал масонский диплом.

Верность масонским идеалам и принципам Маклаков пронес через всю жизнь. Он стал одним из основателей масонства в России. На его квартире происходила инсталляция ложи Возрождение в мае 1908 г. высокопоставленными эмиссарами Великого Востока Франции. Ими же он был возведен в 18-ю степень.

На сегодняшний день не обнаружено прямого влияния М.М. Ковалевского и его группы на вступление в масонский орден известного петербургского общественного деятеля Евгения Ивановича Кедрина (1851-1921), Сергея Андреевича Котляревского (1873-1939), Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844-1936)».

В августе 1905 года во время революции М. М. Ковалевский возвратился в Россию и активно включился в политическую жизнь. В сентябре 1905 участвовал в съезде земских и городских деятелей в Москве. В 1906 году Ковалевский основал партию демократических реформ, просуществовавшую до 1907 года. В 1906 году он был избран депутатом первой Государственной думы от Харьковской губернии. В июле 1906 он же возглавлял думскую делегацию на 14-й международной межпарламентской конференции в Лондоне. В составе 1-й Государственной думы всего 11 депутатов из 499 были масонами: А. Г. Вязлов, Е. И. Кедрин, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. П. Обнинский, А. А. Свечин, С. Д. Урусов, К. К. Черносвитов, Д. И. Шаховской, Ф. Р. Штейнгель. 8 июня 1906 года бывший заместитель министра внутренних дел С. Д. Урусов обвинил Департамент полиции в организации еврейских погромов.

Во 2-й Государственной думе было 8 депутатов-масонов из 518: А. А. Булат, Ф. А. Головин, А. А.

Демьянов, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. А. Маклаков, О. Я. Пергамент, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарёв. Председателем 2-й Государственной думы был избран Ф. А. Головин.

С 1906 года в Петербурге под руководством М. М. Ковалевского работала ложа «Полярная звезда». В ней состояли: Н. В. Некрасов (1879–1940), Е. И. Кедрин (1851–1921), А. А. Свечин (1865–1929), А. И. Шингарёв (1869–1918), П. Е. Щёголев (1877–1931). В 1908 году в Москве им же была создана масонская ложа «Возрождение» Великого востока Франции, патент на открытие которой М. М. Ковалевский получил ещё в 1906 году. М. М. Ковалевский был её досточтимым мастером и 1-м стражем. В ложе состояли 25 членов, в числе которых были: Ю. С. Гамбаров (1850–1926), В. А. Маклаков (1869–1957), В. И. Немирович-Данченко (1848–1936), В. П. Обнинский (1867–1916), С. Д. Урусов (1862–1937). Для официального открытия этих лож в Петербург и Москву в 1908 году заезжали французские масонские эмиссары Ж. Буле (1855–1920) и Б. Сеншоль (1844–1930).

В ноябре 1908 года в Петербурге прошёл первый съезд российских масонов, на котором присутствовало до 60 человек. На нём были созданы два руководящих органа российских масонов: Верховный совет во главе с князем С. Д. Урусовым и Совет для членов высоких степеней посвящения во главе с князем Д. О. Бебутовым.

В 3-й Государственной думе заседали 11 депутатов-масонов из 446: А. А. Булат, Ф. А. Головин, Г. Р. Килевейн, А. М. Колюбакин, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов, О. Я. Пергамент, Н. С. Розанов, В. А. Степанов, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарёв.

В 1910 году была создана думская ложа «Роза». Кадеты составляли и большинство в ложах по сравнению с представителями других партий —

главным образом меньшевиками и народническими группами. В основном это были представители либеральной и демократической интеллигенции: журналисты, адвокаты, профессора, депутаты III и IV Государственной думы, промышленники, финансисты, общественные деятели. Среди масонов было много юристов. В одной только петербургской судебной палате и петербургском коммерческом суде масонов было не менее 50 человек. Это присяжные стряпчие, присяжные поверенные и их помощники: Б. Г. Барт, М. В. Бернштам, А. Я. Гальперн, А. К. Гольм, В. Я. Гуревич, Н. Б. Глазберг, В. Л. Геловани, А. А. Демьянов, А. А. Исаев, С. Е. Кальманович, А. Ф. Керенский, Е. И. Кедрин, М. С. Маргулиес, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. К. Черносвитов, И. Н. Сахаров, Г. Д. Сидомон-Эристов, А. Ф. Стааль, Л. М. Берлин, Л. М. Брамсон, П. А. Брюнели, Б. Л. Гершун, К. П. Гес де Кальве, А. Э. Дюбуа, Б. И. Золотницкий, М. К. Адамов, М. Г. Казаринов, А. М. и Е. М. Кулишер, И. А. Кистяковский, Н. В. Майер, А. Д. Лаврентьев, С. В. Познер, Б. С. Орнштейн, П. Н. Переверзев, Н. В. Петровский, Я. М. Шефтель, А. С. Шапиро, Г. Б. Слиозберг, М. Д. Ратнер, Б. Е. Шатский и другие.

В 1910 году, от лож Великого востока Франции начинают учреждаться ложи, которые вскоре составили основу новой организации, получившей в 1912 году название — Великий восток народов России (ВВНР).

Великий восток народов России был создан на учредительном съезде в Москве летом 1912 года. Характерным отличием лож ВВНР от лож ВВФ являлась отмена ряда обязательных пунктов в работе масонских лож. Такими пунктами стали: упразднение степени подмастерья, упрощение ритуалов, написание политических программ вместо зодческих работ, обсуждение политических вопросов на собраниях, работа не во имя прогресса, как в ложах Великого

востока Франции, а политическая активность в Государственной Думе.

Руководящим органом организации был верховный совет, во главе которого стоял генеральный секретарь. Первым генеральным секретарем верховного совета ВВНР был Н. В. Некрасов, с 1913 по 1914 год — А. М. Колюбакин, левый кадет, далее на пост руководителя организации вернулся Н. В. Некрасов, а начиная с 1916 года — эсер А. Ф. Керенский. После того, как А. Ф. Керенский стал во главе правительства России в июле 1917 года, пост руководителя ВВНР перешёл к управляющему делами Временного правительства меньшевику А. Я. Гальперну. ВВНР объединял несколько десятков лож, приблизительно, из 10-15 человек каждая. Лож создавались по территориальному принципу. Общее число членов лож ВВНР составляло около 400 человек.

В 4-й Государственной думе депутатов-масонов было 23 человека: А. Н. Букейханов, Н. П. Василенко, В. А. Виноградов, Н. К. Волков, Е. П. Гегечкори, Ф. А. Головин, Д. Н. Григорович-Барский, И. П. Демидов, И. Н. Ефремов, А. Ф. Керенский, Ф. Ф. Кокошкин. А. М. Колюбакин, А. И. Коновалов, Н. В. Некрасов, А. А. Орлов-Давыдов, А. А. Свечин, М. И. Скобелев, В. А. Степанов, К. К. Черносвитов, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, А. И. Шингарёв, Ф. Р. Штейнгель.

Первая мировая война дезорганизовала социально-экономическую жизнь страны. Участились сбои в работе транспорта. Сельское хозяйство сокращало производство продовольствия в условиях, когда нужно было кормить не только город, но и фронт. Царская бюрократия не могла решить эти сложнейшие задачи. Либеральные деятели были не прочь воспользоваться ухудшением ситуации, чтобы добиться воплощения в жизнь своей мечты — конституционной монархии. Но ситуация продолжала ухудшаться, и настолько, что это

стало вызывать опасения «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». «Общественности» приходилось маневрировать перед двумя перспективами — глухой абсолютистской реакции и смуты. Задача либералов в этих условиях заключалась в том, чтобы добиться от императора конституционных уступок до того, как режим доведёт дело до социальной революции. Но Николай II упрямо отказывался от любых уступок.

В 1915 году представленные в Думе политические партии попытались установить контроль за деятельностью государственного аппарата, выдвинув лозунг ответственного министерства. Однако Николай II считал недопустимым делиться ничем сверх того, что у него вырвали силой в 1905 году.

Стремление Николая II сосредоточить в своих руках как можно больше полномочий в условиях войны ещё больше подорвало его авторитет. Поражения 1915 года, назначение себя на пост главнокомандующего, отказ пойти на уступки даже умеренно-оппозиционному Прогрессивному блоку, скандальные слухи, связанные с Распутиным, — все эти обстоятельства изолировали императора. Самодержавие своей неэффективностью и неуступчивостью довело страну в условиях войны до глубокого кризиса.

Либеральная общественность имела легальные структуры, которые занимались поддержкой армии, с одной стороны, и критикой правительства — с другой. Это — Прогрессивный блок, лидерами которого были председатель Государственной думы, октябрист Родзянко и кадет П. Милюков, Центральный военно-промышленный комитет во главе с октябристом А. Гучковым, и Земско-городской союз (Земгор), лидерами которого был и князь Г. Львов, и московский городской голова М. Челноков.

Среди масонов также строились планы государственного «дворцового» переворота. Но эти планы ограничивались разговорами. То, что сторонники подмены революции в России заговором выдают за факты не выдерживает критики. Например, В. Грачев своей книге «Победоносный Февраль» 1917 года: масонский след» пишет на странице 187: «Несомненным участником заговора был и председатель Государственной Думы М. В. Родзянко. Во всяком случае, последнее совещание заговорщиков 9 февраля 1917 года с участием генералов М.В. Алексеева, Н. В. Рузского и полковника А. М. Крымова происходило именно в его кабинете».

Сразу бросается в глаза, что все доказательства участия Родзянко в заговоре сводятся к неизвестно на чём основанной или вообще ни на чём не основанной несомненности. Но если почитать воспоминания дворцового коменданта Николая II В. Н. Воейкова «С Царём и без Царя», то там на странице 117 можно прочесть: «21-го января (1917 года — Г. П.) члены союзной комиссии, с французским министром Думером во главе, были приглашены к Высочайшему обеду в Царскосельском Дворце. На время их пребывания приехал из Ставки в Петроград генерал Гурко, вызванный телеграммой Государя для замещения с 8 ноября 1916 года по 23 февраля 1917 года лечившегося в то время в Севастополе генерал-адъютанта Алексеева».

То есть, начальник штаба Ставки генерал Алексеев находился 9 февраля на лечении в Крыму, его не было даже в Могилёве. Оттуда в Петроград вызывался его заместитель Гурко. А Брачев уверяет читателей, что он в это время в Петрограде совещался с «заговорщиками».

Впрочем сторонники «масонского заговора» пишут ещё и не такое. Например, А. Виноградов в книге

«Тайные битвы XX столетия» написал на странице 15: «Морозов, в частности, содержал (вместе с Горьким) ленинскую партийную школу на острове Капри. Он же дал сто тысяч рублей на организацию вооружённого восстания в Москве».

Этому Виноградову вероятно неведомо, что школа на Капри была не ленинской. Там читали лекции богостроители А. А. Богданов и А. В. Луначарский. А главное работала она в 1909 году. Между тем Савва Тимофеевич Морозов застрелился ещё 13 мая 1905 года. И поэтому не мог давать и 100 тысяч рублей на восстание в Москве в декабре того же года.

На странице 29 у того же Виноградова писано: «Шестого сентября 1911 года в Киевском драматическом театре двумя выстрелами в упор был смертельно ранен П. А. Столыпин». Виноградову даже лень узнать дату. Хотя покушение на Столыпина было 1 (14) сентября, а 5 (18) сентября он умер. И далее следует то же самое. На странице 81 Виноградов называет министра внутренних дел Протопопова премьер-министром, а двумя страницами ранее задаётся риторическим вопросом действовал ли Бьюкенен по указаниям правительства её величества королевы? То, что в 1917 году в Британской империи был на троне король Георг V ему вероятно неизвестно.

А некая Я. А. Седова в своей книге «Великий магистр революции», дописалась вот до чего: «Марксизм считает, что монархия в России погибла из-за своей отсталости, а она погибла из-за Гучкова», (стр. 189). То есть миллионы недовольных монархией рабочих, крестьян, солдат, либералов, офицеров, генералов, эсеров, большевиков и т. д. монархии свергнуть не могли. А мог только один Гучков.

Стремясь подогнать реальность к своим выдуманном схемам сторонники «разжалования» революции в заговор специально «забывают» то, что в

эти схемы не укладывается. Например Д. Каптарь пишет: «Рано утром 28 февраля Николай каким-то образом выскользнул из-под контроля и на поезде поехал в Царское село». То есть он игнорирует свидетельство В. Н. Воейкова, что как только император пожелал ехать, так и поехал. И не каким-то образом, а самым обыкновенным. Вот цитаты: «Государь сказал... ввиду создавшегося положения Я Сам решил сейчас ехать в Царское Село и сделайте распоряжения для отъезда».

Я доложил Государю, что Он может сейчас же ехать ночевать в поезд, что всё приготовлено, и что поезд может через несколько часов идти в Царское Село.

...Около 12-ти часов ночи Государь Император со свитой прибыл на станцию в поезд... 28-го февраля Императорский поезд пошёл на Оршу, Вязьму, Лихославль». (В. И. Воейков «С Царём и без Царя» М. 1994. стр. 126-127).

Военных раздражало, что император со своим бюрократическим аппаратом не могут обеспечить нужды армии, и поэтому им нравилась либеральная критика. На заседаниях Особого совещания по обороне под председательством Поливанова Родзянко и Гучков могли позволить себе почти любую критику в адрес правительства.

Либерализм военных объяснялся их недовольством правительством и самим Николаем II, о котором генерал Лукомский будучи заместителем военного министра говорил: «Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам известна неустойчивость его взглядов».

Родзянко вспоминал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916-го и в начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что

Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен». Гучков признал позднее: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось».

Гучков действовал в контакте с масонами, но две эти группы были самостоятельными. Гучков был полон идей, но не имел средств для их осуществления. Масоны были очень осторожны. Устройство лож было рассчитано на организацию благожелательного диалога между членами. Меньшинство в масонских ложах не подчинялось большинству. Говорить о централизованной организации не приходится. Масон А. Гальперн вспоминал о ложе: «Главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами, — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, помощи друг другу». Наибольших успехов масонская организация добилась на парламентском поприще. По воспоминаниям самих масонов, их парламентская ложа стояла левее Прогрессивного блока.

А. Гальперн признает: «Революция застала нас врасплох». Рычагов для воздействия на ситуацию у масонов не было. Можно было обмениваться информацией с теми братьями, которые, подобно Керенскому, бросились в водоворот событий, можно было смотреть из окна на бунтующие толпы и печалиться, что революция свершилась не так, как мечталось.

Версия масонского заговора все-таки имеет некоторую основу. И масонский заговор, и заговорщические планы Гучкова существовали на самом деле. Только их влияние на развитие событий было незначительно. Решающую роль играли совсем другие обстоятельства. Во время войны обострился социальный кризис, сложившийся в России еще в начале века. В 1917 году ситуация вновь, как в 1904–1905 годах, стала революционной. Причины недовольства были теми же, что и в 1905 году — аграрный кризис, тяжелое социальное положение рабочих, отказ режима делиться властью с предпринимателями и интеллигенцией, военные неудачи. За время войны цены выросли в среднем в 3,7 раза. Фронт потреблял 250–300 миллионов пудов из 1300–2000 миллионов пудов товарного хлеба. Это пошатнуло продовольственный рынок. В обращении к царю председатель Думы Михаил Родзянко писал: «Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением». Кто в этом виноват? Разве масоны?

Эффективность государственного управления была крайне низкой. Чиновники неохотно делились полномочиями с общественностью, даже узкой и элитарной. Что до царя, замкнувшего на себя принятие наиболее важных решений, то он если и перетруждался, то не государственными делами. М. Родзянко вспоминает о диалоге с царем: «После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомлённый вид.

— Я утомил Вас, Ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня, ходил на глухарей. Хорошо в лесу было».

9 января 1917 г. в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов, приуроченных к годовщине Кровавого воскресенья 1905 г. К рабочим присоединились студенты. Демонстранты несли лозунги «Долой войну!», «Да здравствует революция!».

27 января полиция арестовала членов возглавляемой К. Гвоздевым рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Вместо того чтобы вступить в диалог с рабочим движением, правительство и полиция провоцировали конфронтацию. Они подрывали стабильность империи сильнее всяких масонов. Уже в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25 % от нормы. Февральские заносы стали только «последней каплей» транспортного паралича, охватившего Россию. «Железные дороги, главным образом вследствие отчаянного состояния паровозов, начали впадать в паралич», — характеризовал ситуацию член инженерного совета Министерства путей сообщения генерал Ю. Ломоносов. Состояние паровозов было вызвано развалом машиностроения и ремонтной базы. Падало производство металла, поскольку к домам не подвозили топливо. Стремительное падение угледобычи усугубляло развал транспортной системы.

8-9 февраля началась забастовка рабочих Ижорского завода, где зарплата снизилась в полтора раза. 16 февраля войска заняли завод. 17 февраля началась стихийная забастовка на Путиловском заводе, которая к 21 февраля охватила все предприятие. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры. Эти «низовые» радикалы и станут заводилами событий 23 февраля. 22 февраля администрация приняла решение об увольнении всего

коллектива завода. В столице возникла критическая масса недовольных рабочих, которым было нечего терять. В то же время остальные рабочие, измученные нехваткой продовольствия, представляли собой взрывоопасную среду. Не хватало только «детонатора». Один из полицейских доносил: «Среди населяющей вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости».

23 февраля Межрайонный комитет РСДРП(б) с помощью группы эсеров во главе с будущим левым эсером В. Александровичем решили, объединив свои возможности, напечатать и распространить листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!» Идеология этого документа бесконечно далека от верхушечного заговора элиты.

24 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. Хабалов срочно выделил хлеб населению из военных запасов, но это уже не остановило волнений. Людей нельзя было просто успокоить подачками. Они уже пришли к выводу, что в их бедах виновата монархическая система. Демонстранты несли лозунги «Долой самодержавие!».

25 февраля, сразу же после того, как ему сообщили о происходящем, Николай II отправил Хабалову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии». Вечером 25 февраля демонстранты были встречены войсками. В полшестого вечера отряд драгун открыл огонь по митингующим, убив и ранив 11 человек. В демонстрантов стреляли и на Невском проспекте. Команда стрелять отдавалась вполне сознательно. Ибо исходила она с самого верха самодержавной власти: «Повелеваю завтра же прекратить!»

Расстрелом демонстрантов власти были намерены перейти в наступление. Однако кровопролитие привело к новому витку революции. Начались столкновения рабочих с войсками вокруг заводов. На Выборгской стороне были воздвигнуты баррикады. Еще 26 февраля председатель Думы М. Родзянко, пытаясь как-то спасти ситуацию, которая грозила парламенту катастрофой в случае победы самодержавия над «бунтом», отправил царю телеграмму с предложением создания правительства во главе с популярным деятелем. Родзянко уверял, что «иного выхода нет, и медлить невозможно». Прочитав телеграмму, Николай сказал министру двора Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». Вместо ответа царя депутаты получили указ о приостановлении заседаний Думы.

Госдума разошлась, но создала Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами». Депутаты надеялись выиграть в любом случае. Победит царь — мы водворяли порядок. А если процесс пойдет дальше — представители Думы могут, действуя от ее имени, возглавить «общественные организации».

Унтер-офицер Кирпичников сумел убедить солдат Волынского полка восстать. 27 февраля армия стала переходить на сторону революции. Восставшие части и подразделения двинулись к центру. Сопrotивление им было оказано только вокруг Невского проспекта. Верные правительству части отходили к Зимнему дворцу и Адмиралтейству. Солдаты не хотели стрелять «по своим» ради сохранения самодержавия. В этом была главная причина и восстания, и его успеха в Петрограде.

Дума, оставаясь символом движения, не контролировала его. Бунтующие солдаты и жители иногда убивали полицейских, особенно после того, как распространились слухи, что полицейские с крыш стреляют по толпам из пулемета. Среди демонстрантов действительно было много жертв.

Чтобы контролировать ситуацию в Петрограде, ВКГД должен был договориться с Советом. Идея переговоров возникла между Чхеидзе и его друзьями в левом фланге ВКГД — а это Керенский и Некрасов. Инициатива исходила от масонской группы и примыкавших к ней депутатов Думы и Совета.

Сами эти переговоры были воплощением масонской политической линии — сковать думцев и леваков одной цепью ответственности за общее дело, сдвинуть оба фланга революции к центру. Это предоставляло масонской группе господствующие позиции в центре политического поля: когда возникало противоречие центристов с кадетами и октябристами — можно было опереться на поддержку левых сил, а если левые начинали своевольничать — им можно было бы противопоставить правых. Соответственно, к связке Керенский — Некрасов — Чхеидзе в силу логики событий примыкали все правые социалисты и левые либералы, которые сами по себе не имели отношения ни к какому масонству.

Гальперн, на тот момент секретарь Верховного совета, высшее должностное лицо в масонской иерархии, вспоминает, что высший масонский орган не собирався в дни Февральской революции и, соответственно, не мог обсуждать состав Временного правительства. Однако влиятельные масоны Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и Гальперн активно контактировали между собой.

Керенский был одним из лидеров революции, депутатом и членом исполкома Петросовета одновременно. Керенскому масоны были не нужны для попадания во власть, скорее наоборот — масоны становились организацией при Керенском и Некрасове. Некрасов был видным кадетом. Ему для попадания в правительство тоже не нужно было масонской протекции. Кроме них в первом временном правительстве был ещё один масон — Коновалов. Некрасов утверждает, что масонская организация распалась вскоре после создания Временного правительства из-за разногласий правого и левого крыльев.

1 марта Николай II прибыл в Псков. После длительной дискуссии с Н. Рузским Николай II согласился сначала на создание кабинета доверия во главе с Родзянко, а затем — и на ответственное министерство. Когда события в Петрограде и волнения в других городах поставили страну на грань гражданской войны, генералы пошли на отстранение обанкротившегося царя, чтобы предотвратить братоубийство. Их действия определялись информацией либералов о готовности взять ситуацию под контроль.

В разговоре по прямому проводу 2 марта Рузского с Родзянко, последний потребовал отречения императора от престола. Рузский и Алексеев решили добиваться отречения Николая II. Алексеев и генерал-

квартирмейстер Ставки Лукомский стали убеждать командующих фронтами поддержать отречение. Алексеева, Лукомского и Рузского поддержали командующие — великий князь Николай Николаевич, Брусилов и Эверт. Именно тогда в России произошел государственный переворот. Но он стал результатом не возникшего заранее заговора, а начавшейся в стране революции, которую генералы уже не могли подавить без широкомасштабной гражданской войны.

В апреле 1917 года кризис позволил отстранить от власти Милюкова и Гучкова. Теперь появилась возможность полностью воплотить в жизнь союз умеренных левых и правых, о котором масоны мечтали еще до революции. 5 мая правительство было реорганизовано — в него вошли социалисты — лидеры Петроградского Совета — В. Чернов, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов. Посты военного и морского министров занял А. Ф. Керенский. Но брать власть полностью левые не стали, что соответствовало масонским взглядам Керенского и Некрасова.

Быстро выяснилось, что коалиция либералов и социалистов позволяет лишь временно стабилизировать ситуацию. Кадеты и социалисты тащили в разные стороны. А масоны для сохранения коалиции откладывали все вопросы «до Учредительного собрания». В последнем составе временного правительства из 14 министров было 6 масонов: Д. Н. Вердеревский, А. В. Карташёв, А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, А. В. Ливеровский, М. И. Терещенко. Такая политика сделала масонов центром коалиции, но она же в условиях революции обеспечила крах этой коалиции.

Политика откладывания решений привела сначала к корниловскому мятежу, а затем к Октябрьской революции. До революции масонские ложи были местом контактов между левыми либералами и правыми

социалистами. Масоны обеспечивали связь левых либералов и правых социал-демократов, которые формально следовали курсу своих партий, а реально боролись за коалицию оппозиционных сил.

До революции масонские ложи были далеко не единственной и даже не самой влиятельной организацией, где велись беседы об ограничении власти царя или его отречении.

Сторонники взгляда, что масоны или другие заговорщики из элиты «сделали революцию», не видят самой революции — движения народных масс, доведенных до отчаяния паразитической правящей элитой. Эти массы вмешались в борьбу элитарных группировок и изменили расстановку политических сил. Разумеется, политики, участвовавшие в масонских ложах, продолжали воздействовать на ситуацию и после Февральской революции, но не они играли решающую роль.

О. Шишкин

Распутин: первая кровь и Первая мировая

Я пишу статью о Распутине, в том самый момент когда в Британии убита парламентарий, в Ницце террорист проехал по толпе, в Турции подавлен военный переворот, в Германии афганец, а потом этнический иранец совершили два теракта.

Все это даты из политического календаря, события которого запускаются рукой умелого кукловода. Его наличие трудно опровергнуть: с каждым днем он действует все грубее выдавая себя обмолвками и отношением и сопровождая свои очевидные ляпы обвинениями в прессе «врагов демократии».

Однако сто лет назад все было иначе. И те, кто находился за кулисами не спешили появиться на сцене, полагая что их миссия и должна быть в тайне.

В строгом смысле самыми влиятельными группами политического истеблишмента были тайные общества. Они являлись очагами действительно национального освобождения в Италии или Польше. Но идя к власти они существовали по законам подполья, возводя братство в кровное содружество, а такого рода отношения требовали жертв.

Предметом этой статьи является прелюдия к первой мировой войне и два покушения 1914 года ставшие двумя важными ступенями на пути международного конфликта.

Большое политическое событие и уж тем более провокация имеет чёткий механизм и орудия своего осуществления. Таким орудием стало тайное русское общество «Звёздная палата» существовавшее в Санкт-Петербурге в начале 20 века.

Название было взято из английской истории. «Звёздной палатой» именовался специфический «суд» аристократов во времена правления Генриха VIII и до английской революции и санкционировавший тайные не судебные расправы над врагами короны. Зал заседания этого общества имел синий свод украшенный золотыми звездами. В современном английском языке «звёздная палата» метафора скорого и несправедливого суда.

Русская “Звёздная палата” была создана членом Государственного совета генералом, графом Алексеем Павловичем Игнатьевым с целью совершения государственного переворота для сохранения самодержавия. Игнатьев имел репутацию блестящего организатора, что доказал будучи генерал-губернатором и в Восточной Сибири и на Украине. Но самое важное, он знал толк в боеспособности частей расквартированных в столице, знал командиров этих соединений старших офицеров и обладал среди них безграничным авторитетом.

Со своим сыном Алексеем граф обсуждал возможный план переворота: “Вот я думаю можно положиться на вторую гвардейскую дивизию, как на менее привилегированную, а из кавалерии — на полки, которые мне лично доверяют: кавалергардов, гусар, кирасир, пожалуй казаков”^[36].

Будущий диктатор, мечтавший об ужесточении царского режима показывал сыну и список кандидатов на министерские посты в своем правительстве. Алексею Павловичу Игнатьеву претило либеральничанье и мягкотелость действующего монарха. Он считал, что

лишь военная диктатура, приправленная национализмом имеет в России будущее.

9 декабря 1906 года, когда Алексей Павлович Игнатьев баллотировался в тверские губернские гласные, он был застрелен пятью выстрелами членом эсеровской боевой организации Ильинским.

Со смертью графа его вдова унаследовала не только его владения и капитал, но и тайное общество «Звёздная палата». Здесь вертелись столики, завывали духи и велись разговоры о будущем устройстве империи.

«Со временем... старые дамы, генералы и духовенство... буквально несколько минут уделяли политике, что бы затем сразу же по молчаливому согласию перейти к «сверхъестественным силам... Скоро всякий интересовавшийся оккультизмом, стремился стать членом кружка графини Игнатьевой...»^[37].

Среди членов «Звёздной палаты» было много священников и влиятельных лиц с крайними взглядами: Гермоген, Илиодор, Феофан, Питирим, протоирей Восторгов, Феофан — митрополит и духовник царицы, пензенский предводитель дворянства Брянчанинов, член Госсовета Трубецкой, думский депутат Бобринский, графиня Шувалова, баронесса Пистолькорст^[38], графиня Головина^[39]. Некоторые из них впоследствии войдут в распутинский кружок. Но самой выдающейся среди них была графиня Клейнмихель. Она являлась приёмной дочерью видного французского мистика Сент-Ив Д'Альвейдра и была его ревностности последовательницей. (Жозеф Александр Сент-Ив д'Альвейдр (фр. *Joseph Alexandre Saint-Yves*; 26 марта 1842, Париж — 5 февраля 1909, По) — французский оккультист.

Последователь Антуана Фабра д'Оливе, оказал значительное влияние на Папюса и Станисласа де Гуайта. Поклонник Наполеона. Основатель учения о синархии. Впервые употребил название Агарта.

Жена — графиня Мария Ивановна Келлер, урожд. Ризнич (1827–1914), племянница Каролины Собаньской и Эвелины Ганской, разведённая жена Эдуарда Келлера, мать Марии Клейнмихель. Её отец первым браком был женат на Амалии Ризнич.

Мария Ивановна купила для проживания супруга французское поместье Альвейдр, по названию которого он с 1880 года стал именовать себя «маркизом д'Альвейдр» (титул маркиза предоставлен властями республики Сан-Марино)).

2

Сент-Ив Д'Альвейдр — французский мистик и оккультный изобретатель, родился в семье католиков. Однако юность, пора максимализма, привела его к конфликту с семьёй. Сент-Ив Д'Альвейдр не принял существовавшую систему традиционного образования и был изгнан из дома. Уже тогда имел своего наставника — фанатичного католика Фредерика де Меца.

Несколько лет Сент-Ив Д'Альвейдр служил на военно-морской базе Франции в Бресте, а затем увлечённый экзотической и суровой природой здешних мест остался на некоторое время на побережье Ла-Манша. Поиски собственной истины, которую он считал своеобразным духовным даром, привели его на Нормандские острова.

Возможно, одной из существенных причин остаться в провинции явилось и то, что здесь тайно собирались члены общества иллюминатов. К ним и примкнул Сент-Ив Д'Альвейдр.

Страсть к конспирации он сохранил на всю жизнь. Одним из самых интересных знакомств, произошедших в этой среде, была встреча с Виктором Гюго. Вместе с великим писателем Сент-Ив Д'Альвейдр посещает спиритические сеансы, общается с духами прошлого, пока, наконец, на островах не появляется тот, кто имел на него тотальное влияние — Фредерик де Мец. Авторитет увещевал Сент-Ива Д'Альвейдра вернуться во Францию и принести туда утраченный социальный завет. Этот зов был услышан, хотя Сент-Иву Д'Альвейдру было и трудно оставить гостеприимный архипелаг иллюминатов.

Пытаясь уяснить мистические и оккультные основы политического мира, Д'Альвейдр принимается за изучение трудов великих духовидцев 19 века. Первым его опытом в этом вопросе становится труд эзотерика и каббалиста Фабра д'Оливе «Восстановленный еврейский язык». Этот труд был своеобразным лингвистическим исследованием. А его результат — утверждение, что язык древних евреев имел скрытое для европейцев мистическое значение.

Франко-прусская война 1870 года, и последовавшая за ней Парижская Коммуна, сильно изменили характер мировосприятия Сент-Ива Д'Альвейдра. Он считал бунт народных масс проявлением сил хаоса, стремившимся со времён древности размыть основы цивилизации. Не известно принимал ли он участие непосредственно в усмирении мятежников, однако как только в столице воцарился порядок 29-летний Сент-Ив Д'Альвейдр уже служит в Министерстве внутренних дел.

Шесть лет в государственном аппарате только утвердили его в правильности давно вызревавших в его голове идей. Но это было время не только отданное МВД, но и весьма лирическая эпоха стихотворных сборников, правда, не принесших ни славы, ни дохода.

В 1877 году он встречает ту, что становится его избранницей и медиумом — это русская аристократка, графиня Мария Ивановна Келлер (в девичестве Ризнич). Аристократка значительно старше супруга. Ей уже минуло 50 лет. Мария Ивановна когда-то была дружна с итальянской императрицей Адельгейдой и была близка к окружению русского императора Александра II. Его чувство столь сильно, что в тот же год в Лондоне Д'Альвейдр меняет своё холостяцкое существование на брачные узы.

С этого времени начинается и русская часть истории автора «Миссии Индии». Сент-Ив Д'Альвейдр становится наставником её сына А. Ф. Келлера и дочери графини Клейнмихель.

Сент-Ив Д'Альвейдр вместе со своей возлюбленной совершает путешествие по странам Европы и во Франции жена покупает ему поместье и титул маркиза Д'Альвейдра. Она желает, чтобы у них была семья настоящих аристократов.

В 1880 году маркиза посещают таинственные посланцы одной из стран Востока. Д'Альвейдр утверждает что это были индийские факиры и мистики Риши Бхагвандас-Раджи-Шрина и Ходжи Шариф эмиссары совсем другого мира. Они принесли весть о той самой стране *Агарте*, которая потом будет тревожить воображение целого сонма духовидцев, уже в XX веке.

Начиная с 1882 года из под пера маркиза одна за другой выходят несколько книг являющихся реконструкцией древней истории, для чего используется своеобразная дешифровка священных текстов человечества.

Первым таким шагом становится «Миссия суверенов». Затем появляются «Миссия рабочих» (1883), «Миссия евреев» (1884), «Миссия Индии в Европе» (1886) и «Французская правда» (1887).

Маркизу казалось, что он открыл универсальный ключ к тайнам глубокого прошлого человечества, к той самой загадочной дисциплине, которую потом будут именовать «древней наукой». Она ещё задолго до технотронной цивилизации обладала особым знанием, опередившим открытия 19 века. Например, в главе 4 «Миссии евреев» Сент-Ив Д'Альвейдр утверждал, будто в рукописи одного из афонских монахов, некоего Пенселена, имелось описание составленное на основании древних Ионийских авторов — объясняющее применение химии к фотографии.

Надо отдать должное яркости образов имеющих в книгах Сент-Ива Д'Альвейдра. В «Миссии Индии в Европе» встречаются такие красочные понятия как: «замкнутый нуль 22 тайн», «пирамиды света», «светозарный центр древней науки», «кровавое знамя тельца» и так далее. Кажется, что автор создаёт не только некую схему оккультного мирового центра, но и впечатляющее полотно фантазии. «В определенных районах Гималаев, среди двадцати двух храмов, воплощающих двадцать две Гермесовых тайны и двадцать две буквы неких тайных алфавитов, *Агарты* образует собой таинственный Нуль, который невозможно найти...Огромная шахматная доска, распростертая под землей, достигает почти всех материков».

Но какими бы красочными не были описания, за ними вздымается политическая система Синархии, предложенная маркизом.

«...автор «Миссий», маркиз Сент-Ив Д'Альвейдр, — писал его ученик Папюс: открыл разумным существам единственный политический путь, сходный с посвящением — Синархию».

Синархия — это не только антипод Анархии. Это и ещё так называемая просвещённая олигархия, состоящая из трёх компонентов: власти экономической,

административной и духовной. Это профессиональная власть, объединяющая купечество, жречество и бюрократию, мудрецы-специалисты, вершащие судьбы миров.

В 1895 году маркиза Мария Ивановна Д'Альвейдр ушла в мир иной. А вдовец не хотел мириться с ее утратой. Он превратил комнату умершей в своеобразную часовню с алтарем. В этот период он изобретает мистический прибор Археометр.

При всей казалась бы отстраненности от обыденной жизни маркиз имеет сильное влияние на политику Франции. В 1886 году он организует «Синдикат профессиональной и экономической прессы», состоявший из экономистов, деловых людей и политиков, сторонников идеи Синархии. Эта организация имела настоящую власть: её членами стали сенаторы, депутаты, член правительства Франсуа Демайи, министр по делам военно-морского флота и колоний, а впоследствии в 1899 году один из основателей «Аксьон Франсез» и один из президентов Франции Поль Дешанель. Даже проведение линии Дюранда, политически и погранично разделившей владения России и Британской империи, приписывалось ее влиянию. (Абсурд. Линия Дюранда разграничивала с 1893 года британские владения в Индии и земли афганского эмира. Последние никогда не были владениями России. — Г. П.).

Смерть наступает Сент-Ива Д'Альвейдра в 1909 году. Но его друзья, в частности Папюс, он же Жерар Энкокс, доводят незаконченные труды до печати. Для Папюса это ещё и долг ученика учителю, так как он считал Сент-Ива воспитателем своего ума.

Краеугольным камнем храма всей метаистории маркиза стала загадочная страна Агарта, которую он расшифровывал не только как географическое понятие,

но и как Первобытную церковь, унаследовавшую от мудрецов прошлого Древнюю науку.

Незримое присутствие маркиза в России ощущалось и в эпоху Николая II, который сам не чурался мистики и даже приглашал в Россию медиумов и спиритов.

Сент-Ив Д'Альвейдр умер в 1909 году в По неподалеку от Пиренеев. И свой архив и библиотеку он завещал Келлерам и Клейнмихель.

3

Приемная дочь Сент-Ива Д'Альвейдра графиня Клейнмихель стала связующим звеном между французским оккультным истеблишментом и русским двором. Причина была проста: членам «Звёздной палаты» был необходим человек, который был способен подпереть, как считалось шатающееся здание российской монархии. А Николай II и Александра Фёдоровна интересовались эзотеризмом и оккультной практикой. Первоначально пророком и мистагогом для русского двора был выбран французский духовидец Филип Низье Выход. Близкий к французским розенкрейцерам и мартинистам, он был вовлечён в политические игры вокруг русского трона.

«Их величества — вспоминала Анна Вырубова: говорили, что они верят, что есть люди, как и во времена Апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божьей и молитву которых Господь слышит. К числу таких людей, по их убеждениям, принадлежал Филипп, француз, который бывал у их величеств»^[40].

«Приблизительно 10 лет тому назад в Петербурге появился ловкий француз, доктор Филипп, которого ввели в общество две дамы из Русской царской семьи. Они познакомились с ним за границей и были в восторге

от его искусства, которое состояло преимущественно в проблемах 4-го измерения. Доктор Филипп был гипнотизёром, ясновидящим, словом ловким человеком, который умел придавать тёмному искусству полнейшую ясность. Дамы высшего русского общества были в восторге от предсказаний Филиппа, и слава его росла и дошла даже до трона.

Однажды скользкий как угорь француз находился при дворе и имел там сеанс. Он понравился, и его стали приглашать очень часто. Сперва он развлекал, потом стал поучать, а затем занялся интригами. Ловкий Филипп становился царедворцам невыносим. Его надо было удалить. В то время против Филиппа не щадившего даже министров вооружился граф Витте. В один прекрасный день его не стало; паровой конь унёс его по ту сторону западной границы России. Мистическая опасность, во всяком случае, была устранена. Сеансы при дворе прекратились. У многих свалился камень с сердца: «Спасён»^[41].

Анна Вырубова добавляла существенную подробность о знакомстве монаршей четы с этим Филиппом: «Они познакомились с ним у великой княгини Милицы Николаевны». Милица Николаевна была черногорской принцессой вышедшей замуж за великого князя Петра Николаевича. Сестра Милицы — Стана также вышла замуж на русского великого князя Николая Николаевича будущего главнокомандующего русской армией. Сестры мечтали о новом переделе на Балканах и о том, что русская армия вмешается в этот конфликт.

Но русскому МВД удалось снизить влияние мистика на царскую чету и заставить Филиппа покинуть Россию. Однако снизить влияние черногорок Милицы и Станы так и не получилось. И это стало причиной роковых

последствий как для русского трона, так и для мира в целом.

Вырубова вспоминала: «Я только слыхала от их величеств, что Филипп до своей смерти предрёк им, что у них будет «другой друг», который будет говорить с ними о Боге. Появление Распутина или Григория Ефимовича, как его называли, они сочли за осуществление предсказаний Филиппа об оном друге. Григория Ефимовича ввели в дом великих княгинь Милицы и Станы Николаевны епископ Феофан, который был очень заинтересован этим необыкновенным странником. Их величества в то время находились в тесной дружбе с этими великими княгинями. По рассказам государыни их поразили ум и начитанность Милицы Николаевны, которую близкие считали чуть ли не пророчицей»^[42].

Новым инструментом воздействия должен был стать Григорий Распутин — он должен был занять то же самое место что и Филипп и в дальнейшем стать таким же влиятельным лоббистом. Однако на деле всё вышло иначе — Распутин оказался себе на уме и не хотел исполнять чью-то волю. Вместо инструмента давления в балканских вопросах он стал противником военных авантур, понимая, что они приведут к краху монархии. В своих мемуарах премьер-министр Сергей Витте пишет:

«В 1912 году, когда Россия в первый раз готова была вмешаться в балканский конфликт, Распутин на коленях умолял государя не делать этого. Мужик указал все губительные для России результаты европейского пожара и стрелки истории повернулись по-другому. Война была предотвращена». «Само собой разумеется, он был не один против войны...»». Зачем же желать зла себе и своим? — вопрошал Распутин. — Достоинство свое национальное соблюдать нам надо,

конечно, но оружием бряцать не пристало». Существуют и показания дочери Распутина Матрёны, сообщающей: «Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета. Отец всемерно советовал «крепиться» и войны не объявлять».

Накануне войны Распутин в частных беседах с княгиней Радзивилл^[43] (псевдоним писательницы Катерины Кольб) подтвердил, что он уже год назад сумел убедить царя не начинать военные действия против Австрии.

Но противоборство с Распутиным не остановило черногорских принцесс. «Обе великие княгини интересовались политикой и даже оказывали некоторое влияние на российские политические круги, часто сильно преувеличенное их современниками. Так, например, им приписывалась роковая роль в развязывании первой мировой войны, вызванной, по мнению газетчиков, усилиями существовавшего якобы заговора, возникшего вокруг черногорок. Одно из периодических изданий поместило статью под названием «Стана и Милица», где, в частности, говорилось о том, что Негоши и Карагеоргиевичи, пользуясь бесспорной красотой черногорских принцесс, «сделали карьеру, создали при петроградском дворе свою могущественную партию, неразрывным образом сплотили между собою интересы Белграда, Петрограда и Цетинье. Сербско-черногорским принцессам, которых герцог Лейхтенбергский (первый муж Анастасии) шутливо прозвал «черногорскими пауками», удалось в течение долгих лет ценою невероятных усилий опутать, точно паутиною, многих... Эти пауки довели в 1914 г. дело до ужаснейшей войны, надеясь при помощи ее достичь высших степеней славы и могущества»^[44].

В чём же был подлинный интерес черногорок помимо собственно большой политики? Здесь был сильный личный мотив: их родной брат Мирко. Этот черногорский принц из династии Негошей претендовал на сербский трон в Белграде и имел далеко идущие планы на всех Балканах.

Мирко и ещё одна сестра черногорок Наталия в 1911 году вступили в тайное общество «Чёрная рука» («Единство или смерть»), которое ставило своей целью объединить всех славян на Балканах в единое государство.

Военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов в 1911 году, сообщал российскому правительству: «Я не коснулся еще маловыясненного вопроса о связях "Черной руки" с Болгарией (возбуждался вопрос о личной унии Сербии с Болгарией) и с Черногорией где энергичный и честолюбивый королевич Мирко, питающий надежды на соединение Сербства под своей властью, будто бы очень интересуется деятельностью «Чёрной руки»»^[45].

4

Канун мировой войны — это время для создания обстоятельств неотвратимого конфликта, глобальной его причиной должны стать европейские национализмы, которые придут на смену имперским идеям России, Австрии, Германии и Турции. Полем для начала этого конфликта избираются Балканы, где происходит несколько подряд Балканских войн. И где ждут нового поворота истории.

Поэтому любая провокация может быть фитилём в этом пороховом погребе Европы.

Для того чтобы подогреть эту ситуацию совершаются провокационные вбросы.

Так в начале 1914 года из Швейцарии в Русский генеральный штаб было направлено письмо, в котором сообщалось что, уже в конце лета начнётся война. Тайный доброжелатель русского генштаба советовал военачальникам не ждать, когда развернутся боевые действия, а уже сейчас тайно придвинуть войска к границе с Германией и Австрией и в момент объявления войны нанести им сокрушительный удар. Неизвестный сообщал весьма интригующие подробности о дальнейшем историческом развитии так, как будто оно уже состоялось. Под своим письмом он поставил автограф: «Цезарь русской правды». Посланию не был дан ход. Из генштаба оно переместилось в архив департамента полиции, в ту его часть, которая занималась тайными обществами. В 1913 и 1914-м годах распространялись слухи и даже происходили выступления на съездах например Финляндской Социал-демократической партии, где в прямую говорилось что в ближайший год Российская империя падёт и нужно будет встать у руля новых государств. Создавалось ощущение что кто-то уже предрешил судьбу России и подготовил ей сценарий развала.

Однако у начала войны и её прелюдии должен быть механизм. Мы уже видели — что надёжным «засовом» конфликта был Распутин. Следовательно, необходимо было устранить его с пути, а затем создав провокацию повести дело уже к большой войне. Эти две ступени видятся сегодня очевидными.

И вот 29 июня (12 июля) 1914 года находясь в своем родном селе Покровском, Тюменского уезда Григорий подвергся нападению, которое едва не стоило ему жизни. В тот день Распутин собрался на почту для отправки телеграммы. Когда вышел из ворот дома, к нему подошла бедно одетая Хиония Гусева. Она попросила милостыню.

— Не надо кланяться, — обращается к незнакомке Распутин и подаёт деньги.

«Вчера днём, после обеда, увидела Григория Распутина — вспоминала на допросе Хиония Гусева: он шёл домой, и я повстречала его у ворот; под шалью у меня был спрятан кинжал. Ему я не кланялась. Один раз его этим кинжалом ударила в живот, после чего Распутин отбежал от меня. Я за ним бросилась, чтобы нанести смертельный удар, но он схватил лежащую на земле оглоблю и ею ударил меня по голове, отчего я тотчас упала на землю».

После покушения исправник обходит дома сельчан и обнаруживает сотрудника «Петербургского вестника» Вениамина Дувидзона. Он оказывается в нужном месте в нужный час. Журналист задерживается но по указанию из столицы отпускается, даже без допроса. Тут же в Петербурге появляется интервью с Гусевой, якобы она «истерически рыдая» хотела остановить зло. «Я- простая христианка, но больше не могла выносить поругание церкви. Янеизлечимо больна. Жизнь моя мне недорога...», — пишет Дувидзон. Полиция называет интервью фальшивкой: после ареста с Гусевой никто из журналистов не мог общаться. Но возможно интервью с ней было подготовлено до покушения и тогда журналист уже соучастник и заговорщик?

А вот что сообщал столичный филёр полиции «20 июля 1915 г...во время прогулки Распутин разговорился относительно войны: «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что «наши домашние дела и суду не подлежат». Или из более поздних высказываний Распутина: «В середине 1916 года мне довелось услышать его слова: «Если бы

та потаскушка не пырнула меня ножом, никакой войны не было бы и в помине. Я бы не допустил этого».

Хиония Гусева оказывается последовательницей монаха Илиодора (Труфанова), члена «Звёздной палаты». Труфанов жил на хуторе близ Царицына с одной из своих почитательниц Надеждой Перфильевой. Именно отсюда он руководит покушением на жизнь Г. Е. Распутина-Новых. После провала покушения он бежит в Финляндию, потом в Норвегию, и оттуда пришлёт Перфильеву с предложением властям выкупить рукопись книги, «разоблачающей пороки Распутина».

Ну вот — мы видим начало политического заговора — теперь Распутин, потерявший сознание, лежит в больнице, и самое время совершиться главному событию — покушению на эрцгерцога Франца-Фердинанда. Оно и происходит усилиями организации «Чёрная рука», связанной с братом черногорок Мирко Негошем.

28 июня 1914 года в Сараево для участия в военных маневрах прибывает наследный принц Австро-Венгрии Франц-Фердинанд. Дата визита — 28 июня День святого Вита — годовщина битвы на Косовом поле, где сербское войско было разбито турками. В 10:10 кортеж из шести машин с австрийским эрцгерцогом и его женой, приветствуемый толпами народа, минует центральное отделение полиции. Тут жертв ждут заговорщики. Один из террористов бросает гранату, но эту бомбу, встав во весь рост, Франц-Фердинанд отбивает рукой! Бомба отлетает и убивает шофера, идущего следом автомобиля эскорта, ранит его пассажиров, полицейского и случайных зевак из толпы. Террорист глотает цианистый калий, но доза такова, что она вызывает тошноту, но не смерть. Покушавшийся прыгает в реку! Но его хватает толпа, жестоко избивает и передает в руки правосудия. Покушение как будто

провалилось и кортеж на большой скорости устремляется к городской Ратуше.

Но после посещения ратуши, Франц-Фердинанд к удивлению свиты принимает роковое решение: ехать в больницу и навестить раненых при покушении. Его жена объявляет, что едет с ним.

В 10:45 по пути в больницу шофёр эрцгерцога делает правый поворот на улицу Франца-Иосифа. Ему объясняют, что он едет неправильно. Он разворачивает машину, но неожиданно двигатель глохнет. Это замечает ещё один заговорщик — Гаврило Принцип. Он покупает крендель в ларьке. Принцип решительно подбегает к автомобилю и дважды стреляет в живот жене эрцгерцога, а затем и Францу-Фердинанду в шею. Принцип также пытается отравиться, и также безуспешно. Он пытается застрелиться, но у него отбирают пистолет и избивают так жестоко, что в тюрьме ему ампутруют руку.

Франц-Фердинанд и его жена умирают по пути в резиденцию: с перерывом в несколько минут. Последние слова эрцгерцога: «Софи, не умирай, останься ради наших детей».

И вот что интересно: сведения об участии масонов в организации сараевского покушения публикует 11 июля 1914 года лондонская газета «Джон Булл». Она прямо сообщает что Гавриил Принцип накануне покушения ездил в Париж и получил деньги для теракта от ложи «Великий Восток Франции»^[46].

Сербский историк З. Ненезич писал, что на создание этой тайной структуры оказала влияние масонская ложа «Объединение». Она была создана в Белграде в 1903 году, как одна из ячеек ложи «Великий Восток Франции»^[47].

Заключение

Сегодня, когда очевидна масонская подоплёка планетарных событий, история с этим двумя покушениями показывает нам две ступени, которые вели к действительно великим потрясениям и низвержениям монархического принципа не только в России, но и в Европе в целом, где в течение пяти лет после начала 1-й мировой войны радикально сменились системы правления и были провозглашены новые ценности, которые и стали прологом к будущим неизбежным потрясениям.

С. Г. Коростелев Газета «Новая жизнь» (1917-1918) и цензурные условия в России после Февральской и Октябрьской революций

Резкая критика в адрес большевиков, с которой после Октябрьской революции обрушилась социал-демократическая газета «Новая жизнь» (1917-1918), не только предопределила закрытие газеты советской властью — среди других оппозиционных изданий — летом 1918 г., но и на многие десятилетия фактически вычеркнула «Новую жизнь» из официальной истории отечественной журналистики и общественной мысли. А на прямом, образцовом и героическом пути классика соцреализма Максима Горького, возглавлявшего «Новую жизнь» и многократно осуждавшего на ее страницах лидеров партии (Ленина, Троцкого, Зиновьева), советские исследователи не нашли места для цикла статей «Несвоевременные мысли», который и составил главную славу газеты и который не включался в «полные» собрания сочинений писателя. Глубокое, объективное изучение «Несвоевременных мыслей» и других новоженских статей Горького, а следовательно, и всей истории газеты началось лишь в 1967 г.: в сборнике «Мосты», изданном в Мюнхене к 50-летию русской революции, вышла статья Г. Ермолаева. В России первое полное издание книги «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре», которую составили в основном новоженские статьи Горького, увидело свет в эпоху перестройки. Архив «Новой жизни» не разыскан, и, скорее всего, утерян он безвозвратно. В этой связи

основными источниками изучения истории «Новой жизни» и, в частности, цензурных санкций, которые применялись к газете, являются: 1) сами сохранившиеся номера «Новой жизни»; 2) 11-12 тома полного собрания писем Горького, которые были изданы в первой половине 2000-х гг.; 3) 3 выпуск «Летописи литературных событий в России конца XIX — начала XX в.»; 4) мемуары очевидцев событий, таких, как З.Н. Гиппиус. Используя все указанные выше источники, а также сведения, почерпнутые в Архиве А.М. Горького, мы постарались осветить отношения «Новой жизни» и цензурных органов. Для решения поставленной задачи мы применяли, главным образом, исторические методы: нарративный, или описательный; историко-сравнительный и историко-системный. Наконец, историко-генетический метод, рассматривающий процесс образования и становления явления, позволил нам проанализировать развитие «Новой жизни»: какие задачи ставила перед газетой редакция, как видоизменялась тактика идеологической борьбы во время революционных событий в России, что стало причиной трех приостановлений и окончательного закрытия «Новой жизни».

История «Новой жизни»

Первый номер газеты — органа социал-демократов-интернационалистов в основном меньшевистского толка — увидел свет 18 апреля 1917 г. в Петрограде. Редактором газеты был М. Горький, издателем — его давний соратник А.Н. Тихонов. Ведущими публицистами «Новой жизни» — помимо самого Горького — стали сотрудники горьковского журнала «Летопись» (1915–1917) В. Базаров, Н. Суханов, В. Строев, Б.В. Авилов, Н.А. Рожков; близкие к меньшевикам (Л. Мартову, И.Г.

Церетели), они и составили ядро редакции. Создание свободной, неподцензурной социал-демократической газеты, способной правдиво реагировать на события, происходящие в стране и в мире, стало возможно только после Февральской революции.

До Февральской революции Горький и его соратники были всецело сконцентрированы на журнале «Летопись». Несмотря на то что журнал этот выходил только раз в месяц, объем злободневной общественно-политической информации, которую, во-первых, нужно было заполучить, а во-вторых, спасти от строгих и бдительных цензоров, был настолько невелик, что периодичность «Летописи» вполне отвечала существовавшим тогда условиям. Однако уже к апрелю 1917 г. одной «Летописи» было явно недостаточно: на волне демократических свобод Горький решил, наконец, осуществить давний замысел и организовать еще и газету.

После начала Первой мировой войны в России была введена военная цензура. 9 марта 1917 г. Временное правительство ликвидировало основной центр царской цензуры — Главный комитет по делам печати — и ввело должность комиссара по делам печати. Но только 27 апреля 1917 г. вышло постановление Временного правительства «О печати». Декларировалось полное отсутствие цензуры. Выпускать новое периодическое издание мог отныне любой желающий — при соблюдении ряда условий.

Местному комиссару Временного правительства необходимо было предоставить заявление в двух экземплярах, где должно было быть указано:

- а) место, где издание будет выходить;
- б) название издания (научное, политическое, литературное, техническое и т. д.);
- в) периодичность;
- г) подписная цена;

д) фамилия, имя и отчество издателей и ответственных редакторов;

е) адрес типографии, где издание будет печататься.

Обо всех изменениях необходимо было сообщать в семидневный срок. Ответственными редакторами могли быть только лица, проживавшие в России, достигшие совершеннолетия, обладавшие общегражданской правоспособностью и не ограниченные в правах по судебному приговору. Первый номер газеты, приглашал принять участие в новом издании, срочно присылать рассказы, стихи, статьи для него. Средства на газету обещали предоставить А.И. Коновалов и Груббе. Редактором Горький хотел назначить М.В. Бернацкого. Горький писал: «Направление газеты радикально-демократическое, цель ее — обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий. В дальнейшем газета мечтает о создании радикально-демократической партии, программа которой уже выработана. Будет очень широко поставлен национальный отдел. Хочется сделать газету бодрой, удобочитаемой и веселой»^[48]. Однако вместо «Луча» после Февральской революции появилась «Новая жизнь». В выходных данных каждого периодического издания должны были быть указаны фамилия, имя и отчество ответственного редактора и издателя, адрес редакции и типографии.

Всякое периодическое издание (ежедневное — в трехдневный срок, а еженедельное или ежемесячное — в ближайшем номере) обязано было бесплатно, без каких бы то ни было изменений и примечаний размещать официальные опровержения Временного правительства и печатать их в том же отделе и тем же шрифтом. Наконец, всякий желающий учредить типографию обязан был предоставить местному

комиссару Временного правительства заявление, в котором должны были быть указаны фамилия, имя и отчество учредителя, адрес открываемого учреждения, предполагаемое количество рабочих и т. д. В случае заведомо ложного указания заведения тиснения, издателя и ответственного редактора виновный подвергался денежному взысканию до 300 рублей или аресту до 3 месяцев.

Закрывать периодическое издание власть отныне могла только в судебном порядке, при этом — без применения силового воздействия, ибо в том же постановлении «О печати» прописывалось, что если периодическое издание продолжает выходить в свет без соблюдения требований, обозначенных выше, то издатель, ответственный редактор или типографщик подвергается денежному взысканию в размере не свыше 100 рублей за каждый вышедший номер, считая со дня обвинительного приговора. Таким образом, закон о печати, принятый в России после свержения монархии, был наиболее либеральным за всю историю.

Казалось, что цензуре и всякой борьбе с инакомыслием в России был положен конец. Однако практика быстро внесла свои коррективы. Уже в мае Общество деятелей периодической печати и литераторов в Москве созвало общее собрание писателей и журналистов по вопросу «о насилиях над прессой» (захват типографий, нарушение свободы печати и др.). Резолюция собрания призывала к их прекращению. После июльского кризиса Временное правительство предоставило военному министру право закрывать издания, призывающие к военному бунту и неповиновению на фронте.

В апреле — августе 1917 г. «Новая жизнь» вела полемику с буржуазными изданиями — прежде всего, с кадетской газетой «Речь» (о «пораженчестве» Горького и всей газеты, о том, что деньги, переданные на

издание «Луча», Горький использовал для создания «Новой жизни» и т. д.). В конце августа «Новая жизнь» подверглась еще более жестоким нападкам со стороны буржуазной печати, обвинявшей ее в «большевизме», «пораженчестве», связи с немцами, которые якобы и спонсируют газету.

Все эти слухи, домыслы, инсинуации возымели действие: Временное правительство сочло, что «Новая жизнь», даже если она и не связана напрямую с немцами, оказывает разлагающее влияние на армию. К применению санкций к газете Временное правительство, которое почувствовало свою слабость и реальную для себя опасность, безусловно, подтолкнул также Корниловский мятеж. 27 августа Верховным главнокомандующим Русской армией генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым была предпринята попытка установления в стране военной диктатуры. «Новая жизнь» опубликовала обращение к населению А.Ф. Керенского. В № 115 «Новая жизнь» с огромным удовлетворением сообщала, что «мятежная попытка генерала Корнилова и собравшейся вокруг него кучки авантюристов остается абсолютно обособленной от всей действующей армии и флота». Несмотря на то что «всякую опасность для революции от кадетско-корниловской авантюры» «Новая жизнь» считала «вполне устраненной», газета в конце августа обрушилась на Временное правительство с резкой критикой. Во-первых, новожиженцы полагали, что «преступный заговор буржуазии еще не до конца ликвидирован», ибо «его главнейшие деятели еще на свободе». Газета выражала недовольство тем, что целый ряд военачальников и государственных деятелей, который сначала поддержал Корнилова, а затем, осознав провал его выступления, спешно от предателя отрекся: «Перед нашими глазами уже прошел целый ряд случаев, когда Временное

Правительство вступало в переговоры с теми, кому оно должно было приказывать, и оставляло на должности тех, кто еще вчера его предавал. Два дня тому назад несколько главнокомандующих армиями прислали Временному Правительству заявление, что они солидарны с генералом Корниловым; через 48 часов они изменили свое мнение, прислали изъявление покорности. И они остались на своих местах, обязанные защищать ту же самую родину, которую они вчера без всяких оговорок отдали на распятие предприимчивому авантюристу». «Новая жизнь» требовала справедливого, «мужественного и сурового суда революции над врагами ее». Во-вторых, в столь тревожный для революции час газета поддержала большевиков и потребовала освобождения тех, кто был осужден за мятеж 3–5 июля: «“Заговорщические полки”, “преступные” кронштадтцы и моряки Балтийского флота, рабочие Петербурга, которых обезоружило Временное Правительство, в минуту опасности встали на защиту его, забывши обиды. И теперь братья сидящих в тюрьмах, имеют полное право требовать их освобождения».

В пятницу 1 сентября 1917 г. запланированный № 117 не вышел: издание «Новой жизни» было приостановлено на неделю. Есть основания предполагать, что Временное правительство собиралось в скором будущем и вовсе закрыть «Новую жизнь», но этим планам помешал Октябрьский переворот. Лишь в субботу 9 сентября «Новая жизнь» возобновила свое издание: «С сегодняшнего дня наша газета — опять “Новая жизнь”. Запас маленьких Наполеонов далеко не исчерпан, плачевный провал Корниловского заговора далеко не всеми учтен. В виду этого положение левой социалистической прессы остается почти столь же шатким. И да не удивится читатель, если через некоторое время наша газета,

благодаря каким-либо новым причудам политического курса, будет опять вовлечена в невольный маскарад. Мы не можем утверждать, что этого впредь не случится. Мы можем только уверить, что под новыми масками, сколько бы их ни было, читатель всегда найдет все то же лицо». 25–26 октября 1917 г. в Петрограде В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов и другие организовали вооруженное восстание. Непосредственное руководство им осуществлял Военно-революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета. Временное правительство было свергнуто. 28–29 октября один из главных критиков и самых непримиримых идейных противников Горького и его «Новой жизни» З.Н. Гиппиус писала в дневнике: «Все газеты оставшиеся (3/4 запрещены), вплоть до “Новой жизни”, отмежевываются от большевиков, хотя и в разных степенях. “Новая жизнь”, конечно, менее других. Лезет, подмигивая, с блоком, и тут же “категорически осуждает”, словом, обычная подлость. Газеты все задушены. Красуется, помимо “Правды”, эта тля — “Новая жизнь”^[49]. Несмотря на все «красование», как раз в ночь с субботы на воскресенье — с 28 на 29 октября — «Новая жизнь», по сути, впервые подверглась большевистской цензуре. Из редакционного сообщения, помещенного в № 166 (160), мы знаем, что поздно ночью часть наборщиков типографии «Новое время», где печаталась «Новая жизнь», стала чинить препятствия к опубликованию приказа Керенского, обращения генерала П.Н. Краснова к казакам и некоторых заметок о заседании в Городской думе. Никого из членов редакции в типографии в это время уже не было. Выпускающий газету техник заявил, что вмешательство посторонних лиц в редакционную часть газеты недопустимо. После этого в типографию явился комиссар местного района с вооруженным

отрядом и «заявил, что по телефонограммам ВРК печатание приказа Керенского воспрещается, что же касается отдельных мест из сообщений о заседании городской думы, то это не допускается к печатанию до проверки правильности упоминаемых фактов. Выпускающий газету пытался снести по телефону с членами редакции, но в виду позднего времени (4 ч. утра) переговорить с ними не мог и потому не решался единолично приостановить выпуск газеты, подвергшейся цензуре. Ознакомившись с происшедшим, редакция заявляет, что она категорически протестует против подобного самоуправства и в случае его повторения — скорее закроет газету, чем подчинится насилию». Горький и его ближайшие соратники — Суханов, Базаров, Строев, Тихонов и др., многие из которых входили в «Организацию социал-демократов-интернационалистов», — разделяли независимую социалистическую программу. Новожиженцы не признавали возможности победы социалистической революции в России и не принимали идеи диктатуры пролетариата. Они выступали за социалистическое коалиционное правительство, за Учредительное собрание, всеобщий демократический мир, земельную реформу и рабочий контроль. Потому сразу после Октябрьской революции Горький, находясь в тяжелом расположении духа, выступил против авантюризма большевистских планов. 6 ноября Горький был у врача И.И. Манухина, с которым также дружила чета Мережковских. «Он (Горький) производит страшное впечатление, — писала Гиппиус. — Темный весь, черный, «некочной». Говорит — будто глухо лает. Только все о своей статье которую уж он «написал»... для «Новой Жизни»... для завтрашнего №... Да черт в статьях! Дима (Д.С. Мережковский) хотел уйти... Тогда я уж прямо к Горькому: никакие, говорю, статьи в «Новой

Жизни» не отделят вас от большевиков, «мерзавцев», по вашим словам; вам надо уйти из этой компании. И, помимо всей «тени» в чьих-нибудь глазах, падающей от близости к большевикам, — что он, спрашиваю, сам-то перед собой? Что говорит его собственная совесть?

Он встал, что-то глухо пролаял: — А если... уйти... с кем быть?»^[50]. На следующий день — 7 ноября — в «Новой жизни» вышла статья «К демократии», в которой Горький писал: «Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути “социальной революции” — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции». Ленин был назван «хладнокровным фокусником, не жалеющим ни чести, ни жизни пролетариата». В середине ноября Гиппиус расценила эту статью как «жалкий лепет. Весь Горький жалок, но и жалеть его — преступление»^[51]. Резко негативное отношение к газете Гиппиус сохранила и в дальнейшем. 9 ноября Совет народных комиссаров (СНК) принял Декрет о печати, который был утвержден на первом же заседании правительства. Декрет был опубликован 10 ноября в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства», «Известиях», «Правде». Декрет был направлен против оппозиционной большевикам прессы, в первую очередь — буржуазной, которая считалась могучим оружием врагов новой власти. В Декрете подчеркивался его временный, чрезвычайный характер. В нем утверждалось, что всякие административные воздействия на печать со временем будут прекращены и что для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом. Декрет не являлся обычным юридическим законом о печати — он не ликвидировал негодную прессу, а лишь преследовал призывы к открытому сопротивлению власти, ложь и клевету. Тем не менее, можно

констатировать, что наказание за «явно клеветническое извращение фактов», т. е. за неприемлемое для большевиков толкование действительности, которое утверждал Декрет, возобновляло цензуру, причем открывало для карательных действий весьма широкий простор.

После Октябрьской революции

В ноябре 1917 г. «Новая жизнь», избежавшая закрытия как социал-демократическое издание, пусть и не отражавшее позицию большевиков, включилась в резкую полемику с большевистской печатью, прежде всего с «Правдой». В сущности «Новая жизнь» превратилась в оппозиционную газету. Ратовавшая за последовательные социальные реформы и планомерное культурное строительство, «Новая жизнь» считала, что во имя достижения этих целей страну, — насколько это возможно — нужно оградить от серьезных политических кризисов.

Тем не менее, действия взявших в свои руки власть большевиков часто подвергались со стороны «Новой жизни» беспощадной критике. Так, например, в № 173 (167) и 174 (168) вышли статьи Суханова «Кризис новой “власти”» и «Диктатура гражданина Ленина». «Мы здесь (в Петрограде) живем в плену «большевиков». Житьишко невеселое и весьма раздражает, но — что же делать? Делать нечего, — писал Горький Е.П. Пешковой в конце января 1918 г.-... претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова претерпим. А «Новая жизнь», вероятно, погибнет».

В № 9 (223) от 13 января газета сообщала, что «автономная комиссия рабочих государственной типографии (быв. “Новое время”) взяла на себя без всякого указания советской власти роль добровольных

цензоров “Новой жизни” и признав газету “погромной” самовольно прекратила ее дальнейшее печатанье». Из-за этого несколько ближайших номеров «Новой жизни» выходили меньшим тиражом и в сокращенном объеме. 5 января открылось первое и последнее заседание Учредительного собрания в Таврическом дворце в Петрограде. А уже 6 января СНК издал Декрет о роспуске Учредительного собрания, — Декрет этот «Новая жизнь» осудила.

29 января Петроградский совет принял «Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде». В первом же его параграфе декларировалось, что для издания печатных произведений всех видов не требуется никаких особых разрешений. Параграфы 2-5 в целом повторяли правила, установленные постановлением Временного правительства «О печати»:

«2) Печатные произведения: газеты, журналы, брошюры, листки и т. п. должны выходить с указанием имени редактора, издателя и точного адреса редакции и конторы.

3) Издатели обязуются одновременно с выпуском печатного произведения из типографии в продажу присылать эти произведения с посылным по 5 экземпляров: а) комиссариату по делам печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов по адресу: Смольный, коми. № 7; б) комиссару по делам печати при районном совете Рабочих и Солдатских Депутатов в пределах коего находится типография, где печатается издание.

4) Все издатели газет и журналов обязуются давать комиссариату по делам печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов и районным комиссарам точные сведения о тираже издания; о

ежедневных — один раз в неделю, о еженедельных — один раз в месяц.

5) Все газеты обязаны немедленно печатать на первой странице, на видном месте, жирным шрифтом, полностью все те постановления и распоряжения Петроградского Совета и его исполнительных органов, которые будут доставлены газетам комиссариатом печати».

Параграфы 6-12 сразу же вводили довольно жесткую систему штрафов, арестов и других видов наказаний за неисполнение указанных в первых пяти параграфах условий:

«6) За неисполнение указаний 2, 3, 4 и 5 сего декрета издатель подвергается наказанию в размере первый раз до 5000 руб.

7) Владельцы типографий обязуются на всех печатных произведениях: газетах, журналах, брошюрах, книгах, листках, афишах и т. п. помещать точный адрес типографии, где печаталось данное произведение.

8) За неисполнение указанного в № 7 владельцы типографий подвергаются прогрессивному денежному штрафу: первый раз 5000 руб., второй раз 10 000 руб., третий раз 15 000 руб. и т. д.

9) Газетные артели и уличные продавцы-газетчики обязуются торговать только теми изданиями, на которых имеется подпись редактора и издателя и адрес типографии. Примечание: не подчинившиеся настоящему распоряжению после двукратного предупреждения лишаются прав на торговлю печатными произведениями.

10) Надзор за исполнением указанного в предыдущих 9 пунктах и за наложением штрафов возлагается на Комиссариат по делам печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов <...>.

11) Штрафные денежные суммы поступают в Центральную денежную кассу Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

12) Штрафные денежные суммы должны быть внесены в 3-дневный срок, в противном случае Советская власть приступает к конфискации имущества. В случае несостоятельности должника, таковой подвергается аресту для несения общественных работ за каждые 5000 руб. по три месяца».

Далее во «Временных правилах о печати...», в отличие от постановления Временного правительства, прямым текстом прописывались правила, по которым будет осуществляться закрытие газет и типографий и конфискация имущества их владельцев.

«ЗАКРЫТИЕ И КОНФИСКАЦИЯ.

1) Закрытию подлежат органы прессы: а) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству и Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, б) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, в) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно-наказуемого характера.

2) Право предварительного закрытия и конфискации тех или иных печатных произведений принадлежит Комиссариату по Делах Печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, с тем, чтобы материалы по обвинению издания в пятидневный срок были представлены Революционному Трибуналу печати для окончательного решения дела.

Примечание: В экстренных случаях, когда имеется налицо непосредственная контрреволюционная опасность, Комиссариат имеет право производить аресты состава редакции и издательства, а также опечатывать типографии.

3) Конфискация печатных произведений производится через Комиссариат по Делах Печати районных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов по специальным ордерам. 4) При конфискации печатных произведений районными Комиссариатами печати выдаются соответствующие удостоверения, на основании которых конфискованное количество экземпляров не подлежит оплате торговцем-газетчиком издателю».

Итак, во «Временных правилах о печати...» повторялась постановляющая часть Декрета о печати СНК. В конце документа значилось, что его правила распространяются на Петроград и его окрестности и вступают в силу с 14 (1 по старому стилю) февраля.

Уже в № 26 (240) от 16 февраля 1918 г. «Новая жизнь» вынуждена была публиковать первое постановление Петроградского совета. Вскоре новожиженцы раскритиковали «Временные правила о печати...». Помимо недовольства фактическим лишением права подвергать сомнению какое бы то ни было решение и действие власти, они указывали на явные недоработки этого документа:

«Начнем с того, что даже неизвестна территория, на которую распространяются эти правила. Сказано, что на Петроград и его окрестности. Но позвольте спросить, что такое окрестности. Ведь если правила о печати может издавать Петроградский совет, то такие же правила могут издавать и Кронштадтский, и Ораниенбаумский, и Царскосельский, и Петергофский, и другие советы. И не грозит ли нам новая война между отдельными соседними советами за определение "сферы их влияний"?».

Отношения между «Новой жизнью» и окончательно установившими свою диктатуру большевиками были прохладными и настороженными, но, по крайней мере, до мая — июня 1918 г. не открыто враждебными. При

этом напряжение постоянно нарастало: политическая линия, которую проводила «Новая жизнь» после Октябрьской революции, вызывала все большее недовольство Советской власти. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан сепаратный мирный договор между Советской Россией и Германией. Еще до того, как состоялось официальное подписание, Суханов высказался за продолжение войны, а действия возглавляемой Троцким советской делегации расценил как капитуляцию. За его статью «Капитуляция», помещенную в № 30 (244) от 21 февраля 1918 г., «Новой жизни» грозило закрытие.

В пятницу 22 февраля запланированный № 31 (245) не вышел. «Нас (“Новую жизнь”) закрыли и — кажется — в воскресенье будут судить “за призыв к низвержению Советской власти”, - писал Горький в начале марта 1918 года. — Привлечены к суду Десницкий и Суханов, но на скамью подсудимых сядет вся редакция: и Базаров, и я, и все прочие. Таково наше желание». Революционный трибунал печати действительно усмотрел в статье Суханова призыв к ниспровержению советской власти, но постановил, что выход газеты возможен с тем условием, что редакция известит читателей на первой полосе одного из номеров, что не разделяет точку зрения Суханова.

В конце февраля 1918 г. «Новая жизнь» была приостановлена во второй раз в своей истории, теперь — на 8 дней. № 32 (246) вышел только в субботу 2 марта. «Новая жизнь» писала:

«Нас обвиняют в оппозиции Советской власти. Да, пока существует “Новая жизнь”, в России, к несчастью для нее, еще не было такого правительства, к которому мы не относились бы резко отрицательно. Мы были в оппозиции ко всем революционным правительствам, и все они возмещали нам сторицею. Нас закрывали Керенский с Пальчинским, когда Троцкий сидел в

Петропавловке, а Ленин был в бегах. Нас закрыли Ленин с Троцким, когда Пальчинский в Петропавловке, а Керенский — в бегах. Мы не обещаем быть всегда в оппозиции, мы не надеемся всегда быть предметом ненависти со стороны власть имущих. Ибо мы верим, что наступят лучшие дни и будет в России, наконец, создана такая власть, которая выведет страну на светлый путь к социализму и свободе».

В конце концов «Новая жизнь» подчинилась требованию и опубликовала следующее сообщение:

«Редакция газеты “Новая жизнь” не согласна со взглядами, изложенными в статье Н. Суханова “Капитуляция” (“Н.Ж” № 30)». Важно отметить, что с середины марта 1918 г. начался постепенный отход Горького от политической линии газеты. Причиной этого было и несогласие с резко оппозиционными взглядами ведущих сотрудников газеты (Авилова, Базарова, Суханова и др.), и угроза закрытия издания. Горький все чаще стал замечать в жизни «кое-что утешительное», все чаще говорить о необходимости иметь точное представление, «что у нас есть хорошего, именно хорошего».

В 20-х числах марта Горький писал Е.П. Пешковой: «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция “Новой Жизни”. Погибать, так там, где жарче, в самой “глубине” революции».

Полемика с большевиками продолжалась в основном силами Суханова, Базарова, Рожкова. В начале апреля 1918 г. суть претензий новожиизненцев к большевикам блестяще сформулировал Суханов: «Советская власть» с самого начала, — писал он, — была только фирмой, только маркой власти большевистского партийного Центрального Комитета. Большевистский Центральный Комитет завладел всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной

власти. И он пользуется ею вполне самодержавно и неограниченно, на правах полной и безответственной диктатуры. Совет Народных Комиссаров, т. е. правительство Ленина, не отчитываясь ни перед какими советскими организациями, предпринимает действия, далеко выходящие за пределы полномочий любого из современных монархов».

В июне отношения между «Новой жизнью» и большевиками накалилась до предела. За статью Р. Григорьева «Война с Сибирью», напечатанную в № 114 (329) от 12 июня 1918 г., «Новая жизнь» подверглась третьему в своей истории приостановлению (на этот раз — на 4 дня) — Петроградский комиссариат по делам печати усмотрел в ней призыв к поддержке сибирского (белого) правительства и агитацию против борьбы с этим правительством. № 115 (330) вышел в воскресенье 16 июня 1918 г. Редакция с возмущением писала:

«Советская власть осталась себе верна: в момент, когда вновь над революцией скопились грозные тучи, первым ее судорожным движением было “додушить” то немногое из независимой печати, что еще осталось в живых.

Наступление, провозглашенное в воззвании Совета Народных Комиссаров, началось с победоносного закрытия “Новой жизни Ничего другого от власти, боящейся света и гласности, трусливой и антидемократичной, попирающей элементарные гражданские права, преследующей рабочих, посылающей карательные экспедиции к крестьянам, — нельзя было и ожидать. Не первый раз уже обречена “Новая жизнь” насильственному молчанию: ее закрывали Пальчинские, ее закрывают Зофы и Володарские».

15 июня Гиппиус писала в своем дневнике: «Кузьмин (заместитель Володарского) объявил, что социалистические газеты будут закрывать без суда

(уже закрыл), а на буржуазные накладывать штраф до полумиллиона, “они сами и сдохнут”. Уже наложил: на “Новую жизнь” 50 тысяч»^[52].

Политическая обстановка середины лета 1918 г. настолько обострилась (усиление гражданской войны, слившейся с интервенцией, тяжелое экономическое положение), что 16 июля 1918 г. — ровно через месяц после последнего приостановления — решением СНК «Новая жизнь» была снова закрыта, на этот раз — навсегда: «16 июля в 6-м часу дня в редакцию газеты “Новая жизнь” явился представитель комиссариата по делам печати и предъявил ордер, по которому Петроградское издание “Новой жизни” закрыто навсегда»^[53].

Горький подписал протест редакции и тотчас же апеллировал к Ленину, справедливо полагая, что без его ведома или согласия на эту акцию никто не решился бы. «Дорогой Владимир Ильич! — писал Горький. — Вопрос о “Новой жизни” принял очень острую форму, рабочие и служащие требуют определенного ответа: будет “Новая Жизнь” или нет? Из помещения редакции латыши вытурили И.П. Ладыжникова, Гржебина, Базарова. Очень прошу Вас — ответьте — по возможности скорее — разрешите Вы газету или нет? День стоит нам 10 тысяч. Убедительно прошу Вас сказать — да или нет?».

Письмо Ленину не помогло. Публицистов «Новой жизни» Ленин критиковал еще до Октябрьского переворота, не приемля ни их позиции по отношению к войне, ни их призывов к согласию социалистов разных оттенков. Тем более критицизм «якобы интернационалистов» стал, по мнению Ленина, неуместен в обстановке все обострявшегося внутреннего и внешнего положения. Члены Петроградского комиссариата советовались по вопросу

закрытия газеты с Лениным, который ясно выразил свое отношение:

«Конечно, “Новую жизнь” нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А. Горький — наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из “низов”. Он безусловно к нам вернется».

В середине января 1919 г. Горький в письме обратился к Ленину с предложением возобновить газету: «...не находите ли Вы теперь удачным возобновление “Новой жизни”? Если — да, то хорошо бы, чтоб эта газета вышла одновременно с газетой меньшевиков, — настаивать на одновременности меня побуждают соображения отнюдь не материального характера». Газета меньшевиков «Всегда вперед» начала выходить 22 января 1919 г., но уже 26 февраля была закрыта постановлением ВЦИК. В первом пункте проекта резолюции ВЦИК, написанного Лениным, отмечалось, что статьей «Прекратите гражданскую войну» в номере от 20 февраля газета «окончательно доказала свое контрреволюционное направление». Вопрос же о возобновлении «Новой жизни» с тех пор больше не поднимался. Итак, до окончательного закрытия в июле 1918 г. общественно-литературная социал-демократическая газета «Новая жизнь» трижды подвергалась временному приостановлению. В истории «Новой жизни» нашла отражение цензурная политика властей в революционной, постмонархической России.

Список источников и литературы

1. Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о

революции и культуре. М.:, 1990.

2. Галушкин А.Ю. В защиту свободы печати: «Газета — протест», «Слову — свобода!», «Щит» // De Visu. 1993. № 4.

3. Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914-1919. Нью-Йорк; М., 1990.

3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: 2004.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: 1962.

5. Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3 (1911 — октябрь 1917). М.: 2005.

Л. Гурджиев Октябрьская революция и российские мусульмане

Заявленная тема необъятна. Она включает в себя две столь гигантские сферы социально-духовного бытия, что подробное научное исследование каждой из них едва ли уместится в одной книге. Цель данной статьи несколько сужена. Предлагается рассмотреть вопрос участия мусульман и их организаций в российских событиях, охватывающих сравнительно небольшой временной отрезок — от *революционного переворота* осенью 1917 года до начала *гражданской войны* весной 1918-го. Предыдущая исламская история освещается схематично. Последующее участие исламских партий и движений в гражданской войне требует отдельного рассмотрения.

Острота (во многом искусственная), которую приобрело положение ислама в современной России, делает необходимым не простое изучение, а тщательное препарирование его истории. Сто лет назад мусульмане, да и все остальные получили, как позитивный, так и негативный *опыт революционной и контрреволюционной борьбы*.

В постсоветский период появилась масса научных, полунаучных и вовсе ненаучных публикаций на означенную тему. Большинство из них преподносят события важнейшего отрезка времени и его исламской составляющей в антисоветском и антикоммунистическом ключе, неся следы явного политического заказа. Это — не обвинение. Это — констатация непреложного факта, что историография в

любом обществе выполняет роль *идеологической* *обслуживающей* правящего класса.

Конечно, всегда были и есть честные историки, труд которых, совпадая или не совпадая с официальной точкой зрения, не является плодом конъюнктуры. Однако буржуазная власть, укрепившаяся практически на всём постсоветском пространстве, естественным для неё образом заботится о соблюдении своих интересов, активно привлекая для этого историческую науку и довольно жёстко подчиняя её себе. Подчеркнём ещё раз: данное явление закономерное. Вопрос заключается в том, насколько конкретная классовая позиция (сейчас модно маскировать её под «независимую») соответствует критериям объективности, помогает ли она народам правильно осознать свои роль и место в прошлом, настоящем и будущем?

При этом нельзя не затронуть некоторые проблемы терминологии.

Первое.

Академических или популярных формулировок, что такое *революция*, много и различной между ними велик. Мы считаем, что в любом случае должны подразумеваться проявления *высшей формы классовой борьбы*, слом старого общественно-политического строя и экономического уклада, появление новых базиса и надстройки. Эволюция — это количество. Революция — это качество. Но это не просто качественный скачок на количественном фоне. Она знаменует разворот течения всей жизни социальных субстратов под названием «государство», «общество», «цивилизация», смену политического, умственного, нравственного состояния индивидов, коллективов, наций, народов. Происходит массовый и контролируемый процесс перераспределения *власти и собственности* в пользу класса-гегемона.

Революционные переходы бывают вялотекущими или бурными, длящимися долгие годы (как это было на заре человечества) или по историческим меркам мгновенными. Но именно они обусловили замену *первобытно-общинного* строя *рабовладельческим* и дальнейшее продление всей цепи поэтапных превращений: *феодализм — капитализм — коммунизм...* Несовпадающие во времени и пространстве, эти этапы, тем не менее, укладываются во все логические и обусловленные законами общественного развития преобразования гуманоидной цивилизации. Причём, преобразования диалектические. Ибо возможны, как прогрессивное, поступательное развитие общества, так и регрессивное, отступательное. С серьёзным поправочным коэффициентом — техногенными изменениями в жизни людей, вызванными «техническими революциями».

Если происходит откат на предыдущую ступень общественной эволюции, то это называется *контрреволюцией*. Такая контрреволюция случилась в нашей стране в 1991 году, отбросив её к давно *пройденному* этапу развития — к капитализму. Исходя из исторической логики, следует отметить всякие спекуляции на тему «цветных», «майданных», «исламских» и прочих псевдореволюций. Они суть классические *бунты* внутри одной и той же капиталистической системы, когда даже не пахнет сменой старой общественно-экономической формации, а происходит заурядная смена режима.

Примечательно, что большевики во главе с Лениным и Сталиным не стеснялись называть события Октября 1917-го *переворотом*. Обмолвка в пылу полемики? Дань упрощённому восприятию? Ведь по своей массовости, по ширине и глубине охвата всех сфер жизни, по той решительности, с которой ломался старый, *эксплуататорский* строй, этим событиям тесно в

терминологических рамках «переворота». Они органично, можно даже сказать — эталонно, вписываются в понятие «революция». Судя по всему, вожди большевиков не придавали особого значения форме, но — только содержанию своей деятельности. Остаётся удовлетвориться тем, что верная характеристика явления позднее окончательно восторжествовала и получила всеобщее признание.

Второе.

Ислам — это вероучение, религия. А понятия «исламист», «мусульманин» имеют разночтения. Под мусульманином зачастую подразумевают лишь этническую принадлежность человека, его встроенность в определённую культуру, независимо от того, соблюдает ли он религиозные установления. Так же часто к мусульманам относят лиц определённой конфессии, без учёта их национальной идентификации. Полагаем, последнее более верно отражает сущность явления. Тем более, что задолго до 1917 года в различных регионах Российской империи сложилась многочисленная и устойчивая общность людей, разнородная в этническом и социально-экономическом смысле, но достаточно единая в культурно-цивилизационном — *российское мусульманство*. Носители этого культурно-цивилизационного признака всегда жили по единообразным правилам поведения, строго соблюдаемым далеко за пределами и мечети, и *уммы* (общины).

Что касается исламистов, то это название крайне редко употреблялось у нас до революции и после неё, и вошло в религиозный и политический обиход преимущественно в позднесоветское и постсоветское время. Во многом — благодаря внешнему влиянию. Ибо во второй половине XX века начался процесс, именуемый ренессансом ислама. Он во многом был обусловлен национально-освободительной борьбой

народов Востока, старт которой дали Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция. Мощное ускорение этот процесс получил в результате Второй мировой войны и победы в ней Советского Союза. Многие антиколониальные и антиимпериалистические силы в Азии и Африке, имевшие выраженную антибританскую, антифранцузскую, антиамериканскую направленность, прямо называли себя участниками исламского революционного движения. Более того, они отождествляли свои задачи и цели с социалистическими, выдвигая лозунги «*исламского социализма*» (который когда-то зародился в нашей стране и ниже мы скажем об этом.)

Вместе с тем, ближе к концу минувшего столетия политически и терминологически оформились сторонники *радикального* ислама — исламисты. Эти занимали в основном правый фланг военно-политической борьбы и нередко служили империалистическим интересам. Зачастую — достаточно откровенно, хотя, надо признать, возникли и исламистские группировки, весьма враждебные Западу и поддерживающим его режимам. Данная тенденция во многом сохраняется по сей день. Поэтому в неоднородном, расколоте (как, собственно, и христианство) исламе к понятию «исламист» сейчас, как правило, относят именно *радикалов* и *фундаменталистов*. Говоря об исламском фундаментализме, поясним, что тот в свою очередь представляют собой довольно разноликие группы и объединения.

Парадокс нашего времени: во многих странах значительное число мусульман категорически отказываются называть себя исламистами, тогда как исламисты причисляют себя к самым, что ни на есть, истинным мусульманам. При этом и те, и другие могут

примыкать к фундаменталистам либо именовать себя таковыми.

Всё это в той или иной степени отражает и реалии российского мусульманства. Наряду с зарубежными единоверными конфессиями оно тоже оказалось в немалой степени политизированным, претерпев существенное оживление после развала СССР в 1991 году. Идеологический вакуум, образовавшийся после поражения позднесоветского социализма, не мог не вызвать этого оживления, которое, к сожалению, нередко принимало формы фанатизма и вооружённых выступлений. Последние сильно окрашены в религиозные тона, хотя на самом деле вызваны глубинными экономическими и политическими причинами, не говоря о том, что направляются и координируются довольно могущественными кругами. В том числе — *негосударственными, государственными и надгосударственными* организациями, всегда скрытыми, нередко сугубо антиисламскими, цель которых неизменна на протяжении, по крайней мере, последних пяти веков. Сегодня она заявляется открыто на уровне правителей Запада либо их ближайшего окружения: обеспечение западного господства над миром путём «добивания» и расчленения Российской Федерации. Эти правители и их идеологи убеждены в том, что существование единой и сильной России — главное препятствие их гегемонистским планам и серьёзная возможность возрождения в том или ином виде на постсоветском пространстве новой супердержавы.

Россия для них, даже рыночная, сионизированная, прозападная, — это призрак коммунизма, а ещё точнее призрак 1917 года, не дающий им ни сна, ни покоя.

С той рубежной даты берут начало истоки многих специфических черт отечественных мусульманских умм. Вот почему важно изучить и понять эту парадигму:

ислам и Октябрьская революция. Чем они были — единением или противопоставлением? Наверное, здесь нельзя обойтись без краткого экскурса в дооктябрьскую историю и без описания ситуации в двух предшествовавших революциях — 1905 года и Февральской 1917 года. После чего мы рассмотрим фактор ислама в вышеуказанный период в таких традиционных, крупных очагах его распространения, как *Поволжье, Крым, Кавказ, Средняя Азия.*

Ислам на территории России. VII-XIX вв.

Самая молодая из мировых религий ислам возникла на Аравийском полуострове в VII веке. Ряд богословов называет точную дату — 610 год (по христианскому летоисчислению), когда пророк Мухаммед приступил к своей посланнической миссии. Чисто формально ислам пришёл в Россию в том же веке — в 654 году. Правда, это не были земли, населённые русскими. До единого геополитического пространства или *Русского мира* было ещё далеко. Тем не менее, фактом является: арабы, вторгшиеся на территорию нынешнего *Дагестана* и захватившие город *Дербент* — т. е. регион, являющийся сегодня неотъемлемой частью Российской Федерации — принесли сюда новое вероучение.

Аналогично обстояло дело в других районах, примыкавших к ареалу расселения славян. Войны арабов с хазарами-иудеями привели к тому, что в VIII веке появились первые хазары-мусульмане. В X веке ислам стали исповедовать болгары. Кстати, они были первыми проповедниками ислама в Киеве. К ним прислушивались. Но, как известно, в 988 году состоялось крещение Руси. Выбор тогдашнего киевского князя *Владимира* был продиктован политической ориентацией на союз с Византией,

которая по его замыслу могла бы помочь Руси устоять под натиском «диких» народов с востока и юга, и «цивилизованных» народов — с запада.

Тем временем ислам проникал и завоёвывал позиции не только на каспийских и волжских берегах, но и в современной Средней Азии. Монголо-татары, завоевавшие в XIII веке большую часть русских земель, вскоре тоже оказались под сильным воздействием ислама. (В 1256 г. ханом Золотой Орды впервые стал мусульманин.) У завоевателей в качестве сборщиков податей и прочих чиновников служили грамотные мусульмане из Булгарии, Хорезма, Ирана... Их называли «бесерменами». Поскольку публика эта была довольно безжалостная, то «басурман» стало в русском языке почти ругательством.

В начале XIV века ислам был уже религией всех ордынцев, особенно тюркоязычных. А это — обширнейшие территории от Причерноморья до Сибири и от Прикаспия до Средней Волги.

Борьба русских против монголо-татарского господства был долгой, знала подъёмы и спады. В периоды относительно мирного сожительства усиливалось взаимопроникновение коренной и пришлой, осёдлой и кочевой, православной и мусульманской культур. Более того, происходило этнобиологическое смешение. Причём, генезис шёл на всех уровнях. Породнение русской и татарской знати было нередким явлением. Считается, что 15–20 процентов русской аристократии имело ордынское происхождение, пополненное выходцами из Казанского и Астраханского ханств, из других исламских областей, присоединённых к России позднее.

Многие ханы, беки, мурзы пользовались благорасположением русских царей, разнообразными привилегиями даже после того, как маятник истории качнулся в другую сторону. А именно: когда в конце XV

века Орда фактически прекратила своё существование, погрязнув во внутренних раздорах и потерпев ряд военных поражений от русских войск.

Наступала эпоха подлинного возвышения России, окончательно вырвавшейся из тьмы монголо-татарского владычества во время правления Ивана Грозного — *первого русского царя* (с 1547 года). Он существенно расширил владения России и решительным образом реформировал страну, которая перестала быть «Московией». Снова проходя через взлёты и падения, она неуклонно обретала полноценные черты централизованного, а также многоконфессионального, многонационального государства. Другая особенность отныне характеризовала Россию: с XVI века и далее ислам занимает здесь прочное второе место в иерархии религий. Иван Грозный сурово преследовал непокорных, однако признававшие его власть мусульмане пользовались немалой свободой.

Видоизменённая, но ярко выраженная державная политика получила следующий мощный импульс при Петре Великом — *первом русском императоре* (с 1721 года). Отменив патриаршество и фактически возглавив церковь, он проявлял редкую веротерпимость. Сам собой, он поощрял принятие «басурманами» христианства и порой даже принуждал их к этому. Однако при нём впервые за государственный счёт начала переводиться и печататься исламская литература. Его знаменитый «Табель о рангах» давал возможность мусульманам продвигаться по ступеням государственной службы, достигая заметных чинов. Кроме того, мусульмане в ряде регионов Российской империи постепенно получали общинную автономию и шариатское правосудие. Невозможно представить, чтобы подобные права были бы дарованы, например, гугенотам во Франции.

Конечно, говорить исключительно об уважительных взаимоотношениях православия и ислама не приходится. Дело даже не в том, что преследования иноверцев были характерны для подавляющего большинства стран Европы и Азии, чья история пестрит чудовищными злодеяниями на религиозной почве. Завоевание Сибири, присоединение Крыма, походы в Среднюю Азию, покорение народов Северного Кавказа не могли не сопровождаться религиозно-политическими репрессиями царизма против мусульман. Но, если на Западе иноверие сплошь и рядом влекло за собой индивидуальное или массовое убийство, то в России максимальной мерой наказания чаще всего было выселение или переселение. Стравливание простых людей на вероисповедной основе, широко практиковавшееся феодальными, а позже капиталистическими правителями Европы и остального мира, имело среди русских гораздо меньше успеха.

Мужики — православные и мусульмане — много раз проявляли самую крепкую солидарность, когда поднимались против *разноплеменных*, но *одноклассовых* угнетателей. В этот момент они воевали не за голос крови, не за бога и религиозные ценности. Развязав себе руки и вытолкнув кляп изо рта, как метко подмечено в одном произведении исторической публицистики, они в едином порыве жаждали *воли всем народам*.

Об этом свидетельствует крестьянская война середины XVII века под предводительством *Степана Разина* (говорят, русского по отцовской линии и татарина по материнской). Говоря языком современной политологии, в войске Разина была самая настоящая *мультикультурность*, которой так и не смогли добиться у себя западноевропейские «гуманисты» наших дней. Их попытки совокупить христианские ценности с мусульманскими потерпели сокрушительный провал,

как по причине ложного интерпретирования самих ценностей, так и в связи со стопроцентной буржуазностью (читай: извращённостью) западного общества.

О второстепенности вероисповедных факторов свидетельствует и другая крестьянская война — под предводительством *Емельяна Пугачёва*. Рука об руку с восставшими в XVIII веке православными казаками и беглыми русскими крестьянами сражались мусульмане во главе с башкиром *Салаватом Юлаевым*. Общность классовой цели, хотя ни одна из противоборствующих сторон подобными категориями, понятное дело, не мыслила, затмевала религиозные разногласия.

Любопытный и малоизученный эпизод российской истории (длившийся, впрочем, свыше сотни лет): в XV–XVI веках на территории нынешней Рязанской области существовало так называемое *Касимовское ханство*. Одни считают его рудиментом Орды, другие — полноправным удельным *мусульманским княжеством* в составе Руси.

В конце восемнадцатого столетия, по итогам очередной русско-турецкой войны к России было присоединено *Крымское ханство*, которое прежде было вассалом турецкого султана, и чьё население практически целиком состояло из мусульман. Указом императрицы Екатерины II высшему сословию Крыма были предоставлены все права и льготы российского дворянства. На полуострове не вводилось крепостное право, крымские татары были объявлены казёнными крестьянами.

Часть коренных жителей всё же мигрировала в Турцию. Часть остались, смирились, но враждебность сохранили. Часть были вполне лояльны русскому трону. В периоды нашествия Наполеона (1812 г.) и объединённой агрессии Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства (1853–1856 гг.) на стороне

России сражалось несколько полков крымских татар. Однако истины ради стоит упомянуть, что во время Крымской войны татары с помощью турок поднимали на полуострове восстания в тылу русских войск.

XIX век стал веком активной экспансии России на Кавказ и в Среднюю Азию, которую в том же веке стали называть также *Туркестаном*. (Иногда в это географическое понятие включались и казахстанские земли.)

В Средней Азии на тот момент существовали три феодальных мусульманских государства: Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. Имелось также полтора-два десятка полусамостоятельных удельных владений. Все они находились на низком уровне социально-экономического развития, и, невзирая на единоверие, — в состоянии непрерывных междоусобиц.

Средняя Азия привлекала пристальное внимание метрополий Европы. Прежде всего, Англии. То были классические колониальные соблазны: безграничные рынки сбыта европейских товаров, дешёвое сырьё и ещё более дешёвая рабочая сила. Плюс возможность сдержать российское влияние на южном направлении, угрожавшее, как считали англичане, их роскошным индийским владениям. Естественно, у России здесь имелись свои геополитические интересы. Она сумела обеспечить их, опередив и нейтрализовав англичан. Подчинение эмирата, ханств и бекств длилось долго — с 1864-го по 1895-й. Нередко сражения были малокровными, благо многие жители этих земель, включая ряд представителей знати, сами были не прочь стать российскими подданными.

Завоевание Средней Азии имело положительные и отрицательные черты. С одной стороны, её народы подпали под эксплуатацию уже не только своим правящим классом, но и русским самодержавием.

Оказались разделёнными таджики (часть их вообще оказалась в другом государстве — в Афганистане). С другой стороны, были ликвидированы такие вопиющие формы угнетения, как *работорговля*, запрещён ввоз опиума. Начали зарождаться новые производственные отношения, появилась перерабатывающая промышленность и обслуживавшие её национальные кадры, обучавшиеся под руководством русских инженеров и рабочих. Знакомство с новой культурой и более развитым в образовательном смысле обществом послужило толчком к медленному, но неуклонному пересмотру местным населением изживших себя социальных устоев, критическому отношению к прежде доминировавшим феодальным и родо-племенным порядкам.

Понятно, что царское правительство России навязывало «туземцам» порой чуждые для них мировоззрение и ценности. Вместе с тем в Туркестане долгое время даже действовало специфическое судопроизводство — суды *шариата*, основанные на писаных мусульманских законах (для оседлых племён), и суды *адата*, основанные во многом на неписаных правилах и традициях (для кочевых племён). Образовались группы реформаторов, которые стремились к ликвидации колоссального отставания региона не только от европейского, но даже от далеко неидеального российского уровня развития экономики, науки, просвещения. Реформаторы (*джадиды*) уделяли особое внимание созданию школ, где наряду с теологическими, преподавались и светские предметы. Стала распространяться печать, появились библиотеки.

В конце исторического туннеля (он же — многовековой упадок края) появился свет надежды, реализованный впоследствии в результате Октябрьской революции. Ограничимся тем, что скажем: рывок в послеоктябрьском развитии вывел к 1990-м годам все 5

союзных республик — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Киргизстан, Туркменистан — на социально-экономический уровень, значительно превосходящий тот, что был достигнут подавляющим большинством стран бывшего колониального мира.

Есть историки, которые не усматривают разницы между колониальными захватами западноевропейских государств и российскими. Подобный подход — от лукавого. Достаточно сравнить, что оставляли после себя в нищих странах Азии, Африки и Латинской Америки ограбившие их Англия, Франция, Португалия, Голландия. Бельгия и др., и что оставила после себя Россия, когда в 1991-м ушла из своих нерусских владений.

В целом, среднеазиатские завоевания России сыграли *прогрессивную* роль в росте местного промышленного и сельскохозяйственного производства, в подъёме национального и общегосударственного самосознания людей, в сплочении народов империи для будущей борьбы за справедливое, социалистическое переустройство жизни.

В полной мере этот вывод применим к другим примерам российской экспансии. К кавказскому, прежде всего.

Если не считать сопротивленческой эпопеи монголо-татарского периода, то *Кавказская война* была самой длительной из всех внутренних войн России. Она продолжалась без малого полвека — с 1817 по 1864 год. Некоторые историки относят её начало к более ранним срокам. Другие в русле антироссийских и антисоветских домыслов и в нарушение строго научной классификации и периодизации событий утверждают, что она длится по сей день.

Как бы то ни было, Россия в начале того столетия уже владела многими закавказскими и северокавказскими территориями. Значительная часть

их вошла в состав империи *добровольно*. Однако целый ряд горских народов, населявших Большой Кавказский хребет, оставались де-факто вне контроля царского правительства. Они оказали яростное сопротивление усилиям России укрепить здесь свою власть.

В восточной части Кавказа они объединились в военно-теократическое исламское государство — *Имамат Чечни и Дагестана*, который возглавил *Шамиль*. Конфликт обострился, когда в Чечне и Дагестане развернулось религиозно-политическое движение под флагом *газавата* — священной войны против неверных. Оно получило моральную и военную поддержку Османской империи, а во время Крымской войны — Великобритании. Обратим внимание, что, по мнению компетентных историков, включая саморазоблачительные признания британских и турецких деятелей, именно Англия и Турция всегда и больше всех «мутили воду» в ареале тюркоязычных народов вообще и на Кавказе, в частности. Они вербовали свою агентуру среди мюридов — последователей имама Шамиля.

Но расчёты кавказских сепаратистов и их зарубежных патронов не оправдались. Сначала были разгромлены силы Шамиля. Затем — отряды черкесов и абхазов в западной части Кавказа. Многие из них, оттеснённые к Чёрному морю или загнанные в горы, мигрировали в Турцию. Это явление получило название *махаджирства* (*мухаджирства*). Оно долго продолжалось и после окончания Кавказской войны. Среди *махаджиров* было немало других представителей мусульманского населения, непреклонного и неподчинившегося: абазинцев, кабардинцев, чеченцев, ногайцев, адыгов, лезгин, карачаевцев, даргинцев, кумыков, аварцев, осетин. Сложность и многообразие причин северокавказского махаджирства вкупе с подстрекательской ролью Турции не отменяют того

прискорбного факта, что оно было вызвано колониальной политикой самодержавия.

Неподготовленность турецкого правительства к приёму огромной массы людей, произвол и насилие турецких чиновников, условия, непригодные для жизни, вызывали тяжкие страдания переселенцев, включая высокую смертность. Махаджиры даже возвращались обратно на родину. Однако сегодня в Турции и в странах Ближнего Востока насчитываются *миллионы* потомков бывших махаджиров. (Точная статистика кавказских диаспор отсутствует из-за ассимиляционной политики в большинстве этих стран и прямых запретов на национальную самоидентификацию, противоречащую идеологическим установкам тамошних режимов.)

По итогам Кавказской войны указанные горные области были окончательно присоединены к России. Присоединение было проведено насильственными, военно-феодальными методами, свойственными колониальной политике царизма. Вместе с тем вхождение северокавказских народов в состав России объективно опять-таки имело прогрессивное значение, т. к. в конечном счёте способствовало ускорению их экономического, политического и культурного развития. Успешное завершение войны усилило международный авторитет России, укрепило её стратегическое могущество. Обстановка в крае стала гораздо стабильнее, накал кровавой междоусобицы снизился.

В то же время покорение народов Северного Кавказа, сгладив наиболее острые противоречия в местной этнической и политической картине, не могло решить в русле самодержавного строя весь пёстрый и запутанный комплекс национальных, конфессиональных и иных проблем. В 1917 году в виде весьма тяжкого наследия они достанутся советской власти. А после её падения и подчас искусственного,

провокационного реанимирования застарелых исторических «болячек» лягут нелёгким бременем на новую Россию.

Прослеживается чёткая связь этих проблем и этого реанимирования с теми внутриисламскими процессами и внешним воздействием на мусульманские круги России, которые происходили *сто лет назад*. Что ж, зная истоки недуга, его легче преодолеть...

Ислам после революции. XX в.

История России уникальна во многом. Едва ли не самой эксклюзивной её особенностью являются целых *три* революции, потрясшие державу в начале XX века. Речь о революции 1905–1907 годов, о Февральской 1917 года и об Октябрьской 1917 года. Впрочем, дело не в их названии и количестве, а в силе вызванных ими социальных потрясений, последнее из которых в буквальном смысле слова изменило ход мировой истории.

О первой русской революции 1905–1907 годов известно многое. Особенно плодотворно над этой темой поработали советские историки, чьи работы отличались глубиной анализа и использованием огромного количества архивных материалов. Были ещё живы многие участники событий, чьи свидетельства обогащали исследования интересными фактами. Тем не менее, исламский след в той революции изучен недостаточно. Правда, в девяностых годах прошлого столетия и в начале 2000-х появился ряд работ, подробно данный след рассматривающих.

В них даётся разный ответ на вопрос: мусульмане были *катализатором* или *тормозом* революции?

Мы считаем, что и тем, и другим.

Острота накопившихся противоречий, нерешённость аграрных отношений — главных в крестьянской стране, какой являлась Россия, плюс позорное поражение в русско-японской войне вызвали бурю возмущения в обществе. Его исламского сегмента, эта буря не могла не затронуть.

Наиболее активно в революционную борьбу включились татары. В 1904 году, т. е. ещё до Кровавого воскресенья 9 января 1905 года и начала вооружённых выступлений, группа мусульманских активистов провела в Казани нелегальное собрание. Его участники составили обращение, призывавшее европейские державы воздействовать на русское правительство, которое ущемляло права мусульман. Не ограничиваясь этим, мусульманские деятели предприняли шаги, направленные на сближение с либеральной оппозицией, с помощью которой также рассчитывали добиться уступок от правительства.

Среди мусульман стали возникать самые разные течения — от реформаторского до социалистического. При этом социалистическое учение воспринималось в этой среде весьма своеобразно. Работы первого русского марксиста *Г. В. Плеханова* повлияли на татарских революционеров прежде всего потому, что им импонировало его тюркское происхождение.

Считается, что среди «белых пятен» нашей истории одно покрывает целую эпоху национально-освободительного движения тех башкир, что называли себя *волжскими булгарами*. Движение известно под названием *ваисовского* или «*Фирка-и-наджийя*» («*Партия избавления*»). Оно возникло во второй половине XIX века и принимало деятельное участие в революционных событиях века XX. Основателем его был народный вождь, философ и поэт *Багаутдин Ваисов*. Его сын Гайнан, глубоко религиозный человек, ещё в первую русскую революцию заложил фундамент нового

мировоззрения — «исламского социализма». Взгляды *Гайнана Ваисова* и его последователей базировались на том, что установление социализма и народовластия через Советы является исполнением заветов аллаха, и поэтому революционная борьба как бы освящена *чистым, истинным* исламом. Г. Ваисов желал воссоздания болгарского государства, но одновременно призывал: «Братья, стойко и мужественно проводите в жизнь социальные реформы и образуйте органы Советской власти. Если же, братья, вы пойдёте против социализма, то вы тем самым пойдёте и против бога».

Эсерам симпатизировал популярный в тюркско-мусульманской литературе татарский прозаик, драматург и публицист *Гаяз Исхаки*. Появилась татарская группа при Казанском комитете Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). При Бакинском комитете РСДРП образовалась Мусульманская социал-демократическая организация «*Гуммет*».

В 1905 году была создана политическая партия «*Союз российских мусульман*». Считать её целиком и полностью революционной, как это делают некоторые сегодняшние историки, нельзя. В начале статьи мы уже приводили наши критерии революционности. А в эту партию вступило немало *панисламистов*, ратовавших за полный разрыв с Россией, провозглашавших цели, весьма чуждые подлинно революционным. Менее радикальная часть членов партии выступала лишь за автономию в рамках Российского государства.

С мусульманами заигрывала Конституционно-демократическая {*кадетская*} партия, выражавшая интересы крупной российской буржуазии и обслуживавших её либералов. Появившись на гребне революционных событий, она интенсивно проникала в регионы и за счёт мусульман рассчитывала увеличить свой электорат.

Можно констатировать, что протесты основной мусульманской массы, чаще выражавшиеся через осторожные по форме петиции и ходатайства, были связаны не с требованием социально-политических перемен, но с защитой своей веры и обычаев и с соответствующими притеснениями. Сепаратистские и панисламистские настроения крупных фигур российского мусульманства во всех трёх революциях обычно также прикрывались вероохранительными лозунгами.

Нынешние толкователи этой острой темы относят беспокойство царского правительства насчёт брожения в рядах мусульман исключительно к тому, что, дескать, среди них распространялись неприемлемые для самодержавия европейские философские и политические воззрения на государство, другие вольнодумные идеи. Но помимо этого власть с полным основанием беспокоили участвовавшие и вполне конкретные попытки расширения контактов российских мусульман с единоверцами из Турции — извечного геополитического противника России.

В этой связи важен вопрос о протурецкой ориентации ряда лидеров крымских татар — вопрос, который современные исследователи обходят стороной. Очевидно, из-за его щекотливости.

В эти годы ключевой фигурой общественного движения мусульман России стал *Рашид Ибрагимов*. Его называют одним из самых загадочных, но и видных общественных деятелей России начала XX века. Уже в 1904 году Ибрагимов начал поездки по стране с целью подготовки съезда мусульман. Он встречался не только с единомышленниками, но и с важными правительственными чиновниками. Хотя первоначально его работа концентрировалась среди татар Волго-Уральского региона, он поставил вопрос об объединении мусульман Казани и Крыма. Ему оказывал

поддержку *Юсуф Акчурин (Акчура)* — богослов, литератор, офицер турецкой армии, которого можно считать первым татарским политологом и *идеологом турецкого национализма*. С ним общался *Исмаил Гаспринский (Гаспралы)*, с именем которого связан подъём крымско-татарского мусульманства перед революциями и во время них. К Гаспринскому мы ещё вернёмся, а пока скажем, что Р. Ибрагимов плотно сотрудничал с царским правительством, ездил по миру, контактировал со многими службами других государств. Включая Японию, где ему были открыты все двери как политэмигранту; он стал им после подавления первой русской революции.

Сейчас ряд историков пытается придать деятельности Р. Ибрагимова исключительно гуманистический характер. Якобы мотивом её было спасение российского мусульманства. Однако, несмотря на все издержки самодержавного правления, *спасать* мусульман России не было никакой необходимости. Классовые интересы русской монархии диктовали *сохранение и упрочение* всякой конфессии, ну а доминирование православной было обусловлено объективными историческими и демографическими обстоятельствами. Подрывную работу против самодержавия и его охранителей вели многие организации. Однако, что касается большинства членов исламской эмиграции, то они покинули Россию по причине своего прямого либо косвенного *антирусизма* и *антипатриотизма* в его общегосударственном, а не в узко национальном выражении.

Исмаил Гаспринский объявлен выдающимся просветителем тюркских и других мусульманских народов.

И это во многом соответствует действительности. Одна из главных его заслуг — создание системы светского школьного образования, которое изменило

его суть и структуру во многих мусульманских странах. Он фактически создал новый литературный крымско-татарский язык, издавал первую крымско-татарскую газету «Тарджуман» («Переводчик»), которая распространялась также в Турции и в Средней Азии. Наряду с Акчуриным он считается одним из основоположников идеологии тюркизма. Фактически под руководством И. Гаспринского накануне революции 1905–1907 годов сложилось первое национальное движение крымских татар. И какую же позицию оно занимало по отношению к первой, а потом — к другим революциям?

Крым в ту пору был очень беспокойным местом. Одни восстания на кораблях Черноморского флота чего стоят. Однако открыто декларируемые цели борьбы крымских татар пока весьма отдалённо приближались к политическим. Выдвигались такие проблемы, как наделение крымских татар землёй, создание современных учебных заведений и лишь затем — обретение политических прав. Наиболее активные революционеры сплотились вокруг *Али Боданинского (Абдурефи Эсадулла-оглы)* — сподвижника Исмаила Гаспринского. На их счету были даже боевые стычки с черносотенцами. Именно Али Боданинский остался в качестве ведущего национального лидера после смерти Гаспринского в 1914 г. Его авторитет в национально-освободительном движении крымских татар был непререкаем. В 1918 г. он стал членом группы «мусульманских социалистов». Однако именно он выдвигал и патронировал тех руководителей движения, которые поддерживали идею крымского сепаратизма.

Особенно остро складывалась ситуация на Кавказе. Здесь исламские силы были менее организованы. Зато здесь же располагался один из самых жарких очагов революционного и национального движений. Дело усугубилось, когда зимой 1905-го вспыхнула армяно-

азербайджанская резня. Её называли *армяно-татарской*, поскольку в царской России азербайджанцы официально именовались *закавказскими татарами*. Участие протурецких сил в этом и во всех последующих армяно-азербайджанских конфликтах, менее всего имеющих под собой религиозную почву, является доказанным фактом.

От Чёрного моря до Каспийского гремели баррикадные бои, митинговали и бастовали рабочие, среди которых уже тогда имелось растущее количество мусульман коренных национальностей. Но горцы пока отмалчивались, хотя национальные настроения у них заметно оживились. Наибольшая часть мусульманского населения была сосредоточена в горных районах и предгорьях. Но различные партии пока ещё не охватили горцев своей работой. В отличие от времён имама Шамиля мусульманское духовенство Северного Кавказа и Закавказья в этой борьбе тоже участвовало слабо.

Тем не менее, осетины Алагирской долины и чеченцы Веденского округа доставили властям особенно много хлопот. Около 5 тысяч вооружённых осетин разгромили госучреждения, освободили арестованных, сожгли захваченные документы. Это восстание с трудом было подавлено крупными армейскими силами с артиллерией. Чеченцы, изгнав назначенных правительством старшин, более года жили самостоятельно, создав своеобразный вольный *джамаат*. Только в декабре 1906-го правительственные войска разгромили «Веденскую республику». Многие крестьяне бежали от царских репрессий в горы, поэтому в эти годы в Чечне и Ингушетии расцвело *абречество*.

Застрельщиками громких протестов в различных районах Туркестана выступали, несмотря на их малочисленность, русские рабочие, вокруг которых концентрировалась городская и сельская

мусульманская беднота, *мардикоры* — т. е. батраки и разнорабочие. Эта специфическая черта революции 1905–1907 годов не имела аналогов в других регионах российского мусульманства. Даже те байско-клерикальные круги Средней Азии и национальная интеллигенция, что приняли то или иное участие в революции, играли за малым исключением гораздо более консервативную роль, чем их кавказские и поволжские единоверцы. Ни о каком свержении монархического строя они не помышляли, уповая на *реформы* при соблюдении *законности*.

Часть образованных казахов, которые были воспитаны в татарских, башкирских и иных мусульманских школах (группировались вокруг журнала «Айкап») пыталась направить протестную волну по пути пантюркизма. Другая их часть, получившая воспитание в русских школах и тесно связанная со службой в административном аппарате (группировалась вокруг газеты «Казак»), была против сепаратизма и стремилась всячески ослабить революционный порыв мусульманских масс. Кое-кто из её представителей примкнул к кадетской партии и даже входил в состав ЦК.

Такой же идеологический разброд наблюдался среди узбекских и таджикских интеллигентов. Несколько иное положение касалось джадидов в *Бухаре* и *Хиве*. Здесь по-прежнему господствовал реакционнейший деспотизм феодальной власти, сохранённый царизмом для облегчения своего управления окраинами империи. Джадидская интеллигенция выступала за ликвидацию средневековых норм и внедрение более прогрессивных буржуазных порядков. Работая в подполье, в условиях жесточайшего террора, бухарские и хивинские джадиды стремились перетянуть на свою сторону все недовольные элементы. Поскольку царь поддерживал

эмирскую власть в Бухаре и ханскую власть в Хиве, джадиды были резко отрицательно настроены к российской монархии.

Важно, что наряду с буржуазно-националистической интеллигенцией среди казахов, узбеков и других местных национальностей уже после 1905 года развился очень тонкий, но перспективный слой интеллигенции, вышедшей из трудящихся низов (например, учителя начальных школ). Она встала в оппозицию не только к царизму, но и к буржуазно-байской интеллигенции, использовавшей религию в качестве рычага руководства мусульманскими массами.

Манифесты царя 1905 года, учредившие Государственную Думу, даровавшие подданным империи куцые, но неслыханные прежде права и свободы, были изданы под давлением «снизу». В этом давлении чисто исламская составляющая относительно невелика. Но и незаметной её назвать нельзя.

В том же году в Нижнем Новгороде состоялся первый съезд мусульман России, на который съехались более ста делегатов. (Всего удалось провести три съезда.) Там обсуждались политические, религиозные и светские проблемы. Одно из принятых решений гласило, что мусульмане будут законными средствами стремиться к их уравниванию во всех политических, гражданских и религиозных правах с остальными россиянами. Съезд проходил под лозунгом сотрудничества с русскими либералами, и выдвинул лишь умеренные требования национально-культурного и гражданско-правового характера. И это в то время, когда «противозаконные» стачки, митинги, демонстрации, не говоря о восстаниях, сотрясали страну.

Царские каратели действовали решительно. Достаточно сказать, что только по приговорам военно-полевых судов было казнено свыше 1.000 человек.

Общее число жертв столкновений с войсками доподлинно неизвестно, но в любом случае счёт идёт на многие тысячи.

Современники по-разному объясняли *пассивность* мусульманских слоёв населения. Одни отмечали, что мусульман удерживали от участия в народных волнениях крепкая дисциплина религии, трудолюбие, довольство малым, прирождённый *фатализм*. Другие напирали на якобы свойственный всем восточным народам *консерватизм* в убеждениях.

Сила догматов в исламе в самом деле велика. Обращаясь к массам, муллы неустанно предостерегали их от происходившей в государстве смуты, объясняя, что участие в ней есть деяние против религии. Установка, что аллах даёт власть, кому хочет, что человек, стоящий во главе государства, есть наместник и вассал Бога, что государственный порядок священен, оказывала огромное воздействие на мусульман.

Но уместно было бы провести сравнение со схожими событиями в Иране. Поведение российских мусульман было проявлением не слабости или неуверенности в себе, а скорее — политической инертности и отсутствием истинно народных вождей. Как показали массовые антишахские протесты, начавшиеся в конце 1905 года в Тегеране и подхваченные в других городах страны, мусульманские массы вполне могли организованно, с оружием в руках выступить против любого носителя власти. Ибо согласно той же коранической традиции правоверные *вправе свергнуть любого правителя*, который, на их взгляд, недопустимо вмешивается в сакральные сферы жизни, ведёт антирелигиозную политику.

Иные современные историки чрезмерно принижают революционную активность российских мусульман. Они делают упор на «мирный, реформаторский характер мусульманского общественного движения по сравнению

с вооружённым движением, особенно у латышей, поляков, грузин, армян, финнов, евреев, а также черносотенцев...». Вносят в этот список и боевиков из числа «эсеров и большевиков». Встречаются такие выводы: «Без поддержки многомиллионного мусульманства невозможна была как устойчивость Российского государства, так и социальная стабильность в кризисные времена, в том числе в период первой русской революции».

Однако недопустимо отмахиваться от того, что в 1905–1907 годах были созданы азербайджанские отряды самообороны, что в нападениях на царскую полицию и войска участвовали *абреки* (все они были мусульманами за исключением абреков-грузин), что членами боевых дружин на бакинских нефтепромыслах наряду с русскими были мусульмане — азербайджанцы и выходцы из Дагестана...

Правда, организация татарских эсеров «*Тангчылар*» к излюбленному этой партией методу — индивидуальному террору — так и не приступила. Зато даже в самых глухих углах обширной империи у мусульман впервые возник интерес к общегосударственным вопросам, впервые наступило некоторое *духовное сближение* с различными политическими течениями русского общества. Если мусульман раньше можно было характеризовать как обособленный от российского общества социум, то их поведение в условиях политического кризиса 1905–1907 годов свидетельствовало, что начался обратный процесс. Как ни парадоксально, но он мешал и царскому режиму (нарушался принцип «разделяй и властвуй»), и сторонникам сепаратистской, пантюркистской линии (возникал державный патриотизм у *инородцев*, а не только у русских).

Сохраняя формальную приверженность «улучшенному» типу монархии — конституционной,

парламентской, «Союз российских мусульман» выступал, прежде всего, за автономию в делах религии и за самоуправление на местах. В то же время в его программе было немало сходного с программами левых партий; это вызывалось стремлением идеологов мусульманства к сплочению и подчинению себе *всех*, кто относился к адептам ислама. Таким образом, общемусульманское движение стало развиваться преимущественно в культурно-автономистском направлении, что не отменяет фактов политического радикализма и соучастия в революционных событиях.

Разумеется, слияния с русским освободительным движением не произошло, т. к. мусульмане не всё могли в нём принять, не сумели подняться над тем, что противоречило традициям и постулатам, связанным с исламом. Наверное, прав был Гаяз Исхаки, когда писал в эмигрантской газете «Милли Байрак» (выходила в *Мукдене*, ныне *Шеньян*, на оккупированной японцами территории Китая): «Мы сможем выстроить свои отношения с русским народом, только дождавшись, когда империя рухнет». Этот антимарксист, имевший в виду уже не монархическую, а советскую державу, невольно высказал марксистскую точку зрения, согласно которой без ликвидации прогнившего самодержавного строя настоящие *равноправие, взаимоуважение, дружба, солидарность* народов и наций невозможны.

Февральская революция 1917 года, свергнувшая царя, застала врасплох многих. В том числе — исламских лидеров. В первую очередь — тех из них, которые являлись депутатами Государственной Думы. В марте они впервые организовали митинг петроградских мусульман, на котором бурно приветствовалось заявление Временного правительства об отмене всех вероисповедных и национальных ограничений. Мусульманская фракция Думы объявила себя

единственной политической организацией российских мусульман. На самом деле в тот период по стране начали плодиться сотни и тысячи организаций различного масштаба и толка, мусульманские включительно.

Вскоре от рабочих-мусульман столицы был избран их представитель в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Тогда же был образован Петроградский Комитет горцев Северного Кавказа. На местах появились мусульманские комиссары, утверждённые Временным правительством. Повсюду шли съезды мусульман — от городского и уездного до окружного и губернского. Как грибы выростали: Казанский мусульманский военный комитет, Пермский мусульманский комитет, Самаркандское общество «Иттихад ва таракки» («Единство и прогресс»), Всероссийский мусульманский совет, Туркестанский краевой мусульманский совет, Временный комитет по организации союза татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, Временное центральное бюро российских мусульман, Временный Центральный Комитет объединённых горцев Северного Кавказа, Крымско-мусульманский исполнительный комитет, тоже, как водится, временный... Перечислять можно, если не бесконечно, то очень долго.

Эти и другие новообразованные общественные мусульманские структуры зачастую соперничали со старыми. Например, с партией «Мусават» в Азербайджане. Страна впала в некую *псевдореволюционную* эйфорию. Все одновременно сорганизовывались и дробились по религиозным, национальным, классовым, профессиональным, имущественным и прочим признакам. Все витали в атмосфере долгожданной свободы собраний, свободы слова, свободы совести, но при этом, крепя дисциплину, поразительным образом сползали к хаосу. Настоящую

сознательность, дисциплинированность демонстрировали, пожалуй, одни большевики, но это — отдельная тема.

Знаменательным событием в общественно-политической жизни российских мусульман стал их первый после Февральской революции съезд в мае 1917 года. Он проходил в Москве и был беспрецедентно представительным по охвату мусульманских регионов страны. Из 900 делегатов около 100 были женщинами — явление невообразимое для исламских кругов раньше. Причём, одна из делегатов была избрана не от женщин, а от всего казахского населения Тургайской области.

На съезде звучали пафосные речи о том, что, если Россия при царе была для исповедующих ислам мачехой, то отныне стала матерью. Наряду с этим происходила борьба между разными позициями по вопросу будущего государственного устройства — между сторонниками территориальной федерации и сторонниками культурно-национальной автономии. По сути, съезд продемонстрировал невозможность справедливого решения насущных социально-экономических проблем на платформе одной лишь духовной, религиозно-этнической общности, без учёта классового расслоения и интересов трудящихся.

Параллельно проходили мусульманские форумы в Баку (Кавказский мусульманский съезд), Оренбурге (казаки-мусульмане), Челябинске, Владикавказе, Батуме (аджарцы, т. е. грузины-мусульмане), Томске (общесибирский мусульманский съезд) и в других городах. Хотя на них происходила демонстрация единства, но разногласий тоже было в избытке. Так, существовали принципиальные расхождения между тремя группировками аджарцев: грузинской ориентации, турецкой ориентации и суверенной ориентации.

Создавалось впечатление, что политические силы в стране упивались возможностью непрестанно проводить всевозможные съезды и конференции и заниматься непрерывными выборами. Однако некоторые мероприятия подобного рода имели реально большое значение. Два таких прошли в сентябре: Съезд народов России в Киеве и Всероссийское демократическое совещание в Петрограде.

Первый был созван Украинской Центральной радой и призвал к превращению России в федеративную республику. Были оглашены резолюции о создании национально-территориальных автономий в составе России. Но также выдвигались требования о предоставлении независимости некоторым народам и их государственному вычленению. В частности, указывалось на необходимость создания *ЛИТОВСКОГО* государства. Остаётся добавить, что националисты из числа литовской интеллигенции и буржуазии давно имели налаженные связи и полное единение во взглядах со многими татарскими политиками.

Из 93 делегатов 15 были от мусульманских народов. Из участников съезда была выбрана делегация на вышеупомянутое Совещание. Здесь уже вовсю звучали тревожные голоса, предупреждавшие об опасности сепаратизма. Голоса ряда мусульман не были исключением. Представитель горцев Северного Кавказа заявил, что революцию можно будет спасти, если она проникнется идеей *российской государственности*. В тот период для мусульманских народов, проживавших в отдалённых и труднодоступных областях Средней Азии, Дагестана и других встала проблема элементарного выживания. Там разразился голод. В правосознании местного населения царил неразбериха вследствие смешения шариатных, адатных и государственных норм. Налицо были тотальная неинформированность

людей и фактическое безвластье либо полная беспомощность и бездействие выборных властей.

Другими словами, если во время первой русской революции лишь обозначились признаки распада страны, то теперь трещины и дыры просто зияли в теле державности. Многие меры Временного правительства лишь ускоряли данный процесс.

Наиболее зримо это проявлялось в развале армии, которая всё больше не желала участвовать в войне непонятно за чьи интересы. Так называемое реформирование вооружённых сил приводило к потере ими остатков боеспособности. Антивоенная пропаганда большевиков («мир без аннексий и контрибуций») была направлена не против армии, а против политического курса Временного правительства. Но правительство, способствуя упразднению единоначалия, введению голосования на фронте и другим благоглупостям, сводило военное строительство к абсурду.

Исламские круги были довольны появлением в армии чисто мусульманских подразделений, многие из которых были *самоорганизованными*. Разумеется, создание национальных частей мотивировалось якобы стремлением добросовестного исполнения воинского долга и защиты революции. Нетрудно догадаться, что красивые речи служили благовидным предлогом. Всего год спустя лидеры крымско-татарских националистов откровенно признавались: «Крымские татары, которые почувствовали падение центральной власти, решили образовать национальное войско, чтобы иметь возможность осуществить свои политические намерения».

Другими словами, формирование нацчастей с формальной точки зрения — вещь обыденная. Однако в кипящей революционной атмосфере оно означало углубление раскола в армейской среде. Желания правительства и военных — солдатской массы, прежде

всего — вступали в антагонистическое противоречие. По мере развития революционной ситуации после Февраля это привело даже к столкновениям между войсковыми частями.

Справедливости ради следует отметить, что с точки зрения военного порядка мусульманские части превосходили остальные. Их численность доходила до полутора миллионов человек и при этом они были наименее затронуты общим разложением.

Обращает на себя внимание следующее. Воюя в составе Антанты против Германии и её союзника Турции, Россия ставила одной из важнейших стратегических задач захват Константинополя и Черноморских проливов. Но вот, что говорил мусульманский политик и думский депутат С. Максудов на кадетском съезде в марте 1917-го: «Мы, мусульмане, по вопросу о проливах и Константинополя не разделяем тех чувств, которые вас волнуют. В том, что мусульмане иначе думают о проливах, играют громадную роль религиозные мотивы, но не только они. Вы не должны удивляться, что мусульмане, живущие в пределах России, питают симпатии к туркам и не желают окончательного их разгромления».

Примечательно, что кадеты рьяно выступали за «войну до победного конца» и за «крест — на Святую Софию». (Последний лозунг означал символическое превращение стамбульской мечети Айя-Софья в православный храм, которым она и являлась до покорения турками Византии в XV веке.) Но ещё более примечательно, что С. Максудов сам являлся членом Конституционно-демократической партии и, как пишут современные исследователи, «имел не только безупречную репутацию радетеля интересов мусульманского населения страны, сторонника либеральных и демократических преобразований, но и

связи в *высших властных кругах*». (Выделено нами. — Л.Г.)

Необходимо учитывать, что странный на первый взгляд союз Германии (европейской, христианской страны) и Турции (азиатской, исламской страны) был далеко не случаен. Дело в том, что Германия раньше других держав Европы осознала солидный *политический потенциал* ислама. Кайзер Вильгельм II незадолго до начала Первой мировой войны даже провозгласил себя «другом мусульман». Большинство мусульман планеты проживало под колониальным игмом Англии, Франции, Голландии, входило в число российских подданных, представляло собой становой хребет Османской империи. Сам турецкий султан носил титул «шейх-уль-ислам», считаясь номинальным главой всего *мусульманского мира*. Привлечение мусульман на свою сторону означало для Германии ослабление Антанты и реальный шанс добиться целей, которые ставил перед собой немецкий капитал. Цели эти мало чем отличались от аналогичных устремлений всякого другого капитала: перекройка политической карты, делёж колоний, захват сырьевых ресурсов, овладение новыми рынками сбыта, увеличение нормы прибыли... Для достижения хороши были все средства и война была излюбленным.

Германские спецслужбы, имея в лице Турции прочную базу для разносторонней подрывной работы против России, наиболее интенсивно вели её на Кавказе, в Крыму и Поволжье. Они активно набирали агентуру среди махаджиров, расселившихся во владениях султана с целью заброски её в дальнейшем на российскую территорию. Поэтому, по большому счёту, позиция, озвученная Максудовым, неувидительна. Вспомним, что германофильские настроения были присущи не только некоторым мусульманам, но и ряду представителей высших

сословий России, включая непосредственное окружение царя. И придём к неутешительному выводу о порочности тогдашней российской государственной элиты, чьими неотъемлемыми чертами были измена и предательство, эгоизм и грызня.

Существует тенденциозное мнение, что российские большевики, затевая, мол, революцию, мало интересовались Востоком, мусульманством. Якобы российские марксисты следовали целиком *европоцентрической* версии исторической эволюции.

Верно, Маркс являлся наследником европейских глашатаев свободолюбия и справедливости. В его эпоху почти вся история действительно творилась на колонизаторском континенте, оставляя в забвении континенты колониальные. Это — объективная данность, которую прагматик Маркс, кстати, только учитывал, но вовсе не фетишизировал. Ленин, будучи наследником Маркса, привнёс в учение изрядную долю восточно-ориентированной теории и практики. Сталин — наследник Маркса и Ленина — окончательно перевёл коммунистическое учение на *восточную* колею всемирного развития. Раскрыть содержание коммунистического феномена — такая задача перед нами не стоит. Однако скажем, что марксизм, последовательно перерастая сначала в ленинизм, а затем в сталинизм, давно стал слитным воедино *учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина* и уже на этапе ленинизма отверг пресловутую европоцентрическую точку зрения на ход социальной истории человечества.

Достаточно ознакомиться с книгами и статьями, письмами и речами обоих советских мыслителей и вождей, чтобы увидеть разворот большевизма лицом к Востоку. Фоном ему служило общее традиционалистское поведение коммунистов, которое вопреки утверждениям буржуазных историков

нисколько не противоречило и не противоречит принципам интернационализма и классовой борьбы.

Ленин не раз говорил, что в целях установления солидарности трудящихся разных национальностей нужно пойти на большие уступки малым нациям, что по отношению к ним нужно проявлять такт и учитывать национальные традиции, местные условия. Он писал: «...Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить...Коренной интерес пролетарской солидарности, а следовательно и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу...». Он считал, что «дьявольски важно... доказать, что мы не империалисты». И подчёркивал: «Это мировой вопрос... Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя...».

Что касается Сталина, то в первом советском правительстве ему не зря был доверен пост народного комиссара по делам национальностей. Ибо задолго до революции Сталин набрался не только колоссального практического опыта работы с людьми разных национальностей и конфессий, но и написал крупные теоретические работы. (Его научное определение нации до сих пор является классическим, непревзойдённым по точности.) Поэтому лучше всего вектор политики компартии и Советов на том переломном рубеже характеризует следующий пространственный тезис Сталина:

«В момент поднимающегося революционного движения в Европе, когда старые троны и короны разваливаются... взоры всех, естественно, обращаются на Запад. Там, на Западе, должны, прежде всего, разбиться цепи империализма, выкованные в Европе и душащие весь мир. Там, на Западе, прежде всего, должна забить ключом новая, социалистическая жизнь. В такой момент как-то «само собой» исчезает из поля

зрения, забывается далёкий Восток с его сотнями миллионов порабождённого империализмом населения... Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетённых народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом... Без этого нечего и думать об окончательном торжестве социализма, о полной победе над империализмом... Нужно раз и навсегда усвоить ту истину, что, кто хочет торжества социализма, тот не может забыть о Востоке».

И ещё: «Запад с его империалистическими людоедами превратился в очаг тьмы и рабства». Это — фраза из его статьи в 1918 году под многозначительным названием «С Востока свет!».

Сказано яснее ясного.

Старой же точки зрения среди левых сил в 1917 году и позже придерживались только *меньшевики* и *троцкисты*. Как мы знаем, партия и народ пошли не за ними, а за большевиками.

Не столь активно поначалу, но в общий строй влились и мусульманские массы. Что же касается гражданской войны, то она, благодаря участию на стороне красных многочисленных выходцев из десятков народов Азии, с наибольшей достоверностью продемонстрировала *восточно-ориентированную* сущность Великого Октября. Даже гипотетическая *мировая революция* мыслилась в то время в образе похода, как на Запад, так и на Восток. Причём, рядовые члены большевистской партии, пусть не научно, а чисто стихийно, отдавали предпочтение именно восточному направлению в наступлении на мировой капитал.

Если российские буржуазные и либеральные деятели, а также меньшевики и эсеры (чаще неявно, но всегда неизменно) считали мусульман примитивными, фанатиками, полуварварами, то коммунисты до такого

никогда не опускались. Даже к самым действительно отсталым слоям мусульманского населения их подход был главным образом *классовым*. Можно сколько угодно спорить о верности его, но отсутствие в таком подходе великодержавного расизма и шовинизма, политической спеси и религиозной нетерпимости — налицо. Остаётся один вид дискриминации, которую он допускал — социальный. Но такая дискриминация была обращена лишь против эксплуататоров, т. е. против незначительного меньшинства в любом народе, и вытекала из открытых, гласных, честных основ нового строя.

Идеологи капитализма утверждают, что принцип классовости разобщает нацию. Да, но прежде, чем объединиться, надо размежеваться — эту философему пока никто не отменял, и оспаривать её могут лишь люди недалёкие.

Мусульманская общность незаурядна и единственна в своём роде. Её фундамент кроется в религии. Однако ислам неоднороден, внутри него хватает больших и малых ветвей. А моменты исторических катаклизмов, социальных невзгод сопровождаются не только клерикализацией сознания, распространением не только теократических идей, но и ослаблением и даже сломом религиозного жизнеустройства. Компаративный анализ даёт нам примеры роста религиозности в Великую Отечественную войну (роста, поддержанного, между прочим, советским правительством) и примеры упадка религиозности в период Первой мировой, революции и гражданской войны. Такова диалектика общественной жизни и особенности социальной психологии, которые требуют внимательного научного исследования.

А мы просто обратимся к малозначительному на первый взгляд, но очень интересному свидетельству. Его привёл Морган Ф. Прайс — британский

политический деятель, неплохо изучивший Россию, очевидец описываемых событий, автор ряда исторических трудов. Осенью 1917 года он совершил поездку по Волге. На борту парохода солдат-татарин, наблюдая за намазом другого пассажира, тоже татарина, скептически заметил: «Кабы я знал, что молитва спасёт нас от голода этой зимой, я бы целый день простоял на коленях».

Разумеется, этим одним свидетельством не исчерпывается вся полнота сложных взаимоотношений внутри мусульманского вероисповедания. Однако, каким бы основоопределяющим ни был религиозный фактор мусульманского мира, абсолютизировать его всё же не стоит. «Холодные» и «горячие» войны между единоверцами, будь то мусульмане или христиане, не редкость в летописи планеты. Так же, как не были редкостью «красные» и «белые» мусульмане, появившиеся вскоре после большевистского переворота.

Одним словом, совершенно неверны утверждения некоторых современных отечественных исследователей, что в 1917-м возросла роль религии. Она, наоборот, упала. Разве что согласимся с тем, что наименьшее падение этой роли имело место в исламе.

Относительно же «преследования по религиозным мотивам», о чём так любят распространяться ангажированные историки, то вопреки их подтасовкам последняя русская революция *никогда* не осуществляла гонений на религию. Анархические выходки разношёрстной публики не в счёт, т. к. не имеют никакого отношения к советской власти. Революция публично и непредвзято наказывала конкретных священнослужителей за конкретные антисоветские действия, переходящие порой в самые настоящие злодеяния против народа. То, что русский мужик, сбросив оковы царизма, брался за анархический топор и

первым делом шёл громить в деревне дома помещика и попа — за это винить надо не коммунистов, а многовековое помещичье-поповское паразитирование на трудовом народе.

Кстати, почему практически не было аналогичных эксцессов в отношении мулл? Не потому ли, что в исламе религиозная дисциплина подкреплялась гораздо большей близостью к народу служителей культа? Это — не их идеализация, это — особенность образа жизни в её широчайшей и цельной совокупности, которая в каноническом исламе не делится на светскую и религиозную.

Хотя многие исламоведы полагают, что коммунистические и коранические ценности имеют точки соприкосновения, что программа комдвижения формально созвучна эгалитарным и коллективистским представлениям мусульман, но для последних в России после 25 октября (7 ноября) 1917 года наступили сложные времена. Как оценивает это историография?

Одни историки ссылаются на чуть ли не мгновенный раскол российского мусульманства по отношению к захвату власти большевиками. Другие доказывают его нейтралитет. Нам представляется, что в равной степени правы и те, кто настаивает на неприятии революции мусульманами, и те, кто уверен в горячей поддержке революции со стороны мусульман, и те, кто находит доводы в пользу нейтрального, даже безразличного отношения к ней. Было всё, и всё упиралось в специфику региона и силу (либо отсутствие её) у органов новой власти на местах.

Так, Всероссийский Мусульманский Союз уже через пару дней после переворота занял позицию, которую можно выразить следующими словами из статьи в петроградской газете Союза: «Что делать мусульманам в этот момент тяжёлой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе,

приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево... как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка!». Этому вторила газета самаркандских мусульман: «Было бы неосторожностью и безумием перейти на сторону большевиков или их противников...». Печатный рупор оренбургских мусульман указывал: «Не следует... проливать кровь ни за большевиков, ни за меньшевиков, а нужно преследовать лишь свои цели». А вот газета города Симбирска призвала российских мусульман к «священной войне против неверных».

Но в целом мы сталкиваемся со слабой конкретно-исторической изученностью ситуации, сложившейся в конце 1917-го именно в мусульманском ареале страны.

Имеющиеся материалы говорят о том, что, если не большая, то весьма значительная часть мусульман поддержала советскую власть, с которой связывала свои надежды на национальную и конфессиональную свободу, на справедливое решение земельного вопроса. Ведь Временное правительство эти надежды так и не оправдало. Есть материалы, указывающие на опасения большевиков и их неуверенность в лояльности мусульманского населения. Высказывались мнения, что поведение мусульман непредсказуемо, что они могут воспользоваться удобным случаем, дабы избавиться от подчинения России.

Несмотря ни на что, в красной России в отличие от нынешних времён не существовало исламофобии. Поэтому опасения новой власти не только не приводили к каким-либо антимусульманским репрессиям, а напротив — побуждали её завоёвывать доверие мусульман, привлекать их на свою сторону реальными делами и уважительно относиться к их ценностям, включая религиозные. По постановлению Совнаркома мусульманам была возвращена их реликвия — «Коран Османа», некогда увезённый из Самарканда в

Петербург по приказу царского губернатора Туркестана. Башкирам и татарам были вновь переданы некоторые исторические и культовые сооружения.

Огромное влияние на настроения в мусульманских регионах сыграли два послеоктябрьских документа, разработанных и принятых большевистским руководством. В первую очередь, речь идёт об обнародованной в ноябре 1917 года «Декларации прав народов России», провозгласившей принципы национальной политики советской власти:

1) Равенство и суверенность народов. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп.

Вслед за этой декларацией Совет Народных Комиссаров опубликовал 3 декабря 1917 года Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В нём, в частности, говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и её органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

...Первые две русские революции прошлого столетия имели неодинаковое течение и финал.

Объединяет их то, что ни одна из них, пускай по разным причинам, не вывела Россию из многостороннего, затяжного кризиса. На повестку дня встал вопрос распада страны. Кризис и процесс распада были прекращены Октябрьской революцией и установлением Советской власти. Предстояло, правда, пройти через обострение кризисных явлений. Но многонациональная держава с её, повторяем, уникальной историей, несметными человеческими, культурными и природными богатствами, была спасена и в итоге выдвинулась из арьергарда европейских государств в экономический и политический авангард всего человечества.

Приступая к разбору участия мусульман в Октябрьской революции, её влияния на российское мусульманство, разделим и участие, и влияние по географическому принципу, и ограничим их хронологическими рамками. Ниже речь пойдёт о событиях, происходивших на основных территориях расселения мусульман в течение нескольких месяцев, предшествовавших перерастанию революции в гражданскую войну.

Поволжье

В 1917 году среди мусульман России передовую интеллигенцию, образованных, мыслящих, да просто грамотных людей имели немногие народы: волжские татары, азербайджанцы. Ещё тоньше эта прослойка была у крымских татар и казахов. По-настоящему чувство национального самосознания было присуще массам только у этих народов, тогда как другие мусульманские этносы ещё не сумели пройти стадию феодализма и родового уклада и отличались низкой, даже нулевой политизированностью. Таково одно из

объективных обстоятельств, почему мусульмане Поволжья и Кавказа были наиболее заметны во всех революционных событиях, включая Октябрь 1917-го.

Далеко не все их действия шли на пользу молодому советскому государству. После известия о свержении Временного правительства казанские мусульмане провели объединённое заседание татарских организаций, на котором было решено выдвинуть лозунг создания национальной республики, независимой от Советской власти. Сегодняшние оправдатели этого лозунга, снимая с татар обвинения в сепаратизме, указывают, что реорганизованный Казанский совет, якобы противостоявший исламу, состоял в основном из русских. Довод лишён основания. Среди русских хватало своих сепаратистов и ярых противников социализма.

Как бы то ни было, сепаратизм на Волге означал одно: смертный приговор не только советскому строю, но России вообще. Это было очевидно, даже исходя из обыкновенного географического фактора. Возникновение в данном регионе даже одного, а тем более нескольких самостоятельных государственных образований рассекло бы тело державы словно нож геополитической гильотины.

Ситуация была сложной, даже драматической. Как, собственно, и по всей стране. Вплоть до начала 1918 года даже лидеры мусульманских социалистов не признавали легитимность ленинского Совнаркома. Руководство Мусульманского социалистического комитета, уфимских татарских левых эсеров и Харби Шуро (Всероссийского мусульманского военного комитета, располагавшегося в Казани) с одной стороны поддержали переход власти в руки Советов, как в центре, так и на местах. С другой стороны, они рассматривали Учредительное Собрание в качестве единственного законного представительного

всероссийского органа. Ни один из этих трёх лагерей не поддерживал идею чисто большевистского правительства. Особого сплочения между ними тоже не было.

Отсутствие согласованности и шатания не миновали даже среду священнослужителей. По мнению общественного деятеля того времени *Мирсаида Султана-Галиева* после революции татарское духовенство разделилось на две враждующие фракции: сторонников Советской власти («красных мулл») и колчаковцев, учредиловцев («белых мулл»).

Отдельно следует сказать о ваисовской «Фирка-и-наджийя» (Партия избавления). Потому что именно она оказалась среди татарских националистов самым важным партнёром советского режима. В октябрьские дни она шла рука об руку с большевиками, помогая им брать край под контроль. В Казани вооружённое формирование ваисовцев Зелёная гвардия вместе с отрядами рабочей Красной гвардии вело наступление на штаб командования силами Временного правительства в Поволжье.

С утверждением власти Советов партия получила название «Совета волжских болгарских мусульман» и активно включилась в работу органов народной власти.

На тот момент, как мы говорили, идеи создания суверенного национального государства в тюркском Поволжье были широко распространены. Существовали проекты Волжской Булгарской Республики (Г. Ваисов), культурно-национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири (С. Максудов), Урало-Волжского Штата (Г. Шараф), Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики (И. В. Сталин, М. Вахитов, Ш. Манатов). О последнем варианте следует сказать, что Сталин рассматривал его в качестве возможной базовой модели национально-

государственного устройства не только для мусульманских, но для всех нерусских народов страны.

В ноябре 1917-го в Уфе открылось Национальное собрание (Миллет меджлиси) тюрко-татар внутренней России и Сибири, ознаменовавшее начало нового этапа в развитии идей национальной государственности татар и башкир. Оно провозгласило территориальную автономию тюрко-татар в виде Урало-Волжского образования — *Идель-Урал Штат*.

Поясним, что Идель-Урал — это территория Южного Урала и Среднего Поволжья, исламский регион, с давних времён являющийся, как отмечали зарубежные и отечественные исследователи, «связующим звеном между Московией и Сибирью». Согласно некоторым концептуальным воззрениям, Идель-Урал был восточной альтернативой Московской Руси, а Украина — западной альтернативой. На этом параллель заканчивается, т. к. украинцы близки русским этнически, культурно, конфессионально. А в урало-волжском регионе имелся совершенно иной этнический субстрат. Это была «вотчина» тюркских языков и суннитской ветви ислама.

Важнее, однако, другое. В интересах и при участии могущественных сил фактически очень давно формировалась такая политическая наковальня, на которой двумя молотами — восточным и западным — можно было бы «отковать» послушную центральную Россию. (Кто будет растить «молотобойцев» и командовать ими, ясно было тогда и пронзительно ясно сегодня, когда марионеточная, бандеризованная Украина уже подпала под полное внешнее управление. О поволжских мусульманах пока можно сказать, что эмиссары западноориентированных кругов плетут свои сети и среди них.)

Подготовка соответствующих организационных мероприятий государственного становления должна была завершиться в феврале 1918 года, когда в Казани

планировалось проведение 2-го Всероссийского мусульманского военного съезда. Но в ночь на 28 февраля руководители съезда были арестованы отрядом красноармейцев. Работа съезда была прервана и через два дня возобновлена в Забулачной части города. В результате противостояния с Казанским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возникло понятие «Забулачная республика». Она стала одним из основных очагов борьбы *татарской буржуазии* против Советской власти, хотя нынешние националистические историки трактуют «Забулачную республику», как трагическую страницу справедливой борьбы якобы *всего* татарского народа за национальную государственность.

В этот февральско-мартовский период, отчаянно опасный для судьбы местной Советской власти ваисовцы вновь без колебаний встали на защиту революционных завоеваний народа, против мятежа татарской буржуазно-националистической партии «Милли Шура». Контрреволюционеры организовали антисоветскую демонстрацию, и озлобленная толпа двинулись к штабу Зелёной гвардии. Охрана была готова дать отпор, однако Гайнан Ваисов запретил стрелять и вышел к толпе для мирного общения. Едва он начал говорить, как из рядов мятежников грянул выстрел. Толпа схватила раненого в голову Гайнана. Его спросили, кто он такой. Мусульманин Ваисов вызывающе ответил «я — большевик» и был тут же растерзан.

Волжский регион во время гражданской войны был ареной кровопролитных сражений. Дважды перекатывались через него белые и красные армии. Но, когда война ещё только начиналась, в Уфе и Казани были сформированы части, которые получили название мусульманских социалистических полков. В феврале

1918 года разрешение на их формирование было получено лично от наркомнаца Сталина.

Деятельность заметных фигур татарского и башкирского национальных движений протекала и заканчивалась, конечно, по-разному. Взять хотя бы упоминавшегося выше Султан-Галиева. Это он вместе с М. Вахитовым создавал в 1917 году Мусульманский Социалистический Комитет, в том же году вступил в ряды большевиков, затем организовывал учредительный съезд Татаро-Башкирской Республики и Российскую Мусульманскую коммунистическую партию.

Сейчас его именуют ни много, ни мало, как теоретиком исламского социализма и даже *исламского коммунизма*, хотя этого «теоретика», уличённого в связях с басмачами, троцкистской оппозицией и зарубежными спецслужбами, арестовали, судили и расстреляли. Даже в хрущёвском СССР, когда скопом реабилитировали массу репрессированных и очевидных врагов народа, в отношении Султан-Галиева этого сделать не посмели. Реабилитация состоялась только при горбачёвской перестройке, накануне уничтожения СССР, когда во всех бывших советских республиках к власти пришла наиболее оголтелая буржуазия.

Националистические уклоны в комдвижении никогда не доводили до добра. Если копнуть поглубже, то «теория» этого предателя являлась синтезом небезупречных, а зачастую просто реакционных идей тюрко-татарских политиков. Так, у И. Гаспринского он взял идею политического и культурного единства тюрков-мусульман. У Ю. Акчуры — идею Турана как федерации тюркских народов. У М. Вахитова — тезис о том, что тюрко-татарские коммунисты пошли за компартией из-за лозунгов национального самоопределения, а не из-за классовой борьбы и идеалов Октябрьской революции. У С. Максуди он позаимствовал положение о «двойном угнетении»

колониальных народов. У Г. Исхаки — идею объединения всех слоёв мусульманского общества во имя создания сугубо национального государства (и это в условиях многонациональной России!).

В период подготовки Союзного договора Султан-Галиев боролся против проекта автономизации, выдвинутого Сталиным. О сталинской позиции он говорил: «Внутрипартийный смысл настоящей позиции... — отступление от ленинизма к русской государственности под флагом ленинизма».

Вот оно, что. Как в прошлом, так и сейчас, капиталисты и их идеологическая агентура боятся пуще всего русских государственников, российской державности, мешающих им безнаказанно эксплуатировать народ и творить со страной всё, что вздумается.

Султан-Галиев в этом пассаже фактически оклеветал и Сталина, и Ленина. Оговоримся: уничтожение СССР в 1991 году обусловил не ленинский подход к созданию союза равноправных республик, а *султангалиевщина* и её варианты, с середины 1950-х гг. прораставшие в десталинизированной стране как сорняки. Прояви в своё время большевизм чуточку меньше романтизма и благородства, чуточку больше сталинского прагматизма — и дезинтеграция страны была бы существенно затруднена. Был бы бит главный юридическо-пропагандистский козырь наглых, неблагодарных, ненасытных и обуржуазившихся республиканских номенклатур, во время перестройки рвавшихся к тотальной власти в нашей стране на парадной волне «суверенитетов».

Выше уже говорилось, что татары раскололись по вопросу признания/непризнания Октябрьской революции. То же самое относится и к башкирам. Один из их лидеров — *М.М. Кульшарипов* — был в высшей степени категоричен: «Башкирский центральный совет

не подчиняется чьей-либо власти... Большевиков не признаём...». Правда, дальше объявления автономии в составе Российской республики дело не зашло. Она была провозглашена на проходившем в конце декабря 1917 года III Всебашкирском курултае, и включала в себя часть территорий Оренбургской, Пермской, Самарской, Уфимской губерний.

В башкирском национальном движении можно выделить ряд условно обозначаемых этапов: демократический — с мая 1917 г. по февраль 1918 г.; антибольшевистский — с февраля 1918 г. по февраль 1919 г.; советский — с марта 1919 г. по май 1920 г.; повстанческий — вторая половина 1920 г. и начало 1921 г.

Мы коснёмся по преимуществу так называемого демократического.

Итак, провозглашённая в середине ноября башкирская автономия была утверждена на курултае в Оренбурге в декабре 1917 г. Там же было избрано Башкирское правительство. Завладев 18 января 1918 года Оренбургом, большевики по словам буржуазных современников поначалу отнеслись к башкирской власти нормально: позволили сохранить автономию во внутренних делах, хотя во внешней политике потребовали подчинения центру. 27 января в Совнарком была направлена от имени Башкирского правительства телеграмма, в которой говорилось о готовности к соглашению с Советской властью при условии невмешательства её в дела башкирской автономии. Однако за лояльными формулировками крылись неприглядные дела некоторых местных деятелей. В частности — *Ахметзаки Валиди Тогана (Ахмет-Заки Валидова)*, получившего должность военного министра, хотя он был историком-востоковедом, филологом, публицистом.

В феврале 1918 года Валидов вместе с другими членами Башкирского правительства был арестован по распоряжению Оренбургского губернского и Мусульманского военно-революционных комитетов. В начале апреля он был освобождён во время налёта на город белоказаков во главе с атаманом А. И. Дутовым. (Это не помешало ему позднее участвовать в заговоре против атамана.) Вместе с контрреволюционными башкирскими отрядами Валидов присоединился к восстанию чехословацкого корпуса. Оно началось 18 мая 1918 года на огромной территории от Волги до Владивостока, через которую в нескольких десятках железнодорожных эшелонов эвакуировались солдаты и офицеры корпуса. Конечным пунктом эвакуации была Франция. Она же через свою обширную агентурную сеть в рядах корпуса, при поддержке других разведок Антанты и спровоцировала мятеж белочехов. С этого мятежа берёт начало апогей гражданской войны, которая от разрозненных военных конфликтов перерастает в полномасштабные фронтовые действия, сопровождаясь интервенцией почти полутора десятков государств.

Защитники Валидова считают, что «неудавшееся соглашение валидовцев с большевистским центром — во многом результат властной неразберихи». Они делают из него чуть ли не социалиста, хотя в башкирской историографии есть публикации, доказывающие, что Валидов отстаивал исключительно интересы национальной буржуазии. Сегодняшняя политическая конъюнктура заставляет многих исследователей-архивистов затушёвывать вскрытую связь этого деятеля с антисоветскими и антикоммунистическими турецкими кругами. Но имеются и довольно жёсткие оценки. Например: «Башкирские националисты во главе с Заки Валидовым пытались отколоть Башкирию от Советской России

путём пропаганды *Туранского царства* и лозунга «Башкирия — для башкир». Татарские историки полагают, что в результате сепаратистских действий валидовцев так и не получила воплощения самая оптимальная форма федеративной государственности двух братских народов — Татаро-Башкирская Советская Республика, решение о которой было принято ленинским правительством в марте 1918 года.

Как свидетельствуют документы того времени, среди мусульман действительно усилилась тяга к интеграции на фоне раскола российского общества. Мусульманским либералам принадлежит выдвинутое ими тогда же в Казани предложение создать единую Тюркскую федеративную республику из нескольких штатов: в Крыму, Казахстане, Туркестане, Поволжье, на Урале и на Кавказе. Из этого предложения явственно торчали ослиные уши пантюркистов.

К их числу и принадлежал Ахмет-Заки Валидов — убеждённый антисоветчик, что автоматически предусматривало его антироссийскую позицию. Когда запахло жареным и стал виднеться конец белого движения, Валидов опять перевернулся к красным. И даже какое-то время был членом Башкирского ревкома. Длилось его «прозрение» недолго. После окончания гражданской войны он бежал в Туркестан, где до 1923 года организовывал басмаческое движение, прячась в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

В 1925 г. по указу Ататюрка, к тому времени всюду расправлявшегося с коммунистами, Валидов получил турецкое гражданство. Издавал газету, в которой добросовестно отработывал деньги хозяев, призывая мусульман всего мира объединиться вокруг Турции. Затем при нацистах поработал в Германии. С началом Второй мировой войны вернулся в Турцию, где создал секретное общество пантуранистов. Поскольку сильно засветился в качестве сторонника исламизма,

туранизма, нацизма и бог ещё знает чего, то турецкие власти, смекнувшие, куда дует ветер Второй мировой, в 1944 году арестовали Валидова. Приговор суда: 10 лет тюрьмы. Обвинение было столь же серьёзным, сколь и комическим: за деятельность против Советского Союза. Впрочем, когда спустя пару лет, угроза возмездия со стороны СССР за фактическую помощь Турции Гитлеру во время войны миновала, Валидова выпустили.

Мы сильно вышли за пределы нашей темы. Но ведь, как сообщают разные источники, в нынешнем Башкортостане «с 1990 года стало меняться отношение к Валидову». Тогда же прошли юбилейные торжества и научная конференция, посвящённые 100-летию со дня его рождения. Находятся авторы, которые пишут: «Работа над научной биографией Валидова только начинается. Многие остаются ещё неясным и порой даже загадочным». В каком русле они подают эту биографию и почему напускают туман загадочности, думается, внимательному читателю понятно.

Крым

В 1917 году половину населения Крыма составляли русские и украинцы, примерно треть — татары и турки. Двадцать процентов приходилось на остальные национальности: немцев, греков, армян, болгар, поляков, караимов и других. Не только пёстрый национальный состав, но и глубокие экономические, а также внутри- и внешнеполитические противоречия привели к тому, что крымская земля стала одной из первых арен назревавшей гражданской войны, которая в полную силу полыхнёт весной 1918-го.

К осени там давно действовал уже упоминавшийся Временный Крымско-мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком), возглавляемый *Челебиджаном*

Челебиевым. Он же был избран верховным таврическим муфтием. В июле Челебиев и командир 1-го крымско-татарского батальона прапорщик Шабаров были арестованы севастопольской контрразведкой по подозрению в шпионаже в пользу Турции. Под давлением националистической общественности задержанные буквально на следующий день были освобождены.

Крымские татары оперативно среагировали на свержение Временного правительства. 31 октября (13 ноября) состоялось первое заседание созданного по их инициативе Крымского революционного штаба. Возглавил его один из руководителей Мусисполкома *Джафер Сейдамет (Сейдаметов)*. Интересно, что в штаб вошли также представители местных украинских националистов. Эта трогательная смычка дожила до наших дней.

Чуть позже в Симферополе состоялся съезд таврических земств и городских дум, создавший временный высший орган губернской власти — Совет народных представителей. Разочарование крымско-татарских националистов вылилось в заявление: «... Съезд городов и земств, на котором представители коренных народов Крыма и украинского населения оказались в меньшинстве, под давлением преобладающей русской делегации высказался за сохранение Крыма в составе России, игнорируя факт объявления своей независимости Украиной и предложения о создании независимой Крымской республики».

Это прискорбное для местных националистов обстоятельство вскоре было исправлено. 26 ноября (9 декабря) 1917 года в бывшем ханском дворце в *Бахчисарае* открылся Курултай или «Национальное Учредительное собрание крымско-татарского народа», подавляющее большинство делегатов которого

составляла националистическая интеллигенция. Курултай заседал, с перерывами, почти три недели. За эти дни было декретировано создание нового государства — «Крымской демократической республики», принята конституция в виде «Крымско-татарских основных законов» и образовано «Крымско-татарское национальное правительство» (или «Директория»), состоявшее из пяти министров (директоров). Возглавил правительство муфтий Челебиев. Директором по внешним и военным делам стал Сейдамет.

Много позже, рассуждая о принятых Курултаем законах, засланный в Крым сотрудник польской разведки, как говорится, слюнки ронял: «Принятия таких законов, которые лучше всего характеризуют дух и стремление татарского народа, не постыдились бы и самые культурные народы Европы». Воистину история повторяется. От Пилсудского до наших дней прослеживается одна и та же линия польских мракобесов: на единение со всеми антисоветскими, антироссийскими силами, в какой бы форме они не существовали. Чванливый шляхтич даже не заметил, что косвенно определил татар, как некультурную нацию, которая-де вдруг удивила «цивилизованную» Польшу.

По сути, для борьбы против Советской власти в Крыму с первых послеоктябрьских дней сформировался союз татарских и украинских националистов с российскими белогвардейцами. «Крымский ревштаб», переименованный в «Штаб Крымских войск» усиленно занялся созданием воинских подразделений из добровольцев, начиная от монархистов и кончая эсерами и меньшевиками. Костяк его сил состоял из трёх крымско-татарских полков. Когда их эскадроны под рукоплескания не только татар, но всех сторонников Временного правительства, входили в

Симферополь, то по воспоминаниям современников они пели песню (сочинённую, между прочим, их русскими сподвижниками):

«Лихое племя Чингисхана, Пришельцы дальней стороны, Заветам чести и Корана Мы до сих пор ещё верны...».

В свою очередь большевики и их союзники левые эсеры тоже не сидели сложа руки. В ночь на 16 (29) декабря в Севастополе был создан Военно-революционный комитет (ВРК), взявший власть в городе в свои руки. Один за другим большевистские ВРК были созданы в Алушке, Балаклаве, Симеизе. В начале января 1918 года большевики выбили татарские формирования из Феодосии. Следом пала Керчь. Красногвардейские отряды вступили в Ялту, где им оказали ожесточённое сопротивление крымско-татарские части вместе с примкнувшими к ним офицерами бывшей российской армии. Город несколько раз переходил из рук в руки. Красных поддержала корабельная артиллерия, и к 29 января красногвардейцы одержали окончательную победу.

Решающие события разыгрались под Севастополем. В том же январе крымско-татарские отряды вторглись в крепостной район и попытались захватить стратегически важный Камышловский мост, но встретили отпор со стороны охранявших объект красногвардейцев. Получив подкрепления, красные перешли к наступательным действиям. 25 января близ станции Сирень (Сюрень) они разбили мусульманские формирования и с боем заняли Бахчисарай — фактический оплот всех исламских сил Крыма.

В это самое время в Симферополе заседал Совет народных представителей. Его члены вели нескончаемые дебаты на тему, следует ли оказывать вооружённое сопротивление севастопольским морякам, направлявшимся через Бахчисарай на Симферополь.

Джафер Сейдамет заверил собравшихся, что «через несколько дней Севастополь будет в руках татарских войск, которые легко справятся с большевицкими бандами, лишёнными всякой дисциплины». Так повествовал в своих мемуарах участник тех событий, член кадетской партии князь *В. А. Оболенский*.

Действительность опровергла эти и другие хвастливые заявления. Красные, не встречая особого сопротивления, начали штурм Симферополя. Одновременно в городе вспыхнуло восстание рабочих. Столица Крыма была взята в ночь с 26 на 27 января. Челебиев, поспешивший за несколько часов до этого уйти в отставку, был арестован и позднее расстрелян. Сменивший его Джафер Сейдамет бежал в Турцию.

Состоявшийся 7-10 марта 1918 года в Симферополе 1-й Учредительный съезд Советов, земельных и революционных комитетов Таврической губернии провозгласил создание Советской социалистической республики Тавриды — неотъемлемой части Советской России. Новая власть продержалась, однако, на полуострове недолго.

Вышеупомянутый В. А. Оболенский писал о татарах, «которые с таинственным видом и с довольным блеском в глазах сообщали: «Наши говорят — герман скоро в Крым придёт. Тогда хороший порядок будет».

Так оно и случилось. Нарушив условия Брестского мира, 18 апреля 1918 года на полуостров вторглись германские войска. Вместе с немцами двигались их украинские холуи — так называемая Крымская группа войск под командованием подполковника П. Ф. Болбочана. Оккупанты быстро овладели Симферополем, но потом стали выжидать.

Одновременно повсеместно начались восстания татарских националистов. Они сумели захватить Алушту, Старый Крым, Карасубазар и Судак.

Повстанческое движение охватило значительную территорию горного Крыма.

Возникает резонный вопрос: почему спешили крымские татары и не торопились немцы? Исход военного противостояния регулярных германских войск с таврическими большевиками сомнений не вызывал. Не безопасней ли было татарам подождать скорого падения Советской власти?

Наблюдатели приходили к выводу, что немцам, стремившимся создать из Крыма самостоятельное мусульманское государство, которое находилось бы в сфере их влияния, нужно было, чтобы татарское население проявило активность и якобы само освободило себя от русского, то бишь социалистического ига. Немцам было выгодно делать вид, что они лишь поддерживают власть, выдвинутую самим народом. Таким был мотив их выжидания в Симферополе результатов татарского восстания.

А мотив спешки у татар? Вероятно, достаточно тривиальный, связанный с желанием успеть пограбить. Ведь германская администрация могла не позволить нарушать оккупационный порядок. Грабежи сопровождалась казнями представителей советской власти, убийствами гражданского населения. Более того, шли гонения на христиан. Резня и насилие приостанавливались только из-за контрнаступлений красных отрядов.

Вновь объявившись в Крыму, Джафер Сейдамет на созванном после его приезда закрытом заседании Курултая сообщил радостную новость: турки отпустили 700 тысяч лир и командировали около 200 офицеров и чиновников для организации новой власти в Крыму. Кроме того, в Севастопольский порт прибыла турецкая эскадра в составе нескольких кораблей.

Однако немцы вовсе не собирались уступать Крымский полуостров турецким союзникам. Уразумев

это, Сейдамет сменил ориентацию с протурецкой на прогерманскую. Он так разъяснял своим соплеменникам:

«Хотя с турками нас связывает религия, национальность и язык, но вместе с тем мы уже дошли до такого периода политической жизни, что разум может брать перевес над чувствами... И нам приходится остановиться на такой державе, которая была бы в состоянии отстаивать самостоятельность Крыма. Такой державой может быть только Германия».

Заискивание крымско-татарской верхушки перед оккупантами не имело границ. Джафер Сейдамет верноподданнически изливался:

«Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, вознёсший её в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии император Вильгельм, творец величайшей силы и мощи... Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма».

Такому панегирику мог бы позавидовать будущий Гитлер.

Чтобы придать оккупационному режиму благопристойный вид, немцы создали марионеточное правительство. Поначалу премьер-министром был провозглашён Сейдамет. Однако представители земств, городских дум и прочие местные «отцы русской демократии» отказались участвовать в этом правительстве. В результате командующий немецкими войсками на полуострове генерал Кош поручил формирование правительства генерал-лейтенанту *М. А. Сулькевичу*. Литовский татарин, генерал царской армии, командир 1 — го мусульманского корпуса Сулькевич оказался подходящей компромиссной

фигурой. Джафер Сейдамет получил в новом правительстве пост министра иностранных дел.

Подобный исход дела не отвечал замыслам мусульманских националистов Крыма, и они тайно направили кайзеру Вильгельму II меморандум. В нём было изложен план восстановления татарской власти на следующих основаниях: преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опирающееся на германскую и турецкую политику; признание независимости Крымского ханства Германией, её союзниками и нейтральными странами; образование однородного татарского правительства для совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских; право на возвращение в Крым татарских правительственных чиновников и офицеров, уехавших в Турцию, Румынию и Болгарию, а также всех остальных эмигрантов.

Описывать события на полуострове в разгар гражданской войны в России мы оставим для следующего раза. А пока резюмируем:

11 ноября 1918 года, потерпев поражение в войне, Германия капитулировала. Через две недели в Крыму уже хозяйничали новые господа — английские, французские, итальянские и греческие войска. Крымских мусульман интервенты не особенно жаловали. Когда же их сменили деникинцы, а впоследствии врангелевцы, то эти не жаловали татар вовсе. Крымско-татарская Директория была ими распущена. Кое-кого из лидеров националистов арестовали. Белогвардейская администрация унижала татар различными политическими способами, а казаки пороли их нагайками и шомполами. Отпали мечты татарского населения не только о независимом государстве, но и об элементарной территориально-культурной автономии. Чем был не повод задуматься ему о собственной исторической глупости?

Если не считать мусульманского уголка на юго-западе христианской Грузии под названием Аджария, а также небольшого анклава в Месхети, то основными областями расселения мусульман в этом регионе были Азербайджан и северные склоны Большого Кавказского хребта.

Исходя из современного политического расклада, ни Аджария, ни Азербайджан не должны особо привлекать нашего внимания, поскольку больше не входят в состав Советского Союза и России. Но хотя бы вкратце мы должны сказать об исламской составляющей местных послеоктябрьских событий 1917 года. Прежде всего — в Азербайджане, ситуация в котором прямо или косвенно влияла на северокавказскую обстановку и на положение в Аджарии. Тем более, если учесть, что эта ситуация почти сразу после революции в Петрограде перешла в Азербайджане в фазу активных боевых действий.

Помимо известной всему российскому мусульманству партии «Мусават», в Азербайджане возникла ещё одна немаловажная исламская политическая сила. В сентябре 1917 года была образована партия «Иттихад-и-ислам». Впоследствии она стала главным конкурентом «Мусавата» во внутривнутриполитической жизни Демократической республики Азербайджан. Их соперничество символизировало непримиримую борьбу двух антагонистических политических линий, одна из которых олицетворяла стремление к переменам, другая — привязанность к традициям.

Религиозно-политическая доктрина новой партии базировалась на исламских ценностях. *Иттихадисты* воспринимали ислам не только в качестве религии, но и

как систему политических, экономических, юридических норм, являвшихся, по их мнению, фундаментальной основой всего мусульманского сообщества. Они предполагали, что лишь путём совершенствования и развития этих норм можно достичь прогресса мусульманского мира. При этом идеологи партии необычно интерпретировали идею развития исламских норм. По их мнению, такое развитие подразумевало возвращение к первоначальной чистоте исламских законов и традиций, подвергнутых грубым искажениям в течение многих столетий.

«Иттихад-и-ислам» выступала за единство всех мусульман без различия национальности. Отрицая нацию как историческую категорию, а вместе с ней отрицая идею национальной независимости, иттихадисты рассматривали деление мусульман на отдельные национальности как попытку внести раскол в умму. Особенно враждебно партия относилась к идеям *азербайджанизма*.

Изучение причин появления и трансформаций этих взглядов важно ещё и потому, что они характерны для некоторых исламистов XXI века, которые выступают под девизом «единства всего мирового мусульманства» и фактически борются с национализмом. Последний они расценивают в качестве разъединяющего фактора, не способствующего быстрейшему освобождению мусульман от западного владычества.

Однако, несмотря на возникновение новых политических группировок, к осени 1917 года доминирующее положение «Мусавата» в политической жизни Азербайджана не подлежало спору.

Известие о большевистском перевороте в Петрограде 25 октября и свержении Временного правительства достигло Баку быстро — на следующий день. Азербайджанские национальные организации, включая партию «Мусават», в целом доброжелательно

встретили это известие. Подобное поведение было продиктовано, в основном, общим крайним недовольством азербайджанского мусульманского движения деятельностью Временного правительства, а вовсе не его симпатиями к большевикам.

...События развивались стремительно. 31 октября 1917 года Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе всей полноты власти к Совету. 30 марта 1918 года *мусаватисты* подняли в Баку вооружённый мятеж против Совета. Три дня в столице шли бои, закончившиеся поражением мусаватистов.

25 апреля был создан Бакинский Совет Народных Комиссаров. Он действовал решительно. Издал декреты о национализации нефтяной промышленности и каспийского торгового флота. Ввёл 8-часовой рабочий день, повысил зарплату рабочим, создал народный университет и школы для взрослых. Его войска заняли Кубу и Дербент, с боем взяли Ленкорань и рассеяли банды ханши Талышинской. После интенсивных боёв была занята Шемаха, а затем и весь Шемахинский уезд.

Турция, безусловно, не могла мириться с этим. Она рассматривала Азербайджан в качестве своего *вассала* или, как минимум, — в качестве сферы своего влияния. А в партии «Мусават» видела находящийся в *османских руках* рычаг давления. Вообще-то протурецкие настроения здесь были наивысшими по сравнению со всеми остальными мусульманскими регионами России. Поэтому в мае 13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Боевой потенциал защитников советской власти существенно уступал неприятельскому. Кроме того, большевики по условиям Брестского мира не имели права сражаться против немцев и их союзников. Бакинский Совет принял решение призвать на помощь

английские войска, которые к тому времени находились на севере Ирана.

Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия. Власть в Баку перешла в руки правоэсеровско-меньшеви́стско-дашнакского блока, сформировавшего 1 августа правительство «Центрокаспия». 4 августа в Баку высадился британский отряд. Но буквально через месяц англичане и руководство «Центрокаспия» бежали в Иран.

15 сентября 1918 года турецко-мусаватистские войска под командованием Нури-паши почти без боя заняли Баку. Турки и местные татары три дня грабили город, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

Пока в Баку правил Совет, самозванное мусаватистское правительство (Временный национальный Совет) заседало в столице меньшевистской Грузии — Тифлисе. Там 28 мая 1918 года оно провозгласило Азербайджан независимым государством, а затем переехало в оккупированный турками Баку. Оно тут же приняло постановление о денационализации промышленности. Нефтяные промыслы и заводы, торговый флот возвращались фирмам и судовладельцам. Был отменён декрет Баксовнаркома о земле.

Однако к тому времени песенка османов — покровителей мусаватистов — была спета. После захвата Баку советское правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции. 19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушёл в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

Дальнейшие перипетии борьбы закавказских мусульманских националистов против большевиков, их последовательное сотрудничество с турецкими, немецкими, английскими оккупантами, и, наконец, их окончательное поражение в этой борьбе относительно хорошо известны.

Революция, которая свершилась в октябре 1917-го, круто изменила жизнь и Северного Кавказа. Институты постфевральской либерально-демократической власти были демонтированы, а конструирование органов власти леворадикальных сил ещё не началось. То же самое можно сказать и о праворадикальных. Безвластие стало основной причиной кризиса в регионе. Вернулось абречество, развилась уголовная преступность, встала во весь рост угроза межэтнических конфликтов.

Несмотря на кризис и анархию, а может, благодаря им, появились благоприятные условия для реализации национально-государственных устремлений местных народов и их консолидации под знаменем Союза объединённых горцев.

Отметим, что тогда кавказские горцы считали себя *одной нацией*, хотя и состоящей из различных племён. Такой менталитет, даже с учётом межэтнической вражды, был продиктован в немалой степени общим исламским вероисповеданием (за исключением части осетин и абхазов, принадлежавших к христианской конфессии, а также горских евреев-иудеев).

Горская республика по первоначальному замыслу её организаторов должна была остаться в составе России. Съезд, посвящённый этому вопросу, прошёл ещё в мае 1917 года во Владикавказе. Там был избран Центральный Комитет Союза объединённых горцев. Его возглавил «нефтяной король» Чечни *Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев*. Однако Союз не имел чёткой программы действий. Не сумел он и наладить диалог с *казаками*. Попытки объединения с казачеством, изначально

враждовавшим с горцами, были предприняты на раскольнической, антибольшевистской платформе. В декабре появилась совместная декларация казачьего Войскового правительства и ЦК Союза объединённых горцев о создании Терско-Дагестанского правительства, представляющего интересы православных терских казаков и северокавказских мусульман. Голословная декларация пыталась совместить несовместимое. Ибо в условиях кавказского малоземелья, острых взаимных претензий на этот счёт частная собственность на землю, усугубленная разноверием, не могла обеспечить никакого примирения. С помпезной наивностью (она же — наивная помпезность) основатели неестественного альянса оповещали, что Терское казачье войско и Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана отныне становятся «автономными штатами Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей».

То, что образование Терско-Дагестанского правительства было пустой тратой времени и политической ошибкой, стало ясно в условиях не просто продолжавшегося, а обострившегося до уровня кровопролития горско-казачьего конфликта. Для решения этой насущной проблемы был созван съезд народов Терека, положивший начало советизации региона и конституирования *Терской Республики*. Первый съезд прошёл в Моздоке в конце января 1918 года и способствовал кристаллизации левых и других сил (причём, как мусульманских, так и христианских), признавших советскую власть в регионе. Ещё большее значение имел второй съезд народов Терека (февраль-март), который довёл до логического завершения меры, намеченные на первом съезде. Съезд избрал высший органы местной власти — Терский Народный Совет.

Что касается упомянутых мер, то это были в том числе антиказачьи меры, касающиеся изъятия земель и

других не менее болезненных вопросов. Трагизм положения вызывался тем, что определённая часть северокавказских мусульман выступила на стороне красных, но абсолютное большинство терского казачества оказалась на антисоветской, белогвардейской стороне.

Опасаясь за судьбу своих капиталов, не желая терять власть, верхушка Союза объединённых горцев в апреле 1918 года предприняла дипломатический демарш: обратилась к ряду государств Европы с просьбой о признании Горского правительства. Командированный на Кавказ специальный представитель германского правительства генерал фон Лоссов давно ставил перед Союзом задачу: не медлить с созданием Горской республики для последующего признания её участниками запланированной на май Батумской международной конференции.

Действительно, 11 мая на этой конференции было объявлено об образовании Горской Республики и о её признании Турцией и Германией. Там же в Батуме было скоропалительно сформировано её правительство. Премьер-министром стал Тапа Чермоев и министром иностранных дел *Гайдар Бамматов*. Кавказ снова превращался в политический узел из исламских и европейских интриг, завязанный силами, далёкими от любых религиозных и светских идеалов, кроме финансово-властных. Само собой, ни о каком подлинном суверенитете любого северокавказского осколка империи говорить не приходилось. Его не имели даже такие признанные Европой кавказские гособразования, как Грузия и Азербайджан.

В связи с проявлением столь нахального сепаратизма была принята специальная резолюция Терского Народного Совета. В ней говорилось, что «стало известно, будто делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, объявили

независимость Северного Кавказа...». И далее категорически указывалось, что «Терский Народный Совет в составе фракций: чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, казачьей... удостоверяет, что народы Терского края никогда, никого и никуда для указанной выше цели не делегировали, что если отдельные лица, находящиеся ныне в Константинополе, выдают себя за делегатов народов Терского края и действуют от имени этих народов, то это является с их стороны не чем иным, как самозванством и авантюрой». Терский Народный Совет подтвердил свою принципиальную позицию: народы Терского края составляют неотъемлемую часть России.

Тем не менее, 13 мая 1918 года правительство Горской Республики направило правительству РСФСР ноту о создании Горской Республики и отделении её от России. В своём протесте от 15 мая Советское правительство отказало в признании независимости Горской Республики, мотивируя отказ тем, что народы, проживающие на этой территории, на своих национальных съездах высказались за неразрывную связь с Российской Федерацией.

Лидеры большевистской партии крайне негативно высказались в адрес инициаторов провозглашения независимой Горской Республики. Сталин в статье «Положение на Кавказе», напечатанной в «Правде» 23 мая 1918 года, акцентируя внимание на отсутствии политического авторитета у Чермоева и Бамматова, подписавших Декларацию о независимости, назвал их *«воскресшими из мёртвых»*.

Третий съезд народов Терека, состоявшийся в Грозном в конце мая, принял резолюцию с подтверждением признания советской власти. Терская Республика занимала стратегическое положение в центре Северного Кавказа и обладала превосходством над Горской республикой, т. к. на её территории

находились основные города и проживало больше горцев.

К лету 1918 г. положение и Терской, и Горской Республик ухудшилось. Казаки и деникинцы овладевали одним районом за другим. Горское правительство пыталось найти поддержку в Германии и Турции. Ведь при нём постоянно находился турецкий эмиссар, а проще говоря — соглядатай. Но над османами и их старшим союзником тоже начали сгущаться тучи будущего военного поражения. У них хватало более важных проблем, чем помощь своей микроскопической марионетке. Оккупация в начале 1919 года всей территории Северного Кавказа Добровольческой армией положила конец и Терской, и Горской республикам.

Гражданскую войну и послевоенное государственное строительство на Кавказе мы сейчас анализировать не будем. Но коротко коснёмся некоторых аспектов протекавших тогда социальных процессов.

Одним из наиболее устойчивых мифов даже среди профессиональных историков является представление о большевиках, как о воинствующих атеистах и богоборцах, которые, дескать, калёным железом выжигали духовность, всюду куда дотягивалась их кровавая, пархатая лапа. Смешивать искусственно отношение большевиков к мусульманам, которые взяли в руки оружие, чтобы воевать против советской власти и к мусульманам, которые влились в ряды её защитников, нелепо и попахивает провокаторством.

Во всяком случае, наглядным опровержением мифа служит то, что на Северном Кавказе возникло движение, которое сейчас выглядит как политическая экзотика, а тогда воспринималось совершенно естественно: «За власть Советов и Шариат!». Оно родилось из признававшегося тогда большинством

здешних мусульман факта, что их религия и коммунистическое учение не противоречат друг другу. Движение возглавлялось авторитетными шейхами Дагестана и Чечни.

В Кабарде и Карачаево-Черкессии мусульманские лидеры тоже помогали устанавливать советскую власть; в советских документах они именуется «шариатистами». В Дагестане в период деникинской оккупации действовали партизанские отряды под командованием известного *накшбандийского (суфийского) шейха Али-Хаджи Акушинского*. Впоследствии за боевые заслуги постановлением ЦИК и СНК Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики Али-Хаджи был назначен главой Шариатского подотдела Наркомюста республики с полномочиями заместителя народного комиссара юстиции.

В телеграмме, отправленной 2 апреля 1920 года в Реввоенсовет Кавказского фронта на имя Серго Орджоникидзе, Ленин предписывал «действовать осторожно и проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан».

Реальности таковы, что после окончательного установления советской власти на Северном Кавказе шариатский суд были узаконен повсюду, где он существовал. Сталин, выступая 13 ноября 1920 года на Съезде народов Дагестана, заявил: «До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны».

Эта толерантная политика имела большой политический успех. Недаром после смерти Ленина в Чеченской умме постановили четыре пятницы раздавать милостыню нищим. Муллы по всему СССР

молились, чтобы аллах был милостив к усопшему, которого в самых дальних уголках необъятного Востока, отечественного и зарубежного, почитали как Великого Вождя и Освободителя человечества.

Насколько были искренни подобные лозунги, молитвы и действия вчерашних националистов, кто из них доказал верность единой державе и социализму, а кто предал — это другой вопрос.

Средняя Азия

Средняя Азия, Центральная Азия, Туркестан... — это названия одного и того же региона, имеющего общие границы с Китаем, Афганистаном, Ираном. На юге узкая полоска афганской территории отделяла его от Индии. На западе регион через Каспий сообщается с Кавказом. На северо-западе соседствует со степями Казахстана, через которые лежит путь на территорию волжских татар. Такова картина стратегическо-географической важности региона.

Хочется повторить, что большевики вполне адекватно оценивали огромный революционный потенциал народов Востока. В противоположность лидерам Интернационала, которые вообще не рассматривали колониальные страны как революционный фактор и порой восхваляли «прогрессивную» миссию империализма, российские коммунисты занимали однозначно антиколониальную позицию, она же — *антикапиталистическая*. В этом плане *советизированная Средняя Азия*, оставаясь *исламизированной*, была несомненным плацдармом для *революционизации* Индии и Персии. Вот, что рисует нам стратегическо-политическая важность региона.

Зарубежным врагам она рисовала то же самое. Они хотели видеть в образе Туркестана дорогу, ведущую к

капитализму (худшего, *колонизированного* образца), используемую *колонизирующими* для натиска с юга на коммунистическую Москву. Интересно, что это желание было обоюдным для англичан и турок, несмотря на то, что тогда они воевали друг против друга на всех театрах военных действий.

Так, какая же дорога была предпочтительнее для исторического прогресса — революционная или контрреволюционная?

...Основными жителями Туркестана, население которого (без казахов) насчитывало в 1917 году не менее 12 миллионов человек, являлись и являются народы тюркского происхождения, за исключением таджиков. Практически все (кроме памирских таджиков-исмаилитов) исповедовали ислам суннитского толка.

В рассматриваемый период наиболее заметными проводниками исламизированных идей борьбы за национальный прогресс и независимость являлись джадиды. В то же время их деятельность была направлена на выработку программы развития и объединения традиций Востока и Запада. Они ставили перед собой двоякую цель: строительство в Туркестане национального демократического государства и пробуждение в народе стремления к прогрессу, знаниям. Борьба за осуществление этого составляла основу идеологии *джадидизма*.

К Октябрьской революции он от просветительства поднялся до уровня политического движения. В течение 1917 года при активном участии джадидов четыре раза проводился Всетуркестанский курултай мусульман. Там впервые была официально оглашена идея об образовании Туркестанской автономии в составе демократической России. На последнем заседании съезда было принято решение об образовании центрального руководящего органа — Туркестанского

краевого мусульманского совета. Его образование предполагало объединение разрозненных, не связанных друг с другом мусульманских обществ, комитетов и союзов, чтобы придать национальному движению организованный характер.

Председателем совета был избран *Мустафа Чокаев (Чокай, Шокай)*. Об этом деятеле чуть подробнее мы поговорим ниже.

Разногласия между джадидами и духовенством привели к расколу в рядах демократического движения. Сначала была создана организация «Шурои Исломия» («Исламский совет»). Но вскоре духовенство со своими сторонниками покинули её и основали «Шурои Уламо» («Совет духовенства»).

В народном мышлении удельный вес религиозности был наиболее высок в Средней Азии. Если в Поволжье, Крыму, Закавказье ещё до Февраля возникли легальные и нелегальные политические организации партийного типа, то в Туркестане даже их зачатков ещё не существовало. Причина: социальная неразвитость коренного населения и особенно жёсткий контроль со стороны русской администрации. Только в июле 1917-го на Первом Всеказахском съезде в Оренбурге была оформлена первая в Туркестане политическая партия «*Алаш*» и Временный народный совет *Алаш-Орда*.

Выработкой программных основ этого движения занималась немногочисленная национальная интеллигенция, учившаяся в российских вузах и воспринявшая европейскую культуру. Одним словом — либеральная. Большевистскую перспективу она отвергала. Её типичный представитель М. Чокаев, спустя время, возглавил едва ли не самое реакционное образование в крае — *Кокандскую автономию*, которая по замыслу её внутренних и внешних создателей должна была стать базой и началом процесса отрыва Центральной Азии от Советской страны.

Забегая вперёд, без злорадства, но с полным пониманием неизбежности исторического возмездия, отметим, что ни Временное Сибирское правительство, ни «верховный правитель» Колчак, боровшиеся против большевиков, не оценили вклада в эту борьбу *алаш-ордынцев*. Буржуазные силы в Заволжье, Зауралье и Сибири, опиравшиеся на интервенцию и другую поддержку их зарубежных одноклассовых собратьев, не собирались делиться властью с *инородцами*, которых, как и царский режим, считали людьми второго сорта или вообще за людей не принимали — так сказать, «басурмане», «нехристи».

Крах либерально-демократических иллюзий заставил многих националистов снова вспомнить о правах и свободах, которые провозгласила диктатура пролетариата, установленная большевистской революцией. Это, безусловно, относится и к иллюзиям чисто исламских организаций. По сути, ни одна политическая сила, кроме той, что совершила революцию в октябре 1917 года, не могла предоставить туркестанцам большего и лучшего выбора и набора социальных справедливостей. Как ни странно, но к необразованным мусульманским массам осознание этого пришло раньше, чем к их руководителям-националистам. К некоторым руководителям оно так и не пришло вовсе...

Важным этапом в деятельности националистов региона стал съезд туркестанских и казахских мусульман; он работал с 17 по 20 сентября 1917 года. Несмотря на долгие, бурные споры между «шуроуламистами» и «шуроисламистами», съезду удалось найти компромисс. Путём объединения «Шурои Исломия», «Турон» и «Шурои Уламо» было решено создать единую для всего Туркестана и Казахстана политическую партию под названием «*Иттифоки Муслимин*» («*Союз мусульман*»). Главным в работе

съезда стал вопрос о будущем политическом устройстве Туркестанского края. Съезд принял решение об учреждении Туркестанской автономии под названием «Туркестанская Федеративная Республика» и определил основные параметры будущего государственного устройства на началах парламентаризма.

Однако после октябрьского переворота в Петрограде и последовавших за ним событий, прежде всего, в Ташкенте и Коканде, национально-освободительное движение Туркестана пошло по иному руслу.

В Ташкенте под руководством большевиков произошло восстание и 1(14) ноября 1917 года в городе была установлена советская власть. В течение трёх последующих месяцев она утвердилась в Самарканде, Асхабаде, Красноводске, Чарджуе, Мерве, Скобелеве, Пишпеке, Кушке и других городах. Это не на шутку встревожило исламские круги, тесно связанные с местной буржуазией.

С 26 по 28 ноября (9-11 декабря) 1917 г. они провели в Коканде IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд. Он и провозгласил так называемую Кокандскую автономию. Были избраны Туркестанский временный совет и правительство. Премьер-министром стал Мустафа Чокаев, бежавший сюда из восставшего Ташкента. К тревоге и негодованию одних и к надежде и радости других в Коканде разрабатывались планы ликвидации советской власти, восстановления ханства и учреждения *Среднеазиатского халифата*. То есть — полного отделения Туркестана от России.

А современные казахские, узбекские, киргизские и др. историки могут выдать перлы наподобие следующего:

«Анахронизмом выглядят утверждения, присутствующие до сих пор в научной литературе и

средствах массовой информации, о панисламистских и пантюркистских устремлениях, как туркестанских народов, так и вообще российских тюрок в 1917 г. и в годы гражданской войны. Национальные и этнократические интересы оказались гораздо сильнее подобных доктрин, которые затронули на самом деле узкий круг местных интеллектуалов».

Так ведь в том-то и дело, что именно данный «узкий круг», имевший, как правило, широкие финансовые возможности и устойчивую координацию с единомышленниками внутри и вне страны, задавал тон всей тайной и явной политической борьбе в Туркестане. Взгляды мусульманских интеллектуалов имели серьёзное влияние на мусульманскую массу и в других регионах России. В Туркестане же это влияние в силу объективных исторических причин и почти тотальной безграмотности масс было просто огромным.

Чокаев и его министры, испытывая очевидную симпатию к Турции и пантюркистам, прагматически ориентировались на англичан ввиду явного успеха последних в мировой политике вообще и на фронтах Первой мировой войны, в частности. Об этом имеются документы не только в советских источниках. В книгах и статьях, опубликованных на Западе, отражена подрывная работа Великобритании в Средней Азии в тот период.

Здесь самое время поговорить о М. Чокаеве. Ведь после уничтожением Советского Союза и лавины исторических фальсификаций на тему революции эту политическую фигуру «идеолога борьбы за свободу и независимость единого Туркестана» поднимают на щит националисты всех мастей, а не только казахские.

Если сжато, то его предки были *степными аристократами*, а попросту говоря — *баями*. Дед — правитель одной из областей Хивинского зханства, отец — судья. Образованный и богатый Мустафа ещё до 1917

года завёл полезные знакомства в среде российской либеральной интеллигенции, пообтёршись (на мелких, правда, должностях) в Госдуме.

Позднее, уже в эмиграции Чокаев говорил: «Мы называли Советскую власть, установленную в Ташкенте, врагом нашего народа. Я не изменил свою точку зрения за последние десять лет».

Примечательно, что во взбунтовавшемся контрреволюционно-байском Коканде в ходу был лозунг «Туркестан для туркестанцев». Когда красные войска подавили мятеж, Чокаев скрылся. Сначала прятался в ташкентском подполье. Потом перебрался на Волгу. В Самаре, захваченной белочехами, сотрудничал с первым антибольшевистским правительством России, созданным членами Учредительного Собрания, не признавшими его роспуск большевиками. Далее были Омск, Екатеринбург, совместная работа с неизвестным Ахмет-Заки Валидовым... Белогвардейцы были настроены враждебно к радетелям исламских автономий и даже арестовали Чокаева, но он сбежал. Пару лет обретался под крылышком мусаватистов и меньшевиков в Баку и Тифлисе. Но Красная армия пришла и туда, и Чокаев снова бежал — в Турцию. Его видели в Стамбуле, Париже, Берлине, Лондоне, Варшаве... В Европе он выступал с лекциями и докладами, вёл печатную антисоветскую пропаганду, занимался носившей конспиративный характер организационной работой по связям с сообщниками на территории СССР. Успел и с германскими нацистами посотрудничать.

Дополнительный штрих к портрету этого «неистового патриота» (так его титулуют духовные и материальные наследники контрреволюции): после Октября Чокаев успел «наследить» и в Ферганской долине, откуда с 1918 года изошли самые крупные басмаческие формирования. Приходится признать, что

басмачество, ныне тоже превозносимое апологетами среднеазиатской «свободы и демократии», с самого начала развивалось исключительно в его религиозной версии. И уж точно находилось под сильным контролем британских спецслужб, рассекретивших много лет спустя ряд материалов об этом. Приложили руку к этому и другие государства. В некоторых своих «научных» изысканиях вышеозначенные апологеты, не моргнув глазом, без стеснения пишут сегодня о социальном составе участников басмаческого движения:

«...Выходцы из состоятельных слоёв — торговцы, баи, духовные лица — ишаны, муллы, дервиши... Входили и представители национальной интеллигенции — активные деятели общественной жизни края, видные политики с практическим опытом борьбы за независимость родины. Преимущественно это были выходцы из джадидского движения. Повстанцы в основном были представлены коренным населением — узбеками, киргизами, таджиками, казахами, туркменами, а также уйгурами, персами, цыганами, *«бухарскими евреями»*. Но в рядах движения воевало немало и русских офицеров... Имелись представители *турецких и афганских* военных». (Выделено нами. — Л.Г.)

...Басмачество потерпело крах. Трудовое население отворачивалось от него по мере укрепления советской власти и реальной защиты ею простого народа.

Подводя итоги, скажем:

Экономические, культурные, бытовые и этнические особенности Туркестана диктовали взвешенную политику по отношению к нему. Ситуация была сложной. Ряд богатейших собственников — ханов, баев и мулл — установили контакты с заграничными покровителями и развернули борьбу против большевиков, пиком которой стало басмачество. Им

удалось привлечь на свою сторону часть тёмной народной массы. Репрессии против них были оправданы. В то же время некоторые антирелигиозные преследования, начавшиеся здесь в конце 1920-х — начале 1930-х годов, не вызывались необходимостью. Однако существенным является другое. Незаконными репрессиями отличались среднеазиатские руководители, разоблачённые впоследствии как участники заговора троцкистско-бухаринского блока.

Также известно, что в тот переломный исторический период членами РКП(б) становились не только рядовые мусульмане, но и представители мусульманского духовенства. В Бухарской советской республике 65 % членов компартии были верующими мусульманами. Несмотря на секуляризацию, в Средней Азии в 1920-х годах даже в светских школах преподавались основы ислама. Эти события и факты заслуживают отдельного, квалифицированного рассмотрения.

Примером проведения гибкой и справедливой национальной политики большевиков может служить вопрос о шариатских судах. В Туркестане попытка ввести светскую систему народных судов в соответствии с декретами Советской власти встретила недовольство мусульманского населения, желавшего сохранения судей-казиев. Тогда Совнарком Туркестана издал новое постановление, в соответствии с которым шариатские суды сохранялись, но их персональный состав дополнялся представителями от Советов. Как отмечается историками, после Октябрьской революции «суды казиев просуществовали в Туркестане ещё несколько лет; они были изжиты постепенно, благодаря становлению демократических норм советского судопроизводства». Местное население убедилось, что и в этой сфере Советы не притесняют их, а новые порядки сплошь и рядом лучше старых.

Многие современники с удивлением воспринимали в общем-то естественные процессы общественной жизни. Например, то, что на мусульманских съездах, исламские *факихи* (богословы-законоведы) сидели рядом с большевиками, левыми эсерами, левыми джадидами и обсуждали вопросы взаимодополняемости шариата и коммунизма. Это привело к тому, что в том же Туркестане было утверждено положение «О комиссии по согласованию законоположений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Туркестанской Республики с шариатом и адатом». В случае расхождений между юридическими нормами правительства и законами шариата или адата последние имели преимущественную правовую силу. Такое же распоряжение вскоре действовало в Бухарской и Хорезмской советских республиках.

В конечном счёте туркестанцы предпочли путь этнокультурного автономизма в рамках *единой державы* — Советской России, после чего вместе с русской и другими нациями приступили к строительству совершенно нового, не имеющего аналогов в истории человечества государства под названием СССР.

Заключение

Ни одна из общественно-политических организаций России не была достаточно зрелой перед Октябрьской революцией, несмотря на то, что уже произошла Февральская и наблюдалось взрывообразное развитие самых разных социальных процессов. Мы имеем в виду не прогрессивность или реакционность, не радикализм или консерватизм, не исторический стаж, а именно *зрелость, надёжную структурированность, самостоятельность, непоколебимую партийность*. Более или менее этим критериям отвечали отдельные

фрагменты исламского движения, которое (особенно на национальных окраинах империи) стало знаменем революционного пробуждения многомиллионных масс.

Однако фундамент исламских организаций — религия — при всём его неоспоримом объединительном значении слишком часто играл сдерживающую роль, не позволяя поспевать за мгновенно меняющейся ситуацией. Не говоря о том, что способствовал неконтролируемому иностранному проникновению в отечественную умму, что приводило к её использованию во враждебных интересах. Враждебными они были, как для уммы, так и для всей страны, ибо турецкие панисламисты вместе с фальшивыми европейскими радетелями ислама всегда стремились наполнить организации мусульман России духом шовинистического экстремизма и сепаратизма. (В настоящее время к этой нечистой возне присоединились в лице реакционнейших монархий панисламисты арабские.)

Зато необыкновенная целеустремлённость и дисциплинированность большевиков позволяла им навёрстывать многие собственные упущения, оперативно корректировать ошибки и приспособляться к любым изменениям экономической и политической обстановки. Поэтому, существенно уступая исламскому движению по всеохватности этнических и социальных сфер, большевики, тем не менее, подтвердили простую, но такую ёмкую фразу, брошенную Лениным в 1917 году: «Есть такая партия!». Они единственные точно определили болезнь и средство излечения, и Октябрьская революция, как решение, как инструмент, наконец, — это целиком их детище.

Конечно, в неё были вовлечены все политические силы того времени. В том числе — обладавшие неизмеримо большими материальными возможностями,

нежели большевистская. А если говорить об исламских, то они, повторим, во многих регионах страны были доминирующими. Следовательно, вопрос упирается в идею, в идеологию, в программу, в методы и способы реализации программных установок. А главное — в то, насколько всё это отвечает глубинным чаяниям народа, с какой эффективностью ликвидирует социальные перегородки, снимает межэтническую и межрелигиозную вражду.

Известно, что среди всех участников революции и гражданской войны существовали в том или ином виде расколы. Но только большевики преодолевали их с наименьшими потерями. А взять, к примеру, разлады между исламскими единоверцами — татарами и башкирами, между народами Северного Кавказа... Разногласия той поры между среднеазиатскими этносами — это вообще «классика» междоусобицы. И оказалось, что только большевистская партия предложила самые действенные пути избавления от этих недугов классово разделённого общества.

Большевики встали на ноги, опираясь на гигантскую сумму знаний и веры, накопленных человечеством, и взаимосвязь с религией была у них достаточно развитой, что было ново, неординарно для революционеров-марксистов. В каждом деле возможны перегибы. В революционном тем более. Однако никакого преследования за веру ленинско-сталинские коммунисты не осуществляли, хотя преследования верующих, которые не молились, а стреляли в них, безусловно, происходили и *должны* были происходить. Несмотря на обилие документов, подтверждающих данный вывод, этого не могут либо не хотят понять современные историки буржуазного направления. Зато это без всяких архивных изысканий прекрасно ощутили народы рухнувшей империи и рождающегося Советского Союза, которые простили большевикам все

допущенные перегибы и более, чем активно поддержали их — кто раньше, кто позже.

Самые распространённые демагогические выступления на тему «подавления» советской властью национальных чаяний мусульманских (да и всех остальных) народов — это искажённая, антинаучная, насквозь *буржуазно-двуличная* эксплуатация действительно великого и неотъемлемого права. Речь о праве народов на самоопределение вплоть до государственного обособления. Известны многие убедительные высказывания на этот счёт Ленина, Сталина, других большевистских деятелей, а также признанных на Западе учёных. Если для демагогов авторитетом в этой области являются изменники и параноидальные советологи вроде А. Г. Авторханова (с юности поочерёдно побывал в рядах сторонников исламизма, большевизма, гитлеризма и американской «демократии»), то это — их личное дело.

Нам представляются исчерпывающими следующие умозаключения Сталина, выверенные и предельно прозрачные, лишённые всяческого словоблудия. Сталин озвучил их на XII съезде РКП(б) в 1923 году, т. е., опираясь уже не только на коммунистическую теорию, но и на практический опыт её осуществления во время Октябрьской революции и только-только закончившейся гражданской войны. В них даётся идеологический отпор действовавшим во имя *диктатуры буржуазии* националистам (которые в мусульманских регионах прикрывались знаменем ислама) и членам компартии, отступившим от *диктатуры пролетариата*:

«...Одна группа товарищей... слишком *раздула* значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса *проглядела* вопрос социальный — вопрос о власти рабочего класса... Кроме права народов на самоопределение, есть ещё право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому

последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, — это нужно сказать прямо, — право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым...Раздавая всякие обещания националам, расшаркиваясь перед представителями национальностей, как это делали... некоторые товарищи, следует помнить, что сфера действия национального вопроса и пределы, так сказать, его компетенции ограничиваются... сферой действия и компетенции «рабочего вопроса», как *ОСНОВНОГО* из всех вопросов». (Выделено нами. — Л.Г.)

Далее Сталин процитировал Ленина: «По сравнению с «рабочим вопросом» подчинённое значение национального вопроса не подлежит сомнению...».

Тем не менее, Сталин, как и его предшественник и учитель, образно выражаясь, снимал шляпу перед русской нацией. Неужели он делал это потому, что тоже был православного происхождения? Конечно, нет. Представим на мгновение, что в незапамятные времена волжским булгарам и прочим мусульманским миссионерам удалось бы уговорить князя Владимира, и на Руси вместо крещения состоялся бы обряд *шахады* (в исламе — символ принятия веры). Что, это предотвратило бы нынешние посягательства иностранного капитала на русские природные и рукотворные богатства, умерило бы алчность отечественной буржуазии? Нет и ещё раз нет.

Недаром Сталин, имевший много друзей среди мусульманских нацменьшинств, превозносил русских — не конституционных и формально религиозных, а

исторически сложившихся *духовных и физических гарантов* праведности, безопасности, величия государства. Лишь вмешательство эксплуататоров и самодуров, хоть от религиозной, хоть от светской жизни, не жалевших народной крови, нарушало гармонию эволюции. Это служило катализатором революции, которая незамедлительно вступала в дело. Как классовые, так и национальные проблемы наибольшим грузом всегда ложились на русский народ. Он занимает ведущее место в их решении по всем показателям: экономическим, демографическим, географическим и т. д.

Незачем подкреплять этот довод мнениями одних классиков. Вот как в 1917 году безыскусно и точно определил эту роль в своём выступлении по сугубо региональному поводу безвестный представитель русского переселенческого крестьянства в Оренбургской губернии:

«Взявши в свои руки власть и распорядок в государстве, сам угнетённый и бесправный русский народ ныне может смело сказать киргизам и другим иноплеменникам: «Пока мне было плохо, было плохо и вам, когда я стал свободен, то и вы все будете свободны...». Мы знаем, что русский народ не националист, и поэтому твёрдо верим, что надежды киргизов на его справедливость и беспристрастие в деле решения степного земельного вопроса не будут обмануты».

Прописные истины может высказывать не только друг, но и враг. Убеждённый антикоммунист *имам Хомейни* с не меньшей убеждёностью сказал: «Весь ислам — это политика». К сожалению, этого малопопулярного в 1917 году тезиса придерживались лишь те из российских мусульман, которые сотрудничали с большевиками. Эти мусульмане, вопреки возводимой на них и тогда, и сейчас клевете,

не помышляли о святотатстве типа реформирования корана, а проводили в жизнь реформы, подкреплявшие самые благородные коранические принципы — антикапиталистические в сути своей.

Всё вышесказанное завершим выдержкой из статьи в одном из органов мусульманской печати. В последний день эпохального 1917 года — 31 декабря — на страницах издания было написано (без всякого пиетета перед большевиками, что видно невооружённым глазом):

«Мы не видим особенной разницы между мужиком русским и мужиком татарским в смысле восприятия идеи государственности. Нет сомнения, что они по отношению друг к другу могут быть различны: один восприимчивей и практичней, другой менее восприимчив и практичен. Но когда разрешается судьба народов, приходится принять в основу не степень развития масс, а их жизнеспособность и приспособляемость к культуре. В этом отношении ни тот, ни другой не лишены способностей, и давать преимущества одному перед другим на основании недоразумения прошлых времён нам кажется прямо смешным. История ещё не показала, какие народы избраны богом, какие им отвергнуты».

Прибавить к этому можно одно: отвергнутыми были, есть и будут любые, пошедшие путём контрреволюции.

Источники и литература

1. Аманжолова Д.А. «Казахский автономизм и Россия». Россия молодая, М., 1994.

2. Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. «Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями». Политиздат, М., 1988.

3. Беленький С., Манвелов А. «Революция 1917 г. в Азербайджане. Документы из периодической печати». Баку, 1927.

4. Бутбай М. «Воспоминания о Кавказе. Записки турецкого разведчика». Махачкала, 1993.

5. «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. 2, М., 1957.

6. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Энциклопедия. 3-е изд., М., 1987.

7. «Великий Октябрь в кривом зеркале западной «советологии». Сборник. Прогресс, М. 1977.

8. Галоян Г.А. «Россия и народы Закавказья». -М., 1976.

9. Гарчев П.И. «Национальное движение крымских татар в 1917-1920 гг.». Статья в сборнике «Проблемы политической истории Крыма». Вып. 1, Симферополь, 1996.

10. Гасанов Б.К. «Политические партии и движения на Северном Кавказе в 1917-1920 гг.». Каспийск, 1994.

11. Гафурова К.А. «Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917-1924). Наука, М., 1972.

12. Городецкий Е.Н. «Рождение советского государства. 1917-1918, М., 1987.

13. Губогло М.Н., Червонная С.М. «Крымско-татарское национальное движение», т. II, М., 1992.

14. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. «Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму». Симферополь, 1997.

15. «История гражданской войны в СССР», т. 2, Политиздат. М., 1947.

16. Исхаков С.М. «Российские мусульмане и революция». Социально-политическая мысль, М., 2004.

17. Ланда Р.Г. «Ислам в истории России». Восточная литература. М., 1995.

18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 45, Политиздат, М., 1970.

19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 53, Политиздат, М., 1970.

20. Магомедов М.А. «Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция. (Правда истории и домыслы антикоммунистов)». Махачкала, 1980.

21. Магомедов Ш.М. «Октябрь на Тереке и в Дагестане». Махачкала, 1965.

22. Макарова Г.П. «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923». М., 1987.

23. Мухарямов М.К. «Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г. — 1920 г.)». М., 1969.

24. Надинский П.Н. «Очерки по истории Крыма», ч. II, «Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)», Симферополь, 1957.

25. «Национальная политика России: история и современность». Русский мир, М., 1997.

26. Нестеров Ф.Ф. «Связь времён». Молодая гвардия, М., 1987.

27. «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики». Сб. документов и материалов. Уфа, 1959. Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998.

28. Ошаев Х. «Очерк начала революционного движения в Чечне». Грозный, 1927.

29. «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 — июнь 1918)». Сб. документов и материалов. Уфа, 1957.

30. «Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР». Сборник, т. 2, т. 3, М., 1930.

31. «Революция 1905–1907 годов в национальных районах России». М., 1949.
32. Сагидуллин М. «К истории ваисовского движения». Казань, 1930.
33. Саидбаев Т.С. «Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования». М., 1984.
34. Соловьёв С.М. «История России с древнейших времён», кн. III, М., 1960.
35. Сталин И.В. Соч., т. 3, Политиздат, М., 1951.
36. Сталин И.В. Соч., т. 4, Политиздат, М., 1951.
37. Сталин И.В. Соч., т. 5, Политиздат, М., 1952.
38. Хабутдинов А. «Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе». М., 2013.

В. Галин

Движущие силы истории

Все исторические события являются лишь внешним выражением сил, двигающих развитием общества. Во время революции действие этих сил проявляется наиболее ярко и обнажено, поскольку они не сдерживаются более оковами какой-либо верховной власти. Бескомпромиссная политическая борьба становится в этот период лишь пеной на гребне волны поднятой этими силами.

Именно этой пеной являлась ожесточенная борьба за власть в России в 1917 г. между полуфеодальным самодержавием, с одной стороны; западническими либералами, в лице кадетов и октябристов, с другой; и русскими социалистами в лице эсеров, меньшевиков и большевиков, с третьей. Все власти — Временное правительство, Советы солдатских и рабочих депутатов — отражали настроения не более 10-12 % населения страны; крестьянство же, составлявшее почти 80 %, практически не было прямо представлено нигде, но давило на них всей своей массой. Именно эта стихия определяла будущее страны, а не прокламации и желания политических вождей. Что же она представляла собой? За что боролась?

Земли!!!

«Не подлежит, по моему мнению, сомнению, что на почве землевладения, так тесно связанного с жизнью всего нашего крестьянства, т. е., в сущности, России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные

пертурбации в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных». (С. Витте, 1907 г.)

Это был ответ С. Витте на слова П. Столыпина о том, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных..., нельзя ставить преграды для обогащения сильного, для того чтобы слабые разделили с ним его нищету»^[54]. Благие намерения Столыпина столкнувшись с российской реальностью, где на одного относительно сильного приходились многие десятки слабых, не только не имевших возможности стать сильными, но даже ни одного шанса вырваться из нищеты, неизбежно толкали русское общество в ад, о котором писал Витте.

Для крестьян основным источником дохода была земля, количество которой, на душу населения, благодаря стремительному его росту, неуклонно сокращалось. «Главная масса русского крестьянства, — отмечал Н. Головин, — не только страдала от малоземелья, но буквально испытывала острый земельный голод»^[55]. «Огромное большинство русского населения по обеспеченности землей находится в таком же положении, в каком 300–400 лет тому назад находилось большинство стран Западной Европы, — указывал в 1907 г. Д. Менделеев, — Это положение вызывало там такие исторические события, как религиозные войны, бунты революции...»^[56]. «У нас может возникнуть такое же положение, как в Ирландии, — отмечал в 1905 г. видный экономист, ректор Московского университета, член ЦК кадетской партии А. Мануйлов, — где не смотря на все старания английских лендлордов и правительства разрядить

сельскохозяйственное население, требования земли не прекращались и, не находя удовлетворения вело к аграрному террору...».

Для России проблема земли стояла еще более остро ввиду ее низкой плодородности, что обрекало русское крестьянство на нищенское, полуголодное, беспросветное существование.

Мало того, распределение населения по территории Европейской России, ввиду ее природно-климатических условий и сохранения до 1905 г. остатков крепостничества, привязывавших крестьянина к его наделу, было крайне неравномерным.

Так в 1917 г. в треугольнике А (Псков — Симбирск — Одесса), согласно подсчетам последнего министра земледелия Временного правительства С. Маслова, проживала примерно половина всего населения страны, а на крестьянскую душу там в среднем приходилось всего 1,25 га земли; в треугольнике Б (Петроград — Челябинск — Ростов) проживало 2/3 населения страны, а на душу крестьянского населения приходилось 2,5 га земли^[57].

***Обеспеченность крестьян землей, га/на
крестьянскую душу***

	Земли на душу кр. населения, га ³³	Урожайность хлебов 1908-1912 гг. пуд./га ³⁴	Производство хлебов пуд./кр. душу
Англия (1896 г.)	2,82	143	403
Дания (1901 г.)	2,7	158	427
Германия (1907 г.)	1,95	141	275
Франция (1892 г.)	1,83	91	167
Бельгия (1902 г.)	1,3	161	209
(Б) Россия (1917 г.)	2,5	65	163
(А) Россия (1917 г.)	1,25-1	65-90	81-90

Устремления крестьян определялись их бедственным экономическим положением, которое мало изменилось с конца XVIII в., когда Екатерина II отмечала: «Хлеб, который они (крестьяне) едят, религия, которая их утешает, вот единственные их идеи. Благоденствие государства, потомство, грядущие поколения — для них это слова, которыми их нельзя затронуть. Они связаны с обществом только своими страданиями и из всего того беспредельного пространства, которое называется будущим, они замечают только завтрашний день. Их жалкое положение лишает их возможности иметь более отдаленные интересы».

Спустя сто лет в конце XIX в. описание быта крестьян оставил Желябов (будущий лидер «Народной воли»), который «пошел в деревню, хотел просвещать ее, бросить лучшие семена в крестьянскую душу, а чтобы сблизиться с нею, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по 16 часов в поле, а, возвращаясь, чувствовал одну потребность растянуться, расправить уставшие руки или спину, и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомат. И понял, наконец, так называемый консерватизм деревни: что пока

приходится крестьянину так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба... до тех пор нечего ждать от него чего-либо другого, кроме зоологических инстинктов и погони за их насыщением... Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочих в **положении полуголодного волка**»^[58].

Если крестьянская масса, составляющая 4/5 населения, «хронически недоедает, живет в условиях недостойных человеческого существования, и не видит никаких шансов для подъема своего благосостояния, то правильное и мирное развитие страны в целом становится невозможным», — констатировал в 1905 г. А. Мануйлов. Мало того, добавлял он, «у нас большинству сельского населения некуда уходить от земли; поэтому, что бы не предпринимали доктринеры крупного хозяйства, **крестьянская масса не покинет деревни, и если ей не дадут земли, в которой она нуждается, она возьмет ее силой**».

Непосредственная борьба крестьян за землю началась с развитием капитализма на деревне и ее политическим пробуждением. Наиболее явно она стала проявляться с 1901 г., когда крестьянские волнения стали вспыхивать по всей стране. Правительство в ответ создало специальное сельскохозяйственное совещание, но на практике не сделало ничего. Результатом стала революция 1905 г., которая по своей сути носила характер крестьянского бунта, главным требованием которого было — Земли!!!

О том, какое впечатление Первая русская революция произвела на помещичий класс, говорили слова министра внутренних дел генерала Трепова (ближайшего к царю человека), который «заявлял, что единственной мерой, которая может положить конец

бесконечным восстаниям крестьян — это немедленное и широкое принудительное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян: «...все помещики будут очень рады такой мере. — Я сам, — говорил генерал — помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину» «покуда крестьянство еще не отняло всю землю у помещиков»^[59].

«Генерал адъютант Дубасов... (приехавший) из Черниговской и Курской губерний, куда был назначен с особыми полномочиями вследствие сильно развившихся там крестьянских беспорядков... высказывался в том смысле, что лучше всего было бы теперь же отчудить крестьянам те помещичьи земли, которые они забрали.... он высказал мнение, что теперь такой мерой можно успокоить крестьянство, а потом — «посмотрите, крестьяне захватят всю землю, и вы с ними ничего не поделаете»^[60] М. Покровский в этой связи замечал, что «уступку, на которую не решались кадеты и эсеры летом 1917 г., готовы были сделать помещики поумнее уже осенью 1905-го»^[61]. Николай II всерьез давал для обсуждения в Государственном совете предложения о необходимости принудительного *отчуждения земель в пользу крестьянства* как меры, которую необходимо принять *немедленно непосредственной волей и приказом самодержавного государя*^[62]. Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия Кутлера. Однако уже в январе следующего года поднявший этот вопрос министр земледелия Кутлер был отправлен в отставку.

Свои требования Земли русские крестьяне выводили из сохранившихся у них, до начала XX в., традиционных правовых представлениях об основах земельной собственности. Суть традиционного права, по словам

народника К. Качаровского, заключалась в следующем: «Право труда говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на неё, ни на её продукт, а имеют право те, кто её обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность нарушает равномерность распределения между людьми **основного, необходимого для их жизни блага** и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей»^[63]. «У нас если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия, у него нет корней в самой жизни народа..., - дополнял народник И. Каблиц, — Право на землю, безусловно связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право»^[64].

Еще до отмены крепостного права Н. Чернышевский и А. Герцен сформулировали теорию «русского крестьянского социализма», отрицавшую законность права помещиков на владение землей, «считая институт частной собственности на землю чуждым российской жизни и российской истории». Для них освобождение крестьян по определению означало наделение их правом распоряжаться землей, которую те обрабатывали. И крестьяне упорно считали, что в ходе реформы 1861 г. их обманули. Они выражали свое отношение к помещикам и земле наивной фразой: «Мы ваши, но земля наша».

Как отмечает историк Ю. Латов, помещики сами понимали известную двусмысленность правового статуса своих хозяйств, чему может служить интересное наблюдение помещика А. Энгельгардта, который описывал упадок многих имений в пореформенный период: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам — затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы

прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение»^[65].

С обоснованием традиционного “права на землю” выступали не только крестьяне, но и профессиональные экономисты-аграрники, такие как народник П. Вихляев, чьи работы были использованы эсерами при разработке их земельной программы. «Право на землю, — утверждал Вихляев, — вот тот принцип, который должен быть положен в основу новой русской государственности. К общей сумме прав гражданина и человека должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическим статутам западно-европейских государств — право на землю каждого русского гражданина, право поголовного земельного надела. Провозглашение этого общего права должно подорвать коренным образом исключительное право отдельного лица на землю»^[66].

Народническая интеллигенция находила в этой особенности России ее преимущество перед Западом, потенциал ее мессианского предназначения. Эти взгляды в полной мере отражал Л. Толстой: «Разрешить земельный вопрос упразднением земельной собственности и указать другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни — вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства — вот историческое призвание русского народа»^[67].

Сторонники западного права, представителем которого являлся А. Салтыков в ответ на требования крестьян, заявляли, что принудительное отчуждение частновладельческих земель представляет собой “грубейший акт варварского произвола”: «Само понятие

права, — писал он, — состоит в непримиримом противоречии с мыслью о принудительном отчуждении. Это отчуждение есть прямое и решительное отрицание права собственности, того права, на котором стоит вся современная жизнь и вся мировая культура»^[68]. Такой же позиции — незыблемости права частной собственности, придерживался и Витте.

По словам Латова, подобные убеждённые защитники частной земельной собственности рассматривали право собственности в традициях континентального права — как право — “монолит”. Но существовали и более умеренные консерваторы, типа министра земледелия А. Ермолова, которые склонялись к англо-саксонской традиции, согласно которой право собственности есть “пучок” частичных правомочий, которые могут находиться у разных экономических субъектов. По их мнению, принудительное отчуждение не противоречило бы праву частной собственности, поскольку правительство имеет полномочия отчуждать частновладельческое имущество ради государственных и общественных целей^[69].

Баталии развернувшиеся в России, относительно нового права собственности, в начале XX в., далеко не русское изобретение: В период буржуазных революций почти во всех в европейских странах, происходило формирование новых — законных, капиталистических прав собственности и осуществлялся переход к ним от дофеодалного и феодальных механизмов обеспечения этих прав. Этот переход выглядел следующим образом: от традиционного (по обычаю) права к — договорному и к — законному. В период буржуазной революции в Англии, одновременно существовали все три типа права, которые боролись между собой на протяжении почти 200 лет. Например, лендлорды фиксировали свои права как законные, в то время как их отношения с

крестьянами строились на традиционном и договорном праве. В этом случае, по закону крестьяне автоматически теряли свои права на землю, что обеспечивало лендлордам, полностью законное право, сгонять крестьян с земли путем огораживаний.

Впервые изменение формы права, было использовано для захвата земли еще в Древнем Риме. Принятый в V в. закон Сервия Туллия привел к тому, что «благородные продолжали отнимать поля у плебеев, хотя последние и обрабатывали их; так как плебеи не могли предъявлять гражданских исков для возмещения»^[70].

После свершения февральской революции Временное правительство в своих программных декларациях от 3 и 6 марта 1917 г. обошло аграрный вопрос, затрагивавший кровные интересы почти 80 % населения России, стороной!^[71] Только 28 марта под напором начавшихся крестьянских волнений было созвано совещание, посвященное проблеме создания согласительных комиссий для разбора спорных ситуаций при решении земельного вопроса и отложившее его окончательное решение на волю Учредительного собрания^[72]. Известный экономист А. Пешехонов, принадлежавший к крайне правому крылу социалистов, в ответ на это писал: «Никаких комиссий не нужно. Нам нужно быстро и энергично принять решение и выполнить его...

Если эти вопросы не решить немедленно, результатом будет анархия и совсем не тот порядок, к которому стремились все демократические партии. Но его все равно придется принять. ***Учредительное собрание не сможет пересилить революцию***»^[73].

Оценивая предложения по выкупу земли, проф. Каценеленбаум подсчитал, что «общая сумма компенсации равнялась бы 5 млрд руб.»^[74]. Т. е.

примерно 1,5 годовых бюджета Российской империи 1913 г. «Государство находилось на краю банкротства и Россия, — по словам Чернова, — была обязана либо отказаться от земельной реформы, либо провести ее без выкупа»^[75]. Кроме этого «после завершения выкупа казне пришлось бы выплачивать 300 млн. руб. годовых процентов по старым и новым долгам»^[76]. Крестьяне платили дворянам около 300 млн. руб. в год за аренду. После реформы помещики получали бы те же 300 млн. руб. в год, но под другим названием^[77]. «Разве для этого мы боролись десятки лет? Разве для этого мы делали революцию?», — заявляли крестьяне^[78].

В первый же месяц после революции число крестьянских выступлений составило 20 % по сравнению со всем 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раз. Военные отказались участвовать в усмирении, а милиция даже способствовала выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России^[79]. В попытке снизить их остроту Петроградский Совет 9 апреля признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания земельных комитетов. В свою очередь Временное правительство ответило на рост крестьянских выступлений тем, что 8 апреля Председатель правительства кн. Львов указал губернским комиссарам об их персональной ответственности за подавление крестьянских волнений всеми законными способами, включая использование воинских частей^[80]. 11 апреля Временное правительство принимает закон «Об охране посевов», гарантировавший помещикам «законную охрану» их земель, получение арендной платы и даже возмещение убытков в случае «народных волнений».

Закон о создании земельных комитетов был принят 21 апреля. Его целью ставилась подготовка земельной

реформы для Учредительного собрания и разработка неотложных мер, которые следовало принять до решения земельного вопроса в целом^[81]. Созданный Временным правительством Главный земельный комитет почти на 90 % состоял из кадетов^[82]. Вместе с министерством юстиции, так же подконтрольным кадетам, этот комитет практически блокировал деятельность лидера эсеров В. Чернова, ставшего в коалиционном правительстве министром земледелия^[83].

Поворотным пунктом в работе Главного земельного комитета стала его первая сессия, которая 20 мая большинством голосов приняла проект резолюции гласивший, что: «земельная реформа должна основываться на идее передачи всех сельскохозяйственных земель в пользование трудящемуся крестьянству»^[84]. Как замечал в этой связи Деникин, **«В основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство — все они совершенно определенно говорили о «переходе земли в руки трудящихся»**^[85].

«Теперь помещикам оставалось только одно, — отмечал Чернов, — попытаться отсрочить созыв Учредительного собрания, а тем временем выжать из своих имений все что можно. Имения можно было закладывать и перезакладывать; это давало их владельцам намного больше, чем правительственная компенсация... Безудержная спекуляция земельными участками стала обычным делом. Крестьянство тут же почувствовало новую угрозу. «Берегитесь, хозяева, вы больше не обведете нас вокруг пальца. Только попробуйте украсть у нас землю», — слышалось повсюду. Теперь первым и всеобщим требованием

деревни стал запрет на всю продажу, заклад, дарение земли и т. д. до Учредительного собрания»^[86].

Еще 17 мая, накануне первой сессии Главного земельного комитета, министр юстиции эсер Переверзев с подачи Чернова разослал нотариальным конторам официальный приказ прекратить все сделки с землей. Однако распространился упорный слух, что 25 мая он отменил этот приказ под давлением большинства министров Временного правительства»^[87]. Опасаясь, что земли они не получат солдаты хлынули с фронта домой^[88].

Настроения крестьян передавал один из их представителей Егоров: «Провожая наших мужиков, уходивших на войну, мы говорили им: во-первых, защитите нашу землю; во-вторых, завоюйте ее для крестьян. Они сделали это, вся революция была сделана для этого. Солдаты, четырежды обманутые обещанием земли, начинают бояться, что так ее и не дождутся». Представитель Союза военных депутатов заявил: «Мы не бросим оружие даже после войны, не бросим до тех пор, пока на знамени страны не появится лозунг «Земля и воля». Во время Учредительного собрания мы будем держать винтовки на изготовку, но помните, что следующей командой будет «пли!»»^[89].

Двойственная политика Временного правительства давала крестьянам все основания подозревать его в обмане. В «течение лета аграрные беспорядки делались все более и более ожесточенными, что объяснялось и сотнями тысяч дезертиров, хлынувших с фронта в деревню»^[90]. М. Пришвин, отмечал в своем дневнике 15 июня: «И солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван... мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...»^[91].

«На второй сессии Главного земельного комитета (которая прошла 1–6 июля) представитель Нижегородской губернии доложил, что **крестьяне говорят только об одном: мы устали ждать, мы ждали триста лет, а теперь, когда мы завоевали власть, больше ждать не хотим**»^[92]. Аналогично «на крестьянском съезде относительно спокойной Тамбовской губернии делегаты с тревогой отмечали резкий рост числа помещичьих погромов. Секретариат съезда сделал вывод, что задержка выполнения декларации правительства делает «такие беспорядки неизбежными: начавшись в одном месте, они вызовут взрыв и распространятся по всей стране. Если эта — декларация не даст результата, деревня скоро прогонит и Советы крестьянских депутатов, и земельные комитеты; до сих пор мы не получили ничего, кроме слов»^[93]. Не дождавшись результатов с последних дней августа крестьяне взялись за разграбление и поджоги помещичьих усадеб, безжалостно изгоняя их владельцев с насиженных мест. На Украине и в России — в Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Орловской, Тульской, Рязанской губерниях — были сожжены тысячи усадеб, убиты сотни их владельцев. В ответ правительство требовало от губернских комиссаров пресечь аграрные беспорядки любыми мерами, вплоть до применения против крестьян оружия»^[94].

Командующий Юго-западным фронтом генерал Корнилов уже 8 июля, во всей прифронтовой зоне, под угрозой уголовного преследования, лишения прав собственности и ареста, запретил всякое «произвольное вмешательство» местных органов в земельные отношения... Ободренные этим примером, гражданские суды и государственная прокуратура развернули активную деятельность и за пределами прифронтовой

полосы. Они начали арестовывать членов земельных комитетов. Последние потеряли у населения всякий авторитет, и их дальнейшая деятельность стала невозможной^[95].

«Если так будет продолжаться и дальше, — отмечал Чернов, — под суд придется отдать три четверти России»^[96].

Председатель Главного земельного комитета умеренный беспартийный проф. Постников предсказывал, что продолжение такой политики приведет к полной анархии и саботажу всей аграрной реформы^[97].

«Дворяне ни за что не хотели «передела по-черновски». Они предпочли «черный передел» и получили его, — констатировал Чернов, — О да, они думали, что все выйдет по-другому. Они считали, что дикие крестьянские эксцессы заставят Временное правительство расстаться с нерешительностью и послать на усмирение крестьян военные части. Это было бы настоящим безумием. Нет лучшего способа деморализовать армию, чем послать ее, на 90 % состоящую из крестьян, подавлять движение миллионов своих братьев»^[98].

Наглядный пример давала Тамбовская губерния, где солдат вызвал князь Вяземский. Крестьяне встретили их криками: «Что вы делаете? Пришли защищать князя и убивать своих отцов?» Командир «приказал солдатам рассеять толпу, но те не сдвинулись с места... Его отряд рассеялся и позволил толпе схватить князя. Они арестовали Вяземского и послали на фронт как «уклоняющегося от призыва». На ближайшей железнодорожной станции князя линчевал отряд сибирских ударных частей, направлявшийся на фронт^[99].

В «Волынской губернии отряд из пятидесяти казаков был послан в имение князя Сангушко, чтобы умиротворить крестьян. Неподалеку была расквартирована пехотная часть, вернувшаяся с фронта... солдаты «присоединились к крестьянам. Сначала они вломились во дворец князя... (и) взяли его на штыки... Затем крестьяне, никого не боясь, начали дерзко делить землю»^[100].

Коалиционное Временное правительство в декларации от 8 июля пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Однако министру земледелия эсеру Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа^[101]. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «столыпинских раскольников» — хуторян. По мнению Т. Шанина, вообще вся «главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на «раскольников», т. е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы». Действительно, **только помещичья земля стала заканчиваться, крестьяне перешли к стихийному «раскулачиванию» хуторян и арендаторов**. Столыпинские хуторяне, вынужденные выбирать между обреченным поместным дворянством и многими миллионами крестьян, обычно долго не медлили^[102].

Например: в деревне Свищевка Саратовской губернии «владельцы мелких крестьянских хозяйств и хуторяне объединились и решили поддержать партию

социалистов-революционеров. Чтобы избежать споров из-за земли до созыва Учредительного собрания, они решили оставить каждому землю, которой тот владеет в настоящий момент, но тот, кто не в состоянии обрабатывать свой надел собственными силами, должен передать ее в коммуну с помощью земельного комитета»^[103]. Жители деревни Анастасино Аткарского уезда постановили: «все владельцы хуторов, узнали, что крупные землевладельцы и помещики создали союз для защиты своей частной собственности и для количества хотят привлечь в него нас, хуторян. Возмущенные наглостью части землевладельцев, заявляем, что мы, хуторяне, никогда не предадим наших несчастных безземельных братьев-крестьян и не вступим ни в какой союз с нашим общим врагом. Мы ждем Учредительного собрания, чтобы отдать наши земли членам коммуны, у которых нет своих хуторов. Мы не возражаем и никогда не возражали против превращения наших хуторов в коммуну»^[104].

В казачьих областях, в поисках земли, крестьяне приступили к «расказачиванию». Толчок этому дало Временное правительство: на майском Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массивной агитации за **расказачивание**^[105].

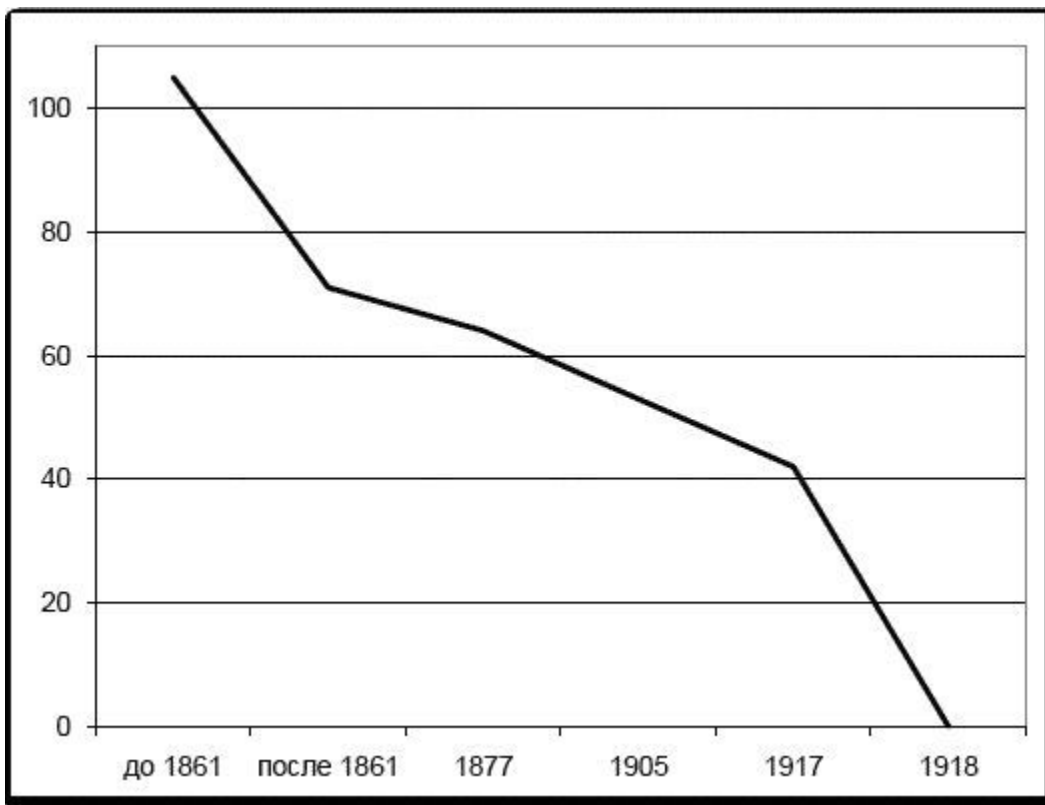
«Совет Союза казачьих частей, возглавлявшийся Дутовым, имел собственную аграрную программу с лозунгом «ни пяди казачьей земли крестьянам». Говоря более конкретно, — пояснял Чернов, — этот лозунг означал, что казачьи старшины, отделив рядовых казаков от остального крестьянства и раздувая вражду между казаками и «иногогородними», собирались не

только сохранить в неприкосновенности земельную собственность своих высших офицеров в целом, но и удерживать в своих руках прибыльное распоряжение незанятыми «военными землями», которые они сдавали в аренду»^[106].

Земельная казачья собственность начала появляться с середины 1840-х годов когда «донские казачьи офицеры вместо денежных пенсий начали получать участки земли, принадлежавшей Войску Донскому, сначала на пятнадцать лет, а затем пожизненно. Старшие офицеры получали по 200 десятин, высшие офицеры — по 400, отставные генералы — по 800, а действующие генералы — по 1600 десятин. «Казачьи старшины» предложили сделать эти пожизненные владения наследственными, и царское правительство согласилось»^[107].

Причина атаки крестьян на земли столыпинских хуторян и казаков заключалась в том, что помещичьей земли на всех просто не хватало. К 1917 г. в руках помещиков было всего около 40 млн. десятин земли, а количество «свободных крестьянских рук» превышало 15 млн. человек. И это не считая десятков миллионов малоземельных, которые тоже искали «свою землю». Но во всей огромной России на всех крестьян земли просто не было... И, как сообщал эсеровский официоз «Дело народа», уже «одно село идет на другое или из-за дележки, или из-за отказа идти громить»^[108].

Диаграмма № 1. Земля в помещичьем владении, млн. десятин^[109]

«9 августа Временное правительство, наконец, провело заседание, посвященное аграрному вопросу. Заслушав двухчасовой доклад В. Чернова, правительство не приняло никакого решения»^[110]. В ответ Чернов заявил: «Мы не можем ждать. Ответственность правительства в такой момент слишком велика. Предотвратите пожар и передайте землю под контроль земельных комитетов!» Только в середине октября новый министр земледелия С. Маслов представил урезанный законопроект «о регулировании земельных и аграрных отношений земельными комитетами»^[111].

Осенью 1917 г. восстания охватили более 20 губерний европейской части России. Здесь только в сентябре было разгромлено свыше 900 помещичьих имений^[112]. Главную причину крестьянского взрыва точно сформулировал комиссар «горячего» Козловского

уезда Тамбовской губернии: «Неопределенная земельная политика, породившая опасность, что землю крестьяне не получат»^[113]. Крестьянское движение накладывалась на **«обособленность крестьян в особое сословие, оторванность от интеллигенции...»**, - что придавало, по словам Н. Головина, — революционному процессу, происходившему в крестьянской среде, характер как бы обособленной **аграрной революции»**^[114].

«В крестьянской стране при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, **растет крестьянское восстание...**, - отмечал 29 сентября В. Ленин статье «Кризис назрел», — Официальные эсеры... **вынуждены** признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы крестьян»... Ясно само собою, что **если в крестьянской стране после семи месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к последней черте ... все симптомы указывают... именно на то, что общенациональный кризис назрел...**»^[115].

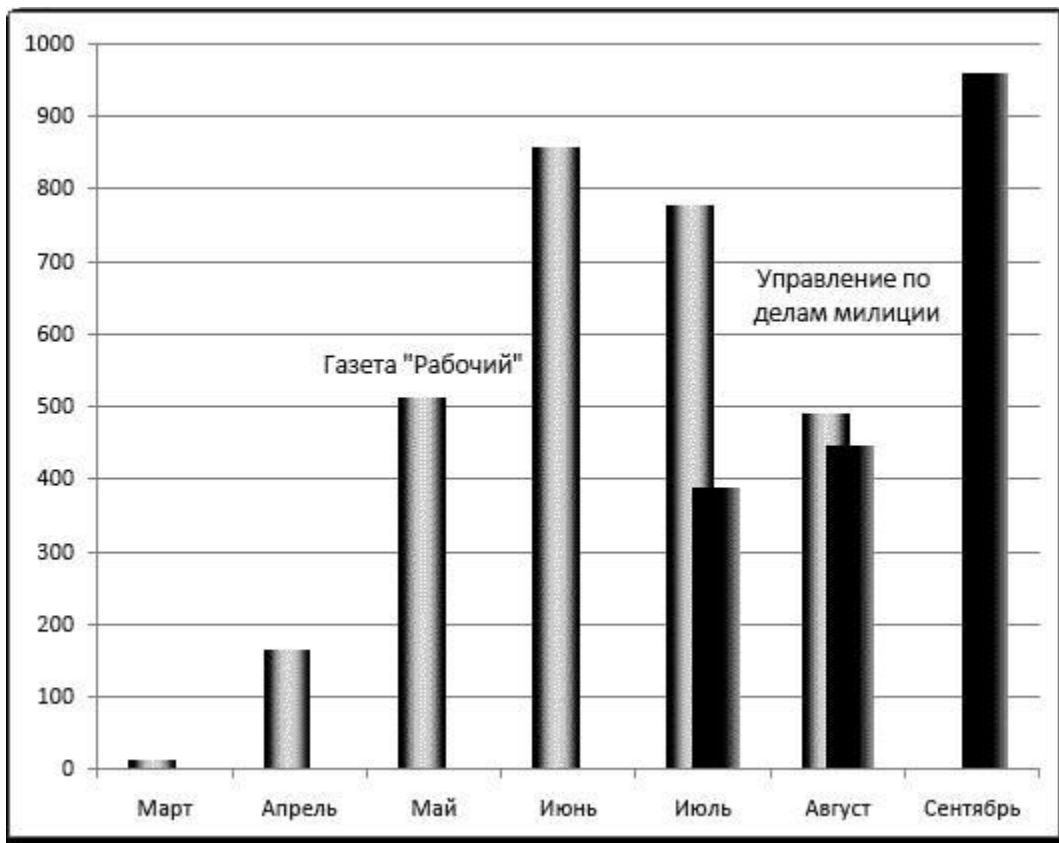
Данные Главного земельного комитета и Главного управления по делам милиции демонстрировали, что **«в октябре крестьянское движение поднимается уже на ступень войны»**^[116]. «Приблизительно подобный вывод делает и большая часть эмигрантской исторической литературы, почти так же оценивает положение подчас и обостренное восприятие современников», — отмечает Мельгунов. Он приводит

«непосредственное свидетельство одного из тех, кому пришлось играть роль «миротворца» в деревне» в то время, — эсера Климушкина». **Канун большевицкого переворота, по характеристике последнего, был периодом «погромного хаоса»**^[117].

Сам Мельгунов, опираясь на материалы о разгроме имений, по его словам, «единственной более или менее полной статистики аграрных волнений» Управления по делам милиции, опровергает подобные утверждения. По его мнению: «Материалы не дают никаких данных для утверждения, что перед болыневицким выступлением аграрное движение», приобрело массовый характер, хотя «действительность как будто бы подтверждала противоположное...»^[118].

Действительность обрисовывал сам управляющий Министерством внутренних дел Церетели, который в циркуляре губернским комиссарам констатировал явление полной деревенской анархии: «захваты, запашки чужих полей... племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубаются... Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасеянными, а посевы и сенокосы неубранными». **Министр... приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств «грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства»**^[119]. А данные того же Управления по делам милиции, прямо отмечали рост статистики свидетельствующей о «расползающейся по стране анархии»^[120].

Диаграмма № 2. Число крестьянских волнений, по данным газеты «Рабочий» и Управления по делам милиции^[121]

Наступившее (в июле-августе) некоторое успокоение, по словам Н. Головина, объяснялось приостановкой разложения армии после неудачи июльского наступления и «конечно... временем уборки хлебов, когда, как общее правило, крестьянские волнения временно затихают»^[122]. Наибольшее количество крестьянских выступлений, почти половина из всех по 12 районам, наблюдалось в 2-х — Центрально-черноземном и Средневолжском^[123].

В октябре число имений охваченных движением увеличилось на 43 % по сравнению с сентябрем^[124], «революционный пожар пылал уже вовсю в 22 губерниях, — по словам Головина, **Это была настоящая крестьянская война**»^[125]. Однако только непосредственная угроза большевистского выступления вынудила предпарламент 24 октября принять решение

о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса Учредительным собранием. В ночь на 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец на утверждение. Но было уже поздно...

«К октябрю 1917 г. в деревнях земля давно была взята и поделена. Догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации, — отмечал Деникин, — возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передавшей им земли «в порядке, имеющем быть установленным законом и без нарушения существующих норм землевладения»^[126]. Большевистский «Декрет о земле, провозгласивший, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», ограничился, по сути дела, узакониванием уже свершившегося факта стихийного захвата земли, который осуществлялся в деревнях с апреля 1917 г.^[127]

Работы!!!

Желаю, чтобы год укрепил всеобщее убеждение, что народная бедность есть корень всех бед. Революции производятся желудком. И наши события последних лет носили только внешнюю политическую окраску, коренились же они все в той же экономической подоплеке. (А. Гурьев, экономист, 1910 г.^[128]

Другая движущая сила революции уже сказала свое решающее слово в феврале 1917 г. Не случайно «верное заявленному лозунгу «социального мира», вынужденное считаться с силой революционного пролетариата, правительство прибегло к уступкам, широкообещательным обещаниям либеральных реформ

рабочего законодательства»^[129]. Уже 20 марта министр торговли и промышленности Коновалов, миллионер, владелец крупных подмосковных фабрик, поставил во главу своей программы... (создание) особого Министерства труда»^[130].

24 марта, по требованию Советов, Коновалов ввел (по соглашению рабочих с предпринимателями^[131] на петроградских заводах и фабриках 8 часовой рабочий день, предоставил автономию рабочим комитетам, начал вместе с представителями хозяев устраивать специальные арбитражные суды для разрешения производственных споров^[132]. Против 8 часового рабочего дня выступила не только буржуазия, но и солдаты, мотивировавшие тем, что они исполняют свой долг на фронте круглосуточно^[133]. Совет был вынужден разрешить работодателям с согласия фабричных комитетов увеличивать продолжительность рабочего дня с оплатой сверхурочных^[134].

Однако уже совсем скоро все социальные требования были отброшены в сторону, всё рабочее движение сконцентрировалось только на одной теме — повышении заработной платы. «Это был самый насущный вопрос для всей России...,- отмечал Чернов, — Для провинции он был еще важнее, чем для Петрограда; по оплате труда Петроград являлся оазисом в Сахаре первобытной эксплуатации»^[135]. «Отдельные забастовки успеха не приносили; там, где рабочие получали прибавку к зарплате, промышленники с лихвой компенсировали ее повышением цены на продукцию, поэтому рост цен постоянно превышал рост жалованья. Положение усугублялось продолжавшимся падением курса рубля...»^[136].

Проблема обозначилась еще в летом 1915 г., когда на совещании Совета министров ген. Рузский заговорил об условиях труда на петроградских фабриках:

«рабочие трудятся день и ночь и при этом страдают от высокой стоимости жизни; фабриканты не поднимают зарплату, в результате чего рабочие вынуждены работать сверхурочно, чтобы не голодать; этому вопросу нужно уделить самое серьезное внимание и принять срочные меры, иначе возможны забастовки и беспорядки; если это случится, то война будет безнадежно проиграна»^[137].

В октябре 1916 г. шеф Петроградского жандармского департамента в своем отчете указывал: «Экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 %, и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200 %, цены на все продукты возросли на 100–500 %»^[138].

«Требования более высокой заработной платы, — отвечали промышленники, — грозят поглотить весь промышленный капитал..., они, — по словам Чернова, — пыталась напугать Временное правительство предсказанием всеобщей убыточности и закрытия заводов... Не оставляя сомнений в том, что речь идет о локауте, Кутлер выложил карты на стол и сказал о том, что «рабочим нужно преподать урок», который положит конец их стремлению получить «привилегии за счет общества и национальной экономики в целом»^[139].

Общенационального локаута не получилось, но на локальном уровне в ответ на забастовки рабочих промышленники все чаще отвечали локаутами.

Однако рост заработной платы действительно все больше отставал от роста цен, что ставило рабочих и их семьи на грань выживания. О настроениях, царящих в среде рабочих в то время, свидетельствовал один из крупнейших российских промышленников П. Рябушинский: «чрезвычайно важным, очень печальным,

но заслуженным фактом входит вполне ясно определившаяся ненависть широких кругов населения к купцам и промышленникам. Причиной ее служит непомерная дороговизна, спекуляция и т. д.»^[140].

Высокие темпы роста цен поглощали и заработную плату рабочего, и прибыль капиталиста, они делали невозможным любое промышленное производство, и в вели к все большему раскручиванию маховика инфляции. «Мы попали в замкнутый круг, выйти из которого можно только с помощью энергичных мер правительства», — отмечал в те дни Чернов^[141].

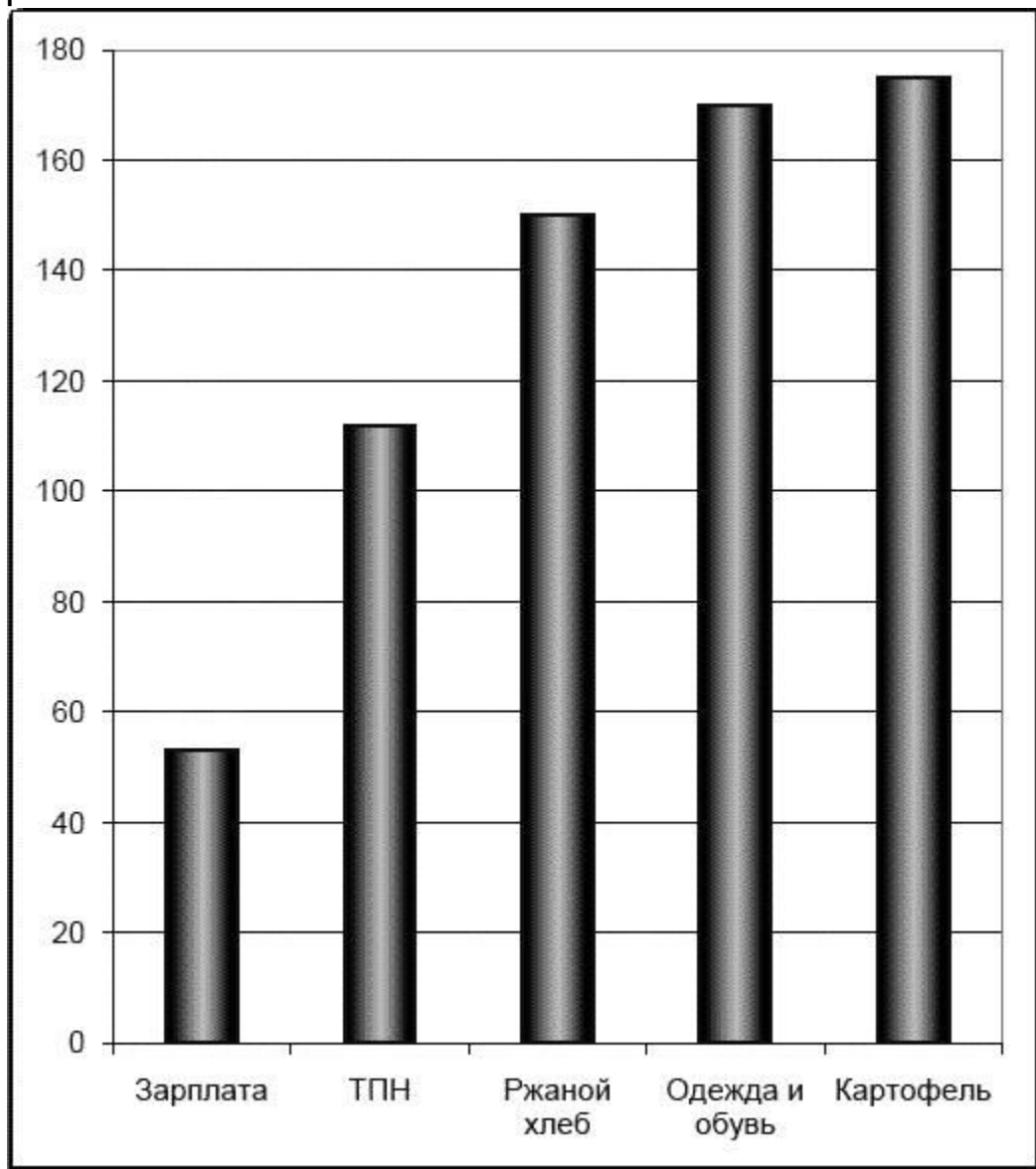
«Если мы хотим избежать дальнейшего падения пострадавшей от войны национальной экономики за счет забастовок и локаутов, — продолжал Чернов, — то должны ввести контроль над производством, ограничение прибыли и фиксацию заработной платы...»^[142].

Однако на требования социалистов о подчинении промышленности и экономики во время войны интересам государства либеральное Временное правительство ответило, что **«принципиально «не приемлет» государственное регулирование промышленности как меру слишкомсоциалистическую»**^[143].

С разъяснением английской политики в этом вопросе 14 июня перед московским биржевым комитетом выступил британский министр труда А. Гендерсон: «Вы должны знать, что вся промышленность, вся работа по снабжению армии взята английским правительством под строгий контроль... Интересы государства должны быть на первом месте. Не думайте, что это социализм... Это есть временная необходимость, ибо государство ведет сейчас войну...»^[144]. Введению «военного социализма» в

России, — отвечал Милюков, — препятствуют Советы, чьи настроения ведут к усилению чисто социалистических тенденций, а так же большевики, которые своим «рабочим контролем» по сути уже вводят социализм [\[145\]](#).

Диаграмма № 3. Рост заработной платы и цен с февраля по июль 1917 г. в % [\[146\]](#)

ТПН — товары первой необходимости.

К середине 1917 г. развал промышленности дошел до своей последней стадии — закрытия

предприятий и массовых увольнений. Уже в 1915 г. журнал «Вопросы страхования» подчеркивал, что «война усилила безработицу, число безработных достигло необычайных размеров». По подсчетам Л. Клейнборта количество безработных достигло численности 573 тыс. человек^[147]. Однако эти данные не представляли полной картины, по мнению специалистов, безработица приняла еще более угрожающие размеры^[148]. Рабочие оказывались на улице без средств к существованию и надежд на будущее.

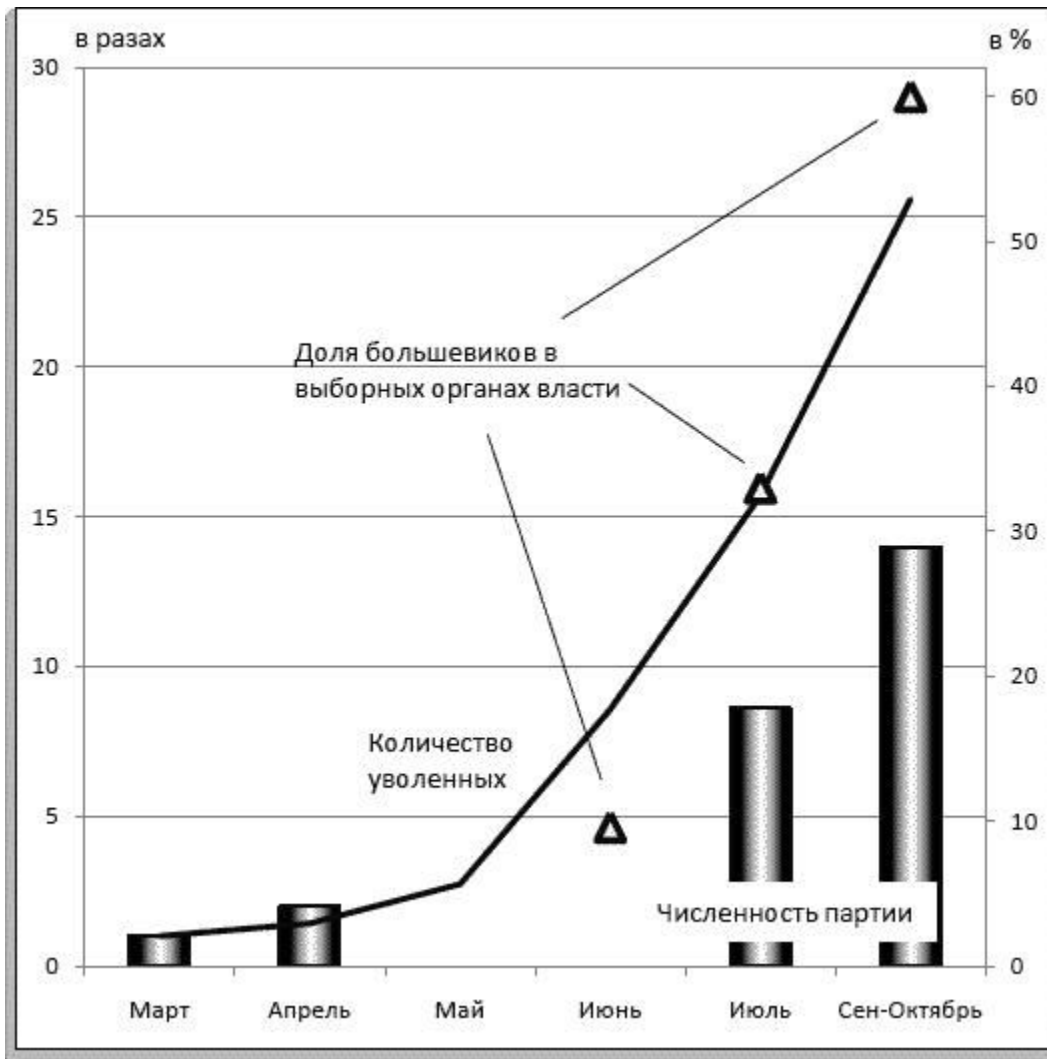
«Голодающие нередко деревня, потребляющая хлебные суррогаты, громящая продовольственные склады, и рост безработицы свидетельствуют о том бунтарском настроении, которое создалось в массах и которым должны были воспользоваться социальные прожектеры», — отмечал С. Мельгунов^[149]. Но что делать, если с голодом и растущей безработицей не могут справиться «социальные реалисты»?

Радикализация экономического положения неизбежно выдвигает на первый план радикальные партии, поскольку умеренные оказываются неспособны решить самых насущных проблем угрожающих существованию общества. Это объективный закон, диктуемый инстинктом коллективной борьбы за выживание. О степени радикализации экономической ситуации в 1917 г. наглядно свидетельствовал рост безработицы, который в полном соответствии с законами функционирования общества стимулировал рост влияния наиболее радикальных партий. Какая из них победит, правая или левая, при прочих равных условиях, определяется расстановкой общественных сил. В России в 1917 г. подавляющее большинство этих сил было за большевиков.

К июню 1917 г. было закрыто 20 % петроградских промышленных предприятий^[150]. Мельгунов приводил данные статистики отмечавшие «только в одном союзе металлистов северной столицы скачок числа безработных за первую неделю октября с 1832 до 5497»^[151]. По данным министерства торговли и промышленности с 1 марта по 1 августа по всей России было закрыто 568 предприятий, работы лишилось почти 105 тыс. человек^[152]. Локауты нередко объявлялись на предприятиях принадлежавших членам Временного правительства.

Большую известность получил случай с Ликинской мануфактурой (Орехово-Зуево), принадлежавшей государственному контролеру Временного правительства и одновременно председателю Московского военно-промышленного комитета Смирнову. Мануфактура на 78 % работавшая на оборону была закрыта владельцем, выбросив «на голод 4000 рабочих да солдаток 500, сюда нужно прибавить еще 3000 ни в чем не повинных детей». «Явление общее», с которым был бессилён бороться министр труда, для ликинских делегатов, — отмечал Мельгунов, — приобретало конкретные очертания, при которых лозунг «хлеба» становился доминирующим»^[153].

Диаграмма № 4. Рост количества: уволенных рабочих^[154] и численности партии большевиков^[155] (по отношению к марту), в разгах; доля большевиков в центральных выборных органах власти в 1917 г., в %^[156]

К Октябрю **деятельность Временного правительства**, отмечал историк П. Волобуев, **привела к тому, что «разруха расшатала самые основы капиталистического строя — современное материальное производство. Тем самым была подточена изнутри вся система русского капитализма, причем начала рушиться не только его высшая форма — государственно-монополистический капитализм, но и его основа — товарное производство»**. В этих условиях, констатировали американские исследователи, **«борьба рабочих России вышла за рамки обычного**

конфликта, характерного для западных стран, и привела к отрицанию всей системы ценностей буржуазного общества» [\[157\]](#).

Всего через месяц после прихода к власти, 11 декабря 1917 г. в тяжелейших условиях военной и революционной разрухи большевики приняли решение о «страховании на случай безработицы» [\[158\]](#), которое не могли принять ни царское, ни Временное правительства.

Франция приняла подобный закон уже в первые дни войны: «Правительству пришлось наскоро создать организацию... по страхованию от безработицы. Оказание быстрой помощи диктовалось необходимостью сохранения социального мира. 20 августа 1914 г. правительство создало национальный фонд для безработных...» [\[159\]](#). О. Бисмарк в этой связи замечал: «Сила революционеров не в идеях вождей, а в обещаниях удовлетворить хотя бы небольшую долю умеренных требований, своевременно нереализованных властью».

27 января 1918 г. Совнарком принял декрет об учреждении бирж труда (в царской России их было всего 5, Временное правительство открыло еще — 42). Большевиками к концу июня 1918 г. их было создано — 250 плюс 91 корреспондентский пункт. Для рабочих и служащих были введены карточки, защищавшие их от инфляции и спасавшие от голода. Но главное большевики осуществили мобилизацию промышленности, сохранив ее тем самым от окончательного уничтожения.

Денег!!!

Нельзя забывать, что мы находились в состоянии войны, для которой, как известно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. (Ген. С. Добровольский)^[160].

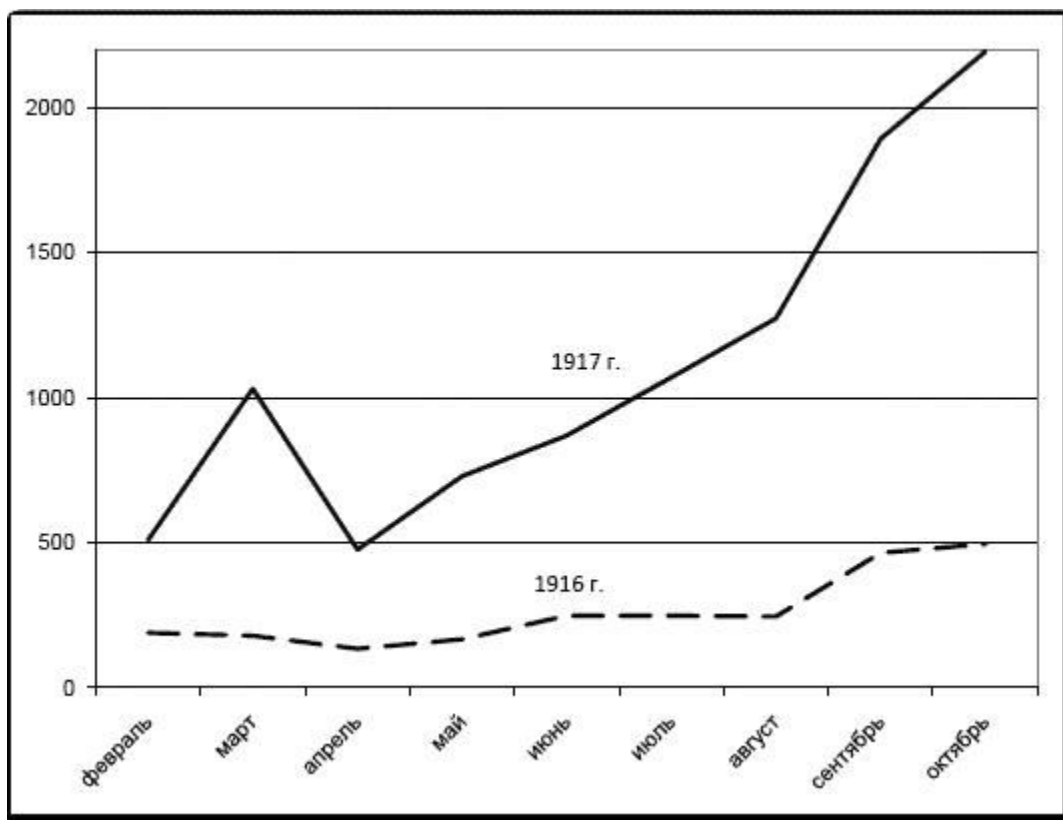
После февральской революции, отмечал П. Волобуев, «буржуазия вела себя как победитель и требовала от правительства соответствующих «лавров»: не обложения налогом военных прибылей, свободы эмиссии, неограниченного права приобретения недвижимости, облегчения порядка получения иностранной валюты»^[161]. И Временное правительство последовательно снимало все «недемократические» ограничения с рынка. Так, оно отменило политику царского правительства, направленную на ограничение спекуляции, что привело к резкому росту инфляции. Буржуазия выступила против попыток Временного правительства провести принудительный заем в своей среде, а сама, как и во время революции 1905 г., стала интенсивно выводить деньги за границу. «Бегство капиталов» служило для банков предметом валютных спекуляций и игры на понижение курса рубля.

«Темпы эмиссии за восемь месяцев работы Временного правительства оказались в 4 раза выше, чем при самодержавии»^[162].

Покупательная способность рубля, составлявшая накануне Февральской революции на внутреннем рынке 27 коп., понизилась к октябрю до 6–7 коп.^[163]

Количество бумажных денег по сравнению с началом войны увеличилось к 1 ноября 1917 г. в 12 раз^[164]. Денежная система России практически рассыпалась и над страной нависла угроза финансового краха.

Диаграмма № 5. Эмиссия кредитных билетов царским и Временным правительствами (в млн. руб.)^[165]

Деньги обесценивались, и страна переходила к натуральному товарообмену. Обещание Временного правительства облегчить бремя налогов «более справедливым распределением их»^[166] не выполнялось. Повышение уровня налогообложения капиталистов всячески оттягивалось, а введение в действие принятых 12 июня 1917 г. под угрозой народного выступления трех знаменитых налоговых законов (о единовременном налоге на доходы, о повышении ставок обложения по подоходному налогу и налоге на сверхприбыль) под мощным давлением буржуазных кругов было приостановлено^[167]. После этого население практически перестало платить налоги вообще. В результате даже военные расходы правительства стали покрываться почти на 80 % за счет денежной эмиссии. Остальная часть военных расходов в основном покрывалась поступлениями от военных займов^[168].

«Четыре сменявшихся один за другим министра финансов не могли ничего сделать, чтобы вывести страну из финансового тупика, — отмечал Деникин, — Ибо для этого нужно было или пробуждение чувства государственности в народной массе, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный удар гибельным, безгосударственным, эгоистичным стремлениям и той части буржуазии, которая строила свое благополучие на войне, разорении и крови народной, и той демократии, которая, по выражению Шингарева, «с такой суровостью, устами своих представителей в Государственной Думе, осуждала тот самый яд бумажных денег, который теперь полными чашами стала пить сама, — в момент, когда явилась почти хозяйном своей судьбы»^[169].

Редкое единодушие объединяло в оценке причин и последствий развала финансовой системы страны таких непримиримых противников, как Шингарев, Деникин и Ленин. Последний, выражая общее мнение отмечал: «Все признают, что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение сильнее всего именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы. И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эсерами и меньшевиками правительство Керенского»^[170]. Это утверждение можно принять за происки коммунистической пропаганды. Но классик рыночной экономики Дж. Кейнс по сути говорил то же самое.

В 1939 г. когда Англия вступала во Вторую мировую войну Дж. Кейнс писал: «Если военные расходы не будут полностью покрываться за счет сбора налогов (что невозможно практически), они частично могут быть покрыты за счет заимствований, которые являются формой отсрочки траты чьих-то денег. Этого не

избежать в случае роста цен, который, по сути, означает передачу заработка потребителей в руки класса капиталистов... только капиталисты, а не общество в целом, станут основными владельцами выросшего государственного долга — то есть, по сути, владельцами права тратить деньги по окончании войны»^[171]. Инфляция в отличие от долга позволяет, не дожидаясь конца войны, осуществить это перераспределение сразу и непосредственно.

«Рост заработной платы и объема бумажных денег привел к стремительной инфляции. Это было неизбежно в стране с примитивным казначейством и банковской системой, — отмечал английский историк Д. Киган, — Особенно разрушительно инфляция повлияла на сельскохозяйственное производство. Крупные землевладельцы продавали землю в обмен на производственные мощности, поскольку не могли позволить себе тройное увеличение заработной платы. В свою очередь, крестьяне, которые не желали или были не в состоянии платить высокую цену за промышленные товары, уходили с рынка зерна и возвращались к самообеспечению...»^[172].

Деникин обращал внимание еще на одну специфическую причину предопределившую кризис российской финансовой системы во время войны: «Главными недостатками нашего довоенного бюджета считаются базирование его на доходах от винной монополии (27 % доходов Госбюджета в 1912 г.) и почти полное отсутствие прямого обложения... Война и запрещение во время ее продажи спиртных напитков вывели совершенно наш бюджет из равновесия»^[173].

Обыкновенные доходы покрывали в 1915 г. только — 24 %, в 1916 г. — 22 %, а в 1917 г. -17 % расходов казны, дефицит покрывался за счет внутренних и внешних займов, а так же за счет краткосрочных 5-ти%

обязательств казначейства покупаемых Госбанком^[174]. Эти обязательства, по сути, являлись инструментом эмиссионного финансирования экономики. С начала Мировой войны по 1 июля 1917 г. поступило от выпуска займов внутренних — 11 млрд руб., внешних — 7,6 млрд, краткосрочных обязательств -14,3 млрд и т. п., всего 35 млрд руб.^[175] к Октябрю сумма долга в текущих ценах выросла до 41,6 млрд, в т. ч. внешнего до — 8,5 млрд^[176].

Отношение Временного правительства к государственным кредитам наглядно демонстрировали примеры из ежедневной практики русского агента во Франции А. Игнатьева: «Французский кредит открывал для наших новых правителей широкое поле деятельности. За те задачи, разрешение которых оказывалось не под силу генералам и министрам, взялась та широкая общественность, под которой... Временное правительство подразумевало не только земгусаров, но и таких поистине замечательных охотников до тощего русского кошелька, как братья Рябушинские и все иже с ними. Метод обращения..., был выработан простой: скрывая фирму и поставщика, предписывать мне переводить из Банк де Франс на частные банки..., круглые суммы под не существовавшие заказы... было даже трудно предвидеть, чем может окончиться эта финансовая вакханалия. Если в царское время государственная власть смотрела сквозь пальцы на мошеннические проделки дельцов типа пресловутого Митьки Рубинштейна, то теперь она в лице буржуазного Временного правительства попросту покорно исполняла приказы русских частных банков»^[177].

В России тем временем, как отмечал Вестник финансов: «Тревожная неустойчивость внутреннего и внешнего политического положения обусловила

сокрытие капиталов, некоторый перевод их за границу, помещение в движимости и недвижимости и сдержанности в подписке на военные займы»^[178]. Из обращения исчезли 100 и 1000 рублевые купюры, сумма вкладов в банках упала почти на 3/4^[179]. Бегство капиталов за границу приняло массовый характер. 5 июня Министерство финансов было вынуждено запретить денежные переводы за границу без своего разрешения. В августе 1917 г. Керенский, не смотря на получение крупного американского займа, был вынужден обнародовать программу изоляции от мировой экономики, включавшую, прекращение конвертации рубля, запрет на вывоз иностранной валюты, отмену коммерческой и банковской тайны. Однако все эти меры проводились недостаточно решительно и запреты легко обходились, в частности через Харбин, и Финляндию... или за счет вывоза золота. Министерство финансов в октябре отмечало недостаточность обычных таможенных мер для борьбы с этим злом^[180].

Английский посол летом 1917 г. с тревогой докладывал в Лондон: «Я все еще надеюсь, что Россия выдержит, хотя препятствия на ее пути, как военного, так и промышленного и финансового характера внушают сильнейшие опасения. Вопрос о том, откуда она возьмет денег для продолжения войны и для уплаты процентов по государственным долгам, меня очень заботит, и нам вместе с американцами придется вскоре столкнуться с тем обстоятельством, что мы должны будем в весьма значительной степени финансировать ее, если мы желаем, чтобы она выдержала зимнюю кампанию»^[181].

Союзники предоставили Временному правительству в 1917 г. 2,7 млрд. руб. кредитов. В частности по акту конгресса САСШ от 24 апреля 1917 г. — 450 млн. долл,

или примерно 3 млрд руб.^[182], что покрывало ~ 12 % всех расходов правительства^[183]. Фактический отпуск американских кредитов шел с 6 июля — по 20 ноября 1917 г. выбранная сумма кредита, составила 188 млн. долл. Кроме этого, во-первых, эти кредиты были даны России лишь под закупку американских товаров, а во-вторых к Октябрю 1917 г. из этих товаров в Россию еще **«не попало абсолютно ничего»**^[184].

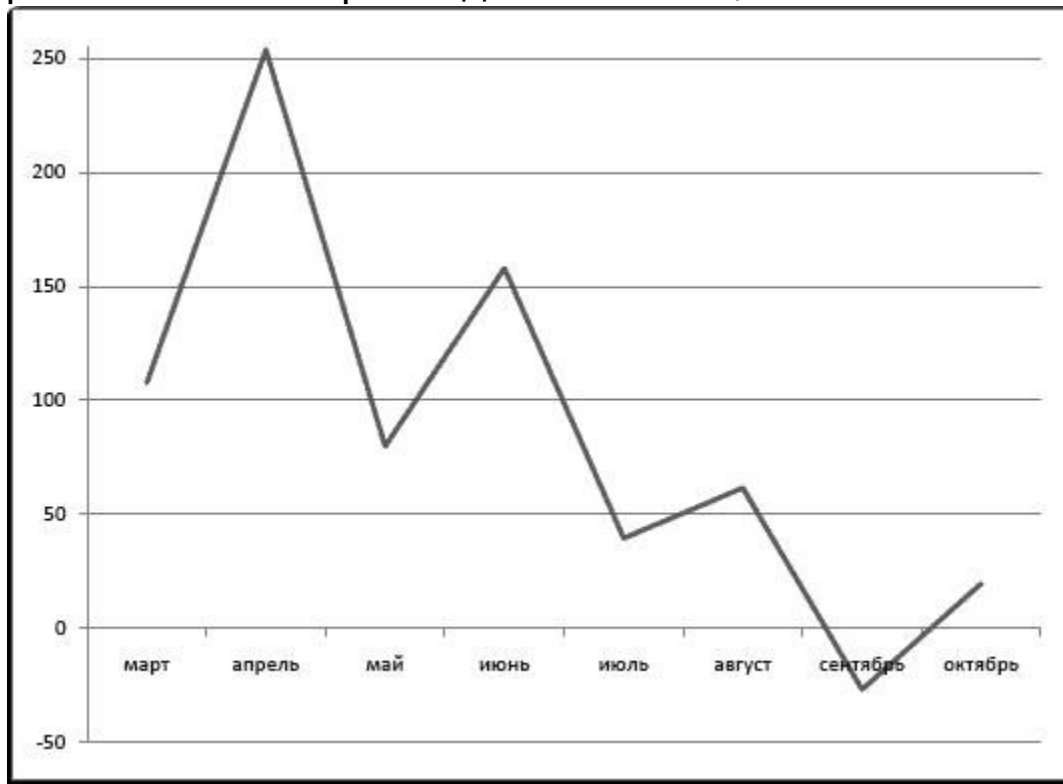
В августе 1917 г. Министерство иностранных дел сообщало: **«На покрытие ожидаемого к концу этого года перерасхода у казначейства пока средств не имеется».**

О какой сумме шла речь? — «Принимая во внимание, что реализация различных займов и другие финансовые комбинации дали за 3 года войны 15 млрд руб., получение ныне этой же суммы в остающиеся 6 месяцев является задачей исключительной трудности». Министерство требовало у своих зарубежных представителей усилить поиск иностранных кредитов «не для одного лишь покрытия наших расходов по заграничным заказам, но и для удовлетворения потребностей внутри страны»^[185].

Не смотря на все полученные займы, покрыть такой дефицит Временному правительству не удалось, оставалось одно — эмиссионное финансирование. За три выпуска краткосрочных обязательств Временное правительство заняло 8,2 млрд руб. — в текущих ценах больше, чем за все 3 предыдущих года войны^[186]. В результате если сумма военных расходов за 8 месяцев 3-11.1917 по отношению к 3-11. 1916 гг. выросла в 1,4 раза, то эмиссия — 4,3! Уже к сентябрю все военные расходы полностью покрывались за счет эмиссии, и это был конец — эффективность эмиссионного финансирования стала отрицательной. Больше денег на

продолжение войны, затраты на которую составляли почти 80 % всех расходов правительства, не было.

Диаграмма № 6. Эффективность эмиссионного покрытия военных расходов в 1917 г., в % [\[187\]](#)

Это было не просто банкротство правительства, это было банкротство всей экономики, всего государства, всей системы рационального рыночного хозяйства. Прекращение притока реальных денег вырывало из под него основу, на которой держится весь капитализм — капитал, в то же время галопирующая инфляция уничтожала все стимулы ведения рационального рыночного хозяйства, перекрывая уже не только прибыль, но и доходы предпринимателей.

Движущие силы 1917 г. отражали не только устремления крестьян, рабочих или достаточность капитала, но так же и армия в лице солдат, вчерашних крестьян, одевших солдатские шинели и грозных

царских генералов. За кем пойдут эти движущие силы, определяли в своей бескомпромиссной борьбе политические партии. А за всем этим стояли вековые полуфеодальные традиции русской истории, которые вступали в непримиримый конфликт с эпохой наступавшего капитализма. Именно эти силы определяли причины и исход Русской революции и именно их анализу посвящена книга В. Галина «1917 г. Движущие силы истории», вышедшей в серии к «100-летию Русской революции», одна из глав которой легла в основу настоящей статьи.

notes

Примечания

1

ЦИК — Центральный исполнительный комитет
Советов рабочих и солдатских депутатов

2

Русское бюро — та часть ЦК РСДРП(б), которая занималась работой в России.

З

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, орган, сформированный Первым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (3-24 июня 1917 г.).

4

После корниловского мятежа решено было с кадетами и прочими буржуазными партиями дела не иметь.

«Правду» постоянно закрывали, и после каждого закрытия ее начинали выпускать под новым названием. В то время она называлась «Рабочий путь».

6

Орган, порожденный Демократическим совещанием, на который оно переложило вопрос о формировании правительства.

Рабинович А. Большевики приходят к власти.
Революция 1917 года. <http://scepsis.m>. Глава 13.

В то время просвещение являлось одним из ключевых направлений работы.

Троцкий Л. Воспоминания об октябрьском перевороте, <http://www.magister.msk.ru>.

Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958.
С. 66-67.

Кстати, юнкера образца 1917 года — это вовсе не безусые мальчишки из офицерских училищ, а слушатели школ прапорщиков — ускоренных офицерских курсов для фронтовиков из нижних чинов.

12

Не стоит забывать, что в России в 1914 году был объявлен «сухой закон».

Цит. По: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Глава 15.

Александр Верховский — последний военный министр Временного правительства. Выступал за заключение мира с Германией, однако не был поддержан. 21 октября был уволен в двухнедельный отпуск и выехал на Валаам.

У меня есть подозрение, что Ленин попросту *достал* товарищей по партии, потому-то они и старались держать его подальше от себя.

Кстати, а где была в это время Крупская? Почему не рядом с мужем? Чем она занималась? И вообще — а что мы знаем о ее политических взглядах, предпочтениях и пр.? Она ведь была Ленину не только женой, но и товарищем по партии.

17

Альтернативный официальной версии рассказ анархиста Федора Другова о штурме Зимнего дворца можно прочесть в приложении.

Председатель Санкт-Петербургского КГИОП Вера Дементьева рассказывала, что ее дед, революционный матрос, всю историческую ночь вместе с несколькими товарищами провел у импровизированной баррикады в проходе между Зимним дворцом и Эрмитажем с приказом: в музей никого не пускать. Вообще никого.

19

Ну, или хотя бы не обгадит перед потомками в средствах массовой информации.

Как это не хотели? А Лазимир тогда кто?

Скорее всего, речь идет о дневном заседании Петросовета, на котором Троцкий объявил Временное правительство низложенным.

Возможно, воспитанники юнкерских училищ там тоже были. Кого еще и гнать на выручку непопулярного правительства, как не детей...

23

Министр земледелия Временного правительства,
эсер.

Земцов Б.Н. Становление советского государственного механизма. // Известия Томского политехнического университета. — . 2014 год. Т. 324. № 6.

Суханов Н. Н. «Записки о революции». Том 2. — М. 1991., - С. 20-23.

Суханов Н. Н. «Записки о революции». Том 2. — М. 1991., - С. 142.

Рабинович А. «Большевики приходят к власти». — М. 1989. — С. 84.

Рабинович А. «Большевики приходят к власти». — М. 1989. — С. 219.

Рабинович А. «Большевики приходят к власти». — М. 1989. — С. 222.

Попова О. Г. Левые эсеры и формирование советской государственности / О. Г. Попова, М. И. Люхудзаев // Проблемы истории России. — Екатеринбург., 1998. — Вып. 2: Опыт государственного строительства XV-XX вв. — С. 126.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. — М., 1993., - С. 75.

Заяц Н. Российское офицерство в период революции и Гражданской войны. //http://scepsis.net.

Островский Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность?. // Из глубины веков (Альманах). Выпуск 2. — Спб., 1993.

Сам Вебер писал об историческом фоне революционного процесса в России: «Власть в течение столетий и в последнее время делала всё возможное, чтобы ещё больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти...было глубоко укоренено исторически ещё в московском государстве, точно так же как и община».

В русской науке тогда очень сильны были те, кто работал в «науке становления» — Д. И. Менделеев, Н. И. Вавилов, школы аэродинамики, горения. После Октября Ленин подключил этот огромный культурный ресурс к творчеству, которое подспудно шло в массах. Вырваться из той ямы, в которой оказалась тогда Россия — почти чудо. Сегодня объективно материальных ресурсов гораздо больше, а веет безысходностью.

Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. А. А. — М., 1988. — С. 16.

Филеп-Миллер Р. Святой дьявол. — Спб., 1994., - С. 77.

А.А. Пистолькорс — сестра А. Вырубовой, жена камер-юнкера.

Старшая Головина, секретарь Распутина.

Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. — М.
1993. — С. 274.

41

Berliner Lokal Anzeiger. 28 февраля 1914 г.

Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. — М.
1993. — С. 274.

43

ГАРФ, Ф. 612, оп.1,д. 27. Л 3.

Лемке М. 250 дней в царской ставке. — Петербург, 1920. — С. 298.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7371. Л. 36-40 (об.).

Nenezic Z. Masoni u Jugoslaviji. - Beograd, 1984, - C. 304.

Nenezic Z. Masoni u Jugoslaviji. - Beograd, 1984, - C. 325.

Горький — В.Г. Короленко. 14 января 1917 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: 2004. Т. 12. — С. 102

Гиппиус, 2004, С. 597- 598

Гиппиус, 1990, с. 212-213

Гиппиус, 2004, с. 419

Гиппиус, 2004, с. 476

Вайнберг, 1990, с. 8

Столыпин П. А. Речи 1906-1911. — Нью-Йорк: 1990, с. 149-150.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 годах, т.1 — М. 2011, - С. 321.

Менделеев Д. И. К познанию России. — СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1907.

Maslov Sergej. Agrarni Revoluce v Rusku. Praha, 1928, р. 15, 41 (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 322.).

Семнюта Ц. Из воспоминаний об А. И. Желябове //
Былое, 04.1906.

Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: т. 1. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. - 800 с. — С. 252

Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: т. 2. — Ми: Харвест, М: АСТ, 2001. - 800 с. 254, 255.

«Воспоминания», II, с. 114-116.

Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: т. 2. — Ми: Харвест, М: АСТ, 2001. - 800 с. 252-253.

Качаровский К. Р. Русская община. СПб., 1906. Цит. по Латов Ю.В. Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Каблиц И.И. Основы народничества — СПб. 1872-1873. Экономика русской цивилизации. Сост. О.А.Платонов — М.: Родник 1995 (210, 211).

Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем. 1872-1887.
М., 1987. С. 399.

Вихляев П. А. Право на землю. М., 1906. С. 33–34.
Цит. по Латов Ю.В. Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Цит. по: Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999, С. 140-141.

Салтыков А. А. Голодная смерть под фирмой дополнительного надела (К критике аграрного вопроса). СПб., 1906. С. 200. Цит. по Латов Ю.В. Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 267-268. Цит. по Латов Ю.В. Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Вико Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. 1725. — М. — Киев. REFL-book, — ИСА. 1994. - 656 с., с. 67, 69. Примечательно, что цитируемая книга Вико Джамбаттиста была издана на русском языке всего один раз в... 1940 г., Переиздана в 1994 г.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М: 1957. С. 419.

Чернов В... с. 178.

Пешехонов А. В. О предотвращении анархии в сфере земельных отношений // Дело народа. 1917. 23 марта (Чернов В... с. 178-179).

Каценельбаум Ц. С. Финансовая система земельной реформы // русские ведомости. 1917. № 123, 130 (Чернов В... с. 239).

Чернов В... с. 239-240.

Каценельбаум Ц. С. Финансовая система земельной реформы // Русские ведомости. 1917. № 123, 130 (Чернов В... с. 240).

Чернов В... с. 240.

1917 год в деревне. М.: Госиздат, б.г., с. 193-194
(Чернов В... с. 240).

Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. — М.: 1979
с. 134.

Чернов В... с. 179.

Чернов В... с. 179.

22 кадета, 2 эсеров и 1 трудовика (Чернов В... с. 179).

Чернов В... с. 222.

Чернов В... с. 222-223.

Деникин А. И... т. 1, с. 146-147. См. подробнее:
Чернов В... с. 222-223.

Чернов В... с. 246-247.

Чернов В... с. 225-226.

Интересна в этой связи реакция ген. Э. Людендорфа, который после захвата немецкими войсками Курляндии оказался в сходной ситуации. Первым делом он «запретил продажу недвижимости, чтобы сохранить в дальнейшем возможность правильной аграрной и колонизационной политики и прекратить спекуляцию землей». (Людендорф Э..., с. 204.).

Наш голос (газета Самарской организации РСДРП), 2 июня 1917 г. (Чернов В... с. 181).

Н. Верт. ЧКК..., с. 72-73.

Пришвин М.М. Дневники 1914-1917 гг. Книга первая. — М.: Московский рабочий, 1991.- 432 с., с. 309, 15 июня.

Чернов В... с. 244.

Чернов В... с. 238-239.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М: 1957, с. 419.

Чернов В... с. 231-232.

Чернов В... с. 237.

Чернов В... с. 237.

Чернов В... с. 248.

1917 год в деревне. М.: Госиздат, б.г., с. 174 (Чернов В... с. 249).

100

1917 год в деревне. М.: Госиздат, б.г., с. 174 (Чернов В... с. 249).

Чернов В... с. 225-226.

Чернов В... с. 242.

Земля и воля, 5 октября 1917 г. (Чернов В... с. 242).

Земля и воля, 14 апреля 1917 г. (Чернов В... с. 242-243).

Деникин А. И... т. 1, с. 325, примечание.

Чернов В... с. 322-323.

Чернов В... с. 323, примечание автора.

«Дело народа» 18 сентября (Цит. по: Милюков П.Н. История..., с. 565).

Отчет VII Всероссийскому съезду (Деникин А. И... т. 1, с. 147).

Лутохин Л. Земельный вопрос в деятельности
Временного правительства // Записки Института
изучения России. Т. 2, с. 361 (Чернов В... с. 237).

Чернов В... с. 239.

Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. — М.: 1979 с. 734.

Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общациональный кризис. — М.: 1961 с. 487.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 320.

Часть статьи была опубликована в газете «Рабочий путь» 20.10, другая — предназначалась только «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов» (так в тексте. — *Сост.*), так как в ней рассматривалась тактика подготовки восстания доказывалась необходимость его организации до созыва съезда Советов. Ленин В.И. ПСС. — М., 1977, Т 34, с. 272-283. (Хрестоматия..., с. 401-402.).

Мартынов. Главный земельный комитет. Красный Архив, XIV; Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 204).

Аграрное движение в 1917 г. / Воля России, 1925, кн. VI (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 204).

Ленин В.И. Собр. соч. Т. XIV, кн. II, 1924 (Сводки Главного управления по делам милиции (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 210).

Деникин А. И... т. 1, с. 149.

Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 206).

Построено на базе данных: Март — июль — Газета «Рабочий» 7 сентября (25 августа) 1917. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг., т. 1. — М.: Айрис-пресс, 2011. - 560 с., с. 112). Август — по Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг., т. 1. — М.: Айрис-пресс, 2011. - 560 с., с. 113; Август — Сентябрь — Данные Управления по делам милиции (Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 206)). (Крестьянские восстания 1917... Лист 1).

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг., т. 1. -М.: Айрис-пресс, 2011. - 560 с., с. 113.

Шестаков А. В..., с. 142-143. (Крестьянские выступления Шестаков 1917... Лист 1).

Гражданская война 1918-1921 гг. Т.1.— М.: Военный вестник. 1928, с. 14. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 226).

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 321.

Деникин А. И... т. 1, с. 159-161.

Н. Верт. ЧКК..., с. 77.

Александр Гурьев пожелание на Новый год. Огонек № 1. 1910 (Огонек № 1-2, 19 января 2015, с. 53).

Судьбы..., с. 229.

Керенский А. Русская революция..., с. 117-118.

Чернов В..., с. 135.

Керенский А. Русская революция..., с. 118.

См. подробнее Чернов В..., с. 130-133.

Чернов В..., с. 135.

Чернов В... с. 209.

136

Чернов В... с. 210.

Выступление ген. Рузского 10 августа 1915 г. Архив русской революции. Т. 18, с. 66 (Чернов В... с. 209-210).

Буржуазия накануне Февральской революции..., с.
131. <http://elib.shpl.ru>

Чернов В... с. 205.

Петров Ю.А..., с. 99.

141

Чернов В... с. 210.

Чернов В... с. 376-377.

143

Новая Жизнь 1917. 25 апр. (Судьбы..., с. 229).

Милюков П.Н. История..., с. 165.

См.: Милюков П.И. История..., с. 96, 167; См. то же:
Чернов В... с. 204.

146

Данные Московской биржи труда. (Чернов В..., с. 210). (Рост цен 1917... Лист 1).

Клейнборт Л. М. История безработицы в России 1857-1919 гг. — М.: 1925. с. 113. (Население..., т. 1, с. 247.)

Население..., т. 1, с. 247.

Мельгунов С. Как большевики..., с. 62.

Деникин А. И... т. 1, с. 160.

Мельгунов С. Как большевики..., с. 62.

Самойлова К.Н. Современная безработица и борьба с нею. — Пг. 1918. (Население..., т. 1., с. 247.).

Мельгунов С. Как большевики..., с. 62.

Отсутствие данных не позволяет прямо оценить рост безработицы, однако косвенно о нем можно судить по накопительному росту количества уволенных рабочих с первого месяца революции. Уволенных только вследствие закрытия предприятий. Составлено на основании данных: Деникин А. И... т. 1, с. 160. Самойлова К.Н. Современная безработица и борьба с нею. — Пг. 1918. с. 8.); Исаев А.Н. Безработица в СССР и борьба с нею. (1917-1924 гг.). -М.: 1924. (Население..., т. 1., с. 247.) (Unimploement Rus 1917... Лист 1).

Составлено на основании данных: Авторханов А. Технология власти. — М.: Слово, 1991 — 638 с. с. 331.; Кара-Мурза С..., с. 139; История..., с. 180, 188.

Доля большевиков: 3 июня I-й Всероссийский съезд Советов — 9,6 %; 26 июня — выборы в московские районные думы — 11 %; август — в Петроградскую думу — 34 %; сентябрь — в московские районные думы — 51 %; 25 октября — II-й Всероссийский съезд Советов — 60 %. (Мельгунов С. Как большевики..., с. 190; Милюков П.Н. История..., с. 539). Петроградский Совет 2 марта — 19 %, 25 сентября — 90 %.

Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? с. 31, 149. (Судьбы..., с. 220-226.)

СУ РСФСР. 1917. Отд. 1. № 8. Ст. 111. Население..., т. 1, с. 247.

Пуанкаре Р..., с. 736, прим.

Добровольский С.Ц..., с.126.

Волобуев П.В... (Судьбы..., с. 229).

Волобуев П.В..., с. 356. См. так же цифры: Выступление министра финансов Временного правительства Н. Некрасова на Московском государственном совещании 14 августа. (Милюков П.Н. История..., с. 325).

Волобуев П.В..., с. 360.

Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции 1914-1921 гг. (Волобуев П.В..., с. 361.).

Данные Министерства Финансов. (Волобуев П.В..., с. 356.) Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В.Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева. См. так же: Статистический сборник за 1913-1917 гг. (Выпуск второй) Труды Центрального Статистического Управления том VII, выпуск 2, Москва, 1922 <http://istmat.info>.

166

Вестник Временного правительства. 11.03.1917.
(Судьбы..., с. 229).

Судьбы...

Прокопович С.Н. Указ. Соч. с. 121. (Волобуев П.В..., с. 358).

Деникин А. И. (I)...., с. 170.

Ленин В.И. Соч. т. 25. стр. 328.

Keynes, J.M...,P. 376.

Киган Д..., с. 425-426.

Деникин А. И. (I)...., с. 167.

До войны основанием для выпуска кредитных билетов служил золотой запас Госбанка. См. подробнее (Сидоров А.Л..., с. 140-150; Волобуев П.В..., с. 356).

Телеграмма Министерства иностранных дел послан в Париже, Лондоне и Вашингтоне о финансовом положении России и финансовой политике правительства. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М.-Л.: 1957 С. 376-378. АВПР, ф. Канцелярии, д. 99, лл. 631-655. Копия, <http://istmat.info>.

Погребинский А. Н..., с. 236, 263.

Игнатъев..., с. 474-475.

Мукосеев. Вестник финансов, 1917, № 38, стр. 332.

Прокопович С.Н. стр. 113.

Дневник Дж. Бьюкенена, 15.08.1917. (Бьюкенен Дж... с. 321).

Расчитано по курсу лета 1917 г. на базе: Статистический сборник за 1913-1917 гг. (Выпуск второй) Труды Центрального Статистического Управления том VII, выпуск 2, Москва, 1922, с. 96. <http://istmat.info>.

Рассчитано на базе: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) Издание ЦСУ. Москва. 1925, с. 5.
<http://istmat.info>.

М.М. Литвинов — А.А. Трояновскому 14.03.1934
(Советско-американские отношения 1934-1939..., с. 58).

Телеграмма Министерства иностранных дел послан в Париже, Лондоне и Вашингтоне о финансовом положении России и финансовой политике правительства. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М.-Л.: 1957 С. 376-378. АВПР, ф. Канцелярии, д. 99, лл. 631-655. Копия. <http://istmat.info>.

Экономическое положение России... ч.2 стр. 384.
док. 541.

Рассчитано на основании данных: Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М.-Л.: 1957 С. 382-387 ЦГАОР, ф. 2281, оп. 1, д. 30, лл. 24-27. Гектогр. Декабрь 1918 г. <http://istmat.info>; Данные по эмиссии: Министерства Финансов. (Волобуев П.В..., с. 356.) Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В.Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева. (Доходы и Расходы госбюджета в 1917 г..., Лист 2, 4).